

New York Times Bestseller

Орудия Смерти

Книга пятая

ГОРОД ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

КАССАНДРА КЛЭР

Мировая известность пришла к Кассандре Клэр после выхода ее первой книги «Город костей», возглавлявшей список бестселлеров на протяжении двух с половиной лет. Ее книги, покорившие миллионы читателей, переведены на десятки языков, а первый роман даже был экранизирован.

Новый долгожданный роман Кассандры Клэр продолжает захватывающую историю о Сумеречных охотниках, бесстрашных воинах, которые стоят на страже жизни людей и помогают им в борьбе со злом.

С пятой книгой вам предстоит увлекательное приключение в самое сердце Тьмы вслед за юной Клэри Фрей. Затеяв опасную игру, девушка решается бросить вызов Раю и Аду, чтобы спасти своего возлюбленного Джейса. Ведь теперь Джейс – верный слуга Тьмы и неразрывно связан с Себастьяном, намеренным поставить Сумеречных охотников на колени. Только Клэри и семья Джейса считают, что его можно вернуть и что будущее Сумеречных охотников зависит от этого спасения. Юная героиня готова на все ради Джейса, даже если цена, которую придется заплатить за любовь, будет слишком высока.

- [Кассандра Клэр](#)
  -
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть первая](#)
    - [1. Последний Совет](#)
    - [2. Шипы](#)
    - [3. Злые ангелы](#)
    - [4. Бессмертие](#)
    - [5. Сын Валентина](#)
    - [6. Ни одно оружие на свете](#)
    - [7. Перемена погоды](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [8. Огонь закаляет золото](#)
    - [9. Железные сестры](#)
    - [10. Дикая охота](#)
    - [11. Все грехи](#)
    - [12. Небесный материал](#)
    - [13. «Костяная люстра»](#)
    - [14. Как пепел](#)
    - [15. Магдалина](#)
    - [16. Братья и сестры](#)
    - [17. Прощание](#)
  - [Часть третья](#)
    - [18. Разиэль](#)
    - [19. Любовь и кровь](#)
    - [20. Дверь во тьму](#)
    - [21. Адова бойня](#)

- [Эпилог](#)
    - [Примечания](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
-

Кассандра Клэр

Город потерянных душ

The Mortal Instruments Trilogy 5: City of Lost Souls – Copyright © Cassandra Claire, LLC This edition published by arrangement with Barry Goldblatt Literary LLC and Synopsis Literary Agency

Illustration copyright © Cliff Nielsen

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Для Нао, Тима, Дэвида и Бена

*Никто не избирает зло потому, что это зло.
Люди лишь ошибаются, принимая его за счастье,
За то благо, которое они ищут.*

Мэри Уолстонкрафт

Саймон стоял у двери своего дома и смотрел на нее. Другого дома он не знал. Именно сюда привезли его родители, когда он родился. Здесь, на Бруклин-роуд, он и вырос. Летом играл под сенью деревьев во дворе, а зимой сооружал санки из крышек мусорных баков. Здесь его семья сидела, соблюдая обряд шива^[1], когда умер отец. Здесь он впервые поцеловал Клэри. И он даже представить не мог, что однажды дверь этого дома окажется для него закрытой. В последний раз, когда он видел мать, она назвала его чудовищем и молилась, чтобы он поскорее ушел. Саймон не знал, как долго продержатся чары, при помощи которых он на время заставил ее забыть, что ее сын – вампир. Теперь, стоя на холодном осеннем воздухе, он понимал, что их действие закончилось.

Дверь была покрыта знаками: на ней был выгравирован Хай, символ жизни, и густыми мазками краски нанесены звезды Давида^[2]. На дверной ручке и колотушке висели филактерии^[3]. Хамса^[4], «рука Бога», прикры вала дверной глазок.

Саймон машинально притронулся к металлической мезузе^[5], прикрепленной с правой стороны дверного проема, и увидел облачко дыма в том месте, где рука соприкоснулась со священным предметом. Но он не почувствовал боли – лишь ужасающую пустоту, которую сменяла холодная ярость.

Он пнул дверь и услышал, как по дому разносится эхо от удара.

– Мама! – крикнул он. – Мама, это я!

Раздался лишь щелчок дверного засова. Чуткий слух позволил ему расслышать шаги матери и ее дыхание – она молчала, но даже сквозь дерево он чувствовал ее страх.

– Мам! – Его голос дрогнул. – Мам, это смешно! Впусти меня! Это я, Саймон!

Дверь затряслась так, словно мать в свою очередь пнула ее.

– Уйди! – рявкнула она. От ужаса ее голос было не узнать. – Убийца!

– Я не убиваю людей. Я же говорил, что пью кровь животных!

Саймон прислонил голову к двери. Он знал, что мог бы вышибить ее пинком, но что толку?

– Ты убил моего сына. Убил и подменил его чудовищем, – сказала мать.

– Я и есть твой сын...

– У тебя его лицо и его голос, но ты – не он! Ты не Саймон! – Она почти сорвалась на крик. – Убирайся из моего дома, покуда я тебя не убила, чудовище!

– Бекки! – крикнул Саймон. Лицо его было мокрым. Он дотронулся до него и запачкал руки кровавыми слезами. – Мама, что ты сказала Бекки?

– Держись подальше от сестры.

Саймон услышал, как в доме раздался грохот, словно что-то уронили.

– Мама! – хрипло прошептал он, так как у него не было сил кричать. Рука пульсировала. – Мама, Бекки там? Я должен знать это. Мам, открой дверь! Пожалуйста!

– Держись подальше от Бекки.

Он услышал, как мать отходит от двери. Потом раздался скрежет отворяющейся кухонной двери, который нельзя было спутать ни с чем, и шаги матери закрипели по линолеуму, потом выдвинулся ящик комода. Саймон вдруг представил, как мать хватается за нож. *Покуда я тебя не убила, чудовище!* По его спине прошла дрожь. Если она нападет на него, подействует Метка. Она уничтожит ее так же, как уничтожила Лилит. Он опустил руку и медленно пошел назад. Спотыкаясь, спустился по ступенькам и прошел по тротуару к одному из больших деревьев, бросавших густую тень. Затем бросил взгляд на дверь своего дома, изуродованную символами ненависти, которую мать испытывала к нему.

Нет, напомнил он себе. Она ненавидела не его. Он для нее умер. Ненавидела она несуществующее чудовище. *Но я не тот, кем ей кажусь.*

Он мог бы стоять еще долго, но в кармане пальто завибрировал телефон. Саймон машинально потянулся к нему и заметил, что орнамент передней стороны мезузы – сцепленные звезды Давида – отпечатались на ладони. Взяв телефон другой рукой, он поднес его к уху:

– Алло.

– Саймон? Ты где?

Это была Клэри. Она говорила так, словно запыхалась.

– Я дома... – Он осекся. – То есть... около дома мамы. – Собственный голос казался ему глухим и далеким. – Ты почему не в Институте? Все в порядке?

– Ну... После того как ты ушел, Мариза вернулась с крыши, где должен был ждать Джейс. Там никого не было.

Не до конца понимая, что делает, двигаясь, как механическая кукла, Саймон зашагал к станции метро.

– В каком смысле – никого не было?

– Джейс пропал. И Себастьян тоже, – сказала Клэри, и он почувствовал в ее голосе напряжение.

Слова Клэри заставили его остановиться.

– Но Себастьян умер. Он мертв, Клэри.

– Тогда объясни, куда исчезло тело. Его там не было, – сказала она, и голос ее наконец дрогнул. – Там вообще ничего не было, кроме крови и битого стекла. Они пропали, Саймон. Джейс пропал...

Часть первая

Нет другого злого духа

Любовь – домовой, любовь – дьявол: нет другого злого духа, кроме любви.

Уильям Шекспир, «Бесплодные усилия любви» (Перевод М. Кузмина)

1. Последний Совет

Две недели спустя

– Долго еще ждать вердикта? – спросила Клэри.

Она не знала, сколько времени прошло, но ей казалось, что часов десять. В спальне Изабель, выдержанной в черном и ярко-розовом цвете, не было часов, только горы одежды, стопки книг, куча оружия, несметное количество косметики, грязные кисточки для туши и открытые шкафчики, доверху наполненные кружевным бельем, тонкими колготками и боа из перьев. Комната была похожа на гримерную в кабаре, но за последние две недели Клэри провела среди этого сверкающего беспорядка так много времени, что уже успела к нему привыкнуть.

Изабель стояла у окна, держа Чёрча на руках, и рассеянно поглаживала круглую голову кота; кот глядел на нее зловещими желтыми глазами. За окном бушевала ноябрьская гроза, дождь оставлял на окнах длинные прозрачные полосы.

– Недолго, минут пять, – медленно произнесла Изабель. Без макияжа она выглядела моложе своих лет, ее черные глаза казались больше, чем обычно.

Клэри сидела на кровати меж кипой журналов и гремющей кучей клинков серафимов. В горле скопилась неприятная горечь. *Я вернусь. Через пять минут.* Последнее, что она успела сказать тому, кого любила больше всех на свете. Теперь она наверняка уже никогда ничего ему не скажет.

Клэри отчетливо помнила те мгновения. Оранжерея на крыше, хрустальная осенняя ночь, льдисто-белые звезды на черном небе. Брусчатка, испещренная черными рунами в пятнах крови. Губы Джейса, касающиеся ее губ, – единственный островок тепла в содрогающемся от холода мире. Цепочка с кольцом Моргенштернов обвивала ее шею. Их любовь двигала всем – солнцем и звездами. Лифт унес ее вниз, в полумрак, и она обернулась. Глаза искали Джейса. Внизу Клэри присоединилась к остальным и обняла маму, здесь же были Люк и Саймон. Но какая-то частичка ее души осталась на крыше с Джейсом и парила высоко над сверкающим холодными электрическими огнями городом.

Мариза и Кадир зашли в лифт, чтобы подняться на крышу, где их должен был ждать Джейс, и взглянуть на то, что осталось после ритуала Лилит. Еще через десять минут Мариза вернулась одна. Когда двери лифта открылись и Клэри увидела ее лицо – бледное, безумное, – она все поняла.

То, что произошло потом, было похоже на сон. Толпа Сумеречных охотников бросилась к Маризе; Алек отошел от Магнуса, Изабель вскочила. Мягкие белые всполохи света, похожие на вспышки фотокамер, снимающих место преступления, осветили комнату – клинки серафимов пронзали мрак. Клэри слышала обрывки рассказа Маризы. *Оранжерея пуста. Джейса нет. Стекланный гроб, где лежал Себастьян, разбит, повсюду осколки. С пьедестала, на котором стоял гроб, стекает свежая кровь.*

Сумеречные охотники решили рассеяться и обыскать окрестности здания. Магнус повернулся к Клэри и спросил, нет ли у нее с собой какой-нибудь вещи Джейса, на которую можно было бы наложить заклятие поиска. Руки колдуна искрились голубым светом. Оцепенев, она протянула ему кольцо Моргенштернов и отошла за угол, чтобы позвонить Саймону. Едва она захлопнула телефон, как раздался голос кого-то из Сумеречных охотников, звучавший громче остальных.

– Заклятие поиска? Оно работает, только если он жив. Но там столько крови, что я сомневаюсь в этом.

Это стало последней каплей. Клэри почувствовала, как у нее подгибаются ноги. Мать

подхватила ее, не дав упасть. Потом все вокруг расплылось темным пятном. Очнулась она на следующее утро, сидя в кровати в доме Люка. Сердце бешено колотилось. Она была уверена, что ей приснился кошмар, но синяки на руках и ногах и отсутствие кольца свидетельствовали об обратном.

Выбравшись из постели и быстро натянув джинсы, Клэри прошла в гостиную, где с мрачными лицами сидели Джослин, Люк и Саймон. Все было очевидно, но она все же спросила:

– Его нашли? Он вернулся?

Джослин встала:

– Нет, дорогая, пока не нашли.

– Но ведь он не умер? Тела ведь не нашли? – Она рухнула на диван рядом с Саймоном. – Нет, не умер. Иначе я бы *знала*.

Пока Люк рассказывал, что удалось выяснить, Саймон держал ее за руку. Джейс пропал, и Себастьян – тоже. Плохие новости заключались в том, что кровь на пьедестале принадлежала Джейсу. Хорошие – крови было меньше, чем казалось на первый взгляд, ее разбавила вода из гроба. Это давало надежду на то, что Джейс выжил.

– Но что там произошло? – взволнованно спросила она.

– Никто не знает... – Люк покачал головой, его голубые глаза помрачнели.

Клэри показалось, что вместо крови по ее венам струится ледяная вода.

– Я хочу помочь! Сделать что-нибудь! Джейс пропал, мне нельзя сидеть сложа руки!

– На твоём месте я бы об этом не беспокоилась, – мрачно сказала Джослин. – Совет хочет выслушать тебя.

Клэри встала. Невидимый лед, сковавший суставы и сухожилия, треснул.

– Ладно. Если они найдут Джейса, я им все расскажу.

– Ты им и так все расскажешь, потому что у них есть Меч смерти! – В голосе Джослин слышалось отчаяние. – Ох, милая! Мне так жаль.

На протяжении двух недель Клэри неоднократно давала показания, и было привлечено немало свидетелей. Теперь она сидела в спальне Изабель и ждала, когда Совет решит ее судьбу. Воспоминания о том, как она держала в руках Меч смерти, не покидали ее. В кожу словно впивались крошечные рыболовные крючки, вытягивая из нее правду. Стоя на коленях в Круге Говорящих звезд, она слышала, как ее собственный голос рассказывает Совету все: как Валентин вызвал ангела Разиэля, как она перехватила у него власть над ангелом, написав на песке свое имя вместо имени Валентина. Она рассказала им и то, что ангел предложил ей исполнить одно желание, и она попросила, чтобы он воскресил Джейса; что Лилит поработила Джейса и хотела использовать кровь Саймона, чтобы оживить Себастьяна, брата Клэри, которого считала своим сыном; что Метка Каина убила Лилит; что им казалось, будто Себастьян тоже мертв и угрозы не представляет.

Клэри вздохнула и открыла телефон, чтобы узнать время.

– Они уже час там сидят. Это нормально или дурной знак?

Изабель бросила Чёрча, и кот возмущенно взвизгнул. Потом подошла к кровати и села рядом с Клэри. Теперь она казалась еще стройнее, чем обычно. Как и Клэри, Изабель за последние две недели сильно похудела, но в черном трико и сером обтягивающем топике оставалась, как всегда, элегантной. Глаза девушки были перемазаны тушью, но даже в таком виде она напоминала французскую кинозвезду.

Изабель потрясла руками, и браслеты с рунами мелодично зазвенели.

– Нет, это вовсе не дурной знак, – ответила она. – Просто им есть о чем поговорить... – Она покрутила кольцо Лайтвудов на пальце. – Все будет хорошо. Ты не нарушила закон. Это главное.

Клэри вздохнула. Тепло, исходившее от плеча Изабель, не могло растопить лед в ее венах. Она и сама знала, что не нарушила закон, но понимала, что Совет злится на нее. По закону Сумеречный охотник не имеет права воскрешать мертвых. Хотя на призванного ангела закон и не распространялся, просьба оживить Джейса была такой дерзкой, что об этом надо было помалкивать. Она и помалкивала, но члены Совета обо всем узнали и пришли в бешенство. Клэри понимала, что ее хотят наказать за последствия ее решения, которые были катастрофическими. Ей и самой хотелось, чтобы ее наказали: переломали кости, вырвали ногти, позволили Безмолвным братьям исполосовать мозг острыми, как клинки, мыслями. Она была готова на сделку с дьяволом, согласилась бы вытерпеть любую боль, лишь бы Джейса вернули ей живым. Тогда она перестала бы винить себя в том, что бросила его на крыше. И Изабель, и остальные уже сто раз говорили ей, что это смешно: они все ошибались, посчитав, что на крыше Джейсу ничего не угрожает, и если бы Клэри осталась там, то тоже пропала бы.

– Перестань, – произнесла Изабель.

Клэри не сразу поняла, к кому она обращалась – к ней или к коту. Чёрч делал то же, что и всегда, когда его бросали на пол, – лежал на спине, подняв все четыре лапы в воздух, и притворялся мертвым, чтобы пристыдить хозяйку. Но когда Изабель смахнула с лица черные локоны и посмотрела на нее, Клэри поняла, что обращается она все-таки к ней.

– Что перестать?

– Перестань думать об ужасах, которые могли бы случиться с тобой просто потому, что ты жива, а Джейс... пропал... – Голос Изабель дрогнул. – Перестань желать, чтобы с тобой произошло что-то кошмарное!

Изабель никогда не говорила, что Джейс умер или что «он ушел от нас», – они с Алеком отказывались признавать, что такое возможно. И она ни разу не упрекнула Клэри в том, что та хранила страшную тайну. Она всегда оставалась ее верной защитницей. Каждый день, встречая Клэри у дверей зала, где заседал Совет, она брала ее за руку и вела мимо перешептывавшихся Сумеречных охотников, бросавших на них косые взгляды. Клэри была благодарна ей, но сильно озадачена ее поведением. Они с Изабель никогда не были особенно близки, и обе предпочитали общаться с мальчиками. Но теперь Изабель ни на минуту не оставляла ее одну.

– Это не дает мне покоя, – сказала Клэри. – Если бы мне позволили присоединиться к патрульной группе... или сделать хоть что-нибудь, все было бы иначе.

– Не знаю, – устало ответила Изабель. В последние две недели они с Алеком вымотались от беспрестанных поисков, длившихся по шестнадцать часов каждый день. – Иногда мне кажется, что все это совершенно бессмысленно, – добавила она.

Клэри снова охватила ледяная дрожь.

– Ты думаешь, Джейс мертв...

– Нет. Но он вряд ли до сих пор в Нью-Йорке.

– Но ведь в других городах его тоже ищут?

Клэри машинально дотронулась до шеи, забыв, что на цепочке больше не было кольца Моргенштернов. Магнус все еще безуспешно пытался найти Джейса при помощи заклятия поиска.

– Разумеется. – Изабель с любопытством коснулась миниатюрного серебряного колокольчика, который теперь висел на цепочке вместо кольца. – А что это такое?

Клэри смутилась. Колокольчик – подарок от Королевы фей. Нет, не так. Королева фей не дарит подарков. Колокольчик нужен, чтобы Клэри могла дать Королеве фей сигнал, если ей вдруг понадобится ее помощь. Шло время, следов Джейса не было, и Клэри поймала себя на том, что тянется к колокольчику все чаще. Ее останавливало лишь то, что она понимала: Королева фей ничего не отдает даром и за помощь наверняка придется заплатить ужасную цену.

Прежде чем она успела ответить на вопрос Изабель, дверь распахнулась. Обе девушки напряглись. Клэри вцепилась в розовые подушки с такой силой, что ей в ладони впились украшавшие их стразы.

– Привет!

В комнату вошел Алек, старший брат Изабель; на нем были распахнутая черная мантия, расшитая серебряными рунами – такую носили члены Совета, – а под ней обычные джинсы и черная футболка с длинными рукавами. Из-за обилия черного его бледная кожа казалась еще бледнее, а яркие голубые глаза – еще голубее. Такие же черные и прямые, как у сестры, волосы Алека были коротко подстрижены.

Губы Алека сжимались в тонкую полосу. Сердце Клэри забилося быстрее. Он явно был чем-то недоволен. Но... с какими бы вестями он ни пришел, ничего хорошего ждать не приходилось.

Первой заговорила Изабель.

– Ну, как все прошло? – тихо спросила она. – Какое решение приняли?

Алек отодвинул стул, стоявший у туалетного столика, и сел на него верхом, не потрудившись повернуть.

– Клэри, – сказал он. – Джия Пенхоллоу вынесла вердикт. Ты не виновна. Ты не нарушила закон. И Джия считает, что ты уже понесла заслуженное наказание.

Изабель шумно выдохнула и улыбнулась. Чувство облегчения на мгновение пробило корку льда, сковавшего Клэри. Ее не собирались наказывать, запирали в Городе безмолвия, отправлять туда, откуда она уже не смогла бы помочь Джейсу. Люк, представлявший на Совете оборотней, обещал позвонить Джослин, как только решение будет вынесено, но Клэри все равно потянулась к своему телефону: искушение сообщить матери хорошую новость было слишком велико.

– Клэри, – произнес Алек, когда она открыла телефон. – Подожди.

Клэри взглянула на него. По-прежнему серьезен, как гробовщик. Внезапно встревожившись, она положила телефон на кровать:

– Что, Алек?

– Заседание затянулось надолго не из-за вынесения вердикта. Они еще кое-что обсуждали.

Лед снова сковал Клэри.

– Джейса?

– Не совсем. – Алек наклонился вперед, сложив руки на спинке стула. – Рано утром пришло сообщение из Института в Москве. Барьер на острове Врангеля вчера пробили. Туда направили ремонтную бригаду, но это важный барьер, а брешь в нем слишком долго оставалась открытой. Теперь это экстренный вопрос.

Барьерами, которые представлялись Клэри чем-то вроде магических заборов, окружило Землю первое поколение Сумеречных охотников, чтобы защитить ее от проникновения демонов. Демоны все же могли преодолеть барьеры, но давалось им это нелегко, и пока масштабных вторжений не было.

Она вспомнила, как Джейс рассказывал ей, что раньше демоны вторгались небольшими группами и с этой проблемой можно было справиться. Но затем число демонов, проникавших сквозь барьеры, стало стремительно расти.

– Это плохо, конечно, – сказала Клэри. – Но какое отношение это имеет...

– У Совета свои приоритеты, – перебил Алек. – В последние две недели основное внимание уделялось поискам Джейса и Себастьяна. Обыскали все людные места Нижнего мира – их нет. Заклятия поиска Магнуса не работают. Элоди, женщина, вырастившая настоящего Себастьяна Верлака, подтвердила, что с ней никто на связь не выходил. Да и вряд ли они попытались бы сделать это. Донесений о подозрительной активности членов старого Круга Валентина не было. А Безмолвные братья так и не выяснили, с какой целью Лилит проводила свой ритуал и удалось

ли ей завершить его. Все сошлись на том, что Джейса похитил Себастьян – они называют его Джонатаном, – но это не новость.

– И? – спросила Изабель. – Что это значит? Поиски будут вестись активнее?

Алек покачал головой.

– Нет, – тихо сказал он. – Наоборот. Поиски не будут сворачивать, но, откровенно говоря, для Совета они отошли на второй план. Прошло две недели, но никаких результатов нет. Поисковые группы, присланные из Идриса, возвращаются обратно. Сейчас для Совета важнее всего барьер. Кроме того, они ведут сложные переговоры и собираются переписать законы. Ожидается реорганизация Совета, будут назначены новые Консул и Инквизитор. Они собираются разобраться с жителями Нижнего мира и не хотят, чтобы их отвлекали от дел.

Клэри посмотрела на него с недоумением:

– Они считают, что исчезновение Джейса отвлекло их от переписывания глупых древних законов? Они собираются все бросить и сдаться?

– Они не сдались...

– Алек, – резко одернула его Изабель.

Алек вздохнул и закрыл лицо руками. Пальцы у него были длинными, как у Джейса, и тоже в шрамах. На тыльной стороне правой руки виднелась Метка Сумеречного охотника – Глаз.

– Клэри, для тебя – для нас – важнее всего всегда поиски Джейса. Но Совет ищет прежде всего Себастьяна. И Джейса тоже, но в первую очередь – Себастьяна. Он опасен. Он уничтожил барьеры, защищающие Аликанте. На его счету множество жертв. Джейс...

– Джейс всего лишь обычный Сумеречный охотник, – произнесла Изабель. – Кто-то из охотников постоянно пропадает без вести.

– Ну, допустим, он не совсем обычный, а герой Смертельной войны, – сказал Алек. – И Совет ясно дал понять: поиски будут продолжаться. Сейчас они ждут следующего шага Себастьяна. А пока Себастьян не даст о себе знать, они хотят, чтобы мы вернулись к нормальной жизни.

К нормальной жизни? Клэри не могла в это поверить. К нормальной жизни без Джейса?

– То же самое они говорили, когда погиб Макс, – сказала Изабель. Ее темные глаза пылали гневом. – Они говорили, что мы быстрее оправимся от горя, если вернемся к нормальной жизни.

– Они думают, что это хороший совет, – заметил Алек.

– Скажи это отцу. Он вернулся из Идриса, чтобы присутствовать на Совете?

Алек покачал головой, опуская руки:

– Нет. Если это тебя утешит, многие члены Совета высказались за то, чтобы не сворачивать поиски Джейса. Магнус, разумеется, Люк, Джия Пенхоллоу, даже брат Захария. Но этого все же оказалось недостаточно.

Клэри пристально смотрела на него.

– Алек, – сказала она. – Ты ничего не чувствуешь?

Голубые глаза Алека расширились и потемнели, и на мгновение Клэри вспомнила вечно сердитого мальчишку с обкусанными ногтями и дырами в свитере, ненавидевшего ее, когда она впервые появилась в Институте.

– Я знаю, что ты расстроена, Клэри, – сказал он резко, – но если ты думаешь, что мы с Из меньше беспокоимся о Джейсе, чем ты...

– Да нет же, – перебила Клэри. – Я о вашей связи. Я читала о заклятии парабатай в Кодексе. Я знаю, что вы – парабатаи, и это связывает вас. Ты чувствуешь некоторые вещи, связанные с Джейсом. То, что помогает вам в сражении. Та к вот... я к чему... ты не чувствуешь, жив он или нет?

– Клэри, – взволнованно проговорила Изабель, – я думала, ты не...

– Он жив, – осторожно произнес Алек. – Думаете, если бы он умер, я был бы так спокоен? Но с ним что-то не так. Я не знаю что именно. Могу только сказать, что он все еще дышит.

– Может быть, он в плену? – предположила Клэри.

Алек отвернулся к окну:

– Может быть. Я никогда раньше не чувствовал ничего подобного. Я не могу объяснить это ощущение. Но он жив, я в этом уверен.

– Тогда к черту Совет. Мы сами найдем его, – решительно произнесла Клэри.

– Клэри... если бы мы могли... тебе не кажется, что мы бы уже... – начал Алек.

– Раньше мы выполняли приказы Совета, – сказала Изабель. – Искали, патрулировали территорию. Но есть и другие способы.

– Ты имеешь в виду противозаконные способы? – спросил Алек.

Клэри надеялась, что он не станет вспоминать девиз Сумеречных охотников, которого они придерживались всегда, когда речь заходила о законе: *Dura lex, sed lex* – закон суров, но это закон. Она бы этого не вынесла.

– Когда в Идрисе устраивали фейерверк, фрейлина Королевы фей передала мне подарок от своей повелительницы, – сказала Клэри. Сердце замерло от воспоминаний, и она замолчала, чтобы отдышаться. – Теперь у меня есть способ связаться с ней.

– Королева фей ничего не дает даром.

– Я знаю. Но что бы она ни попросила, я отдам свой долг.

Клэри вспомнила слова феи, которая протянула ей колокольчик.

Ты пошла бы на все, чтобы спасти его? Отдала бы все, о чем попросят, в аду или в раю, разве не так?

– Вы пойдете со мной? Я плохо понимаю язык фей, и с вами не вляпаюсь во что-нибудь совсем уж ужасное. Но если Королева хоть чем-нибудь может помочь...

– Я пойду, – тут же сказала Изабель.

Алек мрачно взглянул на сестру:

– С феями мы уже беседовали – Совет допросил их. А врать они не умеют.

– Совет спросил, не знают ли они, где Джейс и Себастьян. Но они не спрашивали, согласны ли феи поискать их, – сказала Клэри. – Королева фей знала о моем отце, знала и об ангеле, которого он призвал и поймал в ловушку, а еще она знала правду о нашем с Джейсом происхождении. Не думаю, что в мире есть что-то, о чем ей неизвестно.

– Это так, – сказала Изабель, слегка оживившись. – Алек, ты же знаешь, чтобы услышать от фей то, что хочешь, им нужно задать точный вопрос. Да, они всегда говорят правду, но допрашивать их очень сложно. А вот дар фей – это уже другое дело.

– Ну да, и он может оказаться невероятно опасным, – сказал Алек. – Если бы Джейс узнал, что я отпустил Клэри к Королеве фей, он бы...

– Мне все равно. Он и сам встретился бы с ней ради меня, разве нет? Ну, если бы я пропала...

– Да уж, он спалил бы весь мир, а потом выкопал бы тебя из пепла, – устало произнес Алек. – Думаете, мне самому не хочется сейчас спалить весь мир? Я всего лишь пытаюсь вести себя как...

– Как старший брат. Это я уже поняла, – сказала Изабель.

Алек пытался взять ситуацию под свой контроль:

– Если бы что-то произошло с тобой, Изабель, после того как Макс и Джейс...

Девушка встала, подошла к брату и, обняв его, стала что-то шептать ему на ухо. Их темные волосы сплелись. Клэри наблюдала за ними с легкой завистью. Ей всегда хотелось иметь брата. И он у нее был. Себастьян. Но она хотела щенка, а ей подарили адского пса – вот на что это было

похоже.

Алек с любовью потрепал сестру по волосам и кивнул.

– Мы все пойдем с тобой. Но сначала надо предупредить Магнуса, – сказал он.

– Возьми мой телефон, – предложила Изабель, протянув ему старую розовую трубку.

Алек мотнул головой:

– Он ждет внизу вместе с остальными. Люку тоже придется что-то сказать, Клэри. Он наверняка думает, что ты вернешься домой вместе с ним. Он говорит, твоя мама страдает из-за того, что случилось.

– Она винит себя в том, что Себастьян... такой. Сама она много лет считала, что он умер, – сказала Клэри.

– Она не виновата. – И Изабель сняла со стены золоченый кнут и обернула его вокруг запястья так, что он стал похож на колечки золотых браслетов.

– Когда человек винит себя сам, ему все равно, считают ли его виноватым другие, – сказал Алек.

Втроем они молча прошли по коридорам Института, в которых теперь встречалось на удивление много Сумеречных охотников, присланных из Идриса. На Алека, Изабель и Клэри они смотрели без малейшего любопытства. Впрочем, Клэри вынесла немало косых взглядов и так часто слышала «дочь Валентина» за спиной, что ей уже было все равно, как на них смотрят.

Они спустились вниз на лифте. Неф освещался не только свечами, но и колдовским огнем. Всюду толпились члены Совета с семьями. Люк и Магнус сидели на скамье и разговаривали. Рядом с Люком сидела высокая голубоглазая женщина, похожая на него как две капли воды. Волосы ее были выкрашены в каштановый цвет и искусно завиты, но Клэри все же узнала сестру Люка, Амалис. При виде Алека Магнус встал и направился к нему; Изабель увидела знакомого на дальней скамейке и побежала в ту сторону, не сказав ни слова остальным. Клэри отправилась к Люку и Амалис; у обоих был усталый вид, Амалис сочувственно хлопала Люка по плечу. Увидев Клэри, Люк встал и обнял ее. Амалис поздравила ее с тем, что Совет снял с нее обвинения, и Клэри кивнула. На вопросы она отвечала машинально.

Краем глаза она увидела, как Алек на секунду прильнул к Магнусу. Она была рада видеть их счастливыми, но в то же время ей было больно. Будет ли теперь в ее жизни что-то подобное? Она вспомнила слова Джейса: *«Мне никто, кроме тебя, не нужен»*.

– Клэри, домой не собираешься? – сказал Люк. – Маме не терпится тебя увидеть, да и с Амалис она не прочь повидаться, перед тем как та отправится в Идрис. Я думал, мы поужинаем. Ресторан выбирай сама.

Он пытался скрыть беспокойство в голосе, и Клэри понимала причины этого беспокойства. В последнее время она мало ела, и одежда на ней болталась.

– Не хочется мне праздновать, когда Совет признался, что поиски Джейса никого больше не интересуют.

– Но, Клэри, это же не означает, что они перестанут его искать, – сказал Люк.

– Я знаю. Но... все это звучит так, будто спасательная операция превращается в операцию по поиску трупа. – Она сглотнула. – Ладно. Я собиралась в «Таки», поужинаю с Изабель и Алеком. Просто захотелось заняться чем-то... нормальным.

Амалис прищурилась и посмотрела на дверь:

– Там льет как из ведра.

Клэри растянула губы в улыбке; ей стало интересно, насколько фальшиво ее улыбка выглядит со стороны.

– Ничего, не растаю.

Люк протянул ей несколько свернутых купюр:

– Только обещай, что будешь есть.

– Ладно.

Чувствуя себя виноватой, она отвернулась.

Магнуса и Алека уже не было видно. Посмотрев по сторонам, Клэри увидела в толпе Изабель. Та стояла у больших двойных дверей Института и разговаривала с кем-то, кого Клэри разглядеть не могла. Она направилась в ее сторону и, подойдя ближе, к своему удивлению, узнала Алину Пенхоллоу. У Алины были блестящие черные волосы и стильная стрижка до плеч. Рядом с ней стояла стройная девушка с золотистыми кудрявыми волосами, убранными назад так, что были видны заостренные кончики ушей. Одета она была в мантию Совета. Подойдя еще ближе, Клэри разглядела необычные сине-зеленые глаза незнакомки, и ей впервые за две недели захотелось взять в руки карандаш.

– Наверное, здорово, когда твоя мама – Консул, – услышала Клэри голос Изабель. – Не то чтобы Джия так уж лучше... Привет, Клэри. Алина, помнишь Клэри?

Девушки обменялись кивками. Клэри однажды видела, как Алина целует Джейса. Наблюдать за этим было больно, но воспоминание больше не беспокоило ее. Сейчас она бы обрадовалась, увидев, как Джейс целуется с другой. Это означало бы только то, что он жив.

– А это *девушка* Алины, Хелен Блэкторн, – сказала Изабель, подчеркнув слово «девушка».

Клэри бросила на подругу сердитый взгляд. Неужели Изабель принимает ее за идиотку? Кроме того, она помнила, как Алина объясняла ей, что решила поцеловать Джейса в качестве эксперимента – хотела узнать, привлекают ли ее мальчики. Ответ, судя по всему, был отрицательным.

– Семья Хелен управляет Институтом в Лос-Анджелесе. Хелен, это Клэри Фрэй.

– Дочь Валентина? – Хелен была удивлена.

– Я стараюсь об этом не думать, – поморщилась Клэри.

– Прости. Я тебя понимаю. – Хелен покраснела. Ее бледная кожа слегка отливала перламутром. – Я проголосовала за то, чтобы поиски Джейса продолжались. Мне жаль, что нас меньшинство.

– Спасибо. – Клэри повернулась к Алине, пытаясь сменить тему: – Я слышала, твою маму избрали Консулом. Поздравляю. Наверное, это большая радость для вас.

Алина пожалала плечами:

– Теперь у нее будет больше работы. – Она повернулась к Изабель: – А ты знала, что твой папа баллотируется на пост Инквизитора?

Клэри почувствовала, как Изабель замерла.

– Нет, не знала.

– Я и сама удивилась, – добавила Алина, – думала, ему нравится работа главы Института... – Она замолчала и посмотрела за спину Клэри. – Хелен, по-моему, твой брат вознамерился сделать самую большую в мире лужу растопленного воска. Не хочешь его остановить?

Хелен вздохнула, пробормотала что-то о двенадцатилетних оболтусах и исчезла в толпе. К ним подошел Алек. Он обнял Алину, и Клэри сразу вспомнила, что Пенхоллоу и Лайтвуды дружили много лет.

– Это твоя девушка была? – спросил Алек.

– Хелен Блэкторн, – кивнула Алина.

– Я слышал, в ее роду есть кровь фей...

Ага, подумала Клэри, теперь понятно, почему у нее такие ушки. Кровь нефилимов всегда сильнее, и дети фей и Сумеречных охотников становятся Сумеречными охотниками, но даже самое дальнее родство с феями может проявиться самым неожиданным образом.

– Да, немного. Слушай, Алек, спасибо, – сказала Алина.

– За что? – обескураженно спросил Алек.

– За то, что ты сделал в Зале соглашений. За то, что поцеловал Магнуса. Это подтолкнуло меня рассказать обо всем своим родителям. Если бы я не сделала этого, то не смогла бы признаться в любви Хелен, когда встретила ее.

– А! – Алек был поражен, ему и в голову не приходило, что его поступки могут повлиять на кого-то, кроме ближайших родственников. – А твои родители... они не против?

Алина закатила глаза:

– Они просто не обращают внимания. Им кажется, что все это пройдет. Но могло быть и хуже.

Клэри вспомнила, что Изабель говорила ей об отношении Совета к нетрадиционным связям: «Об этом не стоит говорить».

– Да, могло быть и хуже, это уж точно, – мрачно подтвердил Алек.

На лице Алины появилось участливое выражение.

– Мне жаль, если твои родители...

– Они не против, – резко сказала Изабель.

– Ясно. Странно говорить об этом, когда Джейс пропал. Вы все, наверное, переживаете. – Алина вздохнула. – Вам наверняка наговорили про него всяких глупостей. Та к всегда бывает, когда сказать нечего. Я... Я тоже хотела вам кое-что рассказать. – Проводив взглядом проходившего мимо члена Совета, она прошептала: – Алек, Иззи, я помню, как вы навещали нас в Идрисе. Мне было тринадцать, а Джейсу... кажется, двенадцать. Мы с ним собрались погулять в Броселиндском лесу, взяли напрокат лошадей и поехали туда. Ну и заблудились, конечно. Броселиндский лес – непролазная чаща. Темнело, лес становился все гуще, и я перепугалась. Но Джейс – несколько. Он ни на минуту не терял уверенности, что мы найдем дорогу домой. И мы нашли ее, пусть не сразу. Я не знала, как его благодарить, а он смотрел на меня как на сумасшедшую: за что благодарить, если мы в любом случае добрались бы до дома? А как же иначе? Я к чему – в этот раз он тоже найдет дорогу назад. Я уверена.

Клэри никогда не видела, как Изабель плачет, но сейчас она явно пыталась удержаться от слез. Глаза девушки подозрительно расширились и заблестели. Алек уставился на свои ботинки.

– Спасибо, Алина, – сказала Клэри, поняв, что ни Изабель, ни Алек говорить не в состоянии. – Правда, спасибо.

Алина смущенно улыбнулась.

– Алина! – позвала ее Хелен. Она крепко сжимала запястье мальчишки. Руки сорванца были перемазаны голубым воском. Синие-зеленые глаза и лукавая ухмылка роднили его с сестрой, но волосы у него были темно-русые. – Нам, наверное, пора идти, а то Жюль тут все разнесет. Куда подевались Тиббс и Ливви, ума не приложу?

– Они воск ели, – ехидно сказал Жюль.

– О боже! – нахмурилась Хелен и извиняющимся взглядом посмотрела на собеседников. – Не обращайтесь внимания. У меня шесть младших братьев и сестер и один старший. С ними вечно как в зоопарке.

Жюль посмотрел на Алека, потом на Изабель и, наконец, на Клэри.

– А у вас сколько братьев и сестер? – спросил он.

Хелен побледнела.

– Нас трое, – спокойно ответила Изабель.

Жюль не отрывал глаз от Клэри:

– Ты на них не похожа.

– Изабель не меня имела в виду, – ответила девушка. – У меня нет ни братьев, ни сестер.

– Совсем? – недоверчиво спросил мальчик, будто она призналась ему, что у нее перепонки

между пальцами. – Поэтому ты такая грустная?

Клэри вспомнила о Себастьяне, о его белых, как снег, волосах и черных глазах.

Ах, подумала она, если бы у меня и в самом деле не было брата! Тогда бы и беды не случилось. Проснувшись в ней ненависть разогрела ледяную кровь.

– Да, – сказала она, – поэтому я такая грустная.

2. Шипы

Саймон ждал Клэри, Алека и Изабель около Института, под каменным навесом, почти не спасавшим от дождя.

Мокрые темные волосы налипли на лоб и шею. Саймон убрал их со лба и вопрошающе посмотрел на Клэри.

– Меня оправдали, – сказала она.

Саймон хотел улыбнуться, но Клэри грустно продолжила:

– Поиски Джейса отошли на второй план. Я... я уверена – они считают, что он мертв.

Саймон посмотрел на свои мокрые джинсы и серую футболку с надписью: «Я часто в жизни ошибался» – и растерянно помотал головой.

– Мне жаль, Клэри.

– Чего-то другого ожидать от Совета глупо, – сказала Изабель.

– *Basia coquim*, – сказал Саймон, – или какой у них там девиз.

– *Descensus Averno facilis est* – дорога в ад легка. А ты сказал «Поцелуй повариху», – уточнил Алек.

– Черт, – воскликнул Саймон, – так и знал, что Джейс мне лапшу на уши вешал.

Мокрые волосы снова упали ему на глаза, он отбросил их, и Клэри увидела, как блеснула серебристая Метка Каина у него на лбу.

– И что теперь?

– Теперь мы должны встретиться с Королевой фей.

Дотронувшись до колокольчика на шее, она рассказала Саймону о том, что Каэли была на помолвке Люка и Джослин и пообещала Клэри, что Королева фей поможет ей.

Саймон недоверчиво взглянул на нее:

– Та рыжеволосая дама с дурным характером, которая заставила тебя поцеловать Джейса? Мне она не понравилась.

– Это все, что ты о ней помнишь? Что она заставила Клэри поцеловать Джейса? – раздраженно спросила Изабель. – Королева фей опасна. Тогда она просто забавлялась. Обычно она развлекает себя тем, что еще до завтрака сводит кого-нибудь с ума.

– Мне-то что? Я не человек. Ну, уже не человек... – Он бросил мимолетный взгляд на Изабель, опустил глаза и повернулся к Клэри: – Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

– Было бы неплохо. Метка Каина, Светоч... На свете есть вещи, которые могут впечатлить даже Королеву фей.

– Я бы не стал на это надеяться, – сказал Алек.

– А где Магнус? – спросила Клэри.

– Он сказал, что будет лучше, если он останется. Видимо, у них с Королевой фей что-то было.

Изабель удивленно посмотрела на брата.

– Да не в том смысле. Какая-то вражда, – раздраженно сказал Алек. – Учитывая, как он вел себя до того, как встретил меня, в этом нет ничего удивительного, – добавил он полупшепотом.

– Алек! – укоризненно произнесла Изабель.

Клэри со щелчком раскрыла зонтик с динозаврами. Сто лет назад Саймон купил этот зонтик в Музее естественной истории. Теперь он удивился, узнав его.

– Пойдем? – спросил Саймон и подал ей руку.

Дождь все лил, по тротуарам текли ручьи, из-под колес проезжавших машин разлетались брызги.

Саймон не ощущал холода, но сырая одежда заставляла ежиться. Он взглянул через плечо на Алека и Изабель. Изабель ни разу не посмотрела ему в глаза с тех пор, как они вышли из Института, и ему было интересно, о чем она думает. Когда они остановились на углу Парк-авеню, Саймон услышал, как Изабель сказала брату:

– Та к что ты думаешь по поводу того, что папа решил стать Инквизитором?

– По-моему, та еще занудная работенка. Не знаю, зачем ему это понадобилось.

У Изабель был прозрачный пластиковый зонт, украшенный цветными наклейками в форме цветов. Саймон никогда в жизни не видел ничего более девчачьего и поэтому понимал Алека, который предпочел идти под дождем.

– Не в том дело, что скучная, – произнесла Изабель. – Если он станет Инквизитором, то будет безвылазно сидеть в Идрисе. Все время, понимаешь? Он не сможет одновременно управлять Институтом и быть Инквизитором.

– Как ты могла заметить, он и так безвылазно сидит в Идрисе.

– Алек...

Расслышать, что сказала Изабель, не удалось. Мимо них пронеслась вереница машин, освещая их фарами и разбрызгивая ледяную воду. Клэри увернулась от холодной струи и едва не налетела на Саймона. Он схватил ее за руку, чтобы помочь сохранить равновесие.

– Прости, – улыбнулась она. Ее рука казалась маленькой и холодной.

– Да ничего. – Саймон старался не выказать беспокойства.

В последние две недели Клэри почти ни на что не обращала внимания. Сначала плакала, потом злилась – злилась на то, что не может присоединиться к поискам Джейса, злилась на Совет за бесконечные допросы, за то, что ее держали под домашним арестом из-за того, что ее подозревали в нарушении закона. Но сильнее всего злилась на саму себя – за то, что не сумела подобрать руну, которая смогла бы помочь. По ночам она часами сидела за столом, сжимая стилус так крепко, что Саймон боялся, как бы он не переломился надвое. Она пыталась представить, где именно находится Джейс. Но ничего не происходило, и так – ночь за ночью.

Они вошли в парк через пролом в каменной стене на Пятой авеню. Клэри теперь казалась старше – она уже не была той девчонкой, которая вошла в клуб «Адское логово» в ту судьбоносную ночь. Она повзрослела, но дело было не только в этом. Она стала серьезнее, шагала решительнее и грациознее, ее зеленые глаза смотрели прямо и уже не бегали, как прежде. К своему удивлению, Саймон понял, что она стала похожа на Джослин.

Наконец Клэри остановилась в кругу деревьев, ветви которых почти полностью укрывали их от дождей. Девушки прислонили к стволам свои зонтики. Клэри разомкнула цепочку на шее, и колокольчик соскользнул в ее ладонь. Она с серьезным видом оглядела друзей.

– Это большой риск, – сказала она. – Я почти уверена, что, если решусь, дороги назад не будет. Если кто-то из вас не захочет идти со мной, я пойму.

Саймон протянул руку и положил ее на руку Клэри. И думать нечего. Он пойдет за Клэри куда угодно. Они слишком много пережили вместе, иначе и быть не могло. Изабель тоже не сомневалась. Последним сделал шаг вперед Алек. Капли дождя стекали с его длинных черных ресниц, словно слезы, но выражение лица было решительным. Все четверо прижались головами друг к другу.

Клэри позвонила в колокольчик.

Ей показалось, что мир вокруг пошел кругом – не так, как в те минуты, когда ее засасывало в водоворот портала, а по-другому – будто она сидела на карусели, которая вертелась все быстрее и быстрее.

Голова закружилась, стало тяжело дышать, но неприятные ощущения внезапно прошли. Она снова стояла на месте, а Изабель, Алек и Саймон держали ее за руку. Потом они отпустили ее, и Клэри оглянулась. Она уже бывала в этом сверкающем коридоре, словно вырезанном из тигрового глаза. За тысячи лет ноги фей истерли пол, сделав его гладким. Блестящие крохи золота в стенах светились, а в конце коридора висел разноцветный занавес, колыхавшийся, словно от ветра, хотя здесь, под землей, никакого ветра не было. Клэри приблизилась к нему и увидела, что он соткан из бабочек. Некоторые из них, еще живые, пытались вырваться и улететь – вот почему занавес колыхался. Она сглотнула горечь, скопившуюся в горле.

– Привет! Здесь есть кто-нибудь?

Занавес с шорохом приподнялся, и в коридор вышел рыцарь Мелиорн. Он носил все те же белые доспехи, что запомнились Клэри, но на груди, с левой стороны, теперь красовался такой же знак, как на мантии Люка, – четыре буквы «С», знак принадлежности к Совету. На лице Мелиорна, прямо под зелеными, как листья, глазами, появился шрам, которого она раньше не замечала.

Рыцарь с ужасом посмотрел на нее:

– Королеву фей не подобает приветствовать варварским «Привет!», как служанку. Ты должна была сказать «Рада встрече».

– Но мы же еще не встретились. Я даже не знаю, здесь ли она...

Мелиорн презрительно посмотрел на девушку:

– Если бы Королева фей отлучилась или не была готова принять тебя, ты бы не перенеслась сюда, позвонив в колокольчик. А теперь следуй за мной. И спутникам своим вели.

Клэри жестом пригласила друзей идти за ней; вслед за Мелиорном они прошли за занавес, вжимая голову в плечи и стараясь не задеть трепещущих крылышек. Все четверо оказались в дворцовом зале. Клэри удивленно моргнула. Все здесь выглядело совсем не так, как раньше. Королева возлежала на бело-золотом диване, а пол напоминал огромную шахматную доску. С потолка свисали гроздьи опасных с виду шипов, и на каждый был наколот блуждающий огонек, освещающий комнату. Обычно такие огоньки светили ослепительно-ярко, но эти едва мерцали, словно вот-вот умрут. Придворных в зале не было. Мелиорн подошел к Королеве, и она села, выпрямив спину. В прозрачном серебряно-золотом платье, она была прекрасна. Ее розовато-медные волосы были аккуратно уложены. Для кого она так старается? – подумала Клэри. Красота ее могла очаровать разве что Саймона, а он ее ненавидел.

– Рада встрече, нефилим и Светоч. Зачем ты пришла ко мне, дочь Валентина? – спросила Королева, наклонив голову в их сторону.

Клэри разжала руку. Колокольчик в ней обвинительно сверкнул.

– Ваша фрейлина говорила мне, что я могу позвонить в этот колокольчик, если понадобится помощь.

– А ты ей ответила, что у тебя есть всё и тебе ничего от меня не нужно!

Клэри отчаянно пыталась вспомнить, что говорил Джейс во время прошлой встречи с Королевой, как он льстил ей. Освоить бы этот язык... Она оглянулась на Изабель и Алека, но Изабель лишь раздраженным жестом велела ей поддержать беседу.

– Все меняется, – сказала Клэри.

Королева вальяжно вытянула ноги:

– Хорошо. И что же тебе от меня нужно?

– Я хочу, чтобы вы нашли Джейса Лайтвуда.

В воцарившейся тишине слышался едва различимый стон мерцающих огоньков. Наконец Королева проговорила:

– Если ты считаешь, что феям удастся сделать то, что не удалось Совету, то поистине

веришь в нашу силу.

– Совет ищет Себастьяна. А мне на него плевать. Мне нужен Джейс, – сказала Клэри. – И кроме того, я уже знаю, что вам известно больше, чем кажется. Вы предсказали, что произошло, и прислали мне фрейлину с колокольчиком в ту же ночь, когда пропал Джейс. Я не верю, что это случайность.

– Может быть, и нет, – сказала Королева, любясь сверкающими ногтями на пальцах своих ног.

– Я заметила, что феи часто говорят «может быть», когда хотят скрыть правду. Та к вы уклоняетесь от ответа, – отважилась произнести Клэри.

– Возможно. – Королева довольно улыбнулась.

– «Вероятно» – тоже хорошее слово, – подсказал Алек.

– Еще – «не исключено», – добавила Изабель.

– Не вижу ничего плохого в «может быть». Звучит простовато, но смысл ясен, – внес свою лепту Саймон.

Королева отмахнулась от них, как от назойливых пчел:

– Я не верю тебе, дочь Валентина. Когда-то мне нужна была твоя услуга, но это время прошло. Теперь Мелиорн – член Совета. Не думаю, что ты сможешь отплатить мне за помощь.

– Если бы вы и вправду так думали, то не передали бы мне колокольчик, – сказала Клэри.

Они смерили друг друга взглядом. Прекрасное лицо Королевы почему-то напомнило Клэри кости маленького животного, белеющие на солнце.

Наконец Королева сказала:

– Хорошо. Может быть, я смогу помочь тебе. Но ты должна будешь отплатить мне за это.

– А мы-то не знали! – пробормотал Саймон. Он убрал руки в карманы и теперь смотрел на Королеву с презрением.

Алек засмеялся.

Глаза Королевы сверкнули. Алек вскрикнул и попятился назад. Затем с изумлением посмотрел на свои руки – кожа на них сморщилась, суставы распухли. Другие заметили, что спина Алека сгорбилась, волосы поседели, голубые глаза выцвели и утонули в глубоких морщинах. Клэри открыла рот от удивления. На месте Алека стоял испуганный, дрожащий старик.

– Как недолговечна красота смертных! – злорадно произнесла Королева. – Посмотри на себя, Александр Лайтвуд. Таким ты станешь всего-то через шесть десятков лет. Сочтет ли тебя красавцем твой возлюбленный колдун?

Грудь Алека тяжело вздымалась. Изабель быстро подошла к брату и взяла его за руку:

– Алек, это всего лишь чары! – Она повернулась к Королеве: – Снимите его с них. Снимите!

– Я об этом подумаю, если вы будете разговаривать со мной с должным уважением.

– Будем, будем, – быстро произнесла Клэри. – Простите нас за грубость.

Королева вздохнула.

– А я скучаю по вашему Джейсу, – сказала она. – Он был самым симпатичным и воспитанным из вас.

– Мы тоже по нему скучаем. – Клэри едва не плакала. – Мы не хотели обидеть вас. Иногда, когда у людей большое горе, с ними бывает сложно.

– Гм... – хмыкнула Королева, затем щелкнула пальцами, и чары с Алека спали.

Он был бледен, но снова стал собой.

Королева высокомерно окинула его взглядом и обратилась к Клэри:

– Мой отец владел парой колец. Кольца эти, выкованные феями, обладали невероятной силой. Они позволяли тем, кто наденет их, общаться телепатически, как это делают Безмолвные

братья. Насколько мне известно, сейчас эти кольца – экспонат в вашем Институте. Я хочу вернуть их.

– Что-то такое я видела, – задумчиво произнесла Изабель. – Два кольца фей под стеклом на втором этаже Библиотеки...

– Вы хотите, чтобы я украла их из Института? – удивилась Клэри. Такой просьбы она ждала меньше всего.

– Это не воровство. Ты возвратишь кольца законной владелице.

– И тогда вы найдете Джейса? Только не говорите «может быть». Что именно вы сделаете?

– Я помогу вам найти его. Даю слово – помощь моя будет неоценимой. Например, я могу сказать вам, почему все ваши поисковые заклинания не сработали. Могу подсказать, в каком городе он, вероятнее всего, находится.

– Но Совет допрашивал вас, – прервал ее Саймон. – Им невозможно соврать...

– Они так и не задали нужного вопроса, вот и весь секрет.

– Но зачем вам врать им? На чьей вы стороне? – сердито спросила Изабель.

– Ни на чьей. Если Джонатан Моргенштерн не станет моим врагом, он может стать сильным союзником. Зачем злить его или подвергать опасности без выгоды для нас? Феи – древний народ, мы не принимаем поспешных решений, не разобравшись что к чему.

– Но эти кольца для вас так важны, что, если мы найдем их, вы рискнете разозлить его? – спросил Алек.

В ответ Королева лишь улыбнулась многообещающей улыбкой.

– Думаю, на сегодня хватит, – сказала она. – Возвращайтесь с кольцами, и мы продолжим разговор.

Клэри замешкалась и обернулась сначала к Алеку, а потом к Изабель.

– Думаете, это нормально? Воровать из Института? – спросила она.

– Мы должны найти Джейса, – ответила Изабель.

– Любой ценой, – кивнул Алек.

Отбросив сомнения, Клэри повернулась к Королеве фей, которая смотрела на нее выжидающе:

– Договорились.

Королева довольно улыбнулась и потянулась:

– Прощайте, маленькие Сумеречные охотники, и позвольте предостеречь вас, пусть вы еще ничем и не заслужили этого. Подумайте. Возможно, поиски вашего друга – не слишком умная идея. Часто бывает так, что мы теряем что-то ценное для нас, а потом, когда находим, это оказывается уже не таким, как прежде.

Когда Алек наконец добрался до дома Магнуса в Грин-пойнте, было уже одиннадцать. Изабель убедила брата поужинать с Клэри и Саймоном в «Таки». Поначалу он противился, но теперь был рад, что все же согласился. Ему потребовалось довольно много времени, чтобы успокоиться после того, что произошло. Он не хотел, чтобы Магнус узнал, какое потрясение он только что пережил.

Алеку не надо было звонить, чтобы Магнус впустил его. У него был свой ключ, и он втайне гордился этим. Он открыл дверь и направился на второй этаж. Кто жил на первом этаже, он понятия не имел, но, кажется, у соседей Магнуса был бурный роман. Однажды он увидел разбросанные по всему холлу вещи; к отвороту замшевой куртки была прикреплена записка «Тому еще лжецу». Теперь у двери лежал букет цветов с открыткой «Прости». В Нью-Йорке каждый знает о жизни соседей больше, чем следовало...

Дверь квартиры Магнуса была слегка приоткрыта, и в коридор проникали тихие звуки

музыки. Сегодня – Чайковский. Алек почувствовал, как его плечи расправляются. Интерьер квартиры постоянно менялся. На этот раз обстановка была минималистской: белые диваны, красные столики и черно-белые виды Парижа на стенах. Запах, однако, остался прежним: одеколон, чернила, чай лапсанг сушонг и жженный сахар – запах волшебства. Он подошел к подоконнику, взял на руки мирно дремавшего Председателя Мяо и прошел в кабинет.

Магнус поднял голову. Он был одет в черные джинсы и черную рубашку с заклепками на воротнике и манжетах. Черные волосы спутались, будто он раздраженно теребил их; веки кошачьих глаз потяжелели от усталости.

– Председателю ты нравишься, – ухмыльнулся он, отложив ручку.

– Ему все нравится, лишь бы за ухом чесали. – Алек поудобнее перехватил урчащего кота.

Магнус откинулся на спинку кресла и зевнул. Стол был усеян бумагами, исписанными убогим почерком. На многих был один и тот же рисунок – тот самый, что они обнаружили на залитой кровью крыше, с которой исчез Джейс.

– Ну и как там Королева фей?

– Как обычно.

– Злобная мегера?

– В общем, да.

Алек рассказал Магнусу о том, что произошло. Вышло скупое, но по-другому он не умел.

– Я волнуюсь за Клэри, – сказал Магнус, выслушав его. – Боюсь, девчонка сунула свой милый носик не в свое дело.

Посадив Председателя Мяо на стол, Алек покачал головой:

– Она хочет найти Джейса. Ты же не станешь ее в этом винить?

Взгляд Магнуса смягчился. Он зацепил джинсы Алека пальцами и подтащил его к себе:

– Так значит, если бы пропал я, ты бы поступил так же?

Алек бросил взгляд на лист бумаги, который только что отложил Магнус:

– Ты опять эти штуки рассматриваешь?

Слегка разочаровавшись, Магнус отпустил парня:

– Должен же найтись ключ к разгадке. Какой-нибудь язык, который я пока не знаю. Что-нибудь древнее... Древняя черная магия, с какой я еще не сталкивался... Знаешь что, подай-ка мне вон ту табакерку. Серебряную, на краю стола.

Алек проследил глазами за жестом Магнуса и увидел небольшой серебряный ящичек на дальнем краю стола. Он протянул руку и взял его. На резной крышке бриллиантами были выложены инициалы *В. С.*

В, подумал он. Вилл?

– Вилл, – подтвердил Магнус, и Алек вспомнил, что этим именем его пугала Камилла. Боже, как это было давно!

– Что это? – спросил он.

– Табакерка, разве ты не слышал? – ответил Магнус, не отрываясь от бумаг.

– Табакерка? Чтобы готовить цыпленка табака?

Хозяин дома поднял глаза и рассмеялся:

– Чтобы курить табак, глупый. Такие штуки были популярны лет триста назад. Теперь я в ней всякий хлам держу.

Алек отдал ему табакерку.

– Тебе не кажется... Тебя не беспокоит то, что Камилла где-то рядом? – вырвалось у него. – Что она ушла...

«Из-за меня», – хотел продолжить он, но промолчал. Магнусу незачем было об этом знать.

– Она всегда была где-то рядом, – сказал Магнус. – Я знаю, что Совет был не слишком этим

доволен, но я привык к мысли, что она живет своей жизнью и ей нет нужды связываться со мной. Если когда-то меня это и беспокоило, то очень, очень давно.

– Но ты ведь любил ее... Когда-то.

Магнус провел пальцем по бриллиантам на табакерке:

– Мне казалось, что да.

– И она все еще любит тебя.

– Не думаю. В прошлый раз, когда я ее видел, она вела себя не очень любезно. Может быть, потому, что у меня есть восемнадцатилетний парень с руной Выносливости, а у нее – нет.

– Как вышеупомянутый парень с руной Выносливости, я протестую, чтобы меня так описывали! – возмутился Алек.

– Она всегда была ревнивой, – ухмыльнулся Магнус.

Алек подумал, что его друг чертовски ловко умеет менять тему разговора. Он ясно дал понять, что не любит разговоров о своих бывших возлюбленных, и в воздухе сразу повисло что-то такое, что Алек почувствовал себя неуютно. Как бы молодо ни выглядел Магнус – а сейчас, босоногий и взъерошенный, он выглядел максимум на восемнадцать, – их разделял океан времени.

Магнус открыл табакерку, достал оттуда несколько кнопок и приколот ими лист к столу.

– Все в порядке? – спросил он, увидев, что выражение лица Алека изменилось.

Вместо ответа Алек взял Магнуса за руки и заставил подняться. Прежде чем Магнус успел что-то сказать, он прижал его к себе. Магнус еле слышно застонал, задрал рубашку на спине Алека и провел холодными пальцами по его позвоночнику. Алек навалился на него и прошептал:

– Уже поздно. Пойдем спать.

Магнус отстранился и взглянул через плечо на бумаги на столе:

– Иди. Я скоро приду – пять минут, не больше.

– Конечно. – Алек выпрямился, зная, что, когда Магнус погружается в изучение древних языков, пять минут легко могли превратиться в пять часов. – Я тебя подожду.

– Т-с-с-с...

Клэри поднесла палец к губам и жестом велела Саймону войти в дом Люка. В гостиной было темно и тихо. Отправив Саймона в свою комнату, она пошла на кухню за стаканом воды и застыла на полпути. В коридоре слышался голос ее матери. Клэри почувствовала, как мама напряжена. Джослин знала, что ее сын жив и способен на что угодно, и это терзало ее душу.

– Но ее оправдали, Джослин... – Это говорил Люк. – Никто не собирается ее наказывать.

– Это я, я виновата. – Голос Джослин звучал глухо. – Если бы я не родила на свет... эту тварь, Клэри не пришлось бы сейчас страдать.

– Ты не могла предвидеть... – шепнул Люк.

Ты не могла предвидеть. Услышав это, Клэри устыдилась на мгновение вспыхнувшей в душе злости на мать: почему Джослин и в самом деле не убила его? Развернувшись, она метнулась в другой конец дома, в свою спальню.

Саймон, сидевший на кровати и игравший в *Nintendo DS*, удивленно посмотрел на нее:

– Эй, все в порядке?

Клэри попыталась улыбнуться. Она привыкла видеть его в этой комнате – в детстве он часто оставался ночевать у Люка. Когда-то эта комната считалась гостевой, но потом перешла в ее безраздельную собственность. Рама зеркала над комодом оцетинилась беспорядочно натянными под нее фотографиями. Клэри с Саймоном. Она же с Джейсом. Мама и Люк. Лайтвуды... Люк подарил ей чертежную доску, и она аккуратно сложила рядом с ней принадлежности для рисования. На стенах висели плакаты любимых аниме: *Fullmetal Alchemist*,

Признаки того, что Клэри – Сумеречный охотник, тоже были повсюду: толстый фолиант «Кодекса» с ее пометками и рисунками на полях, полка с книгами об оккультизме и паранормальных явлениях, стилус на письменном столе и новый глобус, подаренный Люком, – в центре Европы располагался Идрис, границы которого были очерчены золотой рамкой.

У прошлой жизни Клэри и этой, нынешней, было мало общего. Но Саймон, сидевший сейчас на ее кровати, всегда оставался рядом. Бледное лицо, темные глаза. На лбу еле заметно блестит Метка Каина.

– Мама плохо себя чувствует, – сказала Клэри, прислонившись к двери.

– Разве она не рада? Ну, что с тебя сняли обвинения?

– Она никак не может отделаться от мыслей о Себастьяне. Винит себя во всем.

– Она не виновата в том, что случилось. Виноват Валентин.

Клэри промолчала. Ужасная мысль о том, что ее матери стоило убить Себастьяна при рождении, снова пришла ей в голову.

– Вы обе вините себя зря. Ты – за то, что оставила Джейса на крыше...

Она рывком подняла голову. Саймон попал в точку, но ей казалось, что она никогда не говорила об этом.

– Я не...

– Вiniшь, вiniшь, – кивнул Саймон. – Но я тоже ничего не сделал, и Изабель, и Алек, а ведь Алек – его парабатай. Мы не могли ничего предвидеть. Если бы ты осталась на крыше, могло бы быть еще хуже.

– Может быть.

Клэри не хотелось говорить об этом. Избегая взгляда Саймона, она направилась в ванную, чтобы почистить зубы и надеть пижаму. Она старалась не смотреть на себя в зеркало. Ее бесил бледный цвет кожи, раздражали круги под глазами. Но она была сильной и не собиралась превращаться в развалину. У нее был план, пусть и безумный, пусть и включавший в себя ограбление Института.

Выходя из ванной и собирая в хвост вьющиеся волосы, она заметила, что Саймон что-то убирает в пакет. Почти наверняка – бутылочку крови, купленную в «Таки». Она подошла и взъерошила ему волосы:

– Если не устраивает комнатная температура, можешь хранить бутылки в холодильнике.

– Холодная кровь еще хуже. Лучше всего теплая, но твоя мама рассердится, если я стану подогревать ее в сотейнике.

– А Джордан не против? – спросила Клэри, сомневаясь, что Джордан вообще помнил, что Саймон жил с ним. Всю последнюю неделю Саймон ночевал у нее.

В первые дни после того, как пропал Джейс, она не могла уснуть. Накрывалась пятью одеялами, но все равно мерзла. Ей снились темные моря, айсберги, замерзшие озера и... Джейс. Он отворачивался от нее или лицо скрывала тень. Заснув на несколько минут, она просыпалась с тяжелым чувством, будто едва не утонула.

После того как Совет впервые допросил ее, она вернулась домой, заползла в постель и лежала не смыкая глаз, пока в окно не постучали. Это был Саймон. Он перелез через подоконник, забрался на постель и растянулся рядом, не сказав ни слова. Кожа его была холодной, и от него пахло городом.

Она дотронулась до его плеча, и напряжение, сковывавшее ее тело, слегка отступило.

– Надолго ты останешься? – прошептала она.

– Это как ты захочешь.

Она повернулась на бок и посмотрела на него:

– А Иззи не против?

– Она сама предложила, чтобы я пришел. Сказала, что ты не спишь, и если я останусь с тобой, это поможет. Я могу остаться до тех пор, пока ты не уснешь.

Клэри облегченно вздохнула.

– Останься на всю ночь, – попросила она. – Пожалуйста.

Он остался. В ту ночь ей не снились кошмары.

Когда он был рядом, она не видела снов – только темный океан пустоты. Сон становился забвением, не приносящим боли.

– До крови Джордану большого дела нет, – вернул ее к действительности голос Саймона. – Ему важнее, чтобы я смирился с тем, что я теперь такой. Чтобы вошел в контакт с «внутренним вампиром» и все такое.

Клэри легла рядом и обняла подушку:

– А твой «внутренний вампир» чем-то отличается от внешнего?

– Еще как! Он хочет, чтобы я носил шелковые рубашки и фетровые шляпы. И еще хочет, чтобы я демонстрировал окружающим свою осиную талию. Но я пока сопротивляюсь.

Клэри едва заметно улыбнулась.

– Кстати, вспомнил... – Саймон порылся в сумке, вытащил два томика манги, победно помахал ими и протянул Клэри: – «Волшебные джентльмены любви», тома пятнадцатый и шестнадцатый. Распроданы везде, кроме «Мидтаун Комикс».

Еще недавно она бы всплеснула руками от восторга, но теперь у нее не было и мысли о том, чтобы отвлекаться на подобную ерунду.

– Ты – чудо, – все-таки сказала она, легонько толкнув Саймона плечом, и откинулась на подушку, положив книжки себе на колени. – Спасибо, что сходил со мной к Королеве фей. Я знаю, это будит неприятные воспоминания, но мне всегда лучше, когда ты рядом.

– Ты здорово держалась. Показала этой задавке, где раки зимуют.

Они лежали и разглядывали знакомые звездочки на потолке, когда-то светившиеся в темноте, но давно уже утратившие эту способность.

– Так ты правда собираешься это сделать? Украсть кольца для Королевы? – наконец спросил Саймон.

– Да, – выдохнула она. – Завтра в полдень заседание Совета. Все будут там. Самое подходящее время...

– Не нравится мне это, Клэри.

Она напряглась:

– Не нравится что?

– То, что ты связалась с феями. Феи – лгуны.

– Но они не могут лгать!

– Ты же понимаешь, о чем я. Согласись, «феи – обманщицы» звучит глупо.

Она повернулась и посмотрела на него, уткнувшись подбородком в его ключицу. Он машинально обнял ее за плечи и притянул к себе. Тело его было прохладным, рубашка – все еще сырой от дождя. Волосы высохли и вились растрепанными кудрями.

– Мне самой не хочется иметь дело с феями, честное слово. Но ради Джейса я на это готова. А ты пойдешь на это ради меня?

– Не вопрос. Но идея все равно плохая. – Он снова посмотрел на нее. – Я понимаю, что ты чувствуешь. Когда умер мой отец...

Она снова напряглась:

– Джейс не умер.

– Я знаю. Я не об этом. Просто... не стоит говорить, что тебе лучше, когда я рядом. Я всегда

рядом. Горе заставляет тебя думать, что ты одна, но это не так. Я знаю, ты не веришь в... в религию... так, как я, но можешь же ты поверить в то, что окружена теми, кто тебя любит по-настоящему?

Его большие карие глаза были полны надежды.

Я в это верю, подумала Клэри, просто не уверена, что это что-то меняет.

Она легонько толкнула его:

– Можно вопрос? Личный, но очень важный.

– Что такое? – В его голосе прозвучала нотка беспокойства.

– У тебя Метка Каина, так? Значит, если я тебя ночью случайно лягну, меня семь раз лягнет в ответ незримая сила?

Он рассмеялся:

– Давай спать, Фрэй.

3. Злые ангелы

– А я уж было подумал, ты забыл, что здесь живешь, – сказал Джордан, когда Саймон вошел в гостиную их маленькой квартирки с ключами в руке.

Обычно Джордан возлежал на диване с контроллером от Xbox в руках, но сегодня, к удивлению Саймона, он сидел ссутулив широкие плечи и засунув руки в карманы джинсов, а контроллера поблизости не было. Казалось, увидев Саймона, он испытал облегчение, и Саймон сразу понял почему.

Его друг был не один. Напротив него в грубом бархатном оранжевом кресле – вся мебель в квартире была разных цветов – сидела Майя, буйные кудри которой были собраны в две смешные косички. В последний раз Саймон видел ее в роскошном праздничном наряде, но теперь она снова носила привычную одежду: джинсы с потрепанными отворотами, футболку с длинными рукавами, кожаную куртку карамельного цвета. Судя по виду, ей было так же неуютно, как и Джордану, – она неестественно выпрямила спину и без конца поглядывала в окно. Увидев Саймона, она с облегчением поднялась и обняла его:

– Привет. Я зашла проверить, как ты тут.

– Я нормально. Ну, если можно так сказать... Ты же знаешь, что произошло.

– Я не про Джейса. Ты-то как?

– Я? – поразился Саймон. – Сказал же, нормально, только волнуюсь за Изабель и Клэри. Ты же знаешь, Совет допрашивал ее...

– Я слышала, ее оправдали. Это хорошо. Но я спрашиваю о тебе. О том, что твоя мама...

А ты-то откуда об этом знаешь? Саймон посмотрел на Джордана, но тот едва заметно мотнул головой. Он ничего не говорил ей.

Майя потрепала себя за косичку:

– Представляешь, я встретила Эрика. Это он рассказал мне, что случилось... и что из-за этого ты уже две недели не выступаешь с «Тысячелетней пылью».

– У них теперь новое название, – сказал Джордан. – «Полуночное буррито».

Майя бросила раздраженный взгляд на Джордана, и он прикусил язык. Саймону стало интересно, о чем они разговаривали до его прихода.

– Ты говорил еще с кем-нибудь из родственников? – мягко спросила Майя. Ее янтарные глаза были полны беспокойства.

Саймон знал, что это невежливо, но все же не любил, когда на него так смотрели. Беспокойство Майи делало проблему реальной, мешая ему притворяться, будто ничего не произошло.

– Да, – ответил он. – С ними все в порядке.

– Правда? Ты же телефон тут оставил. – Джордан поднял гаджет со столика. – Твоя сестра звонила каждые пять минут. И сегодня, и вчера.

Саймон похолодел. Он взял телефон у Джордана и взглянул на экран. Семнадцать пропущенных звонков от Ребекки.

– Черт, – сказал он. – Я надеялся этого избежать.

– Ну, это же твоя сестра, – произнесла Майя. – Рано или поздно она бы все равно позвонила.

– Знаю, но я ее вроде как отпугивал. Оставлял сообщения, когда ее не было дома, и все такое. Наверное, пытался отсрочить неизбежное.

– И что теперь?

Саймон положил телефон на подоконник:

– Я буду продолжать избегать ее.

– Не надо. – Джордан вынул руки из карманов. – Ты должен с ней поговорить.

– И что я ей скажу? – Вопрос прозвучал грубее, чем хотелось Саймону.

– Твоя мама наверняка ей что-то наговорила, – сказал Джордан. – Она, наверное, волнуется.

Саймон мотнул головой:

– Через пару недель Ребекка приезжает домой на День благодарения. Не хочу, чтобы ее потряхнуло так же, как маму.

– Ее уже потряхнуло, – сказала Майя. – Она же твоя сестра. И кроме того, то, что происходит с мамой, – это часть твоей жизни.

– А я хочу, чтобы она не лезла в нее.

Саймон знал, что ведет себя неразумно, но ничего не мог с собой поделать. Ребекка была другой, особенной. И она была единственной, кого пока еще не затронула вся эта жуть.

Майя всплеснула руками и повернулась к Джордану:

– Ну скажи что-нибудь. Ты же его страж-преторианец.

– Да ладно вам, – сказал Саймон, прежде чем Джордан успел открыть рот. – Вы сами-то с предками общаетесь? А с родственниками?

Они переглянулись.

– Нет, – нерешительно произнес Джордан. – Но у нас отношения никогда не отличались особой теплотой.

– Сдаюсь, – сказал Саймон. – Мы все сиротки. Сиротки в бурю.

– Нельзя игнорировать собственную сестру, – стояла на своем Майя.

– А я намерен делать это.

– А теперь представь. Ребекка приедет домой, а там – как на съемочной площадке «Изгоняющего дьявола». Твоя мама будет говорить, что не знает, куда ты подевался... – В возбуждении Джордан даже подался вперед. – Твоя сестра позвонит в полицию, и... И твою маму обвинят в твоём исчезновении.

– Не думаю, что я готов разговаривать с Ребеккой, – сказал Саймон, понимая, что его друзья правы. – Ладно, обещаю, что напишу ей эсэмэску.

– Что ж, для начала неплохо.

Джордан взглянул на Майю, словно хотел понять, оценила ли она его усилия по уговорам Саймона. А сам Саймон подумал, встречались ли они в те две недели, пока его не было дома. Судя по всему, нет, но с этой парочкой ни в чем нельзя было быть уверенным.

Гремящий золотой лифт остановился на третьем этаже Института; сделав глубокий вдох, Клэри вышла в коридор. Там было тихо и пустынно, как и обещали Лайтвуды. Снаружи доносился тихий шорох машин. Ей казалось, что она слышит, как трутся друг о друга пылинки, танцующие в лучах света у окна. На стене располагались вешалки для одежды. На одном из крючков все еще висела черная куртка Джейса, пустые рукава которой наводили на грустные мысли.

Содрогнувшись, Клэри пошла дальше, вспомнив, как ее впервые провел по этим коридорам Джейс, беспечно рассказывая о Сумеречных охотниках, об Идрисе... она тогда и не подозревала о существовании тайного мира. Просто слушала Джейса и наблюдала за грациозными движениями его рук, когда он жестикулировал, любовалась тусклым сиянием его волос. Тогда ей казалось, что она делает это тайком, но потом поняла, что Джейс все заметил.

Она дошла до Библиотеки, никого не встретив на пути, и открыла дверь. Ее снова бросило в дрожь, как и в первый раз, когда она здесь оказалась. Библиотека находилась в башне и потому была круглой; сразу над полками располагались перила галереи второго этажа. В центре стоял стол, вырезанный из цельного куска дерева, широкую столешницу подпирали спины двух

колени преклоненных ангелов. Клэри до сих пор считала, что это стол Ходжа, и готова была увидеть, как он сидит за ним с вороном Хьюго на плече. Помотав головой, она быстро прошла к круговой лестнице в дальнем конце зала. Одета она была в джинсы и кроссовки на резиновой подошве, на лодыжку была нанесена руна Бесшумности.

Когда Клэри поднялась по ступеням в галерею, повисла жутковатая тишина. Здесь книги были заперты под стеклом. Некоторые, судя по всему, были очень древними, настолько истрепались их обложки. Другие, очевидно, содержали в себе опасные заклятия: «Зловещие культы», «Дьявольская чума», «Практическое руководство по воскрешению мертвых».

Меж запертыми книжными шкафами стояли стеклянные витрины, в каждой из которых находилась какая-нибудь редкая вещь: изящный стеклянный флакон, пробкой для которого служил огромный изумруд; корона с бриллиантом в центре, сделанная явно не в расчете на голову человека; медальон в форме ангела с крыльями из шестеренок и колесиков; и, наконец, как и говорила Изабель, пара выкованных феями изящных сверкающих золотых колец в форме свернувшихся листьев.

Витрина оказалась заперта, но Клэри смогла отпереть замок руной Размыкания (она чертила ее, высунув язык от усердия; если бы стекло разлетелось вдребезги, в Библиотеку тут же набежали бы Сумеречные охотники).

Осторожно открыв витрину и убирая стилус в карман, девушка замешкалась. Неужели она и вправду это делает? Неужели обкрадывает Институт, чтобы отплатить за помощь Королеве фей, обещания которой, как однажды сказал ей Джейс, все равно что скорпионы с ядовитым жалом на хвосте?

Она снова тряхнула головой, словно бы для того, чтобы прогнать сомнения, – и замерла. Дверь Библиотеки открывалась. Услышав скрип дерева, приглушенные голоса и шаги, она тут же легла на прохладный деревянный пол галереи и прижалась к нему.

– Ты был прав, Джейс, – прозвучал снизу знакомый голос. – Здесь и вправду никого нет.

Клэри застыла, не в силах ни двинуться, ни дышать. Такого сильного потрясения она не испытывала с тех пор, как отец собирался вонзить меч в грудь Джейса. Она медленно подползла к краю галереи, посмотрела вниз и прикусила губу, чтобы не закричать. Вершина остроконечной крыши здания была застеклена, и солнечный свет падал на пол, освещая его, как прожектор – сцену. Клэри увидела, что стекло, мрамор и драгоценные камни, которыми был выложен пол, составляют мозаику: ангел Разиэль с чашей и мечом. На одном из распростертых крыльев ангела стоял Джонатан Кристофер Моргенштерн. *Себастьян*.

Та к вот как выглядел ее брат, когда был жив. Высокий, худощавый. Бледное, угловатое лицо. Одет во все темное. Когда она впервые увидела его, он был с крашенными в черный цвет волосами, как у настоящего Себастьяна Верлака. Теперь же его шевелюра была серебристо-белой, и этот цвет шел ему больше. Темные глаза блестели. В стеклянном гробу на месте одной из рук у него была перевязанная культя. Теперь рука была целой; на запястье блестел серебряный браслет.

А рядом с Себастьяном стоял... Джейс. Его волосы мерцали в бледных лучах солнца. В последние две недели она представляла его совсем не таким. На его теле не было ни следов крови, ни синяков, и он не казался истощенным. Он был таким, каким она его помнила, когда позволяла себе вспоминать, – здоровым, румяным... неотразимым. Он небрежно сунул руки в карманы джинсов, сквозь белую футболку просвечивали Метки. На нем была коричневая замшевая куртка, которую Клэри раньше не видела; замша придавала его коже золотистый оттенок. Джейс слегка запрокинул голову назад, словно наслаждался светящим в лицо солнцем.

– Я всегда прав, Себастьян, – сказал он. – Пора бы тебе это запомнить.

Себастьян улыбнулся. Клэри удивилась – улыбка казалась искренней. Но она могла

ошибаться – не так давно Себастьян улыбался и ей, но это оказалось обманом.

– Так где тут книги о призыве существ? Здесь вообще можно что-то найти?

– С трудом. Книги расставлены не по алфавиту. У Ходжа была особая система.

– У того самого Ходжа, которого я убил? Да, незадача... – сказал Себастьян. – Давай так, я пойду наверх, а ты поищи внизу.

Он направился к лестнице, ведущей в галерею. Сердце Клэри чуть не выпрыгнуло от страха. Для нее Себастьян ассоциировался с кровью, убийством, болью и ужасом. Она знала, что Джейс сражался с ним и победил, но едва не погиб в том бою. Ей не одолеть брата врукопашную. Сможет ли она прыгнуть с перил, не сломав ногу? И если да, то что дальше? Как поведет себя Джейс?

Себастьян уже стоял одной ногой на нижней ступеньке, когда Джейс позвал его:

– Эй, подожди! Это здесь. В разделе «Магия бессмертная».

– Бессмертная? Фу, как скучно! – Себастьян убрал ногу со ступени и направился к Джейсу. – Хорошая библиотека, – сказал он, проходя мимо полок и зачитывая вслух названия книг. – О, «Демоны без прикрас. Уход за домашним бесенком». – Он взял книгу с полки и вдруг засмеялся.

– Что случилось? – спросил Джейс.

Клэри хотелось побежать вниз и броситься ему в объятия, но она прикусила губу, и боль мгновенно отрезвила ее.

– Это же порнография, – сказал Себастьян. – Гляди.

Джейс подошел к нему сзади и заглянул в книгу через плечо. Та к же он вел себя с Алеком, но видеть его рядом с Себастьяном... для Клэри это было ужасно.

– С чего ты взял?

Себастьян захлопнул книгу и легонько ударил ею Джейса по плечу:

– Есть вещи, в которых я смыслю больше тебя. Ну, что ты нашел?

– Вот. – Джейс взял с маленького столика стопку тяжелых на вид томов. – У нас есть время заглянуть в мою комнату? Мне бы кое-какие вещи захватить...

– Что тебе нужно?

Джейс пожал плечами:

– Одежда, оружие какое-нибудь...

Себастьян мотнул головой:

– Это слишком опасно, нам нужно торопиться. Если брать, то только самое необходимое.

– Любимая куртка – это и есть самое необходимое, – сказал Джейс. «Точно так же он разговаривал с Алеком», – снова подумала Клэри. – Стильная и теплая, совсем как я.

– Слушай, у нас куча денег. Купи себе одежду. Через пару недель ты станешь тут хозяином. Захочешь – поднимешь свою куртку на флагшток и сделаешь из нее знамя.

Джейс рассмеялся тихим, выразительным смехом, который так любила Клэри.

– Предупреждаю, эта куртка – просто огонь. Мы можем весь Институт спалить дотла.

– А... убогое место, что его жалеть! – Себастьян схватил Джейса за руку и потащил к выходу: – Пошли. Книги не забудь.

Он взглянул на тонкое серебряное кольцо, поблескивающее на правой руке, и повернул его большим пальцем другой руки.

– Эй, – сказал Джейс. – Думаешь... – И осекся.

Клэри показалось, что, подняв голову вверх, он увидел ее, но не успела она вздохнуть, как Джейс и Себастьян исчезли.

Она без сил опустила голову на руки. Во рту все еще ощущался вкус крови – прикушенная губа кровоточила. Она знала, что ей нужно встать и убежать. Но она боялась, что лед в венах

треснет, стоит ей только пошевелиться.

Алек проснулся от того, что Магнус тряс его за плечо:

– Вставай, зайнька. Новый день настал.

Юноша сонно поворачался в теплом гнезде из подушек и одеял и нехотя открыл глаза. Магнус выглядел раздражающе бодро. С мокрых волос стекали капли воды, и белая футболка на плечах становилась прозрачной. На нем были дырявые, потертые джинсы, а это означало, что сегодня он собирался остаться дома.

– *Зайнька*? – недовольно спросил Алек.

– Тебе не нравится? По-моему, милое прозвище.

– Не надо, а?

Магнус пожал плечами:

– Ладно, придумаю что-нибудь еще. – Он протянул Алеку голубую чашку со сколотыми краями – кофе, приготовленный так, как нравилось его другу, с сахаром, но без сливок. – Просыпайся уже!

Алек сел, протер глаза и взял чашку. После первого же глотка по телу прошла волна энергии. Он вспомнил, как прошлой ночью лежал и ждал Магнуса, но около пяти его все-таки сморил сон.

– На заседание Совета я сегодня не пойду, – сказал он.

– Знаю, но у тебя назначена встреча с сестрой и остальными в Тёртл Парк. Ты просил напомнить.

Алек свесил ноги с кровати:

– Который час?

Магнус осторожно взял чашку из его рук и поставил ее на прикроватный столик:

– Успеешь. Еще час у тебя есть.

Он наклонился и поцеловал Алека; Алек вспомнил их первый поцелуй – здесь, в этой квартире, – и ему захотелось обнять любимого. Но что-то его останавливало.

Он встал и подошел к шкафу. У него был здесь свой шкаф для одежды. В ванной лежала его зубная щетка. И у него был ключ от входной двери. Он, Алек, занимал заметное место в жизни Магнуса, но все же не мог избавиться от холодного чувства страха.

Магнус наблюдал за другом с кровати, лежа на спине и заложив руку за голову.

– Вон тот шарф надень, – сказал он, указывая на голубой кашемировый шарф. – Под цвет глаз подойдет.

Алек посмотрел на шарф и внезапно преисполнился ненависти – и к шарфу, и к Магнусу, но главное, к себе.

– Хватит мне указывать, – сказал он. – Этому шарфу больше ста лет, и его перед смертью вручила тебе королева Виктория за особые заслуги перед Короной. Или что-то в этом духе, так?

Магнус сел:

– Эй, что на тебя нашло?

Алек пристально посмотрел на него:

– Я – самое новое, что есть в твоей квартире?

– Ну нет, эта честь досталась Председателю Мяо. Ему всего два года.

– Я сказал новое, а не молодое, – огрызнулся Алек. – Кто такой В. С.? Это Вилл?

Магнус потряс головой, как будто ему в уши попала вода:

– Ты о чем? О табакерке? В. С. – это Вулси Скотт. Он...

– Основал «Претор Люпус». – Алек натянул и застегнул джинсы. – Знаю. Ты о нем раньше упоминал. Он – известная историческая личность. А его табакерку ты превратил в ящик для

мусора. И что ты там еще прибережешь? Щипчики для ногтей Сумеречного охотника Джонатана?

Кошачьи глаза Магнуса сузились.

– Что с тобой, Александр? Я тебе не вру. Хочешь что-то обо мне узнать – спроси.

– Чушь, – отрезал Алек, застегивая рубашку. – Ты добрый, веселый и все такое прочее, но уж точно не искренний. Ты можешь весь день говорить о проблемах других людей, но не станешь разговаривать о себе и своем прошлом. Когда я спрашиваю, ты начинаешь юлить, как червяк на крючке.

– Может быть, тебя волнует, что я буду жить вечно, а ты – нет? Может, мое бессмертие становится третьим лишним в наших отношениях? Что скажешь, Алек?

– В наших отношениях не должно быть третьего.

– Вот именно.

Алеку много чего хотелось сказать, но он никогда не умел говорить так, как Джейс или Магнус. Вместо этого он схватил голубой шарф и с вызовом обмотал его вокруг шеи:

– Не жди. Мне сегодня ночью еще патрулировать.

Захлопнув за собой дверь, он услышал, как Магнус кричит в спину:

– Шарф – от Gap! В прошлом году купил.

Алек бегом спустился по лестнице. Одинокая лампочка, обычно освещавшая холл, не горела, и он не сразу разглядел фигуру в капюшоне, выступившую из тени. Увидев ее, он так испугался, что выронил ключи, и они с грохотом упали на пол. Он не смог разобрать ни возраста, ни пола, ни даже человек ли это. Из-под капюшона раздался низкий хриплый голос:

– У меня для тебя сообщение, Алек Лайтвуд. От Камиллы Белькур.

– Хочешь, сегодня пойдем патрулировать вместе? – спросил Джордан.

Майя повернулась и удивленно посмотрела на него. Он сидел за кухонным столом, положив на него локти. Беспечность его позы не могла быть искренней. Майя подумала, что так бывает всегда, если хорошо знаешь кого-то: притворяться бывает очень трудно.

– Патрулировать вместе? – переспросила она.

Саймон переодевался в своей комнате, она пообещала, что проводит его до метро, и теперь жалела об этом. Она понимала, что ей нужно поговорить с Джорданом после их последней встречи, когда она опрометчиво поцеловала его. Но потом пропал Джейс, мир разлетелся на куски, и у нее появился предлог забыть обо всей этой истории. Конечно, не думать о том, кто разбил тебе сердце и превратил в оборотня, намного проще, если он не стоит перед тобой в зеленой футболке, обтягивающей стройное тело и подчеркивающей ореховый цвет глаз.

– Я думала, Джейса уже не ищут, – сказала она, отвернувшись от Джордана.

– Ищут, просто не очень активно. Но я не член Совета, я – претор, поэтому могу отправиться на его поиски, когда захочу.

– Да, – кивнула она.

Он укладывал в ряд куски рафинада, но его внимание было по-прежнему обращено к ней.

– Ты же хотела учиться в Стэнфорде. Не передумала?

Ее сердце екнуло.

– Я не думала об учебе с тех пор... – она запнулась, – с тех пор, как я изменилась.

Его щеки залились краской.

– Ты же всегда хотела перебраться в Калифорнию. Собиралась изучать историю. А я хотел поехать туда, чтобы заняться сёрфингом. Помнишь?

Майя убрала руки в карманы кожаной куртки. Она думала, что ей следует разозлиться, но не могла этого сделать. Она долго винила Джордана в том, что перестала задумываться о человеческом будущем – о доме, учебе, может быть, о семье. Но в стае были оборотни, которые

остались верны своей мечте. Бэт, например.

– Я помню, – сказала она.

Он снова залился краской:

– Насчет планов на сегодня. На бруклинской верфи никто не искал, так что я подумал...

Одному искать скучно... Но если ты не хочешь...

– Нет, – сказала Майя, и собственный голос показался ей чужим. – То есть да, я пойду с тобой.

– Правда?

Его ореховые глаза загорелись, и Майя прокляла себя. Не нужно было обнадеживать Джордана, ведь она не уверена в своих чувствах. Было сложно поверить, что для него это и в самом деле так важно.

Он наклонился вперед, и на шее блеснул медальон «Претор Люпуса». Майя уловила знакомый аромат мыла – и волчий дух. В этот момент распахнулась дверь, и в кухню вошел Саймон. Ему хватило секунды, чтобы оценить ситуацию.

– Знаешь, до метро я и сам дойду, – сказал он Майе, улыбнувшись уголком рта. – Если хочешь, можешь остаться здесь.

– Нет. – Майя быстро вынула сжатые от напряжения кулаки из карманов. – Нет, я пойду с тобой. Джордан... увидимся позже.

– Сегодня вечером, – крикнул он ей в спину, но она уже спешила за Саймоном и не обернулась.

* * *

Саймон в одиночестве поднялся по покатому холму; крики метателей фрисби за спиной казались ему музыкой. Стоял ветреный и свежий ноябрьский день, солнце окрашивало немногие оставшиеся на деревьях листья в яркие пурпурные, золотые и янтарные оттенки. Вершина холма была усеяна валунами. Изабель сидела на одном из них. На ней были длинное изумрудное платье и расшитое черно-серебристое пальто. Когда Саймон подошел к ней, она подняла глаза и откинула с лица прядь длинных темных волос.

– Я думала, ты с Клэри, – сказала она. – Где она?

– Пишет, что вышла из Института и скоро будет здесь, – ответил он, присаживаясь на камень рядом с Изабель и убирая руки в карманы ветровки.

– Алек тоже вышел... – начала девушка и осеклась, когда у Саймона в кармане завибрировал телефон. – Кажется, тебе эсэмэска.

– Потом прочитаю, – пожал он плечами.

Она взглянула на него из-под длинных ресниц:

– Та к вот, Алек тоже идет сюда. Он едет из Бруклина, так что...

Телефон Саймона снова завибрировал.

– Ну, все. Не хочешь сам читать, значит, я прочитаю.

Изабель наклонилась вперед и, несмотря на возражения Саймона, засунула руку ему в карман, коснувшись головой его подбородка. Он вдохнул аромат ее кожи и ванильных духов. Когда она достала телефон и отвела голову назад, он почувствовал облегчение и... разочарование от того, что этот волшебный момент закончился.

Она прищурилась и посмотрела на экран:

– Ребекка? Кто это?

– Моя сестра.

Изабель расслабилась:

– Она хочет встретиться. Говорит, давно тебя не видела.

Саймон вырвал телефон у нее из рук, выключил его и сунул в карман:

– Да знаю я.

– Не хочешь встречаться?

– Хочу. Больше всего на свете. Просто не хочу, чтобы она узнала. Про меня. – Саймон поднял с земли палку и швырнул ее. – Помнишь, что случилось, когда узнала мама?

– Та к устрой встречу в каком-нибудь ресторанчике подальше от дома. Чтобы она не смогла закатить скандал.

– Даже если она не закатит скандал, то все равно подумает обо мне то же, что мама. Что я – чудовище, – тихо сказал Саймон.

Изабель осторожно дотронулась до его запястья:

– Мама вышвырнула Джейса из дому, потому что думала, что он шпион и сын Валентина, а потом ужасно об этом жалела. Родители уже смирились с тем, что Алек встречается с Магнусом. Твоя мама тоже ко всему привыкнет. Постарайся, чтобы сестра перешла на твою сторону. Это поможет. – Она слегка наклонила голову. – Иногда мне кажется, что братья и сестры понимают друг друга лучше, чем родители. Они не требуют слишком многого. Что бы Алек ни делал, мне никогда не хотелось вычеркнуть его из своей жизни. И Джейса тоже. – Она сжала его ладонь, а потом отпустила руку. – Я не знаю, что с Джейсом, и, может быть, уже никогда не увижу его. Не обрекай сестру на такие муки, Саймон.

– Что стряслось?

Алек шел по склону холма, пиная сухие листья. Он был одет в серый свитер и джинсы, но еще на нем был голубой шарф под цвет глаз. Наверняка подарок от Магнуса, подумал Саймон. Сам Алек никогда бы не купил такой. Он не умел выбирать одежду под цвет глаз.

– Сестра Саймона... – начала Изабель.

И не закончила. Холодный ветер вскружил сухие листья. В воздухе засверкали прозрачные искры открывающегося портала, которые ни с чем нельзя было перепутать, и перед ними предстала Клэри. Она была в слезах и держала в руке стилус.

4. Бессмертие

– Ты уверена, что это был Джейс? – спросила Изабель. Как показалось Клэри – в сорок седьмой раз.

Клэри снова прикусила израненную губу.

– Думаешь, я Джейса не узнаю? – в запале произнесла она и обратилась к Алеку, голубой шарф которого развевался на ветру, как флаг: – Вот ты бы Магнуса с кем-нибудь перепутал?

– Нет, никогда, – ответил Алек. Его голубые глаза потемнели от беспокойства. – Просто... Ну, понятно же, почему мы спрашиваем. Тут что-то не сходится.

– Может, Себастьян взял его в заложники? – предположил Саймон; осеннее солнце окрасило его глаза в цвет молотого кофе. – Допустим, пригрозил сделать что-нибудь ужасное с дорогим Джейсу человеком, если Джейс ему не подчинится.

Все повернулись к Клэри, но она мотнула головой:

– Вы их не видели. Заложники так себя не ведут. Он был... таким довольным.

– Значит, Себастьян его поработил, – сказал Алек. – Как это сделала Лилит.

– Я сначала тоже так подумала. Но когда его поработила Лилит, он стал вести себя как робот. Твердил одно и то же. А в этот раз он был нормальным. Шутил и смеялся, как всегда.

– Может, у него стокгольмский синдром, – предположил Саймон. – Ну, это, знаете, когда жертва начинает сочувствовать захватчику.

– Стокгольмский синдром может начаться через много месяцев, – возразил Алек. – А как он выглядел? Больным, истощенным? Опиши еще раз обоих.

Клэри повторила, что и Джейс, и Себастьян выглядели здоровыми и полными сил. Они были совершенно спокойны. Джейс был одет в стильную повседневную одежду. На Себастьяне – длинное, дорогое черное шерстяное пальто.

– Прямо реклама «Бербери» какая-то, – сказал Саймон, когда она закончила.

Изабель бросила на него сердитый взгляд.

– Может быть, у Джейса есть какой-то план, – сказала она. – Может, он водит Себастьяна за нос. Втирается в доверие, чтобы узнать, что он задумал.

– Нет, он бы предупредил нас, – сказал Алек. – Он бы не заставил нас паниковать. Это слишком жестоко.

– Но если раскрыть нам свои планы... слишком рискованно? В конце концов, Джейс понадеялся на то, что мы ему доверяем. И это правда, мы всегда доверяли ему. – Голос Изабель задрожал.

– А не стоит ли нам рассказать все Совету? – предложила Клэри. – То есть... Мне кажется, мы одни не справимся.

– Нет, этого делать нельзя, – решительно отрезала Изабель.

– Почему?

– Если они подумают, что Джейс стал сообщником Себастьяна, то велют убить его. Таков закон, – объяснил Алек.

– Даже если Изабель права? Даже если он просто дурачит Себастьяна? Притворяется своим, чтобы все разузнать? – спросил Саймон с ноткой сомнения в голосе.

– Нам этого не доказать. Допустим, мы станем утверждать, что Джейс ведет свою игру... тогда Себастьян убьет его, если узнает, – сказал Алек. – А если Джейс поработен, то его убьют по приказу Совета. Нет, им нельзя ничего говорить.

Клэри посмотрела на него с удивлением. Обычно Алек старался следовать правилам, а тут сам призывал нарушить их.

– Это же Себастьян. Больше, чем его, Совет ненавидит разве что Валентина, но он мертв. У любого найдется знакомый, погибший на Смертельной вой не, а барьеры, если вы помните, снял Себастьян, – сказала Изабель.

Клэри поковыряла носком гравий под ногами.

– Тогда что будем делать дальше?

– Поговорим с Магнусом. Посмотрим, есть ли у него идеи. – Алек дернул край шарфа. – Он не пойдет на Совет. Я его попрошу.

– Если он проигнорирует твою просьбу, значит, плохой из него бойфренд, – вздохнула Изабель.

– Я же сказал, что не пойдет...

– А Королева фей? Есть ли смысл с ней встречаться? – спросила Клэри. – Мы знаем, что Джейс или порабощен, или специально скрывается.

– На назначенную Королевой аудиенцию нельзя не явиться. Если жизнь дорога, конечно, – решительно заявила Изабель.

– Но она же просто заберет у Клэри кольца и не скажет ничего нового. Теперь мы многое узнали, и вопросы к ней уже другие. Но она не станет на них отвечать, а ответит только на старые. С феями всегда так. Они не помогают. Она же не позволит нам поговорить с Магнусом, а потом вернуться, – заметил Саймон.

– Неважно, – сказала Клэри; теперь глаза ее были сухими, и это придало ей уверенности – она не хотела, чтобы Королева видела ее заплаканной. – Но... Кольца я не взяла.

– Что?! – вскрикнула Изабель.

– Я так перепугалась, увидев Джейса и Себастьяна, что уже не смогла забрать кольца. Я выбежала из Института и открыла портал сюда.

– Тогда к Королеве идти нельзя. Она рассвирепеет, если узнает, что ты не выполнила ее просьбу, – нахмурился Алек.

– И это еще мягко сказано, – заметила Изабель. – Вы видели, что она сделала с Алеком? А ведь это были обычные чары. Она, наверное, превратит Клэри в лобстера или во что-то подобное.

– Она обо всем знала, – сказала Клэри. – Она сказала, что, когда мы найдем его, он будет уже не таким, как прежде... – В голове Клэри зазвучал голос Королевы, и она содрогнулась. Теперь она понимала, почему Саймон так ненавидит фей. Их слова застревали в мозгу занозой, их нельзя было забыть. – Мне кажется... она просто играет с нами. Ей нужны кольца, и только. Не думаю, что она в самом деле может нам как-то помочь.

– Может, ты и права, – произнесла Изабель. – Но если ей было известно об этом, возможно, она знает и еще что-то. К Совету обращаться нельзя. Но к кому тогда?

– К Магнусу, – уверенно сказала Клэри. – Он уже давно пытается расшифровать заклятие Лилит. Может быть, если я расскажу ему, что видела, это поможет ему, и...

Саймон поморщился.

– Хорошо, что среди нас есть бойфренд Магнуса, – вздохнул он. – Иначе нам бы туго пришлось. Например, продавали бы лимонад, чтобы собрать деньги и нанять этого великого колдуна.

– В таком случае лимонад пришлось бы заправлять метамфетамином, – недовольно произнес Алек.

– Да брось ты! Это же просто фигура речи. Всем известно, что услуги Магнуса стоят недешево. Просто... Не хочется бегать к нему по любому поводу.

– Он тоже от этого не в восторге, – сказал Алек. – Ладно, днем он занят, но вечером я поговорю с ним, а завтра утром мы все встретимся у него.

Клэри устало кивнула. Сейчас ей хотелось только одного – спать. Она чувствовала себя такой уставшей, будто потеряла в библиотеке половину крови, что текла по ее жилам.

Изабель наклонилась к Саймону:

– Получается, вечер у нас свободен. Может, пойдем в «Таки»? Ты там подкрепишься.

Саймон бросил взгляд на Клэри:

– Ты как, пойдешь?

– Нет, но вы идите. Я возьму такси до Уильямсбурга. Мне надо немного побыть с мамой.

Она расстроилась из-за Себастьяна, и теперь...

Изабель отвела с лица черную прядь:

– Клэри, ей нельзя говорить о том, что ты видела. Джослин не сможет утаить это от Люка, а Люк – член Совета. Он обязан доложить им...

– Знаю.

Клэри окинула взглядом друзей, которые взволнованно смотрели на нее. Как так получилось? – подумала она. У нее никогда не было секретов от мамы, а теперь ей придется утаить от нее и Люка страшную тайну. Совсем недавно она и не подозревала о существовании Алека и Изабель, понятия не имела о том, кто такой Магнус Бейн, а теперь они помогают ей. Как быстро меняются жизнь и представления о том, кому можно доверять. Но, по крайней мере, рядом с ней по-прежнему оставался Саймон, верный, надежный друг.

Она подошла, поцеловала его в щеку, махнула остальным на прощание и пошла к выходу из парка, сминая кроссовками опавшие листья.

Алек соврал. Занят был не Магнус, а он сам. Он знал, что совершает ошибку, но ничего не мог с собой поделать – жажда выведать тайну похожа на наркотик. И вот теперь он стоял в подземке, держа в руке колдовской огонь, и думал о том, какого черта затеял все это. Здесь, как и на всех станциях нью-йоркского метро, пахло сыростью, ржавчиной, гнилью и металлом. Но были и отличия. Во-первых, тишина. Во-вторых, полное отсутствие народу. Стены и платформа – чистые, хотя и со следами подтеков. Арочный потолок выложен зеленой плиткой. На стене – название станции: «Сити-Холл». Эта станция не работала с 1945 года, но ее содержали в порядке. Иногда здесь делал разворот поезд шестого маршрута, но это «иногда» случалось крайне редко. Алек пробрался сюда через люк в Сити-Холл Парке (ему пришлось поискать его в зарослях кизила). Прыгнуть вниз надо было с большой высоты – обычный человек переломал бы ноги, но Алек не был *обычным* человеком. И вот теперь он стоял здесь, вдыхая пыльный воздух, и сердце его билось все быстрее.

На станцию он пришел, потому что так было указано в письме, которое передал ему вестник. Сначала он решил, что не примет предложение, но так и не смог заставить себя выкинуть письмо. Он смял его и убрал в карман джинсов. Но он ни на минуту не забывал о письме, даже когда встречался с друзьями.

С Магнусом – та же история. Алек все время думал о нем, как о больном зубе, хотя знал, что от этого ему будет только хуже. Магнус не сделал ничего плохого. В конце концов, он не виноват в том, что ему несколько сотен лет и что в его жизни, разумеется, случались романы. Но мысль об этом все равно не давала Алеку покоя. А тут еще Джейс... Ему нужно было поговорить с кем-нибудь, куда-нибудь пойти и что-нибудь сделать. Вот почему он был здесь.

Он медленно прошелся вдоль платформы. В центре арочного потолка находилось застекленное окно, пропускавшее свет. От него тянулись ровные линии плиток. Небольшая лестница в дальнем конце платформы вела наверх, в темноту. Алек понял, что без чар здесь не обошлось: обычный человек там, где он видел лестницу, увидел бы бетонную стену и ничего больше. Он бесшумно поднялся по лестнице и оказался в комнатенке с низким потолком;

аметистовое окно наверху пропускало немного света. В углу стоял бархатный диван с гнутой золоченой спинкой, а на диване сидела Камилла.

В последний раз он видел ее прикованной к трубе в недостроенном здании, она была грязная и в рваном платье. Но сейчас на ней были дорогой черный костюм и красные туфли на высоком каблуке. Волосы спадали на плечи красивыми волнами. На коленях Камиллы лежала открытая книга: «*La Place de l'Etoile*» Патрика Модяно. Алек неважно знал французский, но сумел перевести название: «Площадь Звезды».

Камилла молча смотрела на него.

– Привет, – сказал он.

Она кивнула и холодно улыбнулась:

– Я узнала тебя по шагам на лестнице, Александр Лайтвуд. Магнус просил тебя что-нибудь передать мне?

Алек промолчал.

– Ах, ну да, глупость сказала. Он же не знает, где ты.

– По лестнице мог подниматься кто угодно. Но ты все-таки догадалась, что это я...

– Ничего удивительного, ты же Лайтвуд. Вы, Лайтвуды, никогда не сдаетесь. Я знала, что ты не успокоишься. Письмо было необходимо только для того, чтобы пробудить воспоминания.

– Мне не нужно напоминать о том, что ты мне обещала. Или ты солгала?

– В ту ночь я сказала бы что угодно, лишь бы меня освободили. Но я не лгала. – Она наклонилась вперед; глаза ее были одновременно и яркими, и мрачными.

– Ты – нефилим, и ты, кажется,ходишь в Совет. За мою голову обещана награда. Я ведь убийца Сумеречных охотников. Но ты пришел не за тем, чтобы привести их ко мне, так?

– Я хочу знать, где Джейс, – сказал Алек.

– Понимаю, – сказала она после небольшой паузы. – Но мне это неизвестно. Все, что я знаю, – это то, что его похитил сын Лилит, а у меня нет причин сохранять верность ей. Лилит больше нет. Я слышала, меня искали, надеясь выведать, что мне известно. Та к вот, теперь я могу признаться – мне неизвестно ничего. Я сказала бы тебе, где твой друг, если бы знала. У меня нет больше причин враждовать с нефилимами. – Она задумчиво поправила густые светлые волосы. – Но ты ведь здесь не за этим. Правда, Александр?

Алек почувствовал, как его дыхание ускорилось. Да, правда... Сколько раз он лежал рядом с Магнусом по ночам и считал собственные выдохи. Каждый выдох приближал его к старости и смерти. К концу.

– Ты говорила, что знаешь способ сделать меня бессмертным, – сказал Алек. – Чтобы мы с Магнусом могли вечно быть вместе.

– Да? Я так говорила? Как интересно!

– Прощу тебя!

– Хорошо. В обмен на услугу, – сказала Камилла и отложила книгу в сторону.

– Никаких услуг! Я тебя освободил, и теперь ты расскажешь мне все, что я хочу. Или я сдам тебя Совету. Они прикуют тебя цепями к крыше Института, и ты останешься там до рассвета.

Ее глаза сузились.

– Тебе меня не запугать!

– Раскрой тайну.

Она встала и провела руками по костюму, разглаживая складки:

– А ты заставь меня сделать это, Сумеречный охотник.

Отчаяние, страх и разочарование, скопившиеся внутри Алека, вырвались наружу. Он метнулся к Камилле, обнажившей клыки. У него едва хватило времени вытащить клинок серафимов, прежде чем она накинулась на него. Ему уже доводилось сражаться с вампирами, и

он знал, что бой с ними – это бой с торнадо. Алек прыгнул в сторону, перекатился, вскочил на ноги и пинком обрушил на нее лестницу. Подняв клинок, он успел крикнуть:

– Нуриэль!

Клинок вспыхнул ярким светом, Камилла замешкалась, но тут же снова бросилась на него. Ее острые когти вонзились ему в плечо. Алек развернулся и попытался нанести ей удар, но она ловко отпрыгнула. Он побежал к лестнице, ведущей на платформу, но в самом конце ее прижался к стене и, когда Камилла понеслась вниз, предпринял новую атаку. Они столкнулись; она вопила и царапала его когтями, но он крепко вцепился в ее руку и не отпускал до тех пор, пока они вместе не рухнули наземь. Алек мысленно поблагодарил Джейса, который научил его кое-каким приемам. Например, подниматься в воздух, по крайней мере на несколько секунд, оттолкнувшись от любой поверхности.

Чтобы победить, ему нужно было прижать ее к земле в том месте, где на пол падали лучи света. Они катались по платформе, и он пытался достать ее клинком, но Камилла легко уклонялась от ударов. Кроме когтей, в ход пошли острые каблуки. Алек выругался, и Камилла ответила ему потоком грязной брани. Она могла бы еще долго сыпать непристойностями, но тут Алеку повезло – он заметил, что они оказались в самом центре, там, где сквозь окно в потолке проникали лучи солнца. Алек схватил Камиллу за запястье и потянул к яркому кружку на полу. Рука тут же покрылась огромными белыми волдырями – Алек почувствовал, как от нее исходит жар, – и Камилла оглушительно завизжала. Наконец ей удалось отдернуть руку, и она попыталась укусить его. Алек ударил ее локтем в лицо и рассек губу; по подбородку Камиллы потекла густая кровь.

– Довольно? Или хочешь еще? – зло сказал он и снова потянул ее руку в круг света. Раны на руке уже затягивались, воспаленная, покрытая волдырями кожа медленно розовела.

– Нет! – закричала она и начала дрожать всем телом.

И тут Алек понял, что она смеется – смеется своим окровавленным ртом.

– Я снова почувствовала себя живой, маленький нефилим. Мне следует поблагодарить тебя за славный бой.

– Отблаговари меня по-другому – ответь на мой вопрос. – Алек тяжело дышал. – Или я оставлю от тебя кучку пепла. Хватит с меня игр.

Улыбка стала еще шире. Лицо Камиллы по-прежнему было в крови, но раны уже затянулись.

– Тебя нельзя сделать бессмертным. Разве что с помощью черной магии или превратив в вампира. Но эти варианты тебя не устроят.

– Но ты говорила, что есть другой способ...

– Конечно есть. – Ее глаза лукаво заблестели. – Ты не сможешь стать бессмертным, маленький нефилим, по крайней мере так, чтобы тебя это устроило. Но ты можешь лишиться бессмертия Магнуса.

Клэри сидела за письменным столом в своей спальне с ручкой в руке. Перед ней лежал листок бумаги. Солнце уже зашло, и она включила настольную лампу, чтобы руна, которую она начала чертить, вышла точной.

Когда она ехала домой, в голову ей пришло нечто необычное. Едва переступив порог, она заперлась в спальне, не отвечая на вопросы матери, и взялась за работу.

В дверь постучали. Клэри быстро спрятала листок с набросками под другой лист, чистый, и нехотя открыла дверь.

– Знаю, знаю, – сказала Джослин, подняв руку в ответ на протесты дочери, – ты хочешь, чтобы тебя оставили одну. Но Люк приготовил ужин. Тебе нужно поесть.

Клэри с укоризной взглянула на мать:

– И тебе тоже.

Как и дочь, Джослин в стрессовых ситуациях теряла аппетит, и сейчас лицо ее осунулось. Будь все по-другому, она бы паковала чемоданы, готовясь отправиться в свадебное путешествие. Но свадьба была отложена на неопределенный срок, и Клэри слышала, как мама плачет ночью за стеной. «Это я во всем виновата» – вот о чем говорил этот плач.

– Хорошо, я поем вместе с тобой, – сказала Джослин, натянуто улыбнувшись. – Люк готовит макароны.

Клэри села за стол, надеясь, что Джослин не спросит, чем она занимается.

– Мам, – сказала она. – Я хотела спросить...

– О чем?

Клэри прикусила ручку. Эту вредную привычку она сохранила с тех пор, когда только училась рисовать.

– Я слышала, что при рождении Сумеречные охотники проходят защитный обряд. Что его проводят Безмолвные братья и Железные сестры. И я подумала...

– Хочешь спросить, проходила ли ты этот обряд?

Клэри кивнула.

Джослин вздохнула и провела руками по волосам.

– Да, – сказала она. – Магнус помог мне все организовать. Обряд проводился в присутствии Безмолвного брата, который дал обет хранить тайну, и одной колдуньи, замещавшей Железную сестру. Я едва не отказалась от обряда. Я так хорошо спрятала тебя, что не думала, что тебе может угрожать сверхъестественное. Но Магнус уговорил меня... и был прав.

Клэри с любопытством посмотрела на нее:

– А кто эта колдунья?

– Джослин! Вода убежала! – позвал с кухни Люк.

Джослин спешно поцеловала Клэри в лоб:

– Прости, кулинарная катастрофа. Через пять минут увидимся, да?

Клэри кивнула, а потом, когда мать вышла из комнаты, снова повернулась к письменному столу. Недочерченная руна по-прежнему занимала все ее мысли. Завершив рисунок, она окинула его взглядом. Получилось что-то похожее на руну Открытия, но это была не она. Это был простой рисунок, но в нем таилась угроза, порожденная яростью, чувством вины и бессильной злостью.

Руна была могущественной. Но хотя Клэри точно знала, как ее использовать, она не могла понять, какой от нее может быть толк сейчас. Воображение нарисовало картинку: ее машина вышла из строя на пустынной дороге, и вместо кабеля для зарядки аккумулятора она с победным видом извлекает из багажника удлинитель – вот на что это было похоже. Ей казалось, что волшебная сила смеется над ней. Выругавшись, Клэри бросила ручку на письменный стол и обхватила лицо руками.

Внутри старая больница была выкрашена в белый цвет, и все вокруг зловеще сверкало. Большинство окон были заколочены, но даже в полумраке Майя могла разглядеть детали – осыпавшуюся штукатурку на голом полу в коридорах, провода, змеящиеся по стенам, разбитые лампы под потолком и даже мышей, копошащихся по темным углам.

За спиной раздался голос:

– Восточное крыло я обыскал. Ничего. А у тебя?

Майя обернулась. Позади нее стоял Джордан в темных джинсах, зеленой футболке и полужастегнутом черном кардигане.

– У меня тоже ничего. Шаткие лестницы. Архитектура любопытная, если тебе интересно, –

ответила она.

– Пойдем отсюда. У меня от этого места мурашки по коже.

Майя кивнула, радуясь тому, что ей не пришлось самой признаться в этом.

Она последовала за Джорданом вниз по лестнице, перила которой были запорошены осыпавшейся штукатуркой. Она не задумывалась над тем, почему они искали Джейса именно здесь, но не могла отрицать, что они хорошо сработались. С Джорданом было легко. Несмотря на то, что произошло между ними незадолго до исчезновения Джейса, он относился к ней с уважением, держал дистанцию и не ставил в неловкое положение. Они вышли из больницы. Недалеко от дверей в свете луны горбилось кривое деревце, ронявшее последние листья.

– Только время зря потеряли, – вздохнул Джордан.

Майя смотрела на него, а он – на заколоченные окна больницы, и ей это нравилось. Ей нравилось наблюдать за Джорданом, когда он этого не замечал. Она могла любоваться его скулами, темными кудрями, спадавшими на шею, изгибом ключицы под вырезом футболки, не боясь, что он будет от нее ожидать большего. Когда они познакомились, он был угловатым подростком с длинными ресницами, но теперь Джордан повзрослел – на костяшках пальцев появились белые шрамы, под обтягивающей футболкой двигались мышцы. Кожа Джордана все еще сохраняла оливковый оттенок, напоминая о его итальянских корнях, а ореховые глаза были все такими же, какими она их запомнила, разве что золотистые ободки вокруг зрачков выдавали в нем оборотня. Такие же зрачки она видела каждое утро, когда смотрела на себя в зеркало. И все это из-за него...

– Майя? – Теперь он смотрел на нее. – Ну, что ты об этом думаешь?

– А? – моргнула она. – Честно говоря, даже не знаю, зачем мы сюда пришли. Что Джейсу делать на бруклинской верфи? Вроде бы любви к кораблям за ним никто не замечал.

Джордан помрачнел:

– Трупы, сброшенные в Ист-Ривер, вода часто приносит сюда. На верфь.

– Мы что, труп ищем?

– Не знаю.

Джордан пожал плечами и зашагал в сторону дороги. Под ногами хрустела жухлая трава.

– Знаешь, я готов продолжать поиски только потому, что сдаваться неправильно, – сказал он.

Они шли рядом. Майя не отрывала глаза от панорамы Манхэттена, от сверкающей дорожки света на воде. Когда они вышли к неглубокому заливу Уоллабут, вдалеке показались Бруклинский мост и расцвеченный огнями прямоугольник порта на Саут-стрит. Майя чужая затхлый запах воды, дизельного топлива и мелких животных, шнырявших в траве.

– Мне кажется, Джейс не умер, – наконец сказала она. – Просто не хочет, чтобы мы его нашли.

Джордан обернулся к ней:

– Так ты считаешь, что искать не нужно?

– Нет, – ответила она неуверенно.

Шагая, Майя вела рукой по неширокому ограждению, отделявшему асфальт от воды.

– Когда я сбежала в Нью-Йорк, я тоже не хотела, чтобы меня нашли. Но мне было бы приятно, если бы меня искали, как ищут Джейса Лайтвуда.

– Джейс тебе нравился? – спокойно спросил Джордан.

– Нравился? Ну, нет, не в этом смысле.

Джордан рассмеялся:

– Я не об этом. Хотя его обычно считают красавцем.

– Ты же не собираешься притворяться, что не отличишь красавца от уроды, как это делают

большинство мужчин? Уж не хочешь ли ты сказать, что для тебя Джейс и волосатый индус из забегаловки на Девятой улице на одно лицо?

– Ну, у индуса на лице бородавка, так что у Джейса есть преимущество. Если, конечно, кому вообще по вкусу стройные блондины модельной внешности.

Он украдкой взглянул на нее.

– А мне всегда нравились брюнеты, – сказала она тихо.

– Вроде Саймона?

– Ну, да. Наверное. – Майя уже давно не думала о Саймоне как о мужчине.

– А еще тебе нравятся музыканты... – Он потянулся и сорвал одинокий лист с ветки над головой. – Я – певец, Бэт – диджей, а Саймон...

– Мне нравится музыка. – Майя убрала с лица волосы.

– А что еще? – Джордан остановился, сел на перегородку и развернулся к ней. – В смысле, чем бы тебе хотелось зарабатывать на жизнь?

Она удивленно посмотрела на него:

– А почему ты спрашиваешь?

– Помнишь, откуда у меня эти штуки?

Он сбросил кардиган и остался в футболке. На бицепсах были вытатуированы мантры шанги на санскрите. Майя хорошо помнила, как эти татуировки делала ему бесплатно их общая подруга Валери в тату-салоне в Рэдбэнке. Протянув руку, она неуверенно провела пальцем по буквам на левой руке. Джордан закрыл глаза.

– Веди нас от нереального к реальному. Веди нас из тьмы в свет. Веди нас из тьмы в свет, – прочитала она вслух. Кожа под пальцами была гладкой. – Это из Упанишад.

– Это ты придумала. Ты была всезнайкой, вечно что-то читала... – Он открыл глаза – они были чуть светлее воды за его спиной – и посмотрел на нее: – Майя, ты только скажи, чего хочешь, и я тебе помогу. «Претор Люпус» хорошо платит, и я много скопил. Я мог бы оплатить твою учебу в Стэнфорде. Ну, большую часть. Если ты все еще хочешь учиться, конечно.

– Не знаю... – сказала она, и мысли в ее голове закружились вихрем. – Когда я присоединилась к стае, я не думала, что оборотень может стать кем-то еще... что он может стать личностью. Мне казалось, что он может быть только частью стаи. Я думала, так безопаснее. Но Люк живет полноценной жизнью. Он держит магазин, а ты... ты – преторианец. Наверное, оборотень все же может чего-то добиться...

– Майя, ты никогда не была просто оборотнем. Ты вот только что сказала, что тебе было бы приятно знать, что тебя ищут... – Он глубоко вздохнул. – Я искал тебя. Искал не переставая.

Джордан не двигался, но костяшки пальцев, которыми он сжимал колени, побелели. Майя наклонилась вперед, разглядела едва заметную щетину на подбородке и снова почуяла его запах – запах волка, зубной пасты и... мужчины. Она положила руки ему на плечи и сказала:

– Что ж, ты меня нашел.

А потом он поцеловал ее. Его губы были такими же нежными, какими она их запомнила. Она обняла его, провела пальцами по густым темным кудрям, осторожно дотронулась до шеи и почувствовала, как ее бьет дрожь.

Джордан прижал ее к себе. Она ощущала жар его сильного тела, и ее руки скользнули вниз по его спине.

– Майя, – прошептал он, приподнимая край ее свитера. – Я люблю тебя. Всегда любил. Ты моя. Всегда будешь моей.

Ее сердце колотилось, и она рванулась от него, поправляя свитер:

– Джордан... Перестань.

Он взглянул на нее потрясенно:

– Извини. Я плохо целуюсь? Кроме тебя, я никого не целовал... с тех самых пор.

Он осекся. Майя мотнула головой:

– Нет, просто... Просто я не могу.

– Ладно, – сказал он, и Майя подумала, что обидела его.

– Нам не стоит ничего... – Она искала нужные слова. – Просто это... чересчур.

– Это просто поцелуй.

– Ты сказал, что любишь меня... – Ее голос дрожал. – Ты предложил часть своих сбережений. Я не могу этого принять.

– Что ты не можешь принять? – спросил Джордан дрогнувшим голосом. – Деньги или любовь?

– Ни то ни другое. Я просто не могу. Не с тобой, не сейчас. – Она попятилась назад. – Не преследуй меня, пожалуйста.

Майя развернулась и поспешила домой.

5. Сын Валентина

Ей снова снился снег. Бесконечная холодная тундра, плавающие льды в черных водах Арктики, заснеженные вершины гор и ледяные башни, похожие на стеклянные дворцы Аликанте.

Она спускалась по крутому холму, пытаясь добраться до замерзшего озера, хотя сама не знала зачем. Посреди скованной льдом водной глади стояли две темные фигуры. Руки Клэри замерзли, в сапоги набился снег.

Приблизившись к озеру, она увидела юношу, за спиной которого виднелись черные, как у ворона, крылья. Волосы юноши были такими же белыми, как снег. Себастьян. А рядом с ним – Джейс. Золотые волосы Джейса – единственное пятно цвета в черно-белом мире.

Джейс распростер мерцающие крылья цвета белого золота и пошел навстречу Клэри. Она спустилась еще на несколько футов и рухнула на колени от усталости. Руки ее посинели и кровоточили, губы растрескались, ледяной воздух с каждым вдохом обжигал невыносимой болью.

– Джейс, – прошептала она.

Он подошел, помог встать на ноги и окутал крыльями. Она быстро согрелась – тело оттаяло, по рукам и ногам побежали приятные мурашки.

– Клэри, – сказал он, нежно поглаживая ее по волосам, – обещаю, что не будешь кричать.

Клэри открыла глаза. Она лежала на боку под теплым одеялом в своей спальне в доме Люка; кровать стояла рядом со шкафом с треснувшим зеркалом; из окон открывался вид на Ист-Ривер; над шкафом горел слабый огонек противопожарной сигнализации. По спине Клэри разливалось приятное тепло. Ее обняла чья-то рука. Она решила, что это Саймон пробрался через окно и лег рядом, как в детстве, когда они спали в одной кровати.

Но тело Саймона не было теплым, он был вампиром.

Вздрогнув, Клэри повернулась. Рядом с ней, подперев голову рукой и глядя на нее, лежал Джейс. В тусклом свете луны его волосы казались нимбом, а глаза по-кошачьи блестели. На нем была та же белая футболка с короткими рукавами, в которой она видела его в тот день, когда он пропал, руки были покрыты рунами.

Она испугалась. Джейс, *ее Джейс*, никогда не смотрел на нее так. Он смотрел на нее страстно, но не ленивым взглядом хищника, от которого сердце сбивалось с ритма.

Клэри открыла рот – то ли для того, чтобы закричать, то ли для того, чтобы назвать его имя. Джейс навалился на нее сверху и зажал рот рукой. Она почувствовала, как его стройное, мускулистое тело давит на нее.

– Я не сделаю тебе больно. Никогда. Но я не хочу, чтобы ты кричала. Нам нужно поговорить, – сказал он.

Она потрясенно уставилась на него.

– Я все понимаю по выражению твоего лица, Клэри Фрэй, – засмеялся он. – Стоит мне разжать твой рот – и ты закричишь. Или сломаешь мне запястья. Пообещай, что не будешь делать ничего такого. Поклянись ангелом.

На этот раз она округлила глаза.

– Ладно, ты права, – сказал он. – Как же ты поклянешься, если я зажал тебе рот? Я его разожму. Но если ты закричишь, – он наклонил голову, и бледно-золотистые волосы упали ему на глаза, – я исчезну.

Он убрал руку.

Клэри тяжело дышала, а он по-прежнему давил на нее всем телом. Его плоский, упругий

живот соприкасается с ее кожей. Она залилась краской, поняв, что топик задрался. И вместе с тем ей казалось, что по ее жилам бегут ледяные иголки.

– Что ты здесь делаешь?

Он слегка отпрянул и разочарованно посмотрел на нее:

– Вау, я ожидал не этого, а скорее «Аллилуйя!». В конце концов, твой парень не каждый день воскресает из мертвых.

– Я знала, что ты жив, – онемевшими губами проговорила она. Видела тебя в Библиотеке с...

– Полковником Мастардом?^[6]

– Себастьяном.

Он тихо усмехнулся:

– Я знал, что ты была там. Чувствовал это.

Она напряглась.

– Ты пропал и напугал меня, – сказала она. – Я думала, что ты... что ты, возможно... – Она осеклась. Это было выше ее сил – произнести «умер». – Это непростительно! Если бы я так с тобой поступила...

– Клэри... – Он нежно дышал ей в ухо, и это ужасно отвлекало. – Клэри, мне пришлось это сделать. Было слишком опасно. Если бы я сказал тебе обо всем, у тебя не осталось бы другого выбора, кроме как признаться Совету, что я жив, и позволить им начать охоту на меня. Правда, я подозреваю, что ты бы предпочла сохранить тайну, но тогда в их глазах ты бы стала моей сообщницей. После того как ты увидела меня в Библиотеке, мне нужно было подождать. Узнать, любишь ли ты меня до сих пор, расскажешь ли Совету о том, что видела. Убедиться, что я важнее для тебя, чем закон. Ну, что скажешь?

– Не знаю, – прошептала она. – Ты кто?

– Я все тот же Джейс, – сказал он. – И я люблю тебя.

На глаза Клэри навернулись горячие слезы. Он осторожно наклонил голову и поцеловал ее сначала в щеки, потом в губы. Волна знакомых ощущений накрыла ее, и она на мгновение прильнула к нему – сомнения уступили перед слепым желанием быть рядом с ним, и в этот момент дверь спальни открылась.

Джейс отпустил ее, сел и ухмыльнулся:

– Ну и ну. Хуже просчитался со временем только Наполеон, решив вторгнуться в Россию зимой...

В дверях стоял Себастьян.

Он изменился со времен Идриса. Волосы его были белыми, как бумага, глаза стали похожи на черные тоннели, прикрытые длинными, словно паучьи лапы, ресницами. Он был одет в белую рубаху с закатанными рукавами, и Клэри увидела красный шрам, окольцовывающий правое запястье как ребристый браслет. На правой ладони тоже был шрам, судя по виду – свежий.

– Эй, ты зачем своими грязными лапами мою сестру трогаешь? – сказал он с усмешкой Джейсу.

– Прости, прости, – неискренне извинился Джейс. – Мы немного забылись.

Клэри вдохнула. Собственный вдох показался ей громоподобным.

– Убирайся отсюда, – сказала она Себастьяну.

Он отошел от двери и подошел к окну. Клэри с удивлением отметила, что у них с Джейсом одинаковая пластика. Они не были похожи, но двигались одинаково.

– Ну же, – сказал Себастьян, – разве так разговаривают со старшим братом?

Он ухмыльнулся, и Клэри с отвращением вспомнила, как он водил ее к руинам сгоревшего дома матери, как целовал ее среди пожарища, прекрасно зная, кем они приходятся друг другу.

Она бросила взгляд на Джейса. Когда Джейс узнал, что Себастьян целовал ее, он едва не убил его. Но сейчас он не проявлял и тени недовольства, разве что был слегка раздражен тем, что им помешали.

– Я тут подумал, нужно чаще проводить время с семьей, – сказал Себастьян, разглядывая свои ногти.

– Думай что хочешь, но ты не мой брат. Ты убийца, – взвилась Клэри.

– Ну, одно не исключает другое. И кстати, я имею в виду нашего дорогого отца. – Он лениво перевел взгляд на Джейса. – Обычно я не люблю вмешиваться в личную жизнь своих друзей, но, видимо придется. Жаль, что я не могу включить свет.

Джейс сел на кровати:

– Дай нам пять минут.

Себастьян театрально вздохнул, вышел и захлопнул дверь.

Клэри уставилась на Джейса.

– Какого черта...

– Не выражайся, Фрэй. – Джейс хитро прищурил глаза. – Расслабься.

Клэри резко вытянула руку, указывая пальцем на дверь:

– Ты слышал, что он сказал. И между прочим, когда он поцеловал меня, он знал, что я – его сестра. Джейс...

Его золотые глаза потемнели, но Клэри показалось, что ее слова не задели его. Она отпрянула:

– Джейс, ты вообще меня слушаешь?

– Клэри, я пойму, если тебе неловко, когда твой брат стоит в коридоре. Я не собирался тебя целовать. Просто подумал, что идея хорошая. – В других обстоятельствах его улыбка показалась бы ей милой, но не сейчас.

Клэри выбралась из постели, дотянулась до халата и надела его. Джейс наблюдал за ней, не пытаясь остановить.

– Я... Я не понимаю. Сначала ты исчезаешь, а потом возвращаешься с *ним* и ведешь себя так, как будто это не мое дело.

– Я же сказал. Мне нужно было убедиться, что тебе можно верить. Я не хотел, чтобы ты знала, где я, в то время, когда тебя допрашивал Совет. Я думал, тебе будет тяжело...

– Тяжело? – Она почти задыхалась от ярости. – Тяжело сдавать экзамены и пробегать полосу препятствий. Ты меня едва не убил, когда исчез, Джейс. А каково, по-твоему, пришлось Алеку? А Изабель? А Маризе? Ты можешь это представить? Поиски, неизвестность...

Лицо его снова приняло странное выражение, словно он слушал, но не слышал ее.

– Ах да, я как раз собирался спросить... – Он ангельски улыбнулся. – Меня ищут?

Она мотнула головой, плотнее закутываясь в халат. Ей вдруг захотелось укрыться от Джейса, от его красоты и... от его хищной улыбки, говорившей о том, что он готов сделать с ней что угодно, кто бы ни ждал сейчас в коридоре.

– Сказать по правде, я надеялся, что они развешат ориентировки, как это делают, когда пропадают котята, – сказал он. – Пропал прелестный мальчик. Отзывается на «Джейс» и «Красавчик».

– Ушам своим не верю.

– Что, не нравится «Красавчик»? Думаешь, «Сладкие Щечки» лучше? А «Любимчик»? Нет, это уже перебор, слишком по-британски? Хотя, если подумать, у меня британские корни...

– Заткнись. И убирайся, – разъяренно сказала Клэри.

– Я... – судя по виду, Джейс был поражен. – Ладно, Кларисса, давай по-серьезному. Я здесь потому, что хочу, чтобы ты пошла со мной.

– Куда?

– Пойдем со мной, – сказал он и на секунду замешкался. – И Себастьяном. Я объясню...

Клэри застыла, не отрывая от него глаз. Серебристый свет луны подчеркивал изгибы его губ, глаза в тени ресниц казались бездонными.

– В последний раз, когда я пошла с тобой, меня вырубили и притащили к месту проведения колдовского обряда.

– Это не я. Это все Лилит.

– Джейс Лайтвуд, которого я знала, не смог бы находиться в одной комнате с Джонатаном Моргенштерном. Он убил бы его.

– Боюсь, это пошло бы мне во вред, – беспечным тоном сказал Джейс, засовывая ноги в ботинки. – Мы с ним связаны. Если кто-то ранит его, кровь потечет у меня.

– Связаны? Как это?

Он оставил ее вопрос без ответа.

– Все это серьезнее, чем ты думаешь, Клэри. У Себастьяна есть план. Если бы ты дала мне шанс объяснить...

– Он убил Макса, Джейс, – сказала она. – Твоего младшего брата.

Джейс дернулся, и Клэри показалось, что ей все-таки удалось его задеть. Но уже через мгновение выражение его лица снова стало невозмутимым, словно мятую простыню расправили.

– Это... Это был несчастный случай. И кроме того, Себастьян – тоже мой брат.

– Нет, – Клэри мотнула головой, – он не твой брат, а мой. Знал бы ты, как я жалею, что он вообще родился...

– Как ты можешь так говорить? – сердито спросил Джейс. – Тебе не приходило в голову, что мир, возможно, не такой черно-белый, как тебе представляется? – Он потянулся за ремнем и нацепил его. – Шла война, Клэри, и люди гибли, но теперь все иначе. Теперь я знаю, что Себастьян никогда бы намеренно не причинил вреда моим близким. Бывают, конечно, издержки...

– Ты только что назвал своего брата «издержками»? – Она сорвалась на крик.

– Клэри, ты не слушаешь. Это важно.

– Валентин тоже думал, что то, что он делает, – важно.

– Валентин ошибался. Он был прав в том, что Совет погряз в пороке, но выбрал неверный способ борьбы. А вот Себастьян не промахнулся с выбором. Если бы ты только выслушала нас...

– Нас... – произнесла она. – Джейс...

Он неотрывно смотрел на нее, разбивая взглядом сердце, а она судорожно пыталась вспомнить, где оставила стилус и сможет ли добраться до складного ножа в прикроватной тумбочке, если придется.

– Клэри? – Джейс наклонил голову. – Ты ведь меня все еще любишь?

– Я люблю Джейса Лайтвуда, – сказала она. – А тебя я не знаю.

Джейс переменился в лице, но прежде чем он успел сказать что-то, тишину вспорол крик, за которым раздался звон разбитого стекла.

Клэри сразу узнала голос матери. Даже не взглянув на Джейса, она бросилась в гостиную. От кухни гостиную отделяла длинная стойка, у которой стояла Джослин в стрейчах и потрепанной футболке. Волосы ее были собраны в небрежный пучок. У ног лежали осколки разбитого стакана, в серый ковер медленно впитывалась вода. Лицо Джослин, казалось, лишилось цвета. Она смотрела в другой конец комнаты, и Клэри, даже не повернув головы, тут же поняла, что здесь произошло.

Джослин увидела сына. Себастьяна.

Себастьян с безучастным видом стоял у двери и смотрел на мать. Он чем-то напоминал семнадцатилетнего Валентина на фотографии, сделанной Ходжем. Скорее всего, осанкой.

– Джонатан, – прошептала Джослин.

В гостиную влетел Джейс. Левую руку он держал на ремне, тонкие пальцы были в паре дюймов от кинжала, и Клэри не сомневалась, что в любую секунду он мог пустить его в ход.

– Теперь меня зовут Себастьян, – с усмешкой поправил парень. – Я решил, что не хочу носить имя, которое вы с отцом дали мне. Вы предали меня, и теперь я предпочитаю держаться от вас подальше.

Джослин сделала шаг вперед, ее глаза бегали по лицу Себастьяна.

– Я думала, ты умер. Умер... Я видела, как твои кости превратились в пепел, – прошептала она.

Себастьян прищурил черные глаза:

– Если бы ты была хорошей матерью, ты бы знала, что я жив. Говорят, матери всю жизнь хранят ключ к нашим душам. Но ты выбросила ключ от моей.

Джослин схватилась за стойку, чтобы не упасть. Клэри хотела подбежать к ней, но ее ноги словно примерзли к полу. В голове мелькнула мысль: то, что сейчас происходит, тебя не касается, они сами должны разобраться.

– Только не говори, что ты совсем не рада меня видеть, мама, – ровным голосом сказал Себастьян. – Разве я не такой, каким ты всегда мечтала видеть своего сына? – Он встал в картинную позу. – Сильный, красивый. Вылитый отец!

Джослин мотнула головой:

– Что тебе нужно, Джонатан?

– То же, что и всем. То, что причитается мне по праву. Если конкретно, наследство Моргенштернов.

– Наследство Моргенштернов – кровь и хаос. Мы с дочерью отреклись от этого рода.

Джослин все еще держалась рукой за стойку, но Клэри видела, что мать приходит в себя.

– Если ты уйдешь сейчас, Джонатан, я никому не скажу, что ты был здесь. – Она бросила взгляд на Джейса. – Тебя это тоже касается. Если Совет узнает, что вы сообщники, вас обоих убьют.

Клэри машинально шагнула вперед, чтобы заслонить собой Джейса.

– Разве тебе не все равно, умру я или нет? – спросил Джейс.

– Мне не все равно, что тогда случится с моей дочерью, – ответила Джослин. – Закон суров, даже слишком суров. Но тебя, возможно, еще удастся спасти. – Она взглянула на Себастьяна: – А вот тебя, мой Джонатан... Слишком поздно.

Неожиданно Джослин выбросила вперед руку, в которой был зажат длинный кинжал Люка. По ее щекам лились слезы.

– Я ведь похож на него как две капли воды? – сказал Себастьян, не двигаясь; казалось, он не замечает кинжала. – На Валентина. Поэтому ты так на меня смотришь?

– Ты выглядишь так же, как и всегда. Как демон, – с грустью в голосе произнесла Джослин. – И ты всегда так выглядел, с самого рождения. Мне очень жаль...

– Жаль? Чего?

– Что я не убила тебя сразу.

Она вышла из-за стойки и направилась к Себастьяну. Клэри напряглась. Темные глаза Себастьяна следили за тем, как мать приближается.

– Так вот, чего ты хочешь? – сказал он. – Моей смерти? – Он шагнул вперед. – Ну давай. Убей собственного сына. Я не буду сопротивляться.

– Себастьян, – осторожно сказал Джейс.

Клэри бросила на него недоверчивый взгляд. Неужели он испытывает страх?

Джослин сделала еще один шаг вперед. Нож в ее руке взметнулся, целясь в сердце Себастьяна.

Но тот не шевельнулся.

– Давай же, – тихо сказал он. – Что, не можешь себя заставить? Ты могла бы убить меня при рождении, но не сделала этого. – Он еще больше понизил голос. – Может быть, ты понимаешь, что ребенка можно любить вопреки всему. Может быть, если бы ты любила меня по-настоящему, то смогла бы меня спасти.

Льдисто-зеленые глаза Джослин встретились с черными, как уголь, глазами сына. В уголках рта Джослин прорезались морщины. Клэри могла поклясться, что раньше их не было.

– Ты притворяешься, – сказала Джослин дрожащим голосом. – Ты ничего не чувствуешь, Джонатан. Твой отец научил тебя подражать человеческим эмоциям, как попугай учат повторять слова. Но попугай не понимает, что говорит, а ты не понимаешь, чему подражаешь. Я так хотела, чтобы все было иначе. Но...

Джослин взмахнула кинжалом. Удар был точно просчитан, и клинок должен был вонзиться Себастьяну между ребер, но тот крутанулся назад, и острие лишь царапнуло его.

Джейс, стоявший рядом с Клэри, охнул. Она обернулась и увидела, как по его футболке расплывается красное пятно. Джейс прикоснулся к нему, и на его пальцах остались пятна крови. *Мы с ним связаны. Если кто-то ранит его, кровь потечет у меня.*

Клэри, не раздумывая, бросилась вперед и встала между Джослин и Себастьяном.

– Мама, не надо, – взмолилась она.

– Отойди, Клэри, – не отрывая глаз от Себастьяна, произнесла Джослин.

Себастьян рассмеялся:

– Как мило! Младшая сестренка защищает старшего брата.

– Я тебя не защищаю. – Клэри по-прежнему смотрела на мать. – Все, что происходит с Джонатаном, отражается на Джейсе. Понимаешь, мам? Если ты убьешь его, Джейс умрет. Он уже в крови. Мама, перестань. Пожалуйста.

На лице Джослин появилась тень неуверенности.

– Клэри...

– Ах, какой неловкий момент, – заметил Себастьян. – Мне даже интересно, чем все закончится. В конце концов, я особо не спешу.

– И напрасно, я бы на твоем месте поспешил, – раздался голос из коридора.

Это был Люк – босой, в старом свитере, джинсах и без очков. Он казался моложе своих лет. В руках Люк держал обрез, наставив его на Себастьяна.

– Это винчестер двенадцатого калибра. В нашей стае из него пристреливают бешеных волков. Даже если я не убью тебя, то ногу отстрелю точно, сын Валентина, – сказал он.

Все замерли, кроме Себастьяна.

– Сын Валентина? – насмешливо произнес он. – Ты действительно так меня воспринимаешь? В других обстоятельствах ты бы мог стать моим крестным отцом.

– В других обстоятельствах ты бы мог быть человеком, – ответил Люк, и его палец скользнул на курок.

– Что ж, то же самое можно сказать и о тебе, оборотень.

Казалось, Земля перестала вращаться. Люк прицелился. Себастьян улыбался.

– Люк, – прошептала Клэри. – Люк, не надо.

Это было похоже на кошмарный сон, и больше всего ей хотелось проснуться.

Палец Люка напрягся, и тут Джейс рванулся вперед. Перепрыгнув через диван, он налетел на Люка. Раздался выстрел. Из окна со звоном посыпалось стекло. Люк потерял равновесие и

попятился назад. Джейс вырвал винчестер у него из рук и отбросил оружие в сторону.

– Люк... – начал Джейс и получил удар в скулу.

Клэри вскрикнула. Люк всегда становился на сторону Джейса, он защищал его от Джослин, от Маризы, от Совета, наконец, – и вдруг ударил его по лицу. И не просто ударил, а так, что Джейс отлетел к стене.

Воспользовавшись замешательством, Себастьян вытащил из-за пояса длинный тонкий кинжал. Глаза Люка расширились. Он метнулся в сторону, но Себастьян оказался проворнее. Клэри никогда не видела, чтобы кто-то двигался так быстро. Он всадил кинжал по самую рукоятку в грудь Люка и резко повернул его. Люк повалился назад и сполз по стене, оставляя на обоях кровавое пятно. Клэри в ужасе застыла. Джослин закричала. Крик ее был страшен, но Клэри казалось, что он долетает до нее издалека. Она смотрела на Люка, лежащего на полу. Ковер под ним быстро краснел.

Себастьян снова занес кинжал. Клэри, не помня себя, бросилась к нему, стараясь сбить с ног. Краем глаза она заметила, что из его рассеченной скулы сочится кровь. *Мы с ним связаны. Если кто-то ранит его, кровь потечет у меня*, – снова вспомнила она.

– Довольно! – Джейс схватил Себастьяна за ворот куртки. Он побледнел и не смотрел ни на Люка, ни на Клэри. – Мы не за этим сюда пришли.

– Отпусти меня.

– Нет! – Джейс схватил Себастьяна за руку и встретился взглядом с Клэри.

Его губы шевелились, беззвучно произнося что-то. Потом сверкнуло серебро кольца на пальце Себастьяна, и они с Джейсом исчезли.

В ту же секунду в стену, где они только что стояли, вонзился кинжал Люка.

Клэри повернулась к матери, но Джослин было все равно, что творится с ее дочерью. Она метнулась к Люку, села рядом с ним на окровавленный ковер и положила его голову себе на колени. Глаза Люка были закрыты, из уголка рта текла кровь. Кинжал Себастьяна лежал рядом.

– Мам, он... – прошептала Клэри.

– Серебряный, – ответила Джослин. – Шансов, что раны затянутся, мало, но они есть.

Она погладила Люка по щекам. Клэри тихо плакала. Немного успокаивало ее лишь то, что грудь Люка, хотя и с трудом, вздымалась. Она удивлялась тому, как спокойна мать. Но Джослин в прошлом пережила тяжелейшие испытания. Она стояла на пепелище собственного дома, окруженная обгоревшими телами родных, и это не сломило ее.

– Принеси из ванной полотенце, – попросила Джослин. – Надо остановить кровь.

Девушка нетвердой походкой прошла в ванную, сдернула с крючка полотенце и вернулась в гостиную. Одной рукой Джослин поддерживала лежавшего на ее коленях Люка, в другой был сотовый телефон. Увидев дочь, она бросила телефон, потянулась за полотенцем, сложила его пополам и прижала к груди Люка. Клэри в ужасе наблюдала за тем, как ткань пропитывается кровью.

– Люк, – позвала Клэри.

Он не двигался. Лицо его посерело.

– Я позвонила в стаю, – сказала Джослин.

Она не задала ни единого вопроса – ни о Джейсе, ни о Себастьяне, ни о том, почему Джейс оказался в ее спальне. Все ее внимание было поглощено Люком.

– Члены стаи патрулируют территорию. После того как они придут сюда, нам придется уйти. Джейс вернется за тобой.

– Ты не знаешь... – начала Клэри.

– Знаю, – оборвала ее Джослин. – Валентин вернулся за мной через пятнадцать лет. Мужчины рода Моргенштернов не сдаются. Он еще придет за тобой.

Джейс – не Валентин, хотела сказать Клэри, но у нее не повернулся язык. Ей хотелось упасть на колени, взять Люка за руку, крепко сжать и сказать ему, как она его любит... Но то, что произошло в спальне, останавливало ее. Это она во всем виновата, она...

С улицы донеслись приглушенные голоса. Стая. Джослин рывком подняла голову:

– Клэри, собирайся. Возьми все необходимое, но не больше, чем сможешь унести. В этот дом мы уже не вернемся, – добавила она.

6. Ни одно оружие на свете

На плечи Клэри и Джослин, спешащих по Гринпойнт-авеню, со свинцово-серого неба падал снег, с Ист-Ривер дул ледяной ветер. С тех пор как они оставили Люка в заброшенном полицейском участке, служившем штабом стае, Джослин не сказала ни слова. Они обе смутно помнили события последнего часа, настолько велико было потрясение. Члены стаи, несущие вожака на руках, аптечка, запах лекарств... Клэри знала, что Люка нельзя отправлять в обычную больницу, но и оставлять его в незнакомом месте было невероятно тяжело. Ни Джослин, ни Клэри не были частью стаи и, соответственно, не были посвящены во все ее тайны. Клэри искала глазами Майю, свою союзницу, но ее там не было. В какой-то момент Джослин велела дочери подождать в коридоре, потому что в комнате нечем было дышать. Клэри села на пол, положив рюкзачок на колени. Часы показывали начало третьего ночи. Она еще никогда не чувствовала себя такой одинокой. Если Люк умрет... Клэри почти не помнила жизни без него. Люк и мама щедро дарили ей свою любовь. Одно из ее самых первых воспоминаний – то, как Люк сажает ее на плечи, а потом на ветку яблони на своей ферме за городом... В лазарете, когда Бэт, третий по старшинству в стае, доставал бинты и антисептики, Люк дышал шумно, с трудом. Так дышат умирающие, подумала Клэри, но не смогла вспомнить последних слов, сказанных Люку. Разве последние слова, сказанные умирающему, не запоминаются навсегда?

Когда измотанная Джослин наконец вышла, она протянула руку дочери и помогла ей подняться с пола.

– Он... – начала Клэри.

– Состояние стабилизировалось, – сказала Джослин, окинув взглядом коридор. – Пойдем.

– Куда? – удивилась Клэри. – Я думала, мы останемся с Люком. Я не хочу его бросать.

– Я тоже не хочу, – отрезала Джослин, и Клэри сразу подумала о том, что ее мать когда-то покинула Идрис, чтобы начать новую жизнь в одиночку. – Но Джейс и Джонатан не должны прийти сюда вслед за нами, – продолжила Джослин. – Это небезопасно для стаи. И для Люка тоже. Джейс первым делом будет искать тебя здесь.

– Тогда куда... – начала Клэри, но тут же замолчала. Она знала ответ.

Снег на тротуаре напоминал сахарную пудру. Перед тем как выйти из дома, Джослин надела длинное пальто, но под ним была перепачканная кровью Люка одежда. Она шла, решительно сжав губы, глядя вперед.

Клэри подумала, что мама, должно быть, выглядела так же, когда покидала Идрис, спрятав под пальто Чашу смерти. Она потрясла головой, чтобы избавиться от тяжелых мыслей. В памяти возник Себастьян, вонзающий кинжал в Люка, затем она услышала голос Джейса, произносящий слово «издержки», и вспомнила слова Королевы фей. *Часто бывает так, что мы теряем что-то ценное для нас, а потом, когда находим, это оказывается уже не таким, как прежде.*

Джослин понизе опустила капюшон. Меж ее рыжих прядей блестели снежинки. Она молчала. Улица, по которой они шли, была пустынной. Внезапно Клэри вспомнила. Ночь... Низко нависшее серое небо... Они с мамой идут меж грязных сугробов снега... Она уже видела эту картину, когда Безмолвные братья проникли в ее разум. Тогда мама вела ее к Магнусу, чтобы стереть память. И к Магнусу они шли теперь.

Перед ними возвышался дом из красного кирпича. Джослин открыла стеклянные двери, и они вошли. Внизу был домофон, и Джослин трижды позвонила. Когда они поднялись по лестнице, Магнус ждал их, опершись на перила. Он был одет в светло-желтую пижаму и зеленые тапочки в виде инопланетян с антеннами-пружинками. Кошачьи глаза блеснули из-под

взъерошенных вихров.

– Добро пожаловать в приют Святого Магнуса, – сказал он и распростер руки. – Свободные комнаты вон там. Вытирайте ноги.

Сегодня его квартира была обставлена в псевдовикторианском стиле – диваны с высокой спинкой и большие позолоченные зеркала. На колоннах светились лампы в форме причудливых цветов. В конце небольшого коридора находились три гостевые комнаты. Клэри наобум выбрала ту, что справа. Стены в ней были оранжевыми, как в ее спальне в Паркслоуп, у стены стояла кушетка, а из маленького окна виднелись темные окна закусочной. Председатель Мяо свернулся на кровати, прикрыв нос хвостом. Клэри села рядом и почесала кота за ухом, животное довольно замурлыкало. Девушка заметила, что рукав ее свитера потемнел от запекшейся крови. Кровь Люка... Она встала, сняла свитер, достала из рюкзака чистые джинсы, черную трикотажную кофту и переоделась. Из зеркала на нее смотрело бледное лицо с проступающими веснушками; пряди волос намокли от снега. Но ей было все равно, как она выглядит. Она вспомнила, как Джейс целовал ее, и в животе закололо так, словно она проглотила острый нож. Посидев, пока не унялась боль, она сделала глубокий вдох и пошла в гостиную. Мама сидела в кресле с позолоченной спинкой, обхватив длинными пальцами кружку горячей воды с лимоном. Магнус устроился на ярко-розовом диване, положив ноги в зеленых тапочках на кофейный столик.

– Стае удалось вывести его из критического состояния, – устало рассказывала Джослин. – Но что будет дальше – неизвестно. Была надежда, что лезвие всего лишь посеребренное, но она не оправдалась. Острие... – Она подняла глаза, увидела Клэри и умолкла.

– Продолжай, мам. Я уже достаточно взрослая, чтобы знать, что случилось с Люком.

– Они не знают, в чем именно дело, – вздохнула Джослин. – Острие кинжала откололось от удара в ребро и застряло в кости. Они не могут его вытащить. Оно... движется.

– Движется? – озадаченно спросил Магнус.

– Когда они попытались его извлечь, оно еще глубже проникло в кость. Люк – оборотень, обычно раны на нем быстро заживают, но острие мешает ране затянуться и разрушает кость.

– Боюсь, что это не серебро, – сказал Магнус, – это демонический металл.

Джослин наклонилась поближе к нему:

– Сможешь ему помочь? Я заплачу любую цену.

Магнус встал. Клэри подумала, что его тапочки и взъерошенная голова выглядят нелепо.

– Не знаю.

– Но ты исцелил Алека, когда его ранил Старший демон, – сказала Клэри.

Магнус зашагал по комнате из угла в угол:

– Я хотя бы понимал, что с ним. Но о демоническом металле мне ничего не известно. Я мог бы поэкспериментировать, попробовать разные заклятия, но это не самый быстрый способ помочь Люку.

– А кто сможет помочь быстрее?

– «Претор Люпус», – ответил Магнус, подумав. – Волчья стража. Я знал человека, основавшего эту организацию. Вулси Скотт... В силу некоторых... происшествий, его заинтересовало, как демонические металлы и лекарства действуют на оборотней. Он хранил записи об этом, как Безмолвные братья хранят записи о способах исцеления нефилимов. «Претор Люпус» – закрытая организация, но ее член мог бы получить доступ к информации.

– К сожалению, Люк не входит в нее. И насколько я знаю, список членов «Претор Люпуса» хранится в тайне, – сказала Джослин.

– Джордан! Джордан – преторианец. Он сможет все разузнать. Я ему позвоню, – сказала Клэри.

– Я сам это сделаю, – сказал Магнус. – Звонок от меня придаст нашей просьбе весомости.

Подождите, я сейчас вернусь.

Он деловито прошлепал на кухню. Антенны на тапочках заколыхались.

Клэри повернулась к матери, смотревшей на кружку с горячей водой, в которой плавал лимон. Джослин любила этот напиток и говорила, что он восстанавливает силы, но Клэри терпеть не могла эту кислятину. Промокшие волосы Джослин высохли и теперь завивались кудрями.

– Мам, – сказала Клэри, и Джослин подняла глаза. – Мам, когда ты бросила нож, ты целилась в Джейса?

– В Джонатана.

Клэри знала, что мать никогда не стала бы звать его Себастьяном.

– Просто... – Клэри глубоко вдохнула. – Это почти то же самое. Ты сама видела. Когда ты ранила Себастьяна, у Джейса пошла кровь. Они как... как отражение друг друга. Если ранить Себастьяна, кровь пойдет у Джейса. Если Себастьяна убить, Джейс тоже умрет.

– Клэри, – Джослин устало потерла глаза, – давай поговорим об этом позже.

– Но ты сказала, что Джейс вернется за мной. Я хочу знать, что ты не причинишь ему вреда.

– Я не могу тебе этого пообещать, Клэри. Не могу! – Мать смотрела на нее, не отрывая глаз. – Я видела, как вы вышли из спальни вдвоем.

Клэри залилась краской:

– Я не хочу...

– Что не хочешь? Говорить об этом? Жаль, ведь ты сама подняла эту тему. Тебе повезло, что я не член Совета. Как давно тебе известно, где Джейс?

– Я не знаю, где он. Сегодня вечером я поговорила с ним в первый раз с тех пор, как он исчез. Вчера я видела его в Институте с Себ... с Джонатаном и сказала об этом Алеку, Изабель и Саймону. Но больше никому рассказать не могла. Если его схватят... Я не могу этого допустить.

– И почему же?

– Потому что это Джейс. Потому что я люблю его.

– Это не Джейс, вот и все, Клэри. Он уже не тот, кем был раньше. Разве ты не видишь?

– Конечно вижу. Я не глупа. Но я верю в него. Я видела, как его поработили и как он освободился от чар. Я думаю, что в глубине души он остался Джейсом. Должен же найтись способ его спасти.

– А если нет?

– Докажи.

– Нельзя доказать отрицание, Кларисса. Я понимаю, что ты любишь его, даже слишком сильно. Думаешь, я сама не любила твоего отца? Думаешь, я не давала ему шанса? Посмотри, что из этого вышло. Джонатан. Если бы я не осталась с твоим отцом, он бы не родился.

– И я тоже, не забывай, – сказала Клэри. – Я родилась после брата, а не до него! – Она пристально посмотрела на мать. – Ты имеешь в виду, что не пожалела бы, если бы я не родилась?

– Нет, я...

Неприятно залязгали ключи в замке, и в квартиру кто-то вошел. Увидев Алека, Клэри вздохнула с облегчением. На нем были длинный кожаный плащ и голубой свитер, в черных волосах застряли снежинки, щеки покраснели от мороза.

– Где Магнус? – спросил он и взглянул в сторону кухни. Клэри увидела у него под ухом синяк.

– Алек!

Магнус послал Алеку воздушный поцелуй и прошел в гостиную. Он сбросил тапочки и теперь был бос. Кошачьи глаза сверкали. Клэри узнала этот взгляд – так она сама смотрела на Джейса.

Но Алек не ответил другу. Он сбросил пальто и повесил его на вешалку. И он был явно расстроен. Руки дрожали, широкие плечи напряглись.

– Ты получил мою эсэмэску? – спросил Магнус.

– Да, я как раз был неподалеку. – Алек неуверенно посмотрел на Клэри, а потом перевел взгляд на Джослин. Они не были хорошо знакомы, хотя и встречались несколько раз. – Магнус сказал правду? Ты опять видела Джейса? – обратился он к Клэри.

– И Себастьяна, – кивнула она.

– Но Джейс... – сказал Алек. – Каким он был... то есть... каким он тебе показался?

Клэри сразу поняла, о чем он спрашивает, они с Алеком понимали друг друга лучше остальных.

– Он не обманывает Себастьяна, – тихо ответила она. – Он правда изменился.

– Как? – спросил Алек со странной смесью злобы и мальчишеской обиды в голосе. – Как он изменился?

Джинсы Клэри протерлись до дыр на коленке, и теперь она ковыряла их, царапая кожу.

– Я так поняла, что он верит Себастьяну. Верит в то, что делает, чем бы это ни было. Я напомнила ему, что Себастьян убил Макса, но ему было все равно. – Ее голос дрогнул. – Он сказал, что Себастьян ему такой же брат, как Макс.

Алек побледнел, и румянец на его щеках стал напоминать кровавые пятна.

– Он спрашивал обо мне? Об Иззи?

Клэри мотнула головой и отвернулась, не в силах вынести выражение лица Алека. Краем глаза она заметила, что Магнус тоже наблюдает за Алеком, на его лице читалась тревога.

– Почему он пришел к тебе домой? Не понимаю! – нахмурился Алек.

– Он хотел, чтобы я пошла с ним. Присоединилась к нему и Себастьяну. Наверное, хотел превратить злодейский дуэт в злодейское трио. – Она пожала плечами. – Может быть, ему просто одиноко? С Себастьяном не очень-то весело.

– В «Скребл» он круто играл, – вставил Магнус.

– Он – маньяк-убийца, – напомнил Алек. – И Джейс это знает.

– Но Джейс теперь... другой, – начал Магнус, но тут зазвонил телефон. – Я возьму. Кто знает, кому еще понадобилось место, где можно укрыться от Совета? Не в отель же идти.

Он пошел в кухню.

Алек сел на диван.

– Совсем не жалеет себя, – сказал он, провожая друга взглядом. – Всю ночь не спал, пытался расшифровать эти руны.

– Он работает на Совет? – спросила Джослин.

– Нет, – ответил Алек. – Он делает это для меня. Потому что Джейс для меня много значит. – Он закатал рукав, показывая Джослин руну Парабатай на предплечье.

Клэри попыталась собраться с мыслями.

– Ты знал, что Джейс жив, – сказала она, – потому что между вами есть связь. Но ты чувствовал, что что-то не так.

– Потому что его поработили. Это его изменило, – кивнула Джослин. – Валентин говорил, что, когда Люк стал оборотнем, он это почувствовал. Что что-то не так...

Алек зябко повел плечами:

– Когда Джейса поработила Лилит, я ничего не чувствовал. А теперь – чувствую. Что-то не так... – Он посмотрел на свои ботинки. – Когда твой парабатай умирает, ты знаешь об этом. Как будто перерезают ниточку, которая тебя к чему-то привязывала, и теперь ты летишь в пропасть. – Он перевел взгляд на Клэри. – Однажды я это почувствовал – в Идрисе, во время битвы. Но это быстро прошло, а потом оказалось, что Джейс жив, и я убедил себя, что ничего такого не было.

Клэри вспомнила Джейса и окровавленный песок у озера Лин. Нет, было...

– А теперь ощущение другое. Я чувствую, что он не умер, а... исчез из мира. Как это объяснить... Он просто *не здесь*.

– Так и есть, – сказала Клэри. – Оба раза, когда я видела их с Себастьяном, они потом исчезали. Ни портала, ничего. Просто были – и нет.

– Когда мы говорим о «здесь» и «там», о «том» мире и «этом», мы говорим об измерениях, – зевая, сказал Магнус, возвратившийся в гостиную. – Варлоков, способных перемещаться между измерениями, очень мало. Мой старый друг Рагнор был одним из них. Измерения расположены не бок о бок, а сложены вместе, как бумага. Когда они пересекаются, создаются пространственные пузыри, которые мешают поисковым заклинаниям. Никакого *здесь* уже нет, есть только *там*.

– Может быть, поэтому нам не удастся засечь его? И поэтому Алек его не чувствует? – предположила Клэри.

– Может быть. – Судя по всему, Магнус был впечатлен. – Но тогда получается, что мы не сможем их найти, если они сами этого не захотят. И тот, кто их найдет, не сможет нас об этом оповестить. Это сложная, дорогостоящая магия. У Себастьяна, наверное, есть связи.

Запищал домофон, и все присутствующие подпрыгнули.

– Спокойно, – сказал Магнус и исчез в дверях.

Вскоре он вернулся с незнакомцем в длинном балахоне пергаментного цвета, покрытом по бокам и сзади темно-красными рунами. Лицо гостя было скрыто капюшоном, а балахон был сухой, словно на него не упало ни снежинки. Когда гость откинул капюшон, Клэри узнала брата Захарию.

Джослин со стуком поставила пустую кружку на стол.

– Ты... – сказала она. – Но Магнус сказал, что ты никогда...

«Непредвиденные события заставляют прибегать к непредвиденным мерам, – раздался голос брата Захарии в голове Клэри; по выражению лиц остальных она поняла, что его слышат все. – О том, что произойдет сегодня, я не скажу ни Совету, ни Конклаву. Если у меня будет шанс спасти последнего из рода Эрондейлов, это важнее для меня, чем верность властям».

– Тогда решено, – сказал Магнус. В своей ярко-желтой пижаме рядом с Безмолвным братом он выглядел комично. – Обнаружилось что-нибудь новое о рунах Лилит?

«Я внимательно изучил их и прослушал все показания Совету, – ответил брат Захария. – Полагаю, ритуал был двояким. Сначала Лилит использовала укус Светоча, чтобы пробудить разум Джонатана Моргенштерна. Его тело было слабо, но разум и воля – живы. Полагаю, когда Джейс Эрондейл остался с ним на крыше один, Джонатан воспользовался силой рун Лилит и заставил его войти в колдовской круг. Так он подчинил себе волю Джейса. Вероятно, он воспользовался кровью Джейса, чтобы подняться и покинуть крышу, взяв его с собой».

– Так вот почему между ними возникла эта связь! – вскрикнула Клэри. – Когда мама ранила Себастьяна, у Джейса пошла кровь.

«Да. Ритуал Лилит был неким связующим ритуалом, вроде заклатья парабатай, но мощнее и опаснее. Теперь они неотделимы друг от друга. Если умрет один, умрет и другой. Ни одно оружие на свете не сможет ранить лишь одного из них».

– Когда ты говоришь, что они неотделимы, это означает... Ну... Джейс же ненавидит Себастьяна. И получается, Себастьян убил его, – сказал Алек, наклоняясь вперед.

– Не думаю, что Себастьян в восторге от Джейса. Он всю жизнь испытывал ревность к нему, считал любимчиком Валентина, – добавила Клэри.

– Не говоря о том, что вообще-то Себастьяна убил Джейс. Это никому не понравится, – заметил Магнус.

– Джейс как будто забыл, что все это случилось. Нет, даже не забыл – не верит в это, – расстроено произнесла Клэри.

«Он обо всем помнит. Но сила, связывающая их, так могущественна, что мысли Джейса минуют эти события, как вода огибает камни на дне реки. Так же было в случае с закланием, которое наложил на тебя Магнус, Кларисса. Когда ты видела фрагменты невидимого мира, твой разум отторгал их и не принимал. Нет смысла спорить с Джейсом о Джонатане. Даже истина не может разорвать их связь».

Клэри вспомнила, как она напонила Джейсу, что Себастьян убил Макса. Джейс на мгновение нахмурился, а потом снова принял беззаботный вид.

«Утешьтесь тем, что Джонатан Моргенштерн так же привязан к Джейсу, как и он к нему. Он не сможет причинить ему вреда, даже если захочет», – добавил брат Захария.

Алек всплеснул руками:

– Та к они теперь что, влюблены друг в друга? Стали лучшими друзьями? – В его голосе слышалась ревность.

«Нет. Просто теперь они едины. Каждый видит все так, как видит другой. Они знают, что каждый из них чрезвычайно важен для другого. Себастьяну принадлежит ведущая роль. Джейс поверит всему, во что верит Себастьян, и сделает все, чего тот захочет».

– Значит, он одержим? – спросил Алек.

«При одержимости часть разума жертвы часто остается нетронутой. Одержимые рассказывают, что наблюдали за своими действиями со стороны, кричали, но не могли докричаться. Но разум Джейса находится в его теле и управляет им. Джейс считает, что находится в здравом уме и делает то, что хочет».

– Тогда что ему нужно от меня? Почему он сегодня пришел ко мне? – дрожащим голосом спросила Клэри. Она надеялась, что ее щеки не горят, и старалась прогнать воспоминание о том, как Джейс целовал ее в постели.

«Он все еще любит тебя, – на удивление нежно сказал брат Захария. – Его мир по-прежнему вращается вокруг тебя».

– И поэтому мы должны были уйти, – кивнула Джослин. – Он вернется за ней. Нам нельзя было оставаться и в полицейском участке. Даже не знаю, где сейчас безопасно.

– Здесь, – ответил Магнус. – Я могу установить барьеры, которые не пропустят Джейса и Себастьяна.

Клэри увидела облегчение в глазах матери.

– Спасибо, – сказала Джослин.

Магнус беспечно махнул рукой:

– Обожаю отгонять разъяренных Сумеречных охотников, особенно одержимых.

«Он не одержим», – напомнил им брат Захария.

– Ну, это мелочи, – улыбнулся Магнус. – Вопрос в том, что они собираются делать. Что они задумали?

– Клэри говорит, что, когда она видела их в Библиотеке, Себастьян сказал Джейсу, что скоро он будет управлять Институтом, – сказал Алек.

– Значит, они что-то задумали.

– Наверное, хотят продолжить дело Валентина, – предположил Магнус. – Долой непокорных Сумеречных охотников, тра-та-та.

– Может быть, – неуверенно произнесла Клэри. – Джейс говорил, что Себастьян служит какой-то великой цели.

– Я много лет была замужем за фанатиком, – сказала Джослин. – И уж я-то знаю, что такое «великая цель». Это пытки невинных, кровавые убийства, предательство друзей во имя того, что

кажется тебе главным. Но на самом деле это жадность и тщеславие под маской красивых слов.

– Мам! – возмутилась Клэри, обеспокоенная злостью в голосе матери.

Но Джослин уже смотрела на брата Захарию:

– Ты говоришь, ни одно оружие на свете не сможет ранить лишь одного из них, – сказала она. – Но я поправлю: ни одно из известных тебе оружий.

Глаза Магнуса внезапно загорелись, как у кошки, попавшей под лучи солнца.

– Ты думаешь...

– Железные сестры знают все об оружии. Может быть, они... – Джослин недоговорила.

Клэри знала, что Железные сестры – родственный Безмолвным братьям орден. Сестры жили в полной изоляции, в крепости, о местонахождении которой знали единицы. Сестры не принимали участие в битвах, но они делали оружие: стилусы, клинки серафимов и все прочее. Некоторые руны могли наносить только они, и только им была известна тайна создания демонических башен, колдовских камней и стилусов из серебристо-белого вещества под названием *адамант*. Сестер видели редко – они не бывали в Аликанте, Стеклянном городе, и не приходили на заседания Совета.

«Может быть», – после долгого молчания сказал брат Захария, отвечая Джослин.

– Получается, если бы Себастьяна можно было убить, оставив Джейса в живых, Джейс вышел бы из-под его влияния? – спросила Клэри.

«Да, это самый вероятный исход», – сказал брат Захария.

– Тогда нам нужно идти к Железным сестрам, – сказала Клэри, пытаясь стряхнуть усталость. Веки стали тяжелыми, во рту появилась горечь. Она потерла глаза и решительно добавила – Немедленно!

– Я пойти не могу, – признался Магнус. – Только Сумеречные охотницы могут войти в Адамантовую цитадель.

– И ты, Клэри, не пойдешь, – строго произнесла Джослин, и это прозвучало так, словно она запрещала дочери отправиться с Саймоном в ночной клуб после полуночи. – Здесь, за барьерами, без опаснее.

– Изабель, – сказал Алек. – Изабель сможет пойти.

– Ты хоть знаешь, где она? – спросила Клэри.

– Дома, наверное... Я ей позвоню.

– Я об этом позабочусь, – сказал Магнус, ловко вытаскивая из кармана телефон и натренированными движениями набивая эсэмэску. – Уже поздно, не надо будить девочку. Всем нужен отдых. Если кто-то и пойдет к Железным сестрам, то уже завтра.

– Я пойду с Изабель, – неожиданно заявила Джослин. – Меня никто не ищет, а девочку не стоит отправлять одну. Я не Сумеречная охотница, но когда-то была ею. Нужно только, чтобы одна из нас была на хорошем счету.

– Так нечестно! – возмутилась Клэри.

– Клэри...

– Вот уже две недели я фактически нахожусь в плену! Совет не разрешил мне искать Джейса. А теперь, когда Джейс сам пришел ко мне, вы не разрешаете мне пойти к Железным сестрам!

– Это небезопасно. Джейс наверняка тебя отслеживает.

Клэри вышла из себя:

– Каждый раз, когда ты пытаешься меня защитить, мама, ты портишь мне жизнь!

– Нет, ты сама испортила свою жизнь, связавшись с Джейсом. Каждый раз, когда тебе грозила опасность, – это все из-за него. Он мог бы убить тебя, Кларисса.

– Это был не он, – тихо сказала Клэри. – Думаешь, я осталась бы с парнем, который угрожал

мне ножом, даже если бы любила его? Может быть, ты слишком долго прожила в обычном мире, мама, но напомню тебе, что на свете существует магия. Причинить мне боль пытался не Джейс, а демон с его лицом. И сейчас мы ищем тоже не Джейса. Но если он умрет...

– Не останется шансов вернуть настоящего Джейса, – мрачно произнес Алек.

– Вполне возможно, что шансов уже нет, – покачала головой Джослин. – Посуди сама, Клэри. Ты думала, что Джейс – твой брат! Пожертвовала всем, чтобы спасти его, и Старший демон воспользовался им, чтобы добраться до тебя. Когда же ты поймешь, что вы – не пара?

Клэри отпрянула, словно получила пощечину. Брат Захария оставался невозмутим. Магнус и Алек открыв рот следили за перепалкой. Глаза Джослин блестели от злости, щеки покраснели. Чувствуя, что сейчас разрыдается, Клэри развернулась, прошла по коридору в свою комнату и захлопнула за собой дверь.

– Ладно, я здесь, – сказал Саймон, убирая руки в карманы джинсов. Просторную оранжерею на крыше заброшенного Гринвич-отеля продувал холодный ветер, но Саймон не чувствовал холода. Он повысил голос: – Я пришел. Ты где?

Сад был выполнен в английском стиле – аккуратно подстриженные деревья, элегантно расставленная плетеная мебель, зонтики, трепетавшие на ветру. Каменные стены оплетали мелкие розы. Внизу мерцали огни Нью-Йорка.

– Я здесь. – Из плетеного кресла поднялась стройная тень. – Я уж было думал, что ты не придешь, Светоч.

– Ну, я и сам сомневался в этом, Рафаэль, – спокойно ответил Саймон.

Пройдя по дорожке между клумбами и искусственными прудами, обведенными сверкающим кварцем, он разглядел Рафаэля. Вампир был одет в черный костюм, манжеты рубашки застегнуты запонками в форме цепей. У него было лицо маленького ангелочка, но при этом холодные глаза.

– Когда вызывает глава клана вампиров Манхэттена, милый, нельзя не прийти.

– И что бы ты сделал, если бы я не пришел? Вонзил бы мне кол в сердце? – Саймон широко развел руки. – Попробуй. Делай что хочешь.

– Ну ты и зануда, – поморщился Рафаэль.

Саймон заметил, что позади него, у стены, блестит мотоцикл, и опустил руки:

– Ты сам попросил о встрече.

– Я хочу предложить тебе работу, – сказал Рафаэль.

– Серьезно? В отеле не хватает персонала?

– Мне нужен телохранитель.

Саймон вытаращил глаза:

– «Телохранителя» пересмотрел? Я не собираюсь влюбляться в тебя и носить на мускулистых руках.

– Я бы платил тебе премию, если ты избавишь меня от своих дурацких комментариев.

– Та к ты что, серьезно?

– Я бы не стал просить о встрече, если бы хотел пошутить. Шучу я в другом месте и с тем, кто мне нравится. – Рафаэль снова сел в кресло. – Камилла Белькур свободно разгуливает по Нью-Йорку, – продолжил он. – Сумеречные охотники слишком заняты всей этой глупой историей с сыном Валентина, чтобы выследить ее. Она представляет огромную опасность для меня, поскольку хочет взять под контроль манхэттенский клан. Большинство его членов верны мне. Самый верный способ пробиться на верхушку для нее – убить меня.

– Понял, – кивнул Саймон. – Но почему ты выбрал меня?

– Ты – Светоч. Остальные смогут защитить меня ночью, но днем, когда большинство из нас

бессильны, – только ты. И на тебе Метка Каина. Камилла не отважится нанести удар, если ты будешь стоять на ее пути.

– Это правда, но я не согласен.

– Почему?

– И ты еще спрашиваешь! Ты не сделал для меня ровным счетом ничего с тех пор, как я стал вампиром. Хотя нет, ты сделал все, чтобы моя жизнь стала несчастной. Та к что с огромным удовольствием скажу это на языке вампиров, мой господин: пошел ты на фиг! – взорвался Саймон.

– Неумно становиться моим врагом, Светоч. Как друзья...

Саймон рассмеялся:

– Подожди секунду! Мы были друзьями? Ты это называешь дружбой?

Рафаэль обнажил клыки. Саймон понял, что он очень зол.

– Я знаю, почему ты отказываешься, Светоч. Вовсе не из-за обиды. Ты так спутался с Сумеречными охотниками, что вообразил себя одним из них. Мы видели тебя с ними. Вместо того чтобы охотиться, как подобает вампиру, ты проводишь ночи с дочерью Валентина. Живешь с оборотнем. Ты позоришь нас.

– Ты каждый раз на собеседованиях такие истерики устраиваешь?

Рафаэль снова обнажил клыки:

– Ты должен решить, вампир ты или Сумеречный охотник, Светоч.

– Тогда я предпочту Сумеречных охотников. Судя по тому, что я знаю о вампирах, вы сосете. Прости за невольный каламбур.

Рафаэль встал:

– Ты совершаешь ужасную ошибку.

– Я уже сказал тебе...

Рафаэль махнул рукой, прерывая его:

– Грядет тьма. Она окутает землю мглой, а когда рассеется, от твоих драгоценных Сумеречных охотников не останется и следа. Мы, дети ночи, выживем, потому что можем жить во тьме. Но если ты будешь и дальше отрицать свою сущность, то умрешь, и никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь тебе.

Не задумываясь, Саймон потянулся к Метке. Рафаэль беззвучно усмехнулся:

– Ах да, у тебя же на лбу клеймо ангела. Когда придет тьма, даже ангелы будут уничтожены. Их сила не поможет тебе. Молись, что не потеряешь клеймо до начала войны, Светоч. Если это произойдет, по твою душу выстроится целая очередь врагов. И я буду в ней первым.

Клэри слышала, как мама прошла по коридору в комнату по соседству и закрыла за собой дверь. В гостиной тихо разговаривали Магнус и Алек. Интересно, когда они лягут? Кажется, Алек говорил, что по ночам его друг возится с рунами. А брат Захария? Ушел он или нет?

Она села на кровать рядом с Председателем Мяо – тот фыркнул в знак протеста, – порылась в рюкзаке, вытащила маленькую пластмассовую коробку и открыла ее. В коробочке лежали цветные карандаши, несколько кусочков мела и стилус. Она переложила стилус в карман куртки, надела ее, взяла со столика телефон, отправила эсэмэску «Встретимся в „Таки“» и убрала телефон в карман джинсов.

Разумеется, она знала, что это нечестно по отношению к Магнусу. Он пообещал маме, что будет присматривать за ней. Но сама она держала рот на замке и ничего никому не обещала. Кроме того... это же Джейс! Ты пошла бы на все, чтобы спасти его? Отдала бы все, о чем попросят, в аду или в раю, разве не так?

Достав стилус, Клэри дотронулась кончиком до оранжевой стены и начала рисовать

портал.

Джордана разбудил жуткий грохот. Он мгновенно вскочил – многие годы тренировок в «Претор Люпусе» отточили его рефлексy. Окинув комнату взглядом и приняхавшись, он понял, что она пуста. Грохот раздался снова, и на этот раз Джордан сообразил – кто-то дубасит с улицы. Обычно он спал в спортивных трусах. Натянув джинсы и футболку, он пинком отворил дверь и пружинистым шагом направился в коридор. Если кому-то взбрело в голову пошутить, этот «кто-то» будет иметь дело с разозленным оборотнем.

У входной двери он остановился. Перед глазами возник образ Майи, уходящей от него. Он понимал, что допустил лишнее. Не надо было так торопиться... Самое худшее, если ничего нельзя исправить. Но может быть и так, что Майя передумает. В их отношениях так бывало – сначала яростные ссоры, потом примирения. Его сердце колотилось. А вдруг это она?

Отворив дверь, он замер от неожиданности. На пороге стояла Изабель Лайтвуд. На ней были обтягивающие джинсы, красный шелковый топик и черные замшевые сапоги до колен. Поблескивающие в лунном свете волосы спадали почти до пояса, на шее сверкал темно-красный медальон.

– Изабель? – Джордан не смог скрыть разочарования.

– Как видишь, я, – сказала она, протискиваясь мимо него в квартиру. От нее пахло розовыми духами и... стеклом, прогретым на солнце; Джордан знал – так пахнут Сумеречные охотники. – Но я вообще-то не к тебе. Я ищу Саймона.

Джордан покрутил пальцем у виска:

– Сейчас два часа ночи. Ты на часы-то смотрела?

Она пожала плечами:

– Он вампир.

– Но я – нет.

– А-а-а... так я тебя разбудила? – Изабель щелкнула ногтем по верхней пуговице его незастегнутых джинсов, оцарапав плоский живот.

Джордан почувствовал, как его мускулы напряглись. Иззи прекрасна, этого нельзя отрицать. Но с ней ухо надо держать востро. Хотелось бы знать, как это скромнику Саймону удастся с ней сладить.

– Наверное, стоит застегнуть, – усмехнулась Изабель. – Кстати, классные трусы.

Она прошла мимо него к комнате Саймона. Пробормотав, что трусы с танцующими пингвинами – хит сезона, Джордан последовал за ней, застегивая на ходу джинсы.

– Вау, его здесь нет, – сказала Изабель, открыв дверь. – Ты что-то там говорил о времени? Сколько сейчас? Два?

– Третий уже. Он, наверное, у Клэри. Он у нее теперь часто ночует.

Изабель нахмурилась:

– Да, конечно.

Джордан понял, что сказал что-то не то.

– А зачем ты сюда пришла? Ну, то есть... что-то случилось? Что-то не так?

– Не так? – Изабель всплеснула руками. – Да все так, просто мой брат исчез, и теперь ему, наверное, промывает мозги злобный демон, убивший другого моего брата, родители разводятся, а Саймон – с Клэри!

Она направилась в сторону кухни, и Джордан поспешил за ней.

Изабель бесцеремонно стала проверять шкафчики:

– Выпить не найдется? Бароло? Сагрантино?

Джордан мягко приобнял ее за плечи.

– Сядь, – сказал он. – Я тебе текилы налью.

– Текилы?

– У нас только текила. Ну, еще сироп от кашля.

Она села на высокий стул у кухонной стойки и забарабанила пальцами по столешнице. Джордан ожидал увидеть длинные красные или розовые ногти, но нет – Изабель была Сумеречной охотницей. Ее руки были в шрамах, а ногти – квадратными, подпиленными. На правой руке бросалась в глаза черная руна Чревовещания.

– Ладно, давай текилу.

Джордан открыл бутылку «куэрво» и налил в бокал на два пальца. Изабель в один глоток выпила текилу и с грохотом поставила бокал на стойку.

– Мало, – сказала она, взяла у него из рук бутылку и сделала несколько жадных глотков прямо из горлышка. Когда она опустила бутылку, щеки ее покраснели.

– Где ты научилась так пить? – Джордан был впечатлен.

– В Идрисе выпивку продают с пятнадцати. Но всем, по-моему, по фигу, с какого возраста пьют. Я с детства пила разбавленное вино в доме родителей.

Изабель пожала плечами, и Джордан заметил, что ее движения утратили плавность.

– Ясно. Саймону что-нибудь передать?

– Нет. – Изабель сделала еще один глоток. – Короче, я напилась и пришла с ним поговорить, а он, разумеется, у Клэри. Как же иначе!

– Я думал, ты сама посоветовала ему пойти к ней.

– Да. – Изабель поковыряла этикетку на бутылке.

– Так скажи, чтобы больше не ходил, – посоветовал Джордан.

– Не могу, – покачала головой Изабель. – Я ей обязана.

– Чем?

Джордан облокотился на стойку. Он чувствовал себя барменом из сериала, перед которым изливают душу.

– Жизнью, – ответила Изабель.

Джордан растерянно заморгал:

– Она спасла тебе жизнь?

– Не мне, а Джейсу. Ангел Разиэль мог выполнить любое ее желание, а она предпочла спасти моего брата. За всю свою жизнь я встречала немногих, кому можно по-настоящему доверять. Мама, Алек, Джейс и Макс. Одного из них я уже потеряла. Если бы не Клэри, потеряла бы и второго.

– Думаешь, ты никогда не сможешь доверять кому-то, кроме родственников?

– Джейс мне не родной. Ну, не по-настоящему...

Изабель старалась не смотреть ему в глаза.

– Да я вообще-то о другом. – Джордан кивнул в сторону комнаты Саймона.

– Если ты не знаешь, оборотень, Сумеречные охотники всегда следуют кодексу чести, – высокомерно произнесла Изабель, и Джордан понял, почему ее так не любила нежить. – Клэри спасла одного из Лайтвудов. Я обязана ей. Я не могу отдать ей свою жизнь, да она ей и ни к чему, но готова отдать то, что сделает ее счастливой.

– Ты это про Саймона? Саймон сам себе хозяин, Изабель.

– Да, – кивнула она. – И он ходит за ней...

Джордан замешкался. Возможно, ревность Изабель небеспочвенна. Саймон как-то сказал, что с Клэри ему легко, как ни с кем другим. И он же однажды с горечью обмолвился, что парень Клэри – «просто атомная бомба». Сам Джордан за всю свою жизнь влюблялся лишь однажды (и до сих пор любил), поэтому его опыта не хватало, чтобы давать советы. Он не был уверен, что

можно до конца забыть свою первую любовь. Особенно если видишь ее каждый день.

Изабель пощелкала пальцами:

– Эй, ты вообще слушаешь? Что у вас там с Майей?

– Ничего... – Одно это слово таило в себе бездны смысла. – Не уверен, что она когда-нибудь перестанет меня ненавидеть.

– Ну, у нее есть на то причины. – Изабель сдула черную прядь, упавшую на глаза.

– Спасибо и на этом.

– Не люблю обнадеживать попусту, – сказала Изабель и отодвинула бутылку. – Иди сюда, оборотень, – вдруг прошептала она.

Горло внезапно пересохло, и Джордан сглотнул. Он вспомнил, как увидел Изабель в красном платье около металлургического завода. Он тогда сравнил ее с Майей. Ни той, ни другой невозможно было отказать, и ни той, ни другой невозможно было изменить.

Он осторожно обогнул стойку и приблизился к Изабель. Протянув руку, она схватила его за запястье. Пальцы скользнули по выпуклым бицепсам, по мускулистым плечам. Сердце Джордана забилося быстрее. Он чувствовал исходящее от Иззи тепло, ощущал аромат ее духов и... запах текилы.

– Ты красавчик, – сказала она, рисуя круги на его груди. – Ты об этом знаешь?

Слышит ли она, как стучит его сердце? Джордан никогда не задумывался о своей внешности, хотя, конечно, замечал, как на него смотрят девушки – а иногда и парни – на улице. Все его мысли занимала Майя. Но Иззи... Мало кто из девушек мог сравниться с ней по красоте. И уж точно никто из них не был так прямолинеен. Ему стало интересно, поцелует ли она его. Сам он не целовал никого, кроме Майи. С пятнадцати лет... Но почему-то, глядя на губы Изабель, он подумал, какие они на вкус.

– А... мне все равно, – сказала Изабель.

– Иззи, я не думаю, что... Подожди... Что?

– Мне все равно, хотя это и странно. Не бойся, я не брошусь на тебя и не начну срывать одежду – нужно и о Майе подумать. Но я и сама этого не хочу, да-да.

– Ну и хорошо, – кивнул Джордан. – Он почувствовал облегчение, приправленное разочарованием.

– Понимаешь, я все время о нем думаю, – сказала Изабель. – Это ужасно. Со мной такого раньше не случалось.

– Ты о Саймоне?

– Щуплый мальчишка, – сказала она со вздохом, убирая руки с груди Джордана. – Хотя нет, он уже не щуплый и не мальчишка. И мне нравится проводить с ним время. Эта его улыбка... Знаешь, у него один уголок рта приподнимается раньше другого. Ну, раз ты с ним живешь, должен был заметить.

– Да нет, не заметил.

– Мне его не хватает, – призналась Изабель. – Я подумала, может, после того, что произошло с Лилит, между нами все изменилось. Но теперь он все время проводит с Клэри, а я даже злиться на нее не могу.

– Ты потеряла брата...

Изабель подняла глаза:

– Что?

– Саймон изо всех сил пытается поддержать Клэри, потому что она потеряла Джейса. Но Джейс – твой брат. Тогда получается, что Саймон должен поддержать и тебя тоже. Ты не можешь злиться на Клэри, но у тебя есть причины злиться на Саймона, так?

Изабель долго не отрывала взгляда от Джордана.

– Но между нами ничего нет. Он не мой парень. Просто... нравится мне. – Она нахмурилась. – Черт! Не верю, что сказала это. Наверное, я перебрала.

– Это я уже понял, – улыбнулся Джордан.

– А ты милый, – сказала Изабель без тени улыбки. – Если хочешь, могу сказать про тебя Майе что-нибудь хорошее.

– Спасибо, не надо. – Джордан понятия не имел, что она подразумевала под «хорошим», и боялся это узнать. – Знаешь, это нормально. В трудной ситуации хочется быть рядом с тем, кого ты... – Он хотел сказать «любишь», но вовремя сообразил, что Изабель не использовала этого слова. – С тем, кто тебе дорог. Я думаю, Саймон просто не знает, что ты испытываешь к нему такие чувства.

Ее ресницы взметнулись вверх.

– Он обо мне что-нибудь говорил?

– Что ты сильная, – ответил Джордан. – Что ты не нуждаешься в нем. Он чувствует себя лишним в твоей жизни. Что еще он может дать тебе, если ты и так совершенство? Мол, зачем тебе такой парень?

Джордан моргнул. Он и сам не знал, насколько все это относилось к Саймону, а насколько – к нему и Майе.

– Так ты думаешь, мне стоит сказать Саймону о своих чувствах? – тихо спросила Изабель.

– Да, определенно скажи.

– Ладно. – Она схватила бутылку и сделала еще один глоток. – Сейчас же пойду к Клэри и все ему скажу.

В груди Джордана шевельнулась тревога.

– Не сейчас, ночь на дворе...

– Если мне придется ждать, боюсь, я наделаю глупостей, – сказала она и еще раз отхлебнула из бутылки. – Я приду к ней, постучусь в окно и все ему скажу.

– Ты хоть знаешь, какое из окон – комната Клэри?

– Не-ет.

Джордан с ужасом представил, как Изабель, перебравшая текилы, будит Джослин и Люка.

– Иззи, не надо.

Он потянулся, чтобы забрать у нее бутылку, но она не собиралась ее отдавать.

– Кажется, я в тебе ошибалась, – сказала она тоном, который мог бы напугать, если бы не взгляд, который никак не мог сфокусироваться. – Не так уж ты мне и нравишься.

Изабель встала, удивленно посмотрела на свои ноги и качнулась назад. Джордан успел поймать ее прежде, чем она упала на пол.

7. Перемена погоды

Клэри допивала третью чашку кофе в «Таки», когда наконец вошел Саймон. Он был одет в джинсы, красную толстовку на молнии (зачем шерстяное пальто тому, кто не мерзнет?) и высокие сапоги. Когда он протискивался между столиками, посетители рестораника оборачивались, чтобы посмотреть на него. Клэри подумала, что после того, как Изабель начала пилить его насчет одежды, Саймон стал одеваться гораздо лучше. В волосах Саймона запутались снежинки, но щеки не покраснелись от мороза, как у Алека, а оставались бледными. Он проскользнул на диванчик напротив и посмотрел на Клэри блестящими темными глазами.

– Вы звали, мисс? – спросил он глубоким, звучным голосом, подражая графу Дракуле.

– Написала эсэмэску, если точнее, – ответила Клэри и передала Саймону меню, открытое на странице с блюдами для вампиров. Беглый взгляд на наименования – «Кровавый пудинг», к примеру, – заставил ее передернуться. – Надеюсь, я тебя не разбудила.

– Нет, нет. Ты не поверишь, Клэри, где я был... – Увидев выражение ее лица, Саймон тут же осекся. – Что случилось? Есть новости о Джейсе?

– Что вам принести? – Это была Каэли, голубоглазая фея-официантка, числившаяся фрейлиной Королевы.

Клэри покоробил ее высокомерный взгляд.

Она заказала кусочек яблочного пирога, а Саймон – коктейль из крови и горячего шоколада (фу, какая гадость!). Когда Каэли унесла меню, Клэри сделала глубокий вдох, как будто собиралась нырнуть, и во всех подробностях рассказала о событиях этой ночи: о том, как появился Джейс, о том, что он говорил ей, о том, что случилось с Люком, и о том, что произошло в доме Магнуса. Саймон мрачнел на глазах; услышав, что Джейс и Себастьян недостижимы, он обхватил голову руками.

– Саймон? – Клэри легонько дотронулась до его плеча. Каэли принесла заказ и ушла, но они так и не притронулись к еде. – Что случилось? Эй, очнись!

– Это все я виноват... – Он поднял на нее сухие глаза (Клэри где-то читала, что вампиры плачут кровавыми слезами). – Если бы я не укусил Себастьяна...

– Ты сделал это ради меня. Спас мне жизнь...

– Да ты сама спасала мне жизнь шесть или семь раз. Я не мог остаться в долгу...

Его голос надломился. Клэри вспомнила, как его рвало черной кровью Себастьяна в Оранжеее.

– Нет смысла винить себя, – сказала она. – Я позвала тебя сюда не только затем, чтобы рассказать, что случилось. То есть... я бы все равно тебе рассказала, но подождала бы до завтра, если бы не...

Саймон настороженно посмотрел на нее и отхлебнул из кружки:

– Если бы не что?

– У меня есть план.

Он простонал:

– Я так и знал!

– Ничего ужасного в моем плане нет.

– Это у Изабель все планы ужасные. А твои, – он указал на нее пальцем, – самоубийственные. В лучшем случае.

Клэри скрестила руки на груди:

– Так ты будешь слушать или нет? Сможешь хранить тайну?

– Я лучше выколю вилкой собственные глаза, чем выдам твою тайну. Хотя... может, мне и

придется это сделать.

– Дело твое, – нахмурилась Клэри.

– Ладно, я пошутил. Давай рассказывай.

Она сунула руку в карман, вытащила маленький бархатный мешочек и потрясла его над столом. Из мешочка с тихим звоном выпали два золотых кольца.

– Ты собираешься замуж? – удивился Саймон.

– Не будь идиотом! – Она наклонилась вперед и перешла на шепот: – Это кольца Королевы фей.

– Ну ничего себе! Я думал, ты их не взяла... – Он замолчал.

– Я соврала. Но после того, как я увидела Джейса в Библиотеке, мне расхотелось отдавать их Королеве. Я поняла, что она ничего важного не скажет. И еще я подумала, что кольца ценнее ее советов.

Саймон накрыл кольца рукой, чтобы закрыть от Каэли, проходившей мимо.

– Клэри, нельзя оставлять себе то, что хочет заполучить Королева фей. Она – опаснейший враг!

Клэри умоляюще взглянула на него:

– Может, хотя бы проверим, как они работают?

Саймон вздохнул и протянул ей одно из колец, тяжелое, как настоящее золото. Сперва она волновалась, что оно будет ей велико, но стоило надеть кольцо на правый указательный палец, как оно само приняло нужную форму и село идеально. Саймон надел второе кольцо:

– Теперь мы можем разговаривать. Телепатически. Скажи что-нибудь.

Клэри повернулась к Саймону, чувствуя себя так, будто ее попросили сыграть в спектакле, а роль она не выучила.

«Саймон?»

Саймон моргнул:

– Ну-ка, попробуй еще раз.

На этот раз Клэри попыталась сконцентрироваться на ощущении того, что Саймон рядом, на его образе мыслей, на его тайнах, большинство из которых она знала с детства.

«Теперь я в твоей голове, Саймон. Хочешь увидеть Джейса голым?» — Она и сама не знала, зачем сморозила *такую глупость*.

Саймон аж подпрыгнул:

– Я все услышал! И нет, не хочу.

Клэри вздрогнула: кольца работали.

– А теперь ты что-нибудь подумай.

Потребовалось меньше секунды. Она услышала Саймона так же, как слышала брата Захарию, – беззвучный голос в голове.

«Ты видела его голым?»

«Ну, не совсем, но...»

– Довольно, – восторженно сказал он вслух. – Они работают, работают, черт возьми!

Клэри наклонилась вперед:

– Та к рассказать тебе, какая у меня есть идея?

Саймон дотронулся до кольца:

«Конечно!»

Она начала объяснять, но не успела договорить – Саймон прервал ее, на этот раз во весь голос:

– Нет! Совершенно точно, нет!

– Саймон, это отличный план...

– Ты намерена отправиться в какой-то пространственный пузырь вслед за Джейсом и Себастьяном, и мы будем общаться при помощи этих колец, что даст возможность отследить твоё местонахождение. Ты это имеешь в виду?

– Да.

– Нет, – отрезал он. – Твой план вовсе не отличный.

– Но ты не можешь просто так сказать «нет».

– Если ты отвела мне роль в этом плане, я могу сказать «нет». Нет!

– Саймон...

Саймон хлопнул рукой по сиденью рядом с собой, как будто там кто-то сидел:

– Познакомься с моим хорошим другом. Его зовут Нет.

– Может быть, найдем компромисс? – предложила Клэри, откусывая пирог.

– Нет.

– САЙМОН!

– Нет – волшебное слово. Смотри, ты говоришь мне: «У меня есть самоубийственный план, не поможешь ли ты его осуществить»? А я отвечаю: «Нет».

– Я все равно сделаю по-своему, – тихо сказала Клэри.

Он уставился на нее:

– Что?

– Я все сделаю по-своему, даже если ты мне не поможешь. Даже если я не смогу воспользоваться кольцами, я все равно отправлюсь за Джейсом и попытаюсь связаться с вами: найду телефон, еще какой-нибудь способ... да что угодно. И я это сделаю, Саймон. Если ты мне поможешь, будет больше шансов, что я выживу. А ты ничем не рискуешь.

– Мне не важно, рискую я или нет. Мне важно, что будет с тобой, – произнес он, наклоняясь вперед. – Черт, да я практически неуязвим. Пойду я. А ты оставайся.

– Ага, – сказала Клэри, – ты просто скажешь Джейсу, что всегда был тайно влюблен в него и не смог вынести разлуки.

– Я могу сказать ему, что хорошо подумал и решил доверить им с Себастьяном свою судьбу.

– Ты даже не знаешь, что они задумали.

– Есть такое. Наверное, лучше и в самом деле сказать ему, что я его люблю. Джейс все равно думает, что в него все влюблены.

– Но в него влюблена я. Я, понимаешь?

Саймон смотрел на нее минуту, не меньше.

– А ты ведь не шутишь, – наконец сказал он. – Ты и правда это сделаешь. Без меня. Без страховки.

– Ради Джейса я пойду на все.

Саймон закрыл лицо руками. Серебристая Метка Каина слабо сияла между пальцами.

– Не говори так, – попросил он.

– Разве ты сам не пошел бы на все ради тех, кого любишь?

– Я пошел бы на все ради тебя. Почти на все, – тихо произнес Саймон. – Я готов умереть ради тебя, и ты это знаешь. Но вряд ли я смогу убить невинную жертву. А множество невинных жертв? А весь мир? Если одна жизнь, жизнь Джейса, для тебя важнее, чем жизни всех остальных, разве это любовь? Не аморальна ли такая любовь?

– Любовь не может быть моральной или аморальной, – сказала Клэри. – Это просто любовь.

– Я знаю. Но действия во имя любви – могут! В обычных обстоятельствах это не так уж и важно. В обычных обстоятельствах Джейс, как бы он меня ни бесил, никогда бы не попросил тебя пойти против собственной природы. Ни ради себя, ни ради кого-то еще. Но сейчас он не

совсем Джейс, правда? И я не знаю, Клэри. Не знаю, о чем он может тебя попросить.

Клэри почувствовала себя усталой.

– Может быть, он и не Джейс. Но он – все, что осталось от Джейса. Без него Джейса не вернуть. – Она подняла глаза на Саймона: – Или ты считаешь, что все безнадежно?

В воздухе повисла долгая тишина. Клэри понимала, что врожденная честность Саймона борется с желанием защитить лучшую подругу. Наконец он проговорил:

– Я бы никогда так не сказал. Все-таки, даже став вампиром, я остался евреем и верю в Того, чье имя не могу произнести. Он заключил с нами Завет, так же как Разиэль – с Сумеречными охотниками. И мы, евреи, верим, что Он исполнит свои обещания. Поэтому никогда не нужно терять надежду – *хатикву*, – ведь, пока жива надежда, жив и ты. – Саймон выглядел слегка смущенным. – Так говорил мой раввин.

Рука Клэри скользнула по столу и легла на ладонь Саймона. Он редко говорил о религии, но она знала, что ее друг верующий.

– Это значит, ты согласен.

Он вздохнул:

– По-моему, это значит, что ты сломила мой дух и поборола меня.

– Не выдумывай.

– Ты же понимаешь, что теперь мне придется сказать всем: твоей маме, Люку, Алеку, Изабель, Магнусу...

– Наверное, я зря сказала, что ты ничем не рискуешь, – робко произнесла Клэри.

– Да. Просто помни, когда твоя мама примется грызть мою лодыжку, как разъяренная медведица, которую разлучили с медвежонком, – я пошел на это ради тебя.

Едва Джордан заснул, как в дверь снова постучали. Он перевернулся и застонал. На часах у кровати мигали желтые цифры: 4:00.

Стук не умолкал. Джордан нехотя встал, натянул джинсы и, пошатываясь, вышел в коридор:

– Послушайте...

Он осекся. В дверях стояла Майя. В джинсах, кожаной куртке карамельного цвета и с изящными, под бронзу, заколками в волосах. Единственная выбившаяся прядь падала на висок. Джордану захотелось протянуть руку и убрать эту прядку за ухо. Но вместо этого он засунул руки в карманы своих джинсов.

– Отличная рубашка, – сказала Майя, равнодушно взглянув на его голую грудь. За плечом у нее был рюкзак.

Сердце Джордана ёкнуло. Она собирается уехать из города? Уехать подальше от него?

– Послушай, Джордан...

– Кто это?

Голос, раздавшийся из-за спины Джордана, казался... помятым, как постель, из которой только что выбралась его обладательница. Глаза Майи округлились. Джордан обернулся и увидел Изабель; та стояла за его спиной в одной футболке, принадлежащей Саймону, и зевала во весь рот.

– Не видишь, что ли, это я, – буркнула Майя не вполне дружелюбно. – Ты... в гостях у Саймона?

– Нет, Саймона нет дома... – Заткнись, ненормальная, сердито подумал Джордан. – Он... – Изабель неопределенно махнула рукой, – вышел.

Щеки Майи покраснели.

– Здесь воняет, как в дешевом баре.

– Это все текила Джордана... – пустилась объяснять Изабель.

– И футболка его?

Изабель посмотрела на себя, а потом на Майю. До нее наконец дошло, о чем та подумала.

– Нет, Майя...

– Сначала Саймон положил на тебя глаз, а теперь еще и Джордан...

– Вообще-то Саймон положил глаз на тебя, – сказала Изабель, – и в какой-то степени изменил мне. С тобой. А между мной и Джорданом ничего не было и нет. Я пришла к Саймону, но он куда-то ушел, так что я решила... немного отдохнуть в его комнате. И сейчас туда вернусь.

– Нет, – резко сказала Майя. – Сейчас речь не о Саймоне с Джорданом. Тебе тоже нужно услышать, почему я пришла.

Изабель застыла, ее заспанное лицо медленно бледнело.

– Джейс? – прошептала она. – Ты здесь из-за него?

Майя кивнула.

Изабель осела.

– Он... – Ее голос надломился. – Они нашли...

– Он вернулся. За Клэри, – ответила Майя. – С ним был Себастьян. Завязалась драка. Люка ударили ножом. Он умирает.

Изабель тихо кашлянула.

– Это Джейс? Так это Джейс ранил Люка?

Майя старалась не смотреть ей в глаза.

– Я не знаю точно, что случилось. Только то, что Джейс и Себастьян пришли за Клэри и была драка. Люк ранен, – прошептала она.

– Клэри...

– Цела и невредима. Она у Магнуса вместе с мамой... – Майя повернулась к Джордану: – Магнус позвонил и попросил меня увидеться с тобой. Он пытался с тобой связаться, но не смог. Он хочет, чтобы ты вывел его на «Претор Люпус».

– Вывел его на... – Джордан покачал головой. – В «Претор» нельзя позвонить. Его не найти по адресу «Улица Обратной, дом один».

– А как ты с ними связываешься?

– У меня есть начальник. Он сам разыскивает меня, если нужно. Или я звоню ему в экстренном случае.

– У нас и так экстренный случай. – Майя продела большие пальцы в петли джинсов. – Жизнь Люка под угрозой, а Магнус говорит, что у «Претора» есть информация, которая может помочь.

Она в упор смотрела на Джордана. Он должен был сказать ей, что в «Преторе» предпочитают не вмешиваться в дела Конклава и Совета, что у «Претора» свое предназначение – помогать жителям Нижнего мира. И нет никакой гарантии, что они согласятся помочь, скорее наоборот, откажутся...

Но Майя... Майя обратилась к нему с просьбой. И он сделает для нее все.

– Ладно. Сейчас поедem в штаб. Он находится на Лонг-Айленде, у северной развилки трассы. Жуткая глушь, конечно, но на грузовике мы туда доберemся.

– Отлично. – Майя подтянула рюкзак повыше. – Я почему-то так и думала, что придется куда-то ехать, поэтому и вещи захватила.

– Майя... – напoмнила о себе Изабель. Джордан почти забыл о ее присутствии. Он обернулся и увидел, что его ночная гостья стоит у комнаты Саймона, обхватив себя руками, будто замерзла. – Майя, с ним все хорошо?

– С Люком? Нет, он...

– С Джейсом. – Изабель говорила так, будто ей не хватало воздуха. – Ему не причинили

вреда, его не...

– Не беспокойся, он цел. И он сбежал – исчез с Себастьяном, – сухо ответила Майя.

– А... Саймон? – Изабель перевела взгляд на Джордана. – Ты говорил, что он с Клэри...

Майя покачала головой:

– Нет. Его там не было. – Она крепче сжала лямки рюкзака. – Но кое-что нам известно, и вам это точно не понравится. Джейс и Себастьян каким-то образом связаны. Причины вред Джейсу – пострадает Себастьян. Если убить Себастьяна – умрет Джейс. И наоборот. Магнус так сказал.

– А Совет знает об этом? – взволнованно спросила Изабель.

Майя снова покачала головой:

– Нет пока.

– Узнает... – вздохнула Изабель. – Если вся стая знает, кто-нибудь расскажет. Потом устроят охоту. Убьют Джейса, чтобы прикончить Себастьяна. В любом случае убьют... – Она нервно подергала кончики волос. – Где Алек? Я должна увидеть его.

– Не проблема, – сказала Майя. – Магнус сначала позвонил мне, а потом послал эсэмэску. Он написал, что чувствует, что ты придешь, и что он хочет тебе кое-что передать. Короче, он хочет, чтобы ты пришла в его квартиру в Бруклине, и, думаю, идти надо сейчас же.

На улице стоял такой мороз, что даже руна Термис и тонкая курточка, позаимствованная Изабель из шкафа Саймона, не согревали ее. Дрожа от холода, она открыла дверь дома, где жил Магнус, и прошмыгнула внутрь. Нажав на кнопку домофона и не дождавшись ответа, девушка стала подниматься по лестнице, скользя рукой по дубовым перилам. Она знала, что Алек там, и ей хотелось побыстрее взбежать по ступенькам, но другая ее часть, та, которая всю жизнь хранила от брата тайну родителей, призывала не торопиться.

Изабель остановилась и потрясла головой. Надо взять себя в руки. В конце концов, она – Сумеречная охотница, и пришла сюда потому, что ее позвали. В ней нуждались, и этим все сказано.

Она вспомнила Джейса, как он появился у них. Худенький десятилетний мальчик с испуганными бледно-голубыми глазами, переместившийся через портал из Идриса. Если Алек сразу сдружился с ним, то ее раздражала самостоятельность Джейса, и она долго относилась к нему с настороженностью.

Когда мать сказала ей, что отца Джейса убили на его глазах, она подумала, что мальчишка захочет прийти к ней за утешением или советом. Но, как оказалось, Джейс ни в ком не нуждался. Даже в свои десять лет он был язвителен и своенравен. Совсем как она сама, в смятении подумала Изабель.

Со временем они сблизились потому, что оба разделяли любовь к оружию, к сверкающим клинкам серафимов, но главное – к частым сражениям, не оставляющим времени для раздумий. Однажды, когда Алек захотел пойти на патрулирование с Джейсом, оставив Изабель дома, Джейс заступился за нее:

– Изабель нам пригодится, она лучшая среди нас. Не считая меня, конечно.

Уже только за это она была благодарна ему.

Изабель стояла у квартиры Магнуса. Из просвета под дверью лился свет, слышались тихие голоса. Она толкнула дверь и вошла, ее сразу окутала приятная волна тепла. Тепло исходило от камина. Пламя в камине было зеленовато-синим – такой оттенок имеет волшебный огонь. На диванчике около камина сидели Магнус и Алек.

Увидев сестру, Алек вскочил и обнял ее. На нем были черные спортивные брюки и белая рубашка поло. Он ласково поглаживал ее по спине и волосам, и Изабель замерла в его объятиях.

– Из, – прошептал он, – все будет хорошо, Из. Вытирая глаза, она оттолкнула его – вот ведь черт, как же она ненавидела слезы!

– Перестань! Разве может все быть хорошо после того, что случилось?

– Не расстраивайся, Иззи. – Алек легонько дернул ее за пряжку. Изабель вспомнила, как в детстве, когда она заплетала косы, Алек тоже дергал ее за волосы, но не так нежно, как сейчас. – Ты нам нужна. Эй, а почему от тебя пахнет текилой?

Она предпочла промолчать.

Магнус наблюдал за ними с дивана. Он был одет в полосатую пижаму, поверх которой был накинута черная шелковая халата. Выражения его кошачьих глаз, как всегда, разобрать было невозможно.

– А где Клэри с мамой? Я думала, они здесь.

– Спят, – ответил Алек. – Им нужно отдохнуть.

– А мне – нет, по-вашему?

– Послушай, на их глазах убивали Люка. Никому не пожелаю пережить такое потрясение, – сказал Магнус. – Вот что, Изабель Лайтвуд, ты и в самом деле нужна нам.

Изабель напряглась:

– Зачем?

– Мы хотим отправить тебя к Железным сестрам, – объяснил Алек. – Нам нужно оружие, с помощью которого можно было бы бороться с Джейсом и Себастьяном по отдельности. Я имею в виду, чтобы Себастьяна можно было убить, не причинив вреда Джейсу. Рано или поздно Конклав и Совет узнают, что Джейс вовсе не в плену у Себастьяна, а в союзе с ним.

– Это не Джейс! – запротестовала Изабель.

– Может быть, это и не Джейс, но если он умрет, Джейс умрет с ним, – сказал Магнус.

– Как тебе известно, Железные сестры разговаривают только с женщинами, – сказал Алек. – Джослин не может пойти туда одна, потому что она больше не Сумеречная охотница.

– А Клэри?

– Она еще учится и не знает, какие вопросы можно и нужно задавать Сестрам. Но вам с Джослин это известно. Джослин говорила, что ей уже приходилось бывать у них, и она проводит тебя. Вы отправитесь к Адамантовой цитадели утром, через портал.

Изабель приободрилась. Наконец-то ей хотят поручить важное дело. Конечно, она бы предпочла что-нибудь более экстремальное (было бы неплохо отсечь ноги Себастьяну), но и проникновение в Адамантовую цитадель, вероятно, задание не из легких. Железных сестер почти никто не видел. Сама Изабель – никогда.

– Хорошо, утром – так утром.

Алек улыбнулся:

– Узнаю свою Изабель! – И снова дернул ее за волосы.

– Перестань! – увернулась она от него.

– У меня три гостевые комнаты, – сказал Магнус, поднимаясь с дивана. – В одной – Клэри, в другой – ее мама, третья – твоя.

Они вышли в узкий коридор за гостиной. Две двери были закрыты, Магнус толкнул третью, и Изабель вошла в комнату с ярко-розовыми стенами и черными шторами, перехваченными стильными наручниками. Кровать была застелена бельем с кроваво-красными сердцами.

– Классные наручники, – присвистнула Изабель. – Понятно, почему эта комната не досталась Джослин.

– Так и думал, что ты оценишь, – улыбнулся Магнус. – Тебе есть в чем спать?

Изабель кивнула, не желая говорить, что захватила с собой футболку Саймона. Футболка едва уловимо пахла мылом, и этот мирный запах (совсем не свойственный вампирам)

успокаивал ее.

– Странно, – сказала она. – Сначала ты требуешь, чтобы я немедленно пришла, а потом предлагаешь лечь спать и говоришь, что все начнется только завтра.

Магнус стоял у двери, скрестив руки на груди, и смотрел на нее раскосыми кошачьими глазами. Он напоминал Изабель Чёрча, разве что не кусался, как ее кот.

– Я люблю твоего брата, – неожиданно признался Магнус. – Ты об этом знаешь, да?

– Если вам требуется мое разрешение на свадьбу, то я не против, – сказала Изабель. – Осень – самое подходящее время. Наденешь оранжевый фрак.

– Он несчастлив, – продолжил Магнус, пропустив мимо ушей ее комментарии.

– А ты думал, – выпалила Изабель. – Джейс...

– Джейс, опять Джейс...

Изабель непонимающе уставилась на него.

– Я думала, вы с Джейсом друзья, – сказала она.

– Не в этом дело, – покачал головой Магнус. – Просто... Некоторым уготована особая судьба. И знаешь, особые муки. Всех нас тянет к красивому и увечному, а меня уж точно. И ведь ничего не исправишь. Или исправишь, но только ценой жертвенной любви, которая может уничтожить любящего.

– Что-то я не поняла, о чем ты, – нахмурилась Изабель. – Вернемся к Джейсу. Джейс – наш брат, но для Алека... Они с Алеком парабатаи.

– Я знаю, – кивнул Магнус. – Парабатаи едины. Знаешь, что происходит, когда один из них умирает?

– Хватит! – Изабель зажала уши руками. – Как ты смеешь, Магнус Бейн? Как ты смеешь говорить то, от чего мне становится еще хуже?

– Успокойся, Изабель... – Глаза Магнуса расширились – казалось, вспышка Изабель удивила его. – Извини. Иногда я забываю, что ты, хотя и сильна духом, так же ранима, как Алек.

– Но и Алек вовсе не слаб.

– Разумеется, нет, – кивнул Магнус. – Ты спрашивала, зачем я срочно вызвал тебя. Та к вот, ради него, ради твоего брата. Есть кое-что такое, что я не могу ему дать. Ты и Алек... Он – твой брат, и ты понимаешь его так, как не могу понять я. К тому же он любит тебя.

– Да, любит. Я же его сестра!

– Кровное родство – еще не залог любви. Спроси у Клэри, – с горечью в голосе произнес Магнус.

Клэри пулей влетела в портал. Раз – и она больно ударилась ногами о землю, а потом, потеряв равновесие, повалилась на спину. Рюкзак смягчил падение. Она удрученно вздохнула – когда же наконец проявится результат от тренировок? – поднялась и стряхнула с джинсов пыль.

Перед ней был дом Люка; к крыльцу вела выложенная камнями дорожка. За спиной сверкала река, а за рекой переливались огни города. Дом был погружен в темноту – таким они оставили его несколько часов назад. Клэри сглотнула и дотронулась до кольца на правой руке.

«Саймон...»

Ответ последовал незамедлительно.

«Да».

«Ты где?»

«Иду к метро. А ты где?»

«У дома Люка. Если Джейс придет за мной, он придет сюда».

Тишина.

«Ладно, значит, ты знаешь, как со мной связаться, если я тебя понадоблюсь».

«Уг у. – Клэри глубоко вздохнула. – Саймон?»

«А?»

«Я тебя люблю».

Молчание.

«Я тебя тоже».

И все. Не было даже щелчка, который раздаётся, когда кладёшь трубку городского телефона; Клэри просто почувствовала, как связь между ними прервалась, будто в её голове перерезали провод. Она подумала, что Алек, возможно, говорил о чём-то подобном, описывая, как прерывается связь между парабатами. Она подошла к дому Люка и медленно поднялась по ступеням. Её дом – здесь. Если Джейс придёт за ней, как обещал, то придёт сюда. Она села на верхнюю ступеньку, положила рюкзак на колени и стала ждать.

Саймон стоял перед холодильником. Он сделал последний глоток холодной крови. Воспоминание о голосе Клэри стиралось из памяти. Он только что пришел, в квартире было темно, холодильник громко гудел, и везде странно пахло – *текилой*? Может, Джордан пил? Дверь спальни Джордана была закрыта, и Саймон не посмел стучать – было четыре часа утра.

Он убрал бутылку в холодильник и пошел в свою комнату. Он уже неделю не ночевал здесь и привык спать не один. Привык к тому, что рядом кто-то есть, и не просто «кто-то», а Клэри. Ему нравилось, когда Клэри сворачивалась рядом в клубок, подложив ладони под щеку, и, признаться, был рад тому, что она не может без него уснуть. По крайней мере, он чувствовал, что нужен ей. Правда, Джослин ничего не имела против того, что он спит рядом с её дочкой, а это лишь подчеркивало прискорбный факт, что он был не сексуальнее золотой рыбки. По мнению Джослин, разумеется.

Конечно, они с Клэри часто спали в одной кровати в детстве, с пяти до двенадцати лет. Может быть, все дело в этом? – подумал Саймон. Те ночи с Клэри были жаркими – они соревновались в том, кто медленнее съест бутерброд с арахисовым маслом, или тайком проносили в комнату портативный DVD-проигрыватель ...

Его комната выглядела так же, как всегда: пластиковые полки с одеждой и книгами вдоль стены, гитара в углу и палас на полу. Но на кровати лежал листок – белый квадрат на черном одеяле. Неровный петлистый почерк казался знакомым. Он присмотрелся – это был почерк Изабель.

«Саймон, я пыталась до тебя дозвониться, но ты, кажется, выключил телефон. Понятия не имею, где ты. Сказала ли тебе Клэри о том, что случилось? Мне нужно встретиться с Магнусом, и я хочу, чтобы ты тоже пришел. Меня трудно напугать, но сейчас я боюсь за Джейса. Я никогда не просила тебя о помощи, но сейчас прошу. Пожалуйста, приходи. Изабель».

Саймон выронил письмо из рук. Не успел листок упасть на пол, как он уже спускался по лестнице.

Когда Саймон вошел в квартиру Магнуса, там было тихо. На диване рядом с камином сидел Магнус и отрешенно смотрел на огонь, будто всматривался в прошлое. Саймон вспомнил, как однажды Магнус сказал ему о бессмертии: «Когда-нибудь останемся только мы с тобой». Алек спал, положив голову на колени своего друга.

Саймон кашлянул, и Магнус поднял глаза.

– Тебя Изабель позвала, знаю, – сказал он тихо, чтобы не разбудить Алека. – Она в комнате для гостей. Первая дверь налево.

Саймон кивнул и вышел. Удивительно, но он нервничал так, будто собирался на первое свидание. Изабель никогда раньше не просила его помочь, да и вообще не подавала никаких

признаков того, что нуждается в нем.

Он толкнул дверь гостевой комнаты. Если бы не умение видеть в темноте, присущее вампирам, он бы ничего не разглядел. Но теперь такой проблемы для него не существовало. Справа стоял шкаф, на стуле лежала одежда, а на кровати спала Изабель.

Саймон во все глаза уставился на нее. Он ни разу не видел Изабель спящей. Она выглядела моложе своих лет, лицо ее расслабилось, ресницы казались неправдоподобно длинными, рот был слегка приоткрыт, ноги поджаты. Одета она была в футболку с надписью «Клуб локхесского чудовища: находим ответы, игнорируем факты». Саймон присмотрелся... и узнал свою футболку. Ну вот... Ему так хотелось услышать ее голос, а она... спала. Он скинул обувь и лег рядом с ней.

Изабель занимала в кровати явно больше места, чем Клэри. Высокая, почти одного с ним роста, во сне она все же казалась хрупкой.

Он провел ладонью по ее руке.

– Иззи... – позвал он. – Изабель...

Он наклонился ближе – от нее пахло розовыми духами и спиртным.

Что ж, все понятно. Саймону хотелось прижать ее к себе и нежно поцеловать, но слава совратителя подвыпивших девиц его совсем не прельщала.

Он неподвижно лежал на спине и смотрел на растрескавшуюся штукатурку потолка. Определенно, Магнусу надо что-то делать с этим.

Словно почувствовав, что он здесь, Изабель вдруг повернулась и прижалась мягкой щекой к его плечу.

– Саймон? – сонно спросила она.

– Да.

Он осторожно коснулся ее плеча.

– Ты пришел... – Изабель прижалась головой к его плечу. – Прости, я думала, что ты не придешь.

Он водил пальцами по ее руке.

– А я пришел.

– Ох, я и сама не заметила, как заснула.

Саймон улыбнулся в темноте:

– Ничего. Если бы ты захотела, чтобы я пришел исключительно для того, чтобы обнять тебя спящую, я бы так и сделал.

Он почувствовал, как Изабель напряглась, а потом снова расслабилась...

– Саймон?

– Да?

– Расскажи что-нибудь.

– Что?

– Какую-нибудь историю, в которой добро побеждает зло. И чтобы все злодеи умерли навсегда.

– Вроде сказки? – спросил он и попробовал вспомнить что-нибудь подходящее. Сказки он знал только по диснеевским мультикам, и первое, что пришло на ум, – русалочка Ариэль в купальнике из ракушек. В восемь лет он был в нее влюблен, но не рассказывать же об этом.

– Нет, – вздохнула она. – Сказки мы проходили в школе. Некоторые заклинания из сказок и в самом деле действуют, но... не важно. Расскажи что-нибудь другое.

– Ладно, я вспомнил одну хорошую штуку. – Саймон погладил Изабель по волосам, чувствуя, как она щекочет длинными ресницами его шею. – Давным-давно, в одной далекой галактике...

Клэри не знала, сколько просидела на ступенях дома Люка, прежде чем начало светать. Солнце, поднявшееся из-за дома, окрасило небо в темно-розовый цвет, а реку превратило в голубую ленту со стальным отливом. Она дрожала от холода и, чтобы согреться, начертила две Согревающие руны, но они не помогли. Та к может, все дело в нервах?

Придет ли Джейс? Клэри надеялась, что в нем по-прежнему осталось что-то от Джейса – от настоящего Джейса, – а значит, придет. Когда он прошептал, что вернется за ней, она поняла, что долго ждать не придется – Джейс всегда был нетерпелив.

Но она не могла ждать вечно. Настанет новый день, и мама снова начнет следить за ней. И ей придется забыть о Джейсе на целые сутки, если не больше.

Клэри закрыла глаза, оперлась локтями на ступеньку за спиной и на мгновение представила, будто все по-прежнему: днем они с Джейсом пойдут на тренировку, а вечером поужинают, и он будет смешить ее, как и всегда.

Теплые усики солнечных лучей щекотали ее лицо. Она нехотя открыла глаза и... увидела его.

Джейс поднимался по ступеням беззвучно, как кошка. На нем был темно-синий свитер, а волосы в лучах солнца были похожи на сноп солнечных лучей. Клэри выпрямила спину, сердце в груди заколотилось. Она вспомнила ту ночь в Идрисе, когда в небе взрывались фейерверки, и подумала об ангелах, низвергающихся в пламя.

Он подошел и протянул руку. Клэри оперлась на нее и встала. Золотистые глаза Джейса смотрели на нее в упор.

– Я думал, ты не придешь.

– С каких это пор ты во мне стал сомневаться?

– Совсем недавно ты на меня злилась.

Он погладил ее по щеке, и она ощутила прикосновение шершавого шрама на его ладони.

– Что бы ты сделал, если бы меня здесь не оказалось?

Джейс прижал ее к себе. Он дрожал, ветер трепал его волосы.

– Как Люк?

Услышав имя Люка, Клэри вздрогнула. Решив, что ей холодно, Джейс еще сильнее прижал ее к себе.

– С ним все будет хорошо, – осторожно сказала она. – Это все ты, ты, ты виноват.

– Я не хотел причинить ему вреда. – Джейс поглаживал ее по спине. – Ты мне веришь?

– Джейс... – сказала Клэри. – Зачем ты пришел?

– Чтобы снова попросить тебя пойти со мной.

Она закрыла глаза:

– И ты даже не скажешь, куда?

– Верь, – тихо произнес он. – Просто верь мне, и все. Но знай, если ты пойдешь со мной, дороги назад не будет.

Она вспомнила, как впервые увидела его в «Адском логове». Ее жизнь тогда изменилась безвозвратно.

– Дороги назад никогда и не было, – сказала она. – Во всяком случае, с тобой. – Она открыла глаза. – Пойдем.

Улыбка Джейса была лучезарной, и Клэри расслабилась.

– Ты уверена?

– Да.

Он наклонился и поцеловал ее. Протянув руки, чтобы обнять Джейса, Клэри ощутила горечь на его губах, и на нее, словно занавес в конце спектакля, опустилась тьма.

Часть вторая

Нечто темное

*Люблю тебя,
Как любят нечто темное.*

Пабло Неруда, сонет XVII

8. Огонь закаляет золото

Майя никогда не бывала на Лонг-Айленде, и ей казалось, что это тихое местечко вроде Нью-Джерси, где живут люди, работающие в Нью-Йорке.

Она забросила рюкзак в багажник грузовика Джордана. Когда они встречались, Джордан водил потрепанную красную «тойоту», вечно захлавленную мятыми стаканчиками из-под кофе и пустыми пакетами из-под гамбургеров. Пепельница была вечно переполнена окурками. А вот в салоне грузовичка было сравнительно чисто, если не считать стопки бумаг на пассажирском месте. Она отодвинула стопку и села, не сказав ни слова.

Они выехали из Манхэттена на магистраль, ведущую к Лонг-Айленду, и Майя задремала. Когда грузовик подпрыгнул на ухабе, она проснулась и принялась тереть глаза.

– Прости, – сказал Джордан. – Я думал, ты всю дорогу будешь спать.

Майя села и осмотрелась. Они ехали по двухполосной дороге, небо начало светлеть. По обе стороны дороги тянулись поля, изредка мелькали деревянные домики, огороженные частоколом.

– Здесь мило, – удивленно сказала она.

– Ага. – Джордан переключил скорость и покосился на нее. – Раз уж ты проснулась, можно я тебе кое-что покажу? А потом поедem в штаб.

Она на мгновение замешкалась, но потом кивнула, и они свернули на узкую грунтовку, обсаженную деревьями. Майя открыла окно и всей грудью вдохнула. Палая листва, соленая вода, перегной, мелкие животные – скорее всего, мыши-полевки...

Грузовичок остановился на небольшой круглой площадке. Внизу к отливающей сталью воде тянулся пляж. Небо было почти лиловым.

Майя посмотрела на Джордана.

– Я сюда часто приходил, когда обучался в «Претор Люпусе», – сказал он. – Просто чтобы развеяться. Закаты здесь... они всегда разные, и всегда прекрасные.

– Джордан...

– А?

– Прости меня. Ну, за то, что я тогда ушла...

– Ничего страшного.

По тому, как напряглись его плечи, как он сжал руль, она поняла, что все совсем не так.

– Тебе было тяжело, я понимаю. Просто... я думаю, что нам не стоит переступать черту. Нужно остаться друзьями.

– Я не хочу быть друзьями, – сказал он.

– Не хочешь? – Она не смогла скрыть удивления.

Из обогревателя струился теплый воздух, а из открытого окна веяло прохладой.

– Майя, нам не стоит сейчас об этом говорить.

– Но я хочу, – сказала она. – По-моему, сейчас самое время.

Он прикусил губу. Спутанные волосы упали на лоб.

– Майя...

– Если ты не хочешь, чтобы мы были друзьями, тогда кто мы? Снова враги?

Он повернулся к ней и заглянул в ее глаза. Они были такими же, какими он их запомнил: ореховые, с зелеными, голубыми и золотистыми пятнышками.

– Я все еще люблю тебя, Майя. С тех пор как мы расстались, я никого не целовал.

– Но Изабель...

– Изабель напилась и хотела поговорить о Саймоне. А я... Я всю жизнь любил только тебя. Мысль о тебе помогла мне справиться с тренировками. Я думал о том, что когда-нибудь

помирюсь с тобой. И я хочу помириться. Я не хочу только одного.

– Ты не хочешь быть моим другом.

– Я не могу быть тебе просто другом. Это меня убьет. Я люблю тебя. Всегда любил. Только тебя.

Она посмотрела на океан, играющий золотыми, голубыми и пурпурными красками:

– Здесь так красиво...

– Поэтому я сюда и приходил. Не мог уснуть и шел, чтобы наблюдать за тем, как восходит солнце, – тихо сказал он.

– А теперь ты можешь уснуть?

– Майя... если ты хочешь сказать, что я тебе просто друг, так и скажи, ладно? Сдери пластырь.

Он напрягся, словно ожидая удара. Густые ресницы бросали тень на скулы, на оливковой коже шеи были заметны бледные шрамы. Эти шрамы оставила она... Расстегнув ремень безопасности, Майя наклонилась к нему и поцеловала в щеку. Потом вдохнула его запах. То же мыло, тот же шампунь... только теперь никаких сигарет. Она коснулась губами уголка его рта и наконец поцеловала по-настоящему. Джордан издал низкий рык.оборотням не свойственна нежность, но он осторожно усадил ее к себе на колени и приобнял, страстно целуя. От теплоты его рук, стука его сердца, от сладости его губ у Майи перехватило дыхание. Она прижалась к нему, чувствуя, как ее щекают мягкие, густые кудри.

– Я много лет ждал этого... – сказал Джордан, и голос его дрогнул.

Майя провела пальцем по его ключице, чувствуя, как колотится сердце. Ей казалось, что из оборотней, направлявшихся в штаб тайной организации, они превратились в обычных подростков, целующихся в машине на пляже.

– Я оправдала твои ожидания?

– Ты их даже превзошла, – улыбнулся Джордан. – Это значит...

– Ну, – сказала она. – Этим не занимаются с друзьями, так ведь?

– Правда? Надо сказать Саймону. Боюсь, он расстроится.

– Джордан!

Майя легонько ударила его по плечу и улыбнулась, он ответил ей тем же. Потом она прижалась к его шее и снова вдохнула его аромат.

Один ангел был златокрылым, крылья другого были темными и напоминали пламя. Ангелы схватились на замерзшем озере, а вдали сверкал ледяной город. Она стояла на льду, а вокруг нее текла кровь и сыпались перья. Золотые обжигали кожу, а черные были холодны, как лед.

Клэри проснулась в незнакомой комнате, запутавшись в одеяле. Сердце билось с курьерской скоростью. Она села, подтянув одеяло до груди, и огляделась. Стены покрыты белой штукатуркой, кровать сделана из черного дерева. Сама она в той же одежде, что и вчера.

Выскользнув из постели – босые ноги обжег холодный каменный пол, – она поискала глазами рюкзак. Он лежал на черном каменном стуле. В комнате не было окон, только висячая лампа из черного резного стекла. Пошарив в рюкзаке, Клэри с раздражением поняла, что в нем уже кто-то рылся. Пропала коробка с принадлежностями для рисования, а значит, и стилус. В рюкзаке остались только сменные джинсы и нижнее белье. Хорошо что она не снимала кольцо – оно по-прежнему было на пальце.

Клэри дотронулась до него, посылая сигнал Саймону:

«Я на месте».

Ничего.

«Саймон?»

Ответа не было.

Клэри тревожно сглотнула. Она понятия не имела, где она, как долго провела в забытьи и сколько сейчас времени. Может быть, Саймон спит? Она гнала от себя мысль, что кольца потеряли силу, – нельзя паниковать раньше времени. Ладно, будет действовать по наитию, а с Саймоном свяжется позже.

Она попыталась сконцентрироваться на том, что ее окружало. В комнате были две двери. За одной оказалась ванная, отделанная стеклом и хромом; окон здесь тоже не было.

Клэри быстро приняла душ, обтерлась пушистым белым полотенцем, натянула чистые джинсы и свитер, вернулась в комнату и попробовала открыть вторую дверь.

Бинго! Перед ней оказалась просторная комната, большую часть которой занимал длинный стеклянный стол. С потолка свисали черные лампы, свет, льющийся из них, бросал на стены танцующие тени. В камине горел огонь, а значит, кто-то совсем недавно ушел отсюда; перед камином стояли кожаные кресла. На стене висел большой телевизор, под ним – столик с контроллерами и играми. Вверх вела спиральная лестница со стеклянными ступенями. Оглянувшись по сторонам, Клэри принялась подниматься по ней. Стекло было абсолютно прозрачным, и ей казалось, что она взбирается по невидимой лестнице в небо.

Второй этаж. Бледные стены, черный пол, длинный коридор с дверями. Клэри толкнула одну из дверей и оказалась в спальне. Большую часть комнаты занимала огромная кровать из палисандрового дерева с прозрачным белым балдахином. Здесь были окна – темно-синие. Клэри подошла к окну. Может, она вернулась в Аликанте?

За окном протекал канал, на другой стороне канала стоял дом с зелеными спущенными жалюзи. Небо было серым, вода в канале – темно-голубой с зеленоватым отливом. Справа виднелся мост. На мосту стояли двое. Один из них увлеченно фотографировал окрестности. Значит, не Аликанте. Может быть, Амстердам? Венеция? Она попробовала открыть окно, но не поняла, как это делается. Тогда она принялась стучать по стеклу и кричать, но люди на мосту не заметили ее и вскоре ушли.

Клэри подошла к одному из шкафов и распахнула дверцу. Шкаф был переполнен одеждой – женской одеждой. Роскошные платья: кружева, атлас, бусины и цветы. На полках лежали ночные рубашки и нижнее белье, хлопчатобумажные и шелковые топы и юбки – и никаких джинсов. Обувь – кожаные сандалии и изящные туфли на каблуках. Упаковки с колготками.

Она уставилась на это богатство, думая о том, кому это все могло принадлежать. Мелькнула глупая мысль: может быть, Себастьян переодевается в женскую одежду? Но на всем, что лежало в шкафу, были бирки, и все подходило ей по размеру. Более того, здесь была собрана одежда ее любимых цветов: синего, зеленого и желтого. В конце концов она решила примерить темно-зеленую блузку без рукавов с шелковой шнуровкой спереди. Сбросив свитер, надела блузку и посмотрелась в зеркало, висевшее внутри шкафа. Блузка сидела идеально, подчеркивая фигуру, а цвет выгодно оттенял зеленые глаза. Клэри сорвала бирку, не желая видеть цену, и быстро выбежала из спальни, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Комната по соседству явно принадлежала Джейсу. Она поняла это сразу, как только вошла. Здесь витал его запах. Его одеколон, его мыло, запах его кожи. Кровать из черного дерева была аккуратно застелена. Чисто и уютно. На прикроватной тумбочке лежали книги с названиями на французском, итальянском и латыни. В стену был вонзен серебряный кинжал Эрондейлов с рукоятью в виде птиц. Подойдя ближе, Клэри разглядела приколотую кинжалом фотографию. А... это их с Джейсом снимала Изабель. Она прекрасно помнила тот ясный день в начале октября. Джейс разлегся на ступеньках Института с книгой на коленях, а она, сидя выше, положила руку на его плечо и наклонилась вперед, чтобы разглядеть, что он читает. На фотографии Джейс улыбался. Она почувствовала, как к горлу подступил комок, и вышла из

комнаты, чтобы перевести дыхание.

Нельзя так, упрекнула себя Клэри. Каждый раз, когда она видела Джейса, ей казалось, что кто-то бьет ее под дых. Нормальные девушки делают вид, что им все равно, что все это не имеет значения...

Она зашла в комнату по соседству. Здесь царил бардак. Черные шелковые простыни на кровати скомканы, стол из стекла завален книгами и бумагой, повсюду разбросана мужская одежда: джинсы, футболки, куртки.

На прикроватной тумбочке что-то блестело. Не может быть... Клэри не верила своим глазам. Это была маленькая шкатулка ее мамы, с инициалами Д. К., та самая, над которой мама так часто беззвучно рыдала. Клэри знала, что лежит в этой шкатулке: прядка волос, белых и нежных, как пух одуванчика, детская рубашечка и башмачок, уместающийся на ладони. Мелочи, напоминавшие матери о ребенке, которого она потеряла... которого Валентин превратил в чудовище.

Ее брат.

Д. К.

Джонатан Кристофер.

У Клэри скрутило живот, и она быстро выбежала из комнаты. Ее тут же обхватили чьи-то руки, и она подумала, что это Джейс.

– Что ты делаешь в моей комнате? – раздался голос Себастьяна.

Изабель привыкла просыпаться спозаранку каждое утро, и легкое похмелье не нарушило привычного хода вещей. Она села и уставилась на Саймона.

Ну и дела... Ей еще никогда не доводилось проводить ночь в одной постели с кем-то, если не считать сопливого детства, когда она боялась гроз и залезала в кровать к родителям. Саймон лежал на спине, слегка приоткрыв рот. Темно-каштановые волосы. По-юношески нежное лицо. Футболка слегка задралась. В отличие от Сумеречных охотников, он не был мускулистым. Живот плоский и гладкий, без кубиков пресса. Чем же он так очаровал ее?

– Изабель, – пробормотал Саймон, не открывая глаз. – Хватит на меня пялиться.

Изабель раздраженно вздохнула и выбралась из постели. Достала из рюкзака одежду и отправилась искать ванную.

Ванная располагалась посередине коридора – дверь открылась, и оттуда вышел Алек в облаке пара. Он энергично ворошил мокрые черные волосы.

– От тебя пахнет сандаловым деревом, – сказала Изабель вместо приветствия.

Она ненавидела запах сандалового дерева и любила сладкие ароматы: ваниль, корицу и гардению. Алек подмигнул ей:

– А нам нравится сандаловое дерево.

– Это царское «мы» или вы с Магнусом воображаете себя одним существом? «Мы любим сандаловое дерево», «Мы обожаем эту симфонию», «Мы надеемся, тебе понравится наш рождественский подарок». Конечно! – можно сэкономить и не покупать два подарка, – скривилась Изабель.

Алек с жалостью посмотрел на нее:

– Ты поймешь...

– Скажешь сейчас «Ты поймешь, когда полюбишь» – придушу полотенцем.

– А я, если ты не заткнешься, попрошу Магнуса призвать фей, которые навяжут тебе узелков в волосах.

– Эй, дай пройти в ванную! – Изабель стукнула брата по лодыжке, и он, притворно хромя, заковылял по коридору.

Она заперлась в ванной и включила душ на полную мощность. Потом посмотрела на полочку и выразилась так, как девушкам выражаться не подобает. Сандаловый шампунь, сандаловый кондиционер и сандаловое мыло. Гадость!

Когда она привела себя в порядок и прошла в кухню, Алек, Магнус и Джослин уже ждали ее. На завтрак были пончики (она бы и без них прекрасно обошлась) и кофе (вот это в самый раз). Налив в кофе вдоволь молока, Изабель откинулась на спинку стула и критически осмотрела Джослин, одетую, как обычно одеваются Сумеречные охотники.

Странно, подумала она. Ей часто говорили, что она похожа на мать, хотя сама она так не считала. А вот Клэри похожа на Джослин. Тот же цвет волос, тот же наклон головы, те же упрямые скулы. И у той и у другой за красивой внешностью скрывалась сталь. Изабель хотелось, чтобы ей достались голубые глаза Маризы и Роберта, как Клэри достались зеленые глаза Джослин. Голубой в сто раз красивее черного.

– В Адамантовую цитадель ведет много дверей, – сказал Магнус. – Ближайшая – в старом августинском монастыре, в том, что расположен в окрестностях Граймс-Хилла на Статен-Айленде. Мы с Алеком откроем портал и подождем вашего возвращения, но с вами мы пойти не можем.

– Знаю, знаю, – сказала Изабель. – Потому что вы... мальчики.

– Будь серьезна, Изабель, – попросил Алек. – Железные сестры не любят, когда их беспокоят.

– Обещаю вести себя хорошо, – пропищала Изабель голосом пай-девочки и поставила пустую чашку на стол.

Магнус пожал плечами. Волосы его топорщились миллионом острых колючек, глаза были подведены черной тушью, и потому еще больше напоминали кошачьи. Он подошел к стене, бормоча что-то на латыни. Появились знакомые очертания портала. Резкий порыв холодного ветра взъерошил волосы Изабель. Джослин сделала шаг вперед. Ее словно захлестнуло волной: рыжие волосы потускнели, и вскоре она исчезла в серебристом тумане.

– Иди, – подтолкнул сестру Алек.

Изабель закрыла глаза и шагнула, чувствуя, как ее увлекает за собой невидимый вихрь. Упав в сухую траву, она встала, отряхнув колени, и увидела, что за ней наблюдает Джослин. Еще через минуту на траву около Изабель упал Алек, а за ним – Магнус. Даже проход через портал не нарушил прически на его голове. Он гордо подергал за одну из колючек и сказал:

– Жду восхищенных рукоплесканий!

– *Магия?* – поинтересовалась Изабель.

– Гель для волос. Три доллара девяносто девять центов в магазине «У Рикки».

Девушка закатила глаза и повернулась, чтобы осмотреться. Они стояли на холме, вершина которого поросла пожухлой травой и сухим кустарником. Вдали виднелся мост, соединявший Статен-Айленд с Бруклином. Монастырь был позади них – большое здание из красного кирпича с заколоченными окнами, изрисованное граффити. Вокруг разрушенной колокольни кружили стервятники, потревоженные прибытием гостей. Изабель прищурилась – не наложены ли на колокольню чары? Если да, то очень сильные – ничего, кроме разрушенного здания, она не видела.

– Чар здесь нет, – сказала Джослин, напугав Изабель. – Все именно такое, каким кажется.

Джослин направилась к монастырю, и за ней последовали остальные. Здесь не было тропинок, и идти было довольно трудно. Изабель заметила на земле выжженные пентаграммы и рунические круги, начерченные аэрозольной краской.

– Люди, – усмехнулся Магнус, убирая ветку с ее пути. – Играют в волшебство, не понимая, что к чему. Их часто тянет в такие места, как это. Тусуются здесь, оставляя граффити на стенах.

Им кажется, что человек способен прикоснуться к волшебству... Вот глупцы!

Они дошли до заколоченной двери в кирпичной стене.

– Мы на месте, – сказал Магнус.

Изабель внимательно осмотрела дверь. Она и в этот раз не почувствовала чар – заметила лишь слабое свечение, похожее на отражение солнечных лучей от воды.

Джослин и Магнус переглянулись.

– Ты готова? – спросила Джослин, поворачиваясь к девушке.

Изабель кивнула, и Джослин, шагнув вперед, прошла сквозь доски, которыми была заколочена дверь.

Магнус выжидающе посмотрел на Изабель. Алек прикоснулся к ее плечу.

– Не волнуйся, – сказал он. – Все будет хорошо, Из.

– Я знаю, – ответила она и последовала за Джослин.

Прежде чем Клэри успела ответить Себастьяну, послышались шаги, и в дальнем конце коридора появился Джейс. Себастьян тут же отпустил девушку и с милой улыбкой подергал ее за ухо:

– Рад тебя видеть, сестренка!

Клэри потеряла дар речи.

Джейс подошел к ним. Он был бос, одет в джинсы, белую футболку и черную кожаную куртку.

– Я не ошибся, ты обнимал Клэри? – спросил он Себастьяна.

Тот пожал плечами:

– *Она моя сестра, и я рад ее видеть.*

– Обычно ты никого не обнимаешь...

– Джейс, все просто, – встряла Клэри. – Я поскользнулась, и он не дал мне упасть.

Если Себастьян и удивился тому, что она его защищает, то не подал виду.

Клэри подошла к Джейсу, и он поцеловал ее в щеку, дотронувшись до нее ледяными пальцами.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Джейс.

– Тебя ищу. – Она пожалала плечами. – Я проснулась, а тебя нет. Думала, может, ты спишь.

– Вижу, ты нашла наши запасы одежды. Нравится? – Себастьян жестом указал на ее блузку.

Джейс бросил на него быстрый взгляд.

– Мы ходили за продуктами, – сказал он. – Ничего особенного. Сыр и хлеб. Хочешь поужинать?

Несколько минут спустя Клэри сидела за большим столом. По продуктам она поняла, что они и в самом деле в Венеции. Итальянские сыры и хлеб, салями, прошутто, виноград, фиговый джем и красное вино. Джейс сидел напротив нее, Себастьян – во главе стола. Все это напомнило ей вечер в Нью-Йорке. Во главе стола, между Джейсом и Клэри, сидел тогда Валентин. Он предложил им вина и сказал, что они брат и сестра.

Она украдкой взглянула на Себастьяна, своего настоящего брата, и вспомнила выражение лица матери, когда та увидела его. Себастьян не был точной копией Валентина. Она видела фотографии отца, когда тот был еще юношей. Во внешности Себастьяна грубые черты отца сочетались с красотой матери: он был высок, но не широкоплеч, как Валентин, а строен и грациозен. Скулы и нежные губы достались ему от Джослин, темные глаза и белые волосы – от Валентина.

– Вина? – предложил Себастьян.

Клэри кивнула, хотя вино ей никогда не нравилось, а после той встречи с Валентином она

его и вовсе ненавидела. Себастьян наполнил бокал, и она спросила:

– Это твой дом?

– Он принадлежал нашему отцу, – ответил Себастьян, ставя бутылку на стол. – Отец уединялся здесь и с его же помощью перемещался между мирами. Он приводил меня сюда несколько раз, показал, как входить и выходить и как заставить дом перемещаться.

– Здесь нет входной двери?

– Есть, только надо знать, где искать, – усмехнулся Себастьян. – Отец очень хитро все устроил.

Клэри посмотрела на Джейса.

– Мне он никогда этот дом не показывал. Я даже не знал, что он существует, – сказал тот.

– Я бы и не подумала, что у Валентина...

– ...есть телевизор с плоским экраном? – договорил за нее Джейс. – Он ничего не ловит, но DVD смотреть можно. Когда-то у нас был короб со льдом на колдовском огне. Но здесь – мощный морозильник.

– Это все для Джослин, – сказал Себастьян.

– Что? – не поняла Клэри.

– Все эти современные штуки. Все удобства. И одежда. В том числе блузка, что на тебе. Это все для мамы. На тот случай, если она захочет вернуться.

Клэри встретила взглядом с Себастьяном. Ей стало дурно. *Это мой брат, и мы разговариваем о родителях.* Голова кружилась – слишком много информации, слишком быстро все происходит. Она никогда не думала о Себастьяне как о родном брате. Когда она узнала, кто он, он был уже... мертв.

– Прости, если тебя это коробит... – Джейс указал на блузку, – захочешь – купим другую одежду.

Клэри осторожно дотронулась до рукава. Ткань была мягкой, шелковистой, явно дорогой. Теперь понятно, почему вся одежда подходила ей и по цвету, и по размеру. Ведь они с матерью так похожи.

Она сделала глубокий вдох:

– Ничего. Просто... А как это, вы сидите в доме и...

– Путешествуем? Бывают вещи и похлеще, – весело ответил Джейс.

– Но так же не может продолжаться вечно...

Себастьян почти не ел, но пил уже третий бокал вина. Его глаза блестели.

– Почему?

– Хотя бы потому, что вас ищут. Не можете же вы вечно скрываться...

Клэри умолкла. Себастьян и Джейс переглянулись.

– Ты задаешь вопрос или это так – мысли вслух? – спросил Себастьян.

– Она имеет право знать о наших планах, – нахмурился Джейс. – Она пришла сюда, зная, что не сможет вернуться.

– Рискованный поступок, – усмехнулся Себастьян и провел пальцем по краю бокала. Клэри вспомнила, что Валентин делал так же. – Она верит тебе. Любит тебя, поэтому и оказалась здесь. Разве не так?

– Даже если и так, что с того? – ответила Клэри. Острые темные глаза Себастьяна говорили о том, что он не верит ей. – Я здесь потому, что доверяю Джейсу.

– Но не мне, – сказал Себастьян.

– Если Джейс верит тебе, то и я хочу тебе верить, – произнесла она, тщательно подбирая слова. – Ты мой брат. Это уже что-то значит... – Ложь загорчила во рту. – Но я тебя почти не знаю.

– Может, тебе стоит узнать меня поближе? Вот тогда мы и расскажем тебе о своих планах.

– Я не хочу держать ее в неведении, – вставил Джейс.

– Мы ей все скажем через неделю. Разве неделя – большой срок?

Джейс бросил на него быстрый взгляд:

– Две недели назад ты был мертв.

– А я и не говорил про две недели, – сказал Себастьян. – Я же еще не сошел с ума.

– Я готова подождать, – сказала Клэри, зная, что так нужно. Ее тошнило от собственных слов. – Подожду столько, сколько потребуется.

– Неделю, – сказал Джейс.

– Неделю, – согласился Себастьян. – Но ей придется остаться здесь, в доме. Никакого общения с кем бы то ни было. Ни входить, ни выходить, ни открывать дверь нельзя.

– А если я пойду с ней? – спросил Джейс.

Себастьян оценивающе посмотрел на него.

– Ладно, – сказал он снисходительно. – Если ты будешь с ней, выходить не запрещаю.

Клэри посмотрела на свой бокал, не решаясь взглянуть на Джейса. Джейс всегда делал, что вздумается. А теперь он спрашивает разрешения. Ей хотелось встать и разбить бутылку с вином о голову Себастьяна, но она понимала, что это невозможно. Если поранить одного, кровь потечет у другого.

– Как тебе вино? – весело спросил Себастьян.

Она осушила бокал, давась горьким напитком:

– Очень вкусное.

Изабель с любопытством осмотрелась. Перед ней простиралась зеленая равнина, над головой нависало серо-сизое небо. Она никогда не видела ни такой просторной равнины, ни такого безбрежного неба. Наклонившись и проведя рукой по земле, она поняла, что равнина была зеленой из-за мха, которым поросли черные камни, рассеянные по такой же черной, как уголь, земле.

– Это вулканическая равнина, – сказала Джослин.

Она стояла рядом с Изабель, и ветер трепал ее золотисто-рыжие волосы. Она была так похожа на Клэри, что становилось жутко.

– Здесь раньше текла лава. Похоже, здесь все вулканического происхождения. Сестры работают с адамантом, и в их кузницах нужно поддерживать высочайшую температуру.

– В таком случае, в этих краях могло быть и потеплее, – пробормотала девушка.

– Ты меня поражаешь, Изабель. Иногда ты так похожа на свою мать.

– Это комплимент? – прищурилась Изабель. Никто не имел права оскорблять ее семью.

– Я никого не хотела оскорбить, – словно прочитав ее мысли, сказала Джослин.

Шагая, Изабель не отрывала глаз от горизонта, где темное небо сходилась с изумрудно-зеленой травой.

– Как хорошо ты знала моих родителей?

Джослин бросила на нее короткий взгляд:

– Мы были близки, когда жили в Идрисе. Потом я много лет ничего не слышала о них и увидела снова совсем недавно.

– Вы общались, когда они поженились?

Тропинка стала подниматься в гору, и Джослин ответила, слегка запыхавшись:

– Да.

– Они любили друг друга?

Джослин резко остановилась:

– Изабель, о чем ты?

– О любви, – буркнула та.

– Не знаю, с чего ты решила, что я в этом эксперт.

– Ну, Люк с тобой почти всю жизнь, а ты только недавно согласилась выйти за него замуж.

Это впечатляет. Хотелось бы и мне иметь такую власть над мужчиной.

– Такого не стоит желать, – сказала Джослин.

Она поправила волосы, и Изабель словно током ударило. Тонкие руки Джослин напоминали руки Себастьяна, одну из которых Изабель отсекла в долине Идриса, перерубив кости и мясо.

– Твои родители несовершеннолетние, Изабель. Никто не совершенен. Они сложные люди, и совсем недавно потеряли ребенка. Та к что если ты о том, почему твой отец остался в Идрисе...

– Мой отец изменял маме, – выпалила Изабель и тут же осеклась. Она долго держала это в секрете, и теперь чувствовала, что, сказав об этом Джослин, совершила предательство.

Теперь лицо Джослин выражало сочувствие.

– Я знаю.

– Об этом что, все знают? – поразились Изабель.

Джослин помотала головой:

– Нет. Я узнала об этом благодаря своему положению. Большого сказать не могу.

– Кто это был? С кем он ей изменял? – потребовала ответа Изабель.

– Ты ее не знаешь ...

– Откуда тебе известно, кого я знаю, а кого нет? – Изабель повысила голос. – И перестань разговаривать со мной так, будто я маленькая девочка.

Вместо ответа Джослин снова пошла вперед.

Изабель поспешила за ней. Тропинка стала еще круче.

– Я имею полное право знать. Это мои родители. И если ты мне не скажешь, я...

Она недоговорила. Внизу перед ними была крепость из серебристо-белого адаманта, отражающего облачное небо. Крепость окружала высокая стена, в стене были ворота в форме двух огромных лезвий, вкопанных в землю под углом и напоминающих ножницы.

– Адамантовая цитадель, – сказала Джослин.

– Спасибо, – огрызнулась Изабель, – я уж поняла.

Джослин издала звук, который Изабель уже слышала от своих родителей. Скорее всего, он означал «Ох уж эти подростки!».

Они стали спускаться. Изабель была выше Джослин, ноги у нее были длиннее, и она бесцеремонно обогнала женщину, злорадно думая о том, что нечего обращаться с ней как с ребенком. Юркнув в похожие на ножницы ворота, она застыла. Перед ней была пропасть. Внизу бушевала красно-золотистая лава. Перепрыгнуть через пропасть не смог бы даже самый ловкий Сумеречный охотник. Но смог бы пройти – по разводному мосту, который находился на другой стороне и был поднят.

– Некоторые вещи не так просты, как кажется, – раздался за спиной голос Джослин.

Изабель вздрогнула:

– Не самое подходящее место, чтобы вот так подкрадываться!

Джослин подняла брови:

– Я думала, Ходж говорил тебе, как входить в Адамантовую цитадель. Ведь она открыта для всех Сумеречных охотниц, кто на хорошем счету у Конклава и Совета.

– Конечно, говорил. – Изабель лихорадочно пыталась вспомнить слова Ходжа. «Только те, в ком течет кровь нефилимов...»

Она вынула из волос заколку и покрутила ее. Заколка со щелчком раскрылась, превратившись в кинжал; на клинок была нанесена руна Мужества. Затем девушка вскинула руки

над бездной.

– *Ignis aurum probat*, – сказала она, и рассекла кинжалом левую ладонь.

В бездну потекла рубиновая струйка крови. Когда кровь достигла лавы, заискрились голубые всполохи, и разводной мост с противным скрежетом стал опускаться.

Изабель довольно улыбнулась, вытерла кинжал, покрутила ручку, и оружие снова приняло форму заколки.

– Ты знаешь, что это значит? – спросила Джослин, наблюдая за тем, как опускается мост.

– Ты о чем?

– *Ignis aurum probat*.

– Это девиз Железных сестер: «Огонь закаляет золото».

– Верно, – кивнула Джослин, – но речь идет не только о кузнечном ремесле. «Неприятности испытывают силу нашего характера» – вот как следовало это перевести. Но можно и так: «Трудности закаляют и раскрывают характер».

– Да? – пожала плечами Изабель. – А меня уже тошнит от трудностей. И раскрываться я тоже не хочу.

Разводной мост с грохотом опустился к их ногам.

– Если ты похожа на свою мать, тебе придется это сделать, – покачала головой Джослин.

9. Железные сестры

Алек поднял сияющий колдовской камень и по очереди осветил углы станции «Сити-Холл». Услышав, как пискнула мышь, пробежавшая по пыльной платформе, он вздрогнул. Разумеется, ему, Сумеречному охотнику, часто приходилось бывать в таких местах, куда нормальный человек никогда и не сунется, но от вида этой заброшенной станции по спине ползли мурашки. А может, мурашки ползли потому, что он решился... на предательство?

Как только Магнус ушел, Алек покинул свой сторожевой пост на Статен-Айленде и спустился вниз по холму к парому. Если поторопиться, он вернется раньше, чем Изабель и Джослин, и никто не узнает, что он куда-то отлучался.

– Камилла! – позвал он. – Камилла Белькур! – И услышал легкий смех, отразившийся от стен станции.

Камилла стояла на лестнице. Неясный силуэт в свете колдовского огня.

– Александр Лайтвуд, – произнесла она. – Проходи наверх.

Силуэт исчез. Алек поднялся и застал Камиллу в той же маленькой комнате, о существовании которой никто не подозревал. Одета она была по моде давно ушедших времен: длинное бархатное платье, стянутое в талии, высокая прическа, насыщенная красная помада. Наверное, она была красива, но Алек мало смыслил в женской красоте. К тому же он ненавидел Камиллу.

– По какому случаю ты так вырядилась? – бесцеремонно спросил он.

Камилла улыбнулась. В уголках ее губ Алек заметил засохшую кровь.

– В центре города маскарад. И знаешь, я там славно полакомилась. Зачем ты пришел сюда, Александр? Изголодался по приятной беседе?

Было бы у него красноречие Джейса, он бы ответил какой-нибудь колкой остротой. Но вместо этого он нахмурился и сказал:

– Ты говорила, что я могу вернуться, если меня заинтересует твое предложение.

Она побарабанила длинными пальцами по спинке дивана, единственному предмету обстановки в этой странной комнате:

– Так ты решил, что оно тебе интересно?

Алек кивнул.

– Ты хоть понимаешь, о чем просишь? – усмехнулась она.

Сердце Алека отчаянно колотилось.

– Ты говорила, что можешь сделать Магнуса... смертным. Таким же, как я.

Она поджала накрашенные губы:

– Да, говорила. Но мне показалось, что тебе это неинтересно. Ты так быстро ушел...

– Хватит, Камилла, не играй со мной. Если подумать, то я особо и не нуждаюсь в твоей помощи.

– Врешь, – усмехнулась она. – Иначе бы ты не пришел сюда. – Глаза ее рыскали по лицу Алека. – Вблизи, – сказала она, – ты не так похож на Уилла, как я думала. У вас один цвет кожи, но у тебя другой овал лица, и выражение... у тебя оно немного... слабовольное.

– Заткнись! – зло оборвал он ее. – Слышать о нем не хочу.

– Ну, хорошо. – Камилла лениво, как кошка, потянулась. – Это было много лет назад, когда мы с Магнусом были любовниками. Мы лежали в постели после страсти. – Заметив, как Алек поежился, она ухмыльнулась: – Ты и сам знаешь, какие откровенные разговоры ведутся в такие минуты. Та к вот, Магнус рассказал мне, что есть заклятие, способное лишить бессмертия...

– Магнус? Как видишь, я могу и сам узнать, что это за заклятие, и воспользоваться им. –

Голос Алека дрогнул. – И без тебя обойдусь.

– Ну, во-первых, ты всего лишь Сумеречный охотник и ничего не смыслишь в колдовстве, – спокойно ответила она. – Во-вторых, если ты воспользуешься заклятием и у тебя все получится, Магнус сразу поймет, кому он обязан. А вот про меня он подумает, что я сделала это из злобы. В отместку. Впрочем, мне все равно, что подумает Магнус. А тебе нет.

Алек косо взглянул на нее:

– Допустим, мы сговорились. Эту услугу ты окажешь мне безвозмездно?

Она звонко рассмеялась:

– Нет, конечно! Ты – мне, я – тебе. Кажется, так говорят в подобных случаях?

Алек с силой сжал колдовской камень, готовый швырнуть его в эту тварь.

– И какую же услугу я могу оказать тебе?

– Очень простую, – сказала она. – Я хочу, чтобы ты убил Рафаэля Сантьяго.

Всю поверхность моста занимали торчащие вверх лезвия ножей, и, чтобы пройти по нему, надо было обладать ловкостью. Для Изабель это не составило труда, но, к ее удивлению, Джослин, которая уже пятнадцать лет не была Сумеречной охотницей, справилась с такой же легкостью. Она шла всего на шаг позади нее, и, честно говоря, Изабель была рада, что мать Клэри не поранилась.

Они вошли в башню из адаманта. Джослин подняла руку, и все вокруг осветилось колдовским огнем. Стены, окружавшие их, слабо мерцали. На плитах, которыми был выложен пол, Изабель заметила черный круг с символом Железных сестер – сердце, пронзенное клинком.

Внезапно часть стены отошла в сторону, и из открывшегося прохода вышла женщина. Она была одета в длинное, просторное белое платье, под грудью перетянутое жгутом. На лице женщины не было ни морщинки, но Изабель почему-то подумала, что ее возраст исчисляется веками. На спину спадала длинная, толстая коса. На кожу вокруг глаз и на виски была нанесена причудливая татуировка цвета пылающего пламени.

– Кто осмелился потревожить Железных сестер? – произнесла женщина. – Назовитесь.

Изабель взглянула на Джослин, и та жестом велела ей ответить.

– Я – Изабель Лайтвуд, а это – Джослин Фр... Фэйрчайлд. Мы пришли просить вас о помощи.

– Джослин Моргенштерн, – поправила женщина. – Урожденная Фэйрчайлд. Ты ведь предала Конклав? Твое прошлое сомнительно, так как тебя коснулась скверна Валентина.

– Да, вы правы, – спокойно ответила Джослин. – Я изгнанница. Но Изабель – нет. Ее мать...

– Глава нью-йоркского Института. Как видите, у нас есть свои источники информации. Меня зовут сестра Клеофа, и я – Творец. Я придаю форму адаманту, из которого делают оружие другие сестры. – Она повернулась к Изабель и указала на золоченый кнут, обернутый вокруг запястья девушки. – Ты думаешь, я не знаю, что это такое? А эта безделушка...

Рука Изабель потянулась к рубину на ее шее.

– Если тебе все известно, – прервала сестру Джослин, – так, может быть, ты знаешь, зачем мы пришли?

Губы сестры Клеофы медленно растянулись в улыбке.

– В отличие от Безмолвных братьев, мы не умеем читать мысли. Мы предпочитаем полагаться на сеть информаторов, и они редко нас подводят. Полагаю, ваш визит как-то связан с Джейсом Лайтвудом, раз уж здесь его сестра, и твоим сыном, Джонатаном Моргенштерном.

– Мы попали в затруднительное положение, – сказала Джослин. – Джонатан строит козни против Конклава, как когда-то его отец. Конклав приговорил его к смерти. Но за Джейсом Лайтвудом нет никакой вины... его любят близкие и его любит моя дочь. Проблема в том, что

Джейс и Джонатан связаны древним закланием крови.

– Закланием крови? Каким именно?

Джослин вынула из кармана записи Магнуса, который тот дал ей минувшей ночью, и протянула их сестре Клеофе. Изабель вздрогнула, заметив, какие уродливые у нее пальцы, похожие на лапы паука; острые кончики ногтей украшали капельки электрума.

Пробежав глазами по страницам, Клеофа покачала головой:

– Сестры не имеют дел с магией крови.

Языки пламени в ее глазах потухли.

Из стены появилась другая тень.

– Посмотри это, сестра Долорес, – сказала Клеофа, передавая записи. – Ты можешь в этом разобраться?

Долорес была похожа на Клеофу – такая же рослая и стройная, в таком же белом платье, только волосы седые и заплетены в две косы, стянутые золотистым жгутом.

– Кажется, это заклание единения, – сказала сестра Долорес, внимательно прочитав написанное. – Похоже на заклание парабатай. Только демоническое.

– Парабатай? – взволнованно спросила Изабель. – Но ведь оно безвредно...

– Да? – удивилась сестра Клеофа, но Долорес взглядом приказала ей замолчать.

– Парабатай связывает двоих, оставляя каждому свободу воли, – объяснила она. – А заклание единения подчиняет одного другому. Подчиненный будет верить в то, во что верит его господин, и будет хотеть всего, чего тот хочет. Заклание подавляет свободу воли, и именно поэтому оно демоническое. Ибо свобода воли дарована нам свыше, и даровано совсем другими силами.

– А еще, если ранить одного заклятого, то другой тоже получит рану, – напомнила Джослин.

– Значит, если умрет один из них, то умрет и другой? – спросила сестра Клеофа.

– Да, – ответила Джослин, – и это еще одно отличие от заклания парабатай. Но теперь наш вопрос. Есть ли оружие, способное ранить только одного из них? Можно ли их разделить с помощью оружия? Вы можете выковать такое?

Сестра Долорес вернула записи Джослин. Руки у нее были тонкими и белыми, как снег.

– Такого оружия у нас нет, и ничего подобного мы выковать не сможем.

Изабель сжала кулаки, ногти вонзились в ладони.

– И что, такого оружия вообще не существует?

– В этом мире не существует, – ответила Долорес. – Но в другом... Есть райские и адские клинки. Например, меч архангела Михаила, с которым Иисус Навин сражался в Иерихонской битве. Или клинки, выкованные во тьме бездны. Но я не знаю, как их раздобыть.

– И даже если бы знали, мы бы не смогли вам сказать, так как это запрещено законом, – сказала Клеофа. – Вы, конечно, понимаете, что нам придется уведомить Конклав о вашем визите...

– А меч Иисуса Навина? – прервала ее Изабель. – Вы можете его раздобыть? Или мы сами?

– Этот меч можно получить только из рук ангела, – сказала Долорес. – Но тот, кто призовет ангела, будет поражен Небесным огнем.

– Но Разиэль... – начала Изабель.

Губы сестры Клеофы вытянулись в линию.

– Разиэль оставил нам Орудия смерти, чтобы мы могли призвать его в черный день. Свою единственную возможность мы упустили, когда Разиэля призвал Валентин. Мы больше никогда не сможем воззвать к его помощи. Но, чтобы вы знали, обращаться к ангелу преступно. Кларисса Моргенштерн избежала наказания только потому, что ангела призвал ее отец, а не она сама.

– Однажды мой муж призвал и другого ангела, – тихо сказала Джослин. – Итуриэля. Он

много лет держал его в плену.

Сестры замешкались, потом заговорила Долорес:

– Пленение ангела – тяжкое преступление. Конклав никогда бы не одобрил этого. Ангел не может никому повиноваться – такого заклания нет. И ангел не может передать меч архангела, его можно отнять у него силой, но об этом даже думать страшно. Пусть уж лучше ваш Джейс умрет, чем ангел подвергнется такому позору.

Услышав это, Изабель взорвалась:

– Вот в этом с вами и проблема – с Железными сестрами и Безмолвными братьями. Не знаю, как вы превращаетесь из Сумеречных охотников в кователей оружия и разгадывателей чужих мыслей, но из-за этого вы становитесь бесчувственными. Может быть, мы, Сумеречные охотники, наполовину ангелы, но мы и люди наполовину. Если вам не понять, что такое любовь и на что люди готовы ради нее...

В глазах Долорес взметнулось пламя.

– У меня была семья, – сказала она. – Муж и дети. Их всех убили демоны. У меня ничего не осталось. Я всегда умела работать руками, поэтому стала Железной сестрой. Здесь я обрела покой, которого не нашла бы нигде больше. Я выбрала себе имя Долорес – «скорбь». Не думай, девчонка, что ты можешь судить о том, что мы знаем или чего не знаем о боли и человечности.

– Да ничего вы не знаете, – огрызнулась Изабель. – Твердолобые, как камни. То-то они у вас тут кругом.

– Огонь закаляет золото, Изабель Лайтвуд, – строго сказала сестра Клеофа.

– Ой, да ладно, – отмахнулась Изабель. – Помощи от вас никакой!

Она развернулась и легко перешла мост, будто бы на нем и не было ножей. И только на другой стороне позволила себе упасть на колени и закрыть лицо руками.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем за ее спиной раздались тихие шаги. Джослин, а это была она, приобняла ее. Как ни странно, Изабель не сопротивлялась. В прикосновении Джослин было что-то материнское, и на сердце сразу стало легче.

– Хочешь узнать, о чем они говорили после того, как ты ушла? – спросила Джослин, когда Изабель перестала дрожать.

– Наверняка о том, что я опозорила Сумеречных охотников....

– На самом деле Клеофа сказала, что из тебя вышла бы отличная Железная сестра, и попросила дать знать, если тебе это интересно.

Джослин осторожно погладила ее по волосам.

Плечи Изабель снова затряслись, но теперь от смеха. Она посмотрела на Джослин и неожиданно произнесла:

– Слушай, может, скажешь...

Рука Джослин застыла.

– Что?

– Ну, кто это... С кем у моего отца роман. Ты не понимаешь... Каждый раз, когда я вижу женщину одного с мамой возраста, я думаю, может, эта и есть та, другая. Сестра Люка. Консул. Ты...

Джослин вздохнула:

– Ты и вправду ее не знаешь. Анна-Мария Хайсмит. Ее больше нет. Она погибла, когда Валентин атаковал Аликанте.

Изабель заморгала:

– Вот как...

– Теперь тебе легче?

– Конечно, – соврала Изабель, уставившись в землю. – Мне намного легче.

После ужина Клэри вернулась в спальню на нижнем этаже, сказавшись усталой. Плотнo закрыв дверь, она попыталась снова связаться с Саймоном, хотя понимала, что, с учетом разницы во времени между Италией и Америкой, он, скорее всего, спит. Точнее, она *надеялась* на то, что он спит. Она боялась даже думать о том, что кольца потеряли свою силу.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказала она, сжав пальцы и инстинктивно пытаясь спрятать кольцо.

Дверь открылась, это был Джейс. Он стоял на пороге и, не отрываясь, смотрел на нее. Клэри вспомнила другую ночь. Знойное лето... Стук в дверь... Джейс... Настоящий Джейс...

«Другой» Джейс только что вымылся, и его мокрые волосы топорщились. Он был в мягком свитере цвета бронзы и джинсах.

А вдруг он счастлив? – подумала Клэри. *Если да, то от чего ты его спасаешь?*

– Привет, – растерянно сказала она. – Как дела?

Джейс ухмыльнулся, и от этой ухмылки кровь в жилах Клэри похолодела.

– Хочешь пойти на свидание?

– Н-на с-свидание? – заикаясь, переспросила она.

– На свидание – кивнул Джейс. – Предлагаю тебе незабываемый романтический вечер с покорным слугой.

– Незабываемый романтический вечер? – еще больше растерялась Клэри.

– Эй, это же я, – засмеялся Джейс. – Девчонки падают в обморок, глядя, как я играю в «Скрэббл». А представь, что будет, если я приложу усилия?

Клэри окинула себя взглядом. Джинсы, зеленая шелковистая блуза. Она вспомнила о косметике в той странной комнате. Ей ужасно хотелось, чтобы под рукой оказался блеск для губ.

Джейс подошел и протянул ей руку.

– Ты восхитительно выглядишь, – сказал он. – Пойдем.

Она позволила ему помочь ей встать.

– Я не знаю...

– Пойдем! – Джейс говорил соблазнительным тоном, который запомнился ей с тех пор, как он повел ее в Оранжерею, чтобы показать цветок, распускающийся в полночь.

– Мы в Италии. В Венеции. В одном из самых красивых городов мира. Было бы жалко не увидеть его.

Джейс притянул ее к себе. Свитер его был мягким на ощупь, пахло знакомым шампунем. Сердце Клэри ухнуло куда-то вниз.

– Или можем остаться дома, – сказал Джейс, тяжело дыша.

– Я не из тех, кто падает в обморок, глядя, как ты играешь в «Скрэббл», – отпрянула от него Клэри. – И учти, я не люблю пошлых шуточек.

– Черт побери, да ты читаешь мои мысли. Я как раз хотел пошло пошутить.

– Я кое-чему научилась за это время. Например, читать твои грязные мысли.

– Значит, девяносто пять процентов моих мыслей.

– Девяносто пять процентов? А остальные пять – о чем они?

– Ну, знаешь, о всяком... О демонах, которых я должен убить, о рунах, о людях, которые меня бесят, об утках.

– Об утках?

– Об утках, а что? Ладно. А теперь смотри.

Он взял ее за плечи и осторожно развернул. Секундой позже стены комнаты растаяли, и Клэри обнаружила, что стоит на улице. Она охнула и оглянулась – позади был каменный дом с высоко расположенными окнами, почти ничем не отличавшийся от других, стоящих в ряду.

Слева был узкий канал, впадавший в другой, широкий, на берегах которого расположились великолепные дворцы. Пахло тиной и сыростью.

– Круто, а? – сказал Джейс.

Клэри повернулась и посмотрела на него:

– Так что там с утками?

– Ненавижу уток. Не знаю почему. Всю жизнь ненавидел, – улыбнулся он.

Майя и Джордан прибыли в штаб-квартиру «Претор Люпуса» ранним утром. По узкой белой дороге, проложенной меж аккуратно подстриженных лужаек, грузовик подъехал к огромному дому. Позади него Майя разглядела ряды деревьев, а за ними – голубую полосу воды.

– Ты учился здесь? – спросила она. – Какое роскошное место!

– Это тренировочный лагерь, – с улыбкой произнес Джордан. – Обрати внимание – лагерь.

Вообще-то улыбка не сходила с его лица с тех пор, как она поцеловала его на пляже на рассвете. Майе казалось, будто ее вернули в прошлое, когда она любила Джордана без оглядки. Но в то же время она чувствовала себя потерянной, будто проснулась в чужих краях, вдали от привычной стаи.

Это было странно. Не плохо – просто странно.

Грузовик остановился на площадке, выложенной плитками цвета волчьей шкуры с золотым отливом. К черным двойным дверям вела широкая каменная лестница. Солнечные часы на лужайке показывали семь утра. По окружности циферблата шла надпись: «Отмечаю только светлые часы».

Майя открыла дверь кабины и выпрыгнула из нее в тот самый момент, когда двери дома отворились.

– Претор Кайл! – услышала она.

По лестнице спускался светловолосый, мужчина средних лет в угольно-черном костюме.

– Претор Скотт, – поприветствовал его Джордан. – Это Майя Робертс из стаи Гэрроуэя. Майя, это претор Скотт. Он и есть глава «Претор Люпуса».

– Род Скоттов управляет «Претор Люпусом» с девятнадцатого века, – сказал мужчина, глядя на Майю. – Должен признать, – теперь он обращался к Джордану, – что я не ожидал увидеть тебя так скоро. Ситуация с вампиром на Манхэттене, Светочем...

– Все под контролем, – поспешно ответил Джордан. – Мы здесь по другой причине.

Претор Скотт поднял брови:

– И по какой же?

– Это очень важно, – заговорила Майя. – Люк Гэрроуэй, вожак нашей стаи...

Претор Скотт суровым взглядом заставил ее замолчать. Осанка выдавала в нем альфа-самца. Глаза под густыми бровями были серовато-зелеными, на шее, под воротником, сверкал бронзовый медальон с отпечатком волчьей лапы.

– Мы сами решаем, какие вопросы считать чрезвычайно важными, – сказал он. – И мы не отел, готовый принять кого угодно, и Джордан знает это. Если бы он не был одним из самых многообещающих выпускников «Претора», я бы прогнал вас обоих.

Джордан заткнул большие пальцы рук за ремень джинсов и опустил глаза. Выражение лица Скотта смягчилось.

– Но ты действительно один из наших лучших выпускников, – сказал он и положил руку на плечо Джордана. – Что-то вид у тебя неважный. Похоже, ты не спал всю ночь. Хорошо, я готов обсудить ваши дела. Пройдемте в кабинет.

Кабинет находился в конце длинного коридора, изящно отделанного темной древесиной. Майя заметила табличку с правилами поведения.

В стенах «Претор Люпуса»

не перевоплощаться,

не выть,

не драться,

не кусаться.

Никакого серебра!

Одежду носить всегда. ВСЕГДА.

P. S. Помечать продукты перед тем, как поместить их в общий холодильник.

В воздухе витали ароматы готовящегося завтрака, и в животе у Майи заурчало. Претора Скотта это, судя по всему, позабавило.

– Я велю кому-нибудь принести закуски, если вы голодны.

– Спасибо, – пробормотала Майя.

Они дошли до конца коридора, и Скотт открыл дверь с его именем на табличке.

– Руфус? – сказал он. – Что ты здесь делаешь?

Майя выглянула из-за его спины. В просторном кабинете царил уютный беспорядок. Из окна открывался вид на лужайку, на которой тренировалась группа юношей в черных майках и спортивных штанах. Полки вдоль стен были уставлены книгами об оборотнях с названиями на латыни, среди которых Майя узнала слово *lupus*^[7]. Письменным столом служила мраморная плита, которую подпирали две статуи оскалившихся волков. Перед столом стояли два стула. На одном из них, сгорбившись и сцепив руки, сидел тот, кого называли Руфусом.

– Претор, – сказал он скрипучим голосом, – я надеялся поговорить с вами о происшествии в Бостоне.

– Ты о том, что сломал ногу своему подопечному? Мы поговорим об этом позже, Руфус. Сейчас меня ждут более важные дела.

– Но...

– Ты свободен, Руфус, – произнес Скотт тоном альфа-самца, подчиняться которому следовало беспрекословно. – Напомню тебе, что это реабилитационный центр. Среди прочего, здесь учат уважению к старшим по званию.

Руфус встал, что-то бормоча себе под нос, и Майя только тогда поняла, насколько он огромен. Черная футболка туго обтягивала мощную грудь, бицепсы внушали страх. Голова оборотня была чисто выбрита, щека обезображена глубокими царапинами, похожими на борозды в почве. Бросив на них недобрый взгляд, Руфус вышел.

– Конечно, реабилитации все поддаются по-разному, – пробормотал Джордан.

Скотт опустил в кресло с высокой спинкой по другую сторону стола и нажал на кнопку вызывающе современного интеркома. Распорядившись принести завтрак, он наконец сказал:

– Слушаю вас.

Джордан принялся рассказывать о беде, случившейся с Люком, а взгляд Майи блуждал по комнате. Она подумала, каково это – вырасти в роскошном доме, где все упорядочено, вдали от бесшабашной свободы, царившей в стае.

Оборотень, одетый во все черное – судя по всему, это была униформа «Претора», – принес нарезанный кусочками ростбиф, сыр и белковые коктейли на подносе. В душе Майя поморщилась. Оборотням действительно требовалось больше белка, чем обычным людям, но ростбиф на завтрак? Ей хотелось чаю с сахаром.

– Разве ты не знаешь, – обратился к ней Скотт, словно прочитав ее мысли, – что сахар вреден для оборотней? Вожак твоей стаи не говорил об этом? Проведи эксперимент – перестань употреблять сахар в пищу, и тебе его больше и не захочется.

– Да, говорил, – испуганно ответила она. – Но в стрессовых ситуациях я становлюсь забывчивой.

– Обычно мы придерживаемся строгих принципов невмешательства в дела отдельных стай, – продолжил он, поправляя золотые часы «Ролекс» на запястье. – Но... бывают и исключения.

– Именно поэтому мы и приехали сюда, – сказал Джордан. – Стаи ведут преимущественно кочевой образ жизни, и у них нет библиотек, где можно было бы найти фолиант, в котором записаны советы на все случаи жизни. У нас все передается из уст в уста. Мы могли бы ходить от стаи к стае в поисках способа исцелить Люка, но у нас на это нет времени. У Безмолвных братьев есть архивы, у колдунов – Спиральный лабиринт, а в «Претор Люпусе» – вот это. – Он указал на полки с книгами.

Хозяина кабинета его речь, судя по всему, не убедила.

Майя опустила стакан с белковым коктейлем.

– Люк не простой вожак стаи, – сказала она. – Он представитель оборотней в Конклаве, и он член Совета. Если вы поможете исцелить его, у вас появится сторонник и там, и там.

Глаза Скотта сверкнули.

– А вот это интересно, – сказал он. – Хорошо, я поищу что-нибудь. Но на это потребуется несколько часов. Джордан, тебе нужно отдохнуть. Не хочу, чтобы ты врезался в дерево на обратной дороге.

– Я могла бы сесть за руль... – начала Майя.

– С виду ты устала не меньше его. Джордан, хоть ты и закончил обучение, здесь для тебя всегда найдется комната, и ты об этом знаешь. Ник на задании, поэтому и для Майи постель найдется. Отдохните. Я вас позову, когда закончу.

Он развернулся в кресле и принялся рассматривать корешки книг. Джордан жестом показал Майе, что пора уходить. Она встала, стряхнула крошки с джинсов, и уже пошла к двери, когда претор Скотт остановил ее:

– Вот что, Майя Робертс. Я надеюсь, ты понимаешь, что, обещая что-то от лица других, ты берешь на себя обязательство проследить за тем, чтобы обещанное выполнялось.

Саймон проснулся. Он не чувствовал себя отдохнувшим и долго лежал в темноте.

Сквозь плотные занавески на окнах свет почти не проникал, но он понял, что сейчас день. Изабель давно ушла, но постель хранила ее запах (розовые духи и текила).

Он вынул правую руку из-под одеяла и посмотрел на золотое кольцо. Изящное, с выгравированным на нем орнаментом, а может быть, и буквами на неизвестном ему языке. Он сел и дотронулся до кольца.

«Клэри?»

Ответ прозвучал мгновенно, и Саймон едва не свалился с кровати от облегчения.

«Саймон...»

«Можешь разговаривать?»

«Нет... – Он почувствовал напряжение в ее голосе. – Я рада, что ты вышел на связь, но сейчас не могу. Я не одна».

«Но с тобой все в порядке, да?»

«Все хорошо. Ничего еще не случилось. Я пытаюсь что-нибудь вывести... информацию. Обещаю выйти на связь, как только хоть что-то разузнаю».

«Ладно. Береги себя».

«И ты тоже».

Клэри пропала. Свесив ноги с кровати, Саймон попытался пригладить взъерошенные волосы и пошел посмотреть, где остальные.

Алек, Магнус, Джослин и Изабель сидели в гостиной. Алек и Магнус были в джинсах, а Джослин и Изабель – в облачении Сумеречных охотников. На правую руку Изабель был намотан кнут. Когда Саймон вошел, она подняла глаза, но не улыбнулась. На столе стояли чашки с дымящимся кофе.

– Ритуал Орудий смерти неспроста так сложен. – Магнус заставил сахарницу подлететь к нему и насыпал в кофе сахар. – Ангелы исполняют волю Бога, но не людей, даже если это Сумеречные охотники. Тот, кто призовет ангела, почти наверняка навлечет на себя гнев Небес. Орудия смерти нужны не для того, чтобы призвать Разиэля, а чтобы защититься от гнева явившегося ангела.

– Валентин... – начал Алек.

– Да, он тоже призывал ангела. Младшего, Итуриэля. Но ангел с ним даже не разговаривал, разве нет? И ничем ему не помог, хотя Валентин пленил его. Насколько я помню, он держал ангела в поместье Уэйландов, и, когда ангел умер, поместье обратилось в руины. – Магнус задумчиво постучал синим ногтем по чашке. – Когда Валентин призвал Разиэля, тот поразил его. Отчасти в отместку за то, что Валентин сделал с другим ангелом, его братом.

– А чего это вы вдруг заговорили об ангелах? – спросил Саймон, усаживаясь за стол.

– Изабель и Джослин ходили к Железным сестрам, – сказал Алек. – Искали оружие, которым можно было бы ранить Себастьяна, не причинив вреда Джейсу.

– А такое оружие есть?

– В этом мире нет, – вздохнула Изабель. – Может подойти ангельское или демоническое оружие. Мы рассматриваем первый вариант.

– Та к вы хотите вызвать ангела, который даст вам оружие?

– Такое уже бывало, – сказал Магнус. – Разиэль отдал Меч смерти одному из вас, я имею в виду Сумеречных охотников. В старых легендах говорится, что в ночь перед Иерихонской битвой Иисусу Навину явился ангел, протянувший ему меч.

– Вот это да, – засмеялся Саймон. – Я-то думал, ангелы за мир, а они оружие с собой таскают.

Магнус хмыкнул:

– Ангелы – не просто вестники. Они солдаты. Говорят, архангел Михаил мог разгромить целое войско. Ангелы не отличаются терпением. Особенно к слабостям людей. Любой, кто попытается призвать Разиэля без защиты Орудий смерти, тут же будет испепелен. Демонов призывать легче. Их больше, и многие из них слабы. Но слабый демон – *плохой помощник*...

– Мы не можем призвать демона, – в ужасе сказала Джослин. – Совет... Конклав...

– Конклав? Я думал, тебя уже много лет не заботит мнение Конклава, – сказал Магнус.

– Дело не во мне. Если Конклав узнает, то все вы, и Люк, и моя дочь...

– Но ведь не узнает? – сказал Алек, и его обычно спокойный голос задрожал. – Если только ты не скажешь.

Джослин перевела взгляд с неподвижного лица Изабель на вопрошающее лицо Магнуса:

– Вы в самом деле решили вызвать демона?

– Не простого демона – Азазеля, – ответил Магнус.

Глаза Джослин вспыхнули.

– Азазеля?

Магнус окинул взглядом всех присутствующих, словно пытаясь заручиться их поддержкой.

Изабель и Алек устали в свои чаши, а Саймон пожал плечами.

– Кто такой Азель? Я не знаю, – сказал он. – Это разве не кот из «Смурфиков»?

Услышав это, Изабель закатила глаза.

«Клэри?» – позвал он.

Ему ответил встревоженный голос.

«Что такое? Что случилось? Мама узнала, что я сбежала?»

«Еще нет. Скажи, Азель – это кот из „Смурфиков“?»

Клэри долго молчала.

«Кот – Азраил, Саймон. Больше не используй кольца, чтобы задавать мне вопросы про „Смурфиков“, ладно?»

Саймон поднял глаза и увидел, что Магнус улыбается.

– Он не кот, глупый, – сказал он. – Он – Старший демон, оружейник ада. Некогда знание о том, как ковать оружие, было доступно лишь ангелам, и именно он обучил этому людей. За что и заплатил – стал демоном. «И вся земля развратилась чрез научения делам Азеля: ему припиши все грехи!»^[8]

– Откуда ты все это знаешь? – удивился Алек.

– Он мой друг, – ответил Магнус. – Ладно, я соврал, – вздохнул он. – Но об этом написано в книге Еноха.

– Кажется, это опасно, – нахмурился Алек. – Получается, что Азель могущественнее даже Старших демонов. Как Лилит.

– К счастью, он не свободен в передвижениях, – сказал Магнус. – Если мы призовем его, то явится дух, а тело останется прикованным к острым скалам в пустыне Дудаил.

– В какой пустыне? А... неважно, – сказала Изабель, собирая длинные черные волосы в пучок. – Демон оружия. Звучит. По-моему, можно попробовать.

– Поверить не могу, что такое пришло вам в голову, – покачала головой Джослин. – Я своими глазами видела, к чему могут привести игры с вызовом демонов. Мой муж этим занимался. Клэри... – Она осеклась и посмотрела на Саймона: – Саймон, ты не знаешь, Клэри проснулась? Мы дали ей выспаться, но уже почти одиннадцать.

Саймон замешкался:

– Нет, не знаю.

Он подумал, что так оно и есть. Где бы ни была Клэри, она, вполне возможно, сейчас спит. Хотя он совсем недавно разговаривал с ней.

Джослин казалась озадаченной:

– Но разве ты не был с ней в одной комнате?

– Нет, не был. Я был...

Саймон осекся, поняв, какую яму вырыл для себя. В доме было три гостевые комнаты. В одной спала Джослин, в другой – Клэри. Из чего со всей очевидностью следовало, что он спал в третьей, с...

– Изабель? – удивился Алек, подняв брови. – Ты спал в комнате Изабель?

Изабель махнула рукой:

– Не беспокойся, братик. Ничего такого не было. Я, правда, напилась и вырубилась, так что он мог делать со мной что угодно, я бы все равно не проснулась.

– Да чего уж там, – потупился Саймон. – Я всего лишь пересказал тебе сюжет «Звездных войн».

– Да? Я ничего такого не помню. – Изабель пожала плечами и взяла печенье с блюда на столе.

– А кто лучший друг Люка Скайуокера?

– Биггс Дарклайтер, – тут же выпалила Изабель и ударила по столу ладонью. – Это нечестно!

– Ах, – умилился Магнус. – Увлеченность... Это прекрасно. Но и забавно для тех, кто обладает утонченным вкусом.

– Все, с меня хватит. – Джослин встала. – Я пошла за Клэри. Если вы собираетесь призвать демона, я в этом участвовать не собираюсь и не хочу, чтобы участвовала моя дочь.

Она направилась в коридор.

Саймон встал на ее пути.

– Ты не можешь этого сделать, – сказал он.

Джослин непонимающе посмотрела на него:

– Ты хочешь сказать, что здесь самое безопасное место, Саймон? Но если вы собираетесь вызывать демона, я...

– Дело не в этом, – ответил он и глубоко вздохнул, чувствуя нехватку кислорода. – Ты не сможешь ее разбудить, потому что... потому что ее здесь нет.

10. Дикая охота

Комната Джордана на третьем этаже «Претор Люпуса» мало чем отличалась от комнаты в обычном студенческом общежитии. У стен стояли две железные кровати, в углу сиротливо приткнулась доска для сёрфинга. Из окна открывался вид на зеленые лужайки.

Майя заметила на прикроватном столике фотографию в золотой рамке и вздрогнула. пляж, она с Джорданом... Когда же это было?

Джордан бросил рюкзак на кровать и снял куртку. Майя заметила, что он покраснел.

– Когда вернется твой сосед? – спросила девушка, нарушив неловкую тишину. Странно, в кабине грузовика ничего подобного не было, но сейчас они оба ощущали неловкость.

– Не знаю. Ник на задании. Это опасно. Он может и не вернуться, – ответил Джордан. – Ты приляг. А я, пожалуй, приму душ.

Он направился в ванную, и Майя вздохнула с облегчением. Она-то думала, что здесь одна ванная на этаж.

– Джордан... – начала она, но тот уже закрыл дверь и включил воду.

Майя сбросила обувь и легла на кровать Ника. От темно-синего пледа пахло сосновыми шишками. Она подняла глаза и увидела, что потолок оклеен фотографиями. Один и тот же смеющийся светловолосый мальчишка лет семнадцати. Ник, подумала она. Он выглядел счастливым. А Джордан? Был ли Джордан счастлив здесь, в «Претор Люпусе»?

Она протянула руку и взяла с тумбочки фотографию в рамке. Огромные ореховые глаза Джордана сразу приковывали к себе внимание. Они с Майей стояли обнявшись, и, кажется, Джордан собирался поцеловать ее. Волосы Майи выгорели на солнце – то лето было жарким.

Она подумала о Нике. Вернется ли он с задания целым и невредимым? О медленно умирающем Люке, об Аларике и Гретеле, о всех остальных оборотнях из стаи, погибших в войне с Валентином, о Максе и Джейсе... и призналась себе в том, что не верит в возвращение Джейса. И наконец, как ни странно, она подумала о Даниэле, брате, по которому никогда не скорбела, но теперь вдруг обнаружила, что слезы обжигают глаза.

Она вдруг почувствовала, как над ней сгущаются тени. Они потеряли Джейса, Себастьян вернулся, и все шло к худшему. Их ждали смерть и горе. Но... когда она целовалась с Джорданом в машине, ощущение счастья не покидало ее.

Словно в полудреме, она встала, подошла к ванной и открыла дверь. Сквозь матовое стекло душевой был виден силуэт Джордана. Она сняла свитер и выскользнула из джинсов и трусиков. Затем открыла дверь душевой и шагнула внутрь.

Джордан повернулся и убрал с глаз мокрые волосы. Лицо его налилось краской. Майя смотрела на него без стыда. На шее Джордана блестел медальон «Претор Люпуса», по плечам и груди стекала мыльная пена. Он был красив, впрочем, так она считала всегда.

– Майя? – дрогнувшим голосом сказал он. – Ты...

– Тс-с-с! – Она приложила палец к губам и прижалась к нему. – Молчи. Просто поцелуй меня.

Он так и сделал.

– То есть как это Клэри здесь нет? – возмутилась Джослин. Лицо ее побелело. – Откуда ты знаешь, если только что проснулся? Куда она ушла?

Саймон сглотнул. Джослин была для него второй мамой, и она всегда воспринимала его как союзника. Но теперь она смотрела на него как на врага.

– Вчера ночью она прислала мне эсэмэску ... – начал Саймон и осекся.

Магнус взмахом руки пригласил его за стол.

– Присаживайся, – сказал он. – Объясни нам, что произошло. Чувствую, твой рассказ будет долгим.

Саймон, вперив глаза в стол, начал рассказывать. Все это время Джослин смотрела на него холодными, как арктическая вода, глазами.

– Ты позволил моей дочери уйти... с Джейсом... в какое-то место, где мы и найти ее не сможем? – спросила она, когда он замолчал.

Саймон не поднимал головы.

– Но я с ней вообще-то на связи, – сказал он, подняв правую руку с кольцом на пальце. – Я с ней утром разговаривал, она сказала, что все нормально.

– Ты не должен был позволить ей уйти!

– Я и не позволял. Но она бы все равно ушла. Я подумал, раз уж ее не остановить, может, это судьба?

– Честно говоря, – сказал Магнус, – я тоже думаю, что ее нельзя было остановить. Клэри делает то, что хочет. – Он посмотрел на Джослин и покачал головой. – Ее нельзя удержать в клетке.

– Я-то тебе доверяла, Магнус! Как она выбралась из твоего дома?

– Открыла портал.

– Но ты вроде говорил, что есть заклятие...

– Ограждающее от непрошенных гостей, но не замуровывающее друзей. Джослин, твоя дочь неглупа и поступает так, как считает нужным. Тебе ее не остановить. Ее никому не остановить. Кстати, в этом она похожа на тебя.

Саймон подумал, что Магнус, конечно, знал Джослин, когда она едва не погибла во время Восстания, выступив против Валентина.

– Клэри еще мала, – сказала Джослин и повернулась к Саймону: – Так ты с ней говорил? После того как она ушла? С помощью этих... колец?

– Ну да, этим утром... *Она сказала, что все хорошо. Что с ней все в порядке.*

Эти слова только сильнее разозлили Джослин.

– Верю, что так она и сказала. Но не могу поверить, что ты позволил ей уйти, Саймон. Ты должен был ее остановить.

– Что, связать ее? – возмутился Саймон. – Приковать наручниками к обеденному столу?

– Хотя бы и так. Ты сильнее ее. Я разочарована...

Изабель встала:

– Ну все, хватит! – Она сердито взглянула на Джослин. – Совершенно несправедливо отчитывать Саймона за то, что Клэри самостоятельно приняла такое решение. Допустим, Саймон связал бы ее, как ты хочешь. И что дальше? Ты бы вечно держала ее связанной? Рано или поздно Клэри все равно пришлось бы отпустить, и что потом? Она бы перестала доверять Саймону. А тебе и так уже не доверяет. Если помнишь, потому что ты украла ее память, пытаешься таким образом защитить ее. Может быть, если бы ты не опекала ее так сильно, она бы сейчас лучше понимала, что опасно, а что нет, и не была бы такой безрассудной и скрытной!

Саймон внезапно вспомнил, как Клэри однажды сказала, что Изабель Лайтвуд редко произносит речи, но если все же произносит, то получается у нее очень эффектно.

Губы Джослин побелели.

– Я пойду побуду с Люком, – сказала она. – Саймон, жду от тебя вестей о том, что моя дочь жива и здорова. Отчет – каждые двадцать четыре часа. Иначе и ты, и вы все будете иметь дело с Конклавом и Советом.

И с этими словами она вышла из квартиры, хлопнув дверью с такой силой, что по

шпукатурке зазмеилась длинная трещина.

Изабель села, но на этот раз рядом с Саймоном. Он молча протянул ей руку, и они сплелись пальцами.

– Ну так что, – спокойно сказал Магнус, наконец нарушив тишину. – Кто готов призвать Азазеля? Для этого нам понадобится уйма свечей.

Джейс и Клэри весь день бродили по улицам, тянувшимся вдоль каналов, вода в которых была от темно-зеленой, почти черной, до мутно-голубой. Они потолкались в толпе туристов на площади Святого Марка, прошли по Мосту Вздохов, выпили по маленькой чашке эспresso в *Caffe Florian*. Путаный лабиринт города немного напоминал Клэри Аликанте, хотя там не было венецианской атмосферы, которую она бы назвала «атмосферой элегантного упадка». И здесь не было ни дорог, ни машин – только кривые улочки и многочисленные мосты, изогнутые над каналами.

Небо над головой потемнело, и в ресторанчиках начали зажигаться огни. Джейс спросил Клэри, хочет ли она перекусить, и та решительно кивнула. Она чувствовала себя виноватой из-за того, что ничего не разузнала, и... получала удовольствие от прогулки. Когда они перешли по мосту в Дорсодуро, один из тихих районов города, где почти не было туристов, она решила, что все-таки выведает у него хоть что-нибудь, о чем можно будет рассказать Саймону.

Когда они пересекли последний мост и вышли на просторную площадь у широкого, как река, канала, Джейс крепко держал ее за руку. Справа высился купол собора. На другом берегу горели огни, бросая отблески на переливающуюся воду. Клэри не терпелось взять в руки карандаши и нарисовать закат, зазубренные контуры зданий и их отражения в воде. Все вокруг заливал холодный синий свет. Где-то звенели колокола.

Клэри крепче сжала руку Джейса. Она вдруг почувствовала, насколько далека от всего привычного, – в Идрисе такого ощущения не возникало. Венеция, как и Аликанте, казалась городом из прошлого, вне времени. Будто бы они очутились на страницах книги или на картинке. Но это был настоящий город, о котором она знала с детства и в котором всегда хотела побывать. Она украдкой косилась на Джейса. В вечернем свете его скулы казались резко очерченными, под глазами пролегли тени. Увидев, что она смотрит на него, он повернулся к ней и улыбнулся.

Обогнув церковь, Джейс провел ее по поросшим мхом ступеням к тропе, тянувшейся вдоль канала. Здесь еще больше пахло сыростью. Небо стало совсем темным. Клэри вздрогнула – в метре от нее раздался всплеск. Она увидела обнаженную зеленоволосую женщину, по пояс поднимающуюся над водой. Женщина показалась ей очень красивой, но все испортила хищная улыбка, обнажившая ряд акульих зубов.

– Русалка, – сказал Джейс, когда женщина снова ушла под воду, на этот раз бесшумно. – В Венеции живут целые династии русалок. Они тут все немного с приветом. В открытом море они могли бы рыбой питаться, а здесь одни отбросы... – Он посмотрел на воду: – Город тонет. Еще сто лет, и он уйдет под воду. Представь, ты плывешь, а под тобой купол собора Святого Марка!

Клэри стало грустно.

– Разве это невозможно предотвратить?

– Море наступает, а поднять город – слишком дорогой проект.

Они подошли к каменной лестнице, ведущей наверх. Ветер трепал золотистые волосы Джейса, повеяло прохладой.

– Всё стремится к энтропии. Вселенная расширяется, звезды отдаляются друг от друга, и между ними образуются дыры. – Джейс умолк. – Ладно, что-то меня занесло.

– Может, это все из-за вина?

– Я никогда не пьянею.

Они завернули за угол, и перед ними предстала сверкающая огнями улочка. Клэри моргнула, привыкая к яркому свету. Джейс выбрал маленький ресторанчик, часть столиков которого стояла на улице. Вскоре они уже сидели за одним из них, слушая, как плещется о камень вода и скрипят лодки у пристани.

На Клэри волнами накатывала усталость. Она позволила Джейсу сделать заказ (как оказалось, он прекрасно говорил по-итальянски) и с облегчением вздохнула, когда официант наконец ушел.

– Кажется, я выпала из времени и попала в другое измерение, – сказала она, поставив локти на стол и сцепив пальцы.

– Знаешь, время – это тоже измерение, – засмеялся Джейс.

– Зануда! – Она запустила в него крошками из хлебной корзинки.

Он ухмыльнулся:

– Я тут недавно пытался припомнить смертные грехи. Алчность, зависть, чревоугодие... занудство, ирония...

– Ну, я почти уверена, что ирония – не смертный грех.

– А я почти уверен, что еще какой.

– Похоть, – сказала она. – Похоть – смертный грех.

– И порка.

– Я бы поместила похоть и порку в одну категорию.

– А я бы порку выделил отдельно. Итак, что там у нас получилось? Алчность, зависть, чревоугодие, занудство, ирония, похоть и порка.

В его глазах отражались огни. Клэри никогда еще не видела его таким красивым... и таким отстраненным, таким недоступным. На ум пришла строчка из песни Леонарда Коэна, которую играла группа Саймона – играла не слишком-то хорошо. «Во всем есть трещина, куда проходит свет»^[9]. В этом Джейсе тоже должна отыскаться трещина, через которую будет виден другой Джейс – настоящий. Она верила, что это произойдет.

Джейс дотронулся до ее руки, и она не сразу поняла, что его пальцы легли на кольцо.

– Что это? – спросил он. – Не припоминаю, чтобы у тебя было кольцо, выкованное феями.

Он говорил равнодушно, но ее сердце ёкнуло. Врать Джейсу она еще не привыкла.

– Это кольцо Изабель, – пожав плечами, ответила она. – Ненужный подарок ее бывшего парня, Мелиорна. Я подумала, что оно симпатичное, и она согласилась мне его отдать.

– А кольцо Моргенштернов?

Может быть, сейчас самое время сказать ему правду?

– Я отдала его Магнусу, чтобы он попробовал тебя найти.

– Магнусу? – переспросил Джейс, как будто не был знаком с ним, и вздохнул. – Так ты все еще считаешь, что приняла правильное решение? Ну, когда отправилась сюда со мной?

– Да. Я счастлива с тобой. И... как здорово, что мы оказались в Италии. Ни разу не была в другой стране...

– Ты была в Аликанте, – напомнил он.

– Аликанте... Город стекла... Это волшебная страна, а я говорю о другом. Мы с Саймоном собирались куда-нибудь поехать, как закончим школу... – Голос Клэри дрогнул. – Теперь это звучит глупо.

– Вовсе не глупо. – Джейс протянул руку и убрал ей за ухо выбившуюся прядь. – *Останься, и мы увидим весь мир.*

– Но я никуда не ухожу. Я с тобой.

– Хочешь посмотреть что-то конкретное? Будапешт? Париж? Пизанскую башню?

Только если она упадет на голову Себастьяну, подумала Клэри.

– А мы можем переместиться в Идрис? То есть... этот дом, он может туда переместиться?

– Нет, он не пройдет сквозь барьер. – Джейс провел рукой по щеке девушки. – Знаешь, я по тебе скучал.

– Значит, пока меня не было, ты не ходил на романтические свидания?

– Я вообще никуда не выходил. Из-за Себастьяна. Пытался его напоить, но он не засыпает.

Клэри потянулась за бокалом. Она начала привыкать к вкусу вина. Оно приятно обжигало горло, горячило кровь, и ночь от этого казалась сказочной. В конце концов, она в Италии, рядом с ней любимый парень, они сидят и едят вкуснейшую еду, которая тает во рту. Такие мгновения запоминаются на всю жизнь. Но... ей казалось, каждый раз, когда она смотрит на Джейса, счастье ускользает от нее. Как он мог быть сразу и Джейсом и не Джейсом? И разве можно быть счастливой, если у тебя разбито сердце?

Они лежали на узкой кровати под фланелевой простыней, крепко обняв друг друга. Майя касалась головой плеча Джордана. Солнечный свет, струившийся из окна, согревал ее лицо. Джордан запустил руку в ее кудри и нежно перебирал их.

– Я скучал по твоим волосам, – сказал он, приподнялся и поцеловал Майю в лоб.

Она засмеялась:

– Только по волосам?

– Нет, конечно. По твоим глазам, *по твоим губам*. По тебе.

Она подергала цепочку с медальоном «Претор Люпуса».

– Джордан... извини, что я сорвалась. Ну, насчет денег и Стэнфорда. Просто... тяжело было.

Глаза его потемнели.

– Я хотел сделать для тебя приятное.

– Знаю, – прошептала она. – Как бы сказать?.. Ты, наверное, думаешь, что я нуждаюсь в тебе. Нуждаюсь, это правда. Но я хочу быть с тобой вовсе не по этой причине. Я хочу быть с тобой, потому что люблю тебя.

Его глаза загорелись удивлением и надеждой.

– Ты... ты имеешь в виду, что можешь снова полюбить меня?

– Джордан, я никогда и не переставала тебя любить, – улыбнулась девушка, и Джордан почувствовал новый прилив желания.

В эту минуту в дверь постучали.

– Претор Кайл! – крикнул кто-то. – Просыпайтесь, претор Скотт просит вас зайти к нему в кабинет.

Джордан тихо выругался. Майя засмеялась и погладила его по спине.

– А претор Скотт не может подождать? – прошептала она.

– По-моему, у него есть ключи от всех комнат, и он может сам прийти, если захочет.

– Ладно, – шепнула она, касаясь губами его уха. – Впереди у нас много времени, так? Торопиться некуда.

Председатель Мяо лежал на столе и крепко спал. Саймону это показалось хорошим знаком. С тех пор как он стал вампиром, он перестал нравиться животным: они либо избегали его, либо начинали шипеть и лаять, если он подходил слишком близко. А так как он всегда любил животных, ему было сложно к этому привыкнуть.

Саймону хотелось выпить кофе, чтобы кофеин хоть немного смягчил голод. Весь вечер они помогали Магнусу готовиться к призыву Азазеля. Как оказалось, Магнус не шутил, когда говорил

о свечах. Пришлось опустошить все близлежащие магазинчики, где продавались свечи, а потом долго расставлять их по кругу. Вдобавок к этому Изабель и Алек рассыпали по полу смесь соли и толченой сухой белладонны, как им велел Магнус; при этом они читали вслух «Запретные ритуалы, книгу чернокнижника XV столетия».

– Что ты сделал с моим котом? – спросил Магнус, вернувшись в гостиную с кофейником и похожим на модель Солнечной системы нимбом из чашек, вертевшихся вокруг его головы. – Ты что, пил его кровь? А еще говорил, что не голоден!

– Я не пил его кровь. Он цел и невредим! – возмутился Саймон. – Он потыкал Председателя Мяо пальцем в живот. Кот лениво зевнул. – И потом, я сказал, что не голоден, потому что не хотел есть пиццу, которую ты предложил.

– Пусть так, но это не дает тебе права есть моего кота!

– Отстань, твой кот прекрасно себя чувствует. – Саймон потянулся к котяре, который презрительно фыркнул и спрыгнул со стола. – Убедился?

– Ладно. – Магнус опустился в кресло у стола и хлопнул в ладоши: – Алек, Изабель, все сюда! Я научу вас, как вызывать демона.

Претор Скотт ждал их в том же кресле. На столе перед ним лежала бронзовая коробочка. Майя и Джордан сели, и Майя подумала, что Скотт наверняка догадается, чем они с Джорданом занимались. Впрочем, претор смотрел на них без особого интереса.

Он толкнул коробочку Джордану.

– Это мазь, – сказал он. – Нанесите ее на рану Гэрроуэя, кровь очистится от яда, и демоническая сталь выйдет. Через пару дней рана зарастет.

Сердце Майи подпрыгнуло – наконец-то хорошие новости. Она взяла коробочку и открыла ее. Внутри действительно была темная, похожая на воск мазь, от которой слабо пахло толченым лавровым листом.

– Но... – начал претор Скотт, бросив взгляд на Джордана.

– Мазь должна взять Майя, – сказал Джордан. – Она – часть стаи Гэрроуэя, ей доверяют.

– Ты намекаешь на то, что стая не верит «Люпусу»?

– Многие думают, что никакой организации на самом деле не существует, – сказала Майя, едва не забыв добавить «сэр».

Скотт раздраженно взглянул на нее, но прежде чем успел что-то сказать, на столе зазвонил телефон.

– Слушаю, – сказал хозяин кабинета, а затем, чуть погодя: – Да, да, возможно.

Он положил трубку, и рот его скривился в ухмылке.

– Претор Кайл, отлично, что вы приехали к нам именно сегодня. Оставайтесь ненадолго. У нас есть дело, которое имеет некоторое отношение к вам.

Майю эта фраза удивила, но еще сильнее она поразилась, когда в углу комнаты что-то засверкало и из ниоткуда, словно на ее глазах проявлялась фотография, возникла фигура юноши. Волосы юноши были короткими и прямыми, темнорусого цвета, на загорелой шее блестело золотое ожерелье. Он был худощавым, и в душе Майя сравнила его с мальчиком-хористом. И... тут же узнала его.

– Рафаэль, – сказала она, сообразив, что это не настоящий Рафаэль, а его проекция. Раньше она слышала о таком.

– Ты знакома с главой нью-йоркского клана вампиров? – удивился Скотт.

– Мы однажды встречались в Броселиндском лесу, – сказал Рафаэль, глядя на нее без особого интереса. – Она подруга Светоча. Как его там? Саймона.

– Твоего подопечного. – Скотт перевел взгляд на Джордана.

Джордан нахмурился.

– С ним что-то случилось? – спросил он.

– Дело не в нем, – сказал Рафаэль. – Дело в вампирше-отступнице, Морин Браун.

– Морин? – воскликнула Майя. – Но ей же всего... сколько? Тринадцать?

– Вампирша-отступница есть вампирша-отступница, сколько бы ей ни было лет. В Трайбеке и Нижнем Ист-Сайде она устроила настоящую мясорубку. Много раненых и по меньшей мере шесть жертв.

– Она подопечная Ника, – нахмурился претор Скотт.

– Мне бы хотелось, чтобы вы послали на поиски кого-нибудь более опытного, – сказал Рафаэль. – Если бы Сумеречные охотники не были так заняты собственными... эээ... проблемами, они бы давно вмешались, но после случая с Камиллой моему клану сейчас меньше всего нужен надзор Сумеречных охотников.

– Как я понял, местонахождение Камиллы тоже до сих пор неизвестно? – спросил Джордан.

– Саймон рассказал нам, что случилось в ночь, когда Джейс пропал. Морин, судя по всему, выполняла приказы Камиллы.

– Камилла – не новообращенная, поэтому она – не наша забота, – отрезал Скотт.

– Знаю, но я к чему: найдете ее – найдете и Морин, – пояснил Джордан.

– Если бы Камилла была рядом, она бы не дала Морин совершить так много убийств, – сказал Рафаэль. – Камилла кровожадна, но знает о Законе. Во всяком случае, она постаралась бы утаить от Конклава все злодеяния Морин. Нет, Морин явно ведет себя как вампир-одиночка. Как одичавший вампир.

– Возможно, ты прав. – Джордан откинулся на спинку стула. – Нику нужна подмога, а не то...

– А не то с ним что-то случится? Что ж, это поможет тебе сконцентрироваться, – сказал претор Скотт. – А что касается этого Светоча...

– Саймон не несет прямой ответственности за обращение Морин, – прервал Скотта Джордан. – Я же тебе говорил...

– Да, знаю, – кивнул хозяин кабинета, – иначе бы тебя отстранили от задания, Кайл. Но именно знакомство девчонки со Светочем привело к ее обращению.

– Светоч опасен, – вставил Рафаэль. – Я всегда об этом говорил.

– Он не опасен, – вскинулась Майя. – У него доброе сердце!

Она увидела, как Джордан бросил на нее мимолетный взгляд, но не поняла его значения.

– Это все слова, – презрительно сказал Рафаэль. – Вы, оборотни, не умеете действовать оперативно. Я доверился тебе, претор Скотт, потому что все новообращенные – твоя забота. Но то, что Морин разгуливает на свободе, плохо сказывается на репутации нашего клана. Если вы не найдете ее в сжатые сроки, я созову всех своих вампиров. И в конце концов, – он улыбнулся, сверкнув тонкими клыками, – она станет нашей добычей.

Перекусив, Клэри и Джейс возобновили прогулку. Улицы были пустынные, вода в канале блестела, как стекло. Повернув за угол, они оказались на тихой улочке, застроенной двухэтажными домами. Под окнами колыхались черные полумесяцы гондол.

Джейс шагнул вперед, отпустив руку Клэри. Глаза его в свете фонарей казались золотыми. Клэри увидела, как сверкнул стилус, и поняла, что Джейс перерезает канат, привязывавший гондолу к массивному бронзовому кольцу. Он спрыгнул в лодку и протянул руку:

– Теперь твоя очередь.

Клэри с опаской посмотрела на гондолу. Она казалась игрушечной, и от кромки набережной до нее было довольно приличное расстояние. Меньше всего ей хотелось окунуться в грязноватую

воду канала.

– Нет, не могу. У меня не получится.

Джейс засмеялся:

– Еще как сможешь. Прыгай давай.

Он прошел в конец лодки, и Клэри подумала, что сейчас она точно перевернется. Но Джейс легко балансировал, стоя на сиденье. Светловолосый, статный, он напоминал принца эпохи Возрождения.

– Клэри, да что с тобой? Помнишь, как я тебя учил? Представь, что ты легкая как перышко.

И она вспомнила. Благодаря Джейсу она и в самом деле научилась держать равновесие и приземляться как перышко. Собравшись, она прыгнула и оказалась в лодке. И обнаружила... что та протекает – на дне была вода. Но рядом стоял Джейс, и все страхи куда-то испарились.

Он обнял ее за талию:

– Итак, куда мы с тобой отправимся?

Она и не заметила, что гондола уже отплыла от берега.

– Мы что, собираемся украсть эту лодку?

– Украсть – не самое лучшее слово, – заметил он.

– А ты как бы это назвал?

– Просто мы взяли ее напрокат.

Джейс притянул ее к себе, она не удержала равновесие, и оба упали на плоское дно. Внезапно Клэри обнаружила, что лежит на Джейсе, обхватив коленями его бедра. Рубашка его промокла, но ему, похоже, было все равно.

– Да ты просто сшибла меня с ног силой своей страсти! – заметил он. – Отличная работа, Фрэй.

– Ты упал, потому что сам так задумал. Я тебя знаю, – сказала она.

Над ними во всю мощь светила луна, и Клэри казалось, что кроме них с Джейсом в целом мире не осталось никого.

Он дотронулся до ее лица:

– Я не падаю, но... могу пасть.

Сердце ее заколотилось. Что это, шутка?

– Ну ты и выразился...

Лодка покачивалась, Клэри наклонилась вперед и оперлась руками о его грудь. Глаза Джейса потемнели, словно зрачок поглотил радужную оболочку. Он приподнялся и приобнял ее за шею. Губы их соприкоснулись, но Клэри тут же отстранилась. Разум говорил ей, что это не ее Джейс, а ей хотелось вернуть своего Джейса.

Она улыбнулась, словно дразня его, и перекатилась на дно, забыв о том, что в лодке полно воды. Джейс подвинулся. Она хотела положить голову на его плечо, но удержалась и от этого соблазна.

– Мы плывем... – сказала она.

– Я хочу тебе кое-что показать. Смотри на небо.

Грудь Джейса мерно вздымалась и опускалась. Его пальцы запутались в ее волосах. Клэри неподвижно лежала рядом, глядя на звезды. Вдруг она услышала странный звук, словно вода прорвала плотину. Небо потемнело, и она увидела смутные силуэты. Длинноволосые мужчины, воины... Они скакали на лошадях, копыта которых оставляли за собой кровавые отблески. Раздался звук охотничьего рожка, и всадники исчезли, словно их поглотила луна.

– Что это было? – восхищенно спросила Клэри.

– Дикая охота. – Голос Джейса звучал мечтательно. – Призрачные всадники... Всадники Гавриила. У них много имен. Они странствуют по небу, ведут вечную охоту. И отказываются

присягать в верности тем, кто связан с Землей. В году бывает одна ночь, когда к ним может присоединиться простой смертный, но тот, кто становится Призрачным всадником, уже не возвращается.

– Не возвращается? Но зачем тогда...

Джейс внезапно повернулся и навалился на Клэри, глаза его горели. Он совсем не давил на нее, но она чувствовала все его тело, все шрамы, вплоть до самых маленьких.

– Есть что-то очень привлекательное в том, чтобы потерять над собой контроль. Тебе так не кажется? – спросил он.

Не успела она ответить, как он уже целовал ее. Его губы были такими же, как и раньше, – она не забыла их вкус. Не думая больше ни о чем, Клэри отдалась сладостным ощущениям.

Поцелуй длился бесконечно долго. Рука Джейса спустилась к ее талии, пальцы нежно поглаживали чувствительную кожу поясницы. Клэри слышала, как о борт лодки плещется вода. Она запустила руки в волосы Джейса и закрыла глаза. К реальности ее вернул чей-то сердитый крик.

Джейс отстранился и взглянул на нее с сожалением:

– Нам пора.

Клэри ошарашенно посмотрела на него:

– Что-то случилось?

– Ничего особенного. Просто вон там – парень, у которого мы украли лодку. – Джейс сел. – И он собирается позвонить в полицию.

11. Все грехи

Магнус сказал, что им нельзя пользоваться электричеством, поэтому теперь комнату освещало лишь беловато-синее пламя свечей, расставленных в круг в центре комнаты.

Внутри круга Магнус выжег пересекающиеся треугольники – пентаграмму. Между треугольниками были символы, каких Саймон раньше не видел, – не буквы и не руны. От одного их вида становилось жутко.

Изабель, Алек, Саймон и Магнус, читавший заклятие из «Запретных ритуалов», стояли у границ круга. Голос Магнуса то стихал, то становился громче, заклятие звучало мрачной молитвой.

Символы на полу начали чернеть. Председатель Мяо, сидевший в углу комнаты, зашипел и забился под кресло. Беловато-синие языки пламени взметнулись к потолку, и теперь Саймон едва мог разглядеть Магнуса. В гостиной стало жарко. Магнус бормотал все быстрее и быстрее. Его черные волосы вились спиралями, пот блестел на скулах.

– *Quod tumeraris: per Jehovam, Gehennam, et consecratam aquam quam nunc spargo, signumque crucis quod nunc facio, et per vota nostra, ipse nunc surgat nobis dicatus Azazel!*

В центре пентаграммы вспыхнул огонь, и по комнате разошлась густая волна черного дыма. Все, кроме Саймона, закашлялись. Дым сгустился, и в кругу появился силуэт мужчины.

Саймон заморгал. Он понятия не имел, что увидит, но уж точно не это. Мужчина. Без возраста. Высокий и широкоплечий, темно-рыжие волосы. В дорогом черном костюме и начищенных черных ботинках. На запястьях – темно-красные борозды, вероятно, следы от цепей, много лет впивавшихся в его кожу.

– Кто вызывает Азазеля? – заговорил мужчина; голос его напоминал скрежет металла.

– Я. – Магнус захлопнул книгу, которую держал в руках. – Я, Магнус Бейн.

Азазель повернулся в сторону Магнуса.

– Магнус Бейн... Я знаю, кто ты, – сказал он. – Ты – чародей, колдун, варлок...

Магнус удивленно поднял брови.

– Ты – заклинатель. Ты – убийца демона Марбаса. Сын... – продолжал мужчина.

– Эй, я бы попросил... – быстро проговорил Магнус. – Не нужно сейчас об этом.

– Почему же? – удивленно произнес Азазель. – Если тебе понадобилась помощь демона, почему ты не призвал своего отца?

Алек с удивлением взглянул на Магнуса. Тот никогда не говорил о своем отце, хотя ходили слухи, что отец колдуна действительно демон, обманом заставивший некую женщину принять его за своего мужа.

– У нас с отцом напряженные отношения, – признался Магнус. – И я бы предпочел его в это не вмешивать.

Азазель поднял руки, как будто сдается:

– Что ж, это ваши дела. Но ты держишь меня внутри пентаграммы. Чего ты попросишь за освобождение?

Магнус не ответил, но по выражению лица Азазеля было ясно, что они беззвучно разговаривают. В глазах демона, как любопытные дети, увлеченные сказкой, плясали языки пламени.

– Лилит хитра, – наконец произнес демон. – Додумалась воскресить мальчика и поставить защиту, соединив его с тем, кого вы не решитесь убить! Она всегда манипулировала эмоциями.

– Но можно ли разрушить связь между ними? – нетерпеливо спросил Магнус.

Азазель покачал головой:

– Не убив обоих – нельзя.

– А есть ли какой-нибудь способ избавиться от Себастьяна, не затронув Джейса?

Это спросила Изабель, голос ее звенел; Магнус взглядом велел ей взять себя в руки.

– Боюсь, это не в моих силах, – сказал Азазель. – Я могу создавать лишь демоническое оружие. Возможно, очистить сына Валентина от зла и нарушить их связь сможет молния из длани ангела. Но... согласен вам кое-что предложить.

– Я весь внимание. – Магнус сощурил кошачьи глаза. – Говори.

– Разделить юношей и оставить одного из них в живых, нейтрализовав другого... Да, есть один способ. Но я расскажу о нем в обмен на небольшую услугу.

– Ты – мой слуга, – нахмурился Магнус. – Хочешь выйти из пентаграммы – делай, что я говорю, и не торгуйся.

– Разве дело только в моем желании? И знаешь, я уже привык – здесь пентаграмма, а там, в пустыне...

– «Мой ад везде, и я навеки в нем», – продолжил Магнус.

Азазель обнажил в улыбке металлические зубы.

– Может, ты и не гордец, как старина Фауст, но зато нетерпелив. Уверен, тебе скоро надоест наблюдать за мной, – усмехнулся он.

– Ну, не знаю... Я всегда любил смелые решения в интерьере, а ты эту комнату очень украшаешь.

– Магнус! – возмутился Алек, которому явно не нравилась идея соседства с демоном.

– Ревнуешь, маленький Сумеречный охотник? – Азазель ухмыльнулся. – Не волнуйся, твой друг не в моем вкусе. И кроме того, мне не хотелось бы злить его...

– Все, довольно, – топнул ногой Магнус. – Скажи нам, что ты хочешь, и разойдемся.

Азазель сложил руки домиком – натруженные руки рабочего с черными ногтями.

– Всего лишь одно счастливое воспоминание от каждого из вас. Что-то, что может развеселить меня, когда я скучаю в своих скалах.

– Вы хотите сказать, что, если мы согласимся, воспоминания сотрутся из нашей памяти? – насторожилась Изабель. – Захотим вспомнить о чем-то и не сможем?

Азазель прищурился, глядя на нее сквозь пламя:

– Ты кто, малышка? А... ты тоже из нефилимов... Да, я возьму твое воспоминание, и оно станет моим. И ты никогда не вспомнишь о том, что с тобой произошло. Но, пожалуйста, не навязывай мне воспоминания о демонах, убитых тобой при свете луны. Такие меня не радуют. Нет, мне нужны... личные воспоминания.

Он ухмыльнулся, и его зубы засверкали еще ярче.

– Я стар, – сказал Магнус. – У меня много воспоминаний. Я могу расстаться с одним из них, если нужно. Но я не могу говорить за других. Нельзя заставить пойти на такое.

– Я это сделаю, – быстро произнесла Изабель. – Ради Джейса.

– И я тоже, – сказал Алек.

Настала очередь Саймона. Он вдруг вспомнил, как Джейс перерезал запястье и пожертвовал ему свою кровь на корабле Валентина. Чтобы спасти Саймона, он рисковал жизнью. Возможно, Джейс сделал это ради Клэри, но Саймон все равно был у него в долгу...

– Я согласен.

– Хорошо, – кивнул Магнус. – Теперь надо вспомнить что-нибудь хорошее. По-настоящему хорошее, такое, что приятно вспоминать.

– Я готова, – первой отозвалась Изабель.

Она закрыла глаза, словно приготовилась к боли. Магнус шагнул к ней, прикоснулся пальцами к ее лбу и тихо забормотал.

Алек некоторое время наблюдал за ними, а потом тоже закрыл глаза.

Для Саймона все приятное было связано с Клэри. Но потерять память о Клэри он не мог. Тогда он вспомнил летний день на Кони-Айленде. Он сидит на плечах отца, а Ребекка бежит за ними с воздушными шарами в руке. Он смотрит на небо, разглядывая облака, и слышит, как смеется мама... Нет, только не это. Я не хочу это терять...

Он открыл глаза и увидел, как Магнус опускает руку. Саймон моргнул.

– Но я ни о чем не думал, – запротестовал он.

Кошачьи глаза Магнуса преисполнились печали.

– Думал, мой дружок...

Саймон окинул взглядом комнату, голова его кружилась. Он поймал на себе взгляд Изабель, и ему стало интересно, каким счастливым воспоминанием пожертвовала она.

Азазель, стоявший у самого края пентаграммы, протяжно зарычал. Магнус с отвращением посмотрел на него. В руках колдуна что-то сверкало, словно он держал колдовской огонь. Раз – и это что-то полетело в центр пентаграммы. Острое зрение вампира позволило Саймону увидеть, что это было: луч света, который, быстро разрастаясь, превращался в калейдоскоп образов. Лазурный океан... Колокол женского платья, лицо Магнуса и лицо голубоглазого мальчика... И еще... Азазель распростер руки и всосал в себя эту яркую солнечную картинку. Глаза демона замаслились.

– Ах! Вкусно! – довольно воскликнул он.

– А теперь исполняй свое обещание, – приказал Магнус.

Демон облизнул губы.

– Решение вашей проблемы просто. Вы освободите меня, а я заберу сына Валентина живым в ад. Он не умрет, и поэтому ваш Джейс не пострадает. Связь между ними вскоре пропадет, и ваш друг вернется к вам.

– А что будет потом? – спросил Магнус. – Мы выпустим тебя на свободу, а ты... потом ты снова позволишь себя сковать?

Азазель рассмеялся:

– Конечно нет, глупый колдун. Цена услуги – моя *полная* свобода.

– Полная свобода? – воскликнул Алек, не веря своим ушам. – Ты хочешь, чтобы мы позволили исчадию ада разгуливать на свободе? Мы уже отдали тебе свои воспоминания...

– Воспоминания – это цена, которую вы заплатили за то, чтобы я изложил свой план, – сказал Азазель. – А моя полная свобода – цена, которую вы заплатите за то, чтобы воплотить этот план в реальность.

– Это нечестно, и ты об этом знаешь, – рассердился Магнус. – Ты требуешь невозможного!

– Но и ты тоже, – сказал Азазель. – Всё говорит о том, что вы потеряли своего друга навсегда. «Если кто даст обет или поклянется клятвой, положив зарок на душу свою, то он не должен нарушать слова своего, но должен исполнить все, что вышло из уст его». Их души связаны заклятием Лилит. Они оба на это согласились.

– Джейс никогда бы не согласился... – начал Алек.

– Он произнес эти слова, – сказал Азазель. – По собственной воле или по принуждению – не имеет значения. Разорвать эту связь могут лишь силы Небесные. Но силы Небесные вам не помогут, вы сами это знаете. Поэтому обычно призывают демонов, а не ангелов. Я назвал цену за мое вмешательство. Если вы ее не заплатите, вам придется смириться с потерей.

Лицо Магнуса побледнело.

– Мы посоветуемся и решим, устраивает ли нас твое предложение. А пока изыди! – Он махнул рукой, и Азазель исчез, оставив после себя запах горелого дерева.

Оставшиеся в комнате удивленно переглянулись.

– Его просьба... – наконец произнес Алек. – Это же невозможно, да?

– Теоретически возможно все, – сказал Магнус, глядя вперед, словно в бездну. – Но если мы выпустим на свободу демона, второго по старшинству после самого Люцифера, сколько хаоса он посеет...

– Но разве не может Себастьян оказаться столь же опасным? – спросила Изабель.

– Как сказал Магнус, возможно все, – с горечью в голосе сказал Саймон.

– В глазах Конклава нет преступления страшнее, чем это, – продолжил Магнус. – Тот, кто выпустит Азазеля на свободу, будет причислен к особо опасным преступникам.

– Но если мы хотим уничтожить Себастьяна... – начала Изабель.

– У нас нет доказательств, что Себастьян что-то замыслил, – прервал ее Магнус. – Вполне возможно, он просто хочет поселиться в уютном коттедже в Идрисе.

– С Клэри и Джейсом? – спросил Алек.

Магнус пожал плечами:

– Кто знает, зачем они ему понадобились? Может, ему просто одиноко.

– Себастьян не стал бы похищать Джейса с крыши только потому, что истосковался по крепкой мужской дружбе, – сказала Изабель. – Он что-то задумал.

Все посмотрели на Саймона.

– Клэри пытается выяснить, что именно. Ей нужно время, и не говорите, что времени у нас нет. Она сама об этом знает, – сказал он.

Алек провел рукой по волосам.

– Мы только что потеряли целый день. Это непозволительно. Больше никаких глупых идей! – закончил он резко.

– Алек... – Магнус положил руку на плечо возлюбленного. – Алек, что с тобой?

Алек посмотрел на него и вдруг сказал:

– Ты кто такой?

Магнус вздрогнул:

– Александр, ты...

– Ладно, это была шутка.

– Да ты... – возмутился Магнус.

Прежде чем он успел продолжить, дверь распахнулась, и в гостиную вошли Майя и Джордан. Щеки обоих покраснелись от мороза; Саймон заметил, что на Майе была кожаная куртка Джордана.

– Мы только что вернулись от Люка, – взволнованно проговорила девушка. – Люк еще не проснулся, но, похоже, он скоро поправится... – Увидев мерцающую пентаграмму и еще не рассеявшееся облако черного дыма, она осеклась. – А чем вы тут занимались, ребята?

Благодаря чарам и способности Джейса ловко взобраться на старый мост и затащить на него Клэри им удалось убежать от итальянской полиции. Когда опасность миновала, они остановились и рассмеялись. Клэри была на седьмом небе от счастья; ей хотелось уткнуться Джейсу в плечо, но внутренний голос напомнил, что это не Джейс, и ее смех затих.

Джейс принял внезапную перемену ее настроения за усталость. Он взял ее за руку, и они вернулись на улицу, с которой начали свой путь. По телу Клэри пробежала дрожь.

– Тебе холодно?

Джейс прижал ее к себе и поцеловал, потом приподнял и пронес сквозь стену дома.

Опустив ее на пол, он пинком захлопнул невесть откуда взявшуюся дверь и уже собирался сбросить куртку, когда раздался сдавленный смешок.

В комнате вспыхнул свет. Себастьян сидел на диване, положив ноги на кофейный столик,

светлые волосы были взъерошены, черные глаза блестели. Он был не один, по обе стороны от него сидели две девушки. Одна – светловолосая, в короткой юбке и топике с блестками; рука ее лежала на груди Себастьяна. Другая – в кружевном черном платье, с красным бархатным ободком в коротких черных волосах.

Клэри напряглась. Вампирша, подумала она про темноволосую. Девушка поняла, что ее раскусили. Она ухмыльнулась, показав острые зубки, а потом наклонилась к Себастьяну и сделала вид, что сейчас вопьется ему в шею. Сквозь опущенные ресницы Себастьян посмотрел на Клэри.

– Ну, как тебе свидание? – спросил он.

Клэри хотелось нагрубить, но вместо этого она с неопределенным видом кивнула.

– Ну, может, присоединишься к нам? – Себастьян указал на себя и девушек. – Выпьем?

Темноволосая засмеялась и что-то спросила у Себастьяна по-итальянски.

– *No*, – ответил Себастьян. – *Lei e mia sorella*.

Девушка откинулась на спинку дивана с разочарованным видом. У Клэри пересохло во рту. Она вдруг ощутила прикосновение руки Джейса.

– Я так не думаю, – сказал он. – Мы идем наверх. Увидимся утром.

Себастьян пошевелил пальцами, и на одном из них сверкнуло кольцо Моргенштернов.

– Чао.

Джейс вывел Клэри из комнаты, и они поднялись по стеклянной лестнице. Она никак не могла отдышаться. Себастьян был во много раз хуже *этого* Джейса. От него разило угрозой.

– Что он сказал? – спросила она.

– «Нет, она моя сестра», – ответил Джейс. О чем спрашивала девушка, он умолчал.

– Он часто так делает? Ну, приводит девушек?

Джейс дотронулся до ее лица:

– Он делает, что хочет, я не спрашиваю. Если ему захочется, может привести двухметрового розового кролика в бикини. Это не мое дело. Но если тебя интересует, приводил ли сюда девушек я, то нет. Кроме тебя, мне никто не нужен.

Она спрашивала не об этом, но все же кивнула:

– Мне не по себе, Джейс...

– Можешь сегодня спать со мной в моей комнате. – Его глаза светились во мраке. – Не буду просить, но...

– Я хочу... с тобой, – сказала она, удивившись собственной горячности.

– Дай мне секунду прибраться. Там бардак, – сказал он.

– А... ну да, когда я туда заходила, то видела пылинку на подоконнике. Живо ее убери! – нашла в себе силы пошутить Клэри.

Он запустил пальцы в ее волосы:

– Я, конечно, понимаю, что сам себе все испорчу, но в чем ты будешь спать? В пижаме или...

Она вспомнила о шкафе, полном одежды. Ей придется к этому привыкнуть. И начать можно уже сейчас.

– Пожалуй, схожу возьму ночную рубашку.

Несколько минут спустя, стоя у раскрытого шкафа, она подумала, что ночные рубашки, которые покупают мужчины, вовсе не обязательно отвечают вкусам женщин. Обычно она спала в топике и шортиках, но здесь все было шелковым, в кружавчиках, или полупрозрачным. Наконец она выбрала бледно-зеленую шелковую ночную рубашку, которая доходила ей до бедра. Она вспомнила о красных ногтях девушки, положившей руку на грудь Себастьяна. Сама она ногти обгрызала, а те, что на ногах, красила разве что прозрачным лаком. И еще она подумала о

том, можно ли осознавать свою красоту и использовать ее как оружие. У Изабель это получалось, у нее – нет.

Перед тем как отправиться в спальню Джейса, она на удачу дотронулась до кольца на пальце. Ответа не последовало.

Джейс сидел на кровати в черных пижамных штанах и читал книгу, залитую желтым светом ночника. Она на мгновение застыла, наблюдая за ним. Прямо над сердцем была метка Лилит. Серебристокрасная, как кровавая ртуть, она казалась лишней на его теле.

Дверь со щелчком закрылась, и Джейс поднял глаза. Он изменился в лице. Если Клэри эта ночная рубашка не понравилась, то ему – явно да. От его взгляда Клэри вздрогнула.

– Тебе холодно?

Он откинул одеяло и положил книгу на тумбочку. Затем они оба проскользнули под одеяло и повернулись лицом друг к другу. В лодке все было по-другому. Там они были у всех на виду, в городе. А здесь – одни, под одеялом.

Их дыхание сливалось. Джейс дотронулся до ее щеки, и она подумала, что в любую минуту может оглохнуть от стука собственного сердца. Глаза его были так близко, что она могла разглядеть в них узоры из золотистых крапинок. Теперь ей было не холодно, а скорее жарко, хотя они едва прикасались друг к другу. Ей хотелось поцеловать его.

Покрытая шрамами правая рука Джейса погладила ее по плечу и спустилась к бедру. Теперь она поняла, почему мужчины так любят шелковые ночные рубашки – руки скользят как по стеклу.

– Скажи мне, чего ты хочешь, – спросил он шепотом.

– Я просто хочу, чтобы ты меня обнял, – сказала Клэр. – Во сне. Вот и все.

Пальцы, вычерчивавшие круги на ее бедре, замерли.

– И это всё?

Нет... Целуя его, она хотела забыть обо всем, но главное о том, зачем она здесь.

Но это была очень плохая идея.

Джейс неотрывно смотрел на нее, и она вспомнила, как впервые увидела его. Уже тогда он показался ей необыкновенным. Это испытание, подумала она. И возможно, опасное.

– Всё, – наконец ответила она.

Метка Лилит на его коже пульсировала. Он сжал ее бедро и повернул. Теперь она лежала спиной к нему. Кожа Джейса была горячее, словно у него был жар. Она нырнула головой под его подбородок и замерла.

– Ладно, – прошептал он. – Будем спать.

Ее тело постепенно расслабилось, сердце забилося спокойнее. В объятиях Джейса ей было так же уютно, как и всегда. Она закрыла глаза, представляя, что их кровать вырвалась из этой странной тюрьмы и они вдвоем плывут на ней в пустоте. Та к они и уснули. Она уже давно не спала так сладко.

* * *

Саймон сидел на кровати в гостевой комнате Магнуса. Он слышал голоса из гостиной. Магнус рассказывал Майе и Джордану, что произошло, иногда с разъяснениями встревала Изабель. Джордан предложил заказать еду в китайском ресторане, чтобы не умереть с голоду, Майя со смехом добавила, что, кроме «Нефритового волка», все сгодится.

Саймон проголодался, и уже появилось тянущее ощущение в венах. Но это был *другой* голод. Он чувствовал себя полым, будто его выскребли изнутри.

– Саймон? – Дверь открылась, и в комнату прошмыгнула Изабель. Ее черные волосы спускались почти до талии. – У тебя все в порядке?

– Да, все хорошо.

Она увидела рюкзак на его коленях и напряглась:

– Ты уходишь?

– Ну, я и не собирался оставаться надолго, – сказал Саймон. – Прошлая ночь была... необычной. Ты попросила...

– Ага, ясно, – сказала она неестественно бодрым тоном. – Ну, по крайней мере, Джордан сможет отвезти тебя обратно. Ты, кстати, насчет него и Майи ничего не заметил?

– А что я должен был заметить?

Она перешла на шепот:

– Что-то между ними произошло во время поездки. Они воркуют как голубки.

– Это здорово.

– Ты ревнуешь?

– Ревную? – в замешательстве переспросил он.

– Ну, вы с Майей... Вы... – Она махнула рукой, глядя на него сквозь ресницы.

– А... Нет, совсем нет. Я рад за Джордана. Теперь он счастлив, – искренне произнес Саймон.

– Хорошо. – Изабель подняла глаза. – Так ты останешься переночевать, Саймон?

– С тобой?

Она кивнула, не глядя на него.

– Алек ушел забрать одежду из Института. Он спрашивал, не хочу ли я пойти с ним, но... я лучше останусь здесь... с тобой. – Она подняла голову. – Я не хочу спать одна. Если я останусь здесь, ты останешься со мной?

Он видел, что ей тяжело задавать этот вопрос.

– Конечно, – сказал он, пытаясь отогнать мысль о голоде.

В последний раз, когда он попробовал *не пить*, Джордану пришлось оттаскивать его от Морин, которая едва не потеряла сознание. Но тогда он испытывал голод много дней. На этот раз все по-другому. В конце концов он знал пределы своих возможностей.

– Это было бы здорово...

Камилла ухмыльнулась Алеку с дивана:

– И как же ты ушел? Как тебе удалось обмануть Магнуса?

Алек, сидевший на самодельной скамейке из двух шлакоблоков и деревянной доски между ними, рассматривал свои ботинки.

– Я пошел в Институт забрать одежду. А потом пришел сюда.

Она прищурилась:

– А Рафаэль?

После долгого молчания Алек прошептал:

– Я... я не могу этого сделать. Не могу убить Рафаэля.

Камилла всплеснула руками:

– И почему же? Вы с ним что, близки?

– Да нет, я едва знаю его. Но если я его убью, то нарушу закон. Конечно, я и раньше нарушал закон, но только по веским причинам.

– Фу ты, – воскликнула Камилла, – только совестливого нефилима мне не хватало!

– Прости.

Она прищурилась:

– Прости? Да я тебя... – И осеклась. – Александр, – продолжила она спокойнее. – А как же Магнус? Ведь ты можешь потерять его.

Алек наблюдал за тем, как она движется. Грациозно, как кошка. Лицо ее не выражало ничего, кроме интереса и сочувствия.

– Где родился Магнус?

Камилла рассмеялась:

– Ты даже этого не знаешь? В Батавии. – Она хмыкнула, увидев его озадаченный взгляд. – Ну, в Индонезии. Тогда это была Ост-Индия. Мать у него была местная, а отец – какой-то скучный колонист. Ну... не настоящий отец.

– А кто его настоящий отец?

– Отец Магнуса? Демон, конечно.

– Да, но какой?

– Разве это имеет значение, Александр?

– Мне кажется, – упрямо продолжил Алек, – что это какой-то могущественный демон. Но Магнус не хочет о нем рассказывать.

Камилла со вздохом опустилась на свой диван:

– И что же в этом непонятного? В отношениях всегда должна оставаться какая-то тайна. Непрочитанная книга всегда интереснее той, которую знаешь наизусть.

– Ты имеешь в виду, я ему слишком много всего рассказываю?

Что ж, ценный совет, подумал он. С этой холодной женщиной его объединяет одно – и его, и ее любил Магнус. Наверняка она что-то знает, какую-то тайну, какой-то секрет, который поможет ему избежать ошибок.

– Почти наверняка да. Хотя ты так недолго живешь на свете, Алек, что тебе, наверное, и рассказывать нечего.

– Ну, как я понимаю, твоя тактика скрытности тоже не очень-то сработала.

– Я не так страстно желала удержать его, как этого желаешь ты.

Алек знал, что это плохая идея, но все-таки спросил:

– Что бы ты сделала, если бы хотела удержать его?

Камилла театрально вздохнула:

– Ты еще слишком молод, чтобы понять, что все мы что-то скрываем. Тайны от любимых появляются у нас потому, что мы хотим предстать перед ними в лучшем свете. Но есть и другая причина. Если любовь настоящая, нам хочется, чтобы любимый понимал нас, не задавая вопросов. Настоящая любовь – та, что живет вечно, – это взаимопонимание без слов, и не всегда надо рассказывать о себе.

– Н-но, – начал заикаться Алек, – я думал, он сам хочет, чтобы я был с ним откровенен. Но мне трудно быть откровенным даже с людьми, которых я знал всю жизнь. С Изабель или Джейсом...

Камилла хмыкнула:

– Тому, кто нашел настоящую любовь, больше не нужны другие люди, Алек Лайтвуд. Неудивительно, что Магнус не может открыться тебе. Истинно любящий старается исполнить все желания... Ты слушаешь, Александр? Мои советы ценны, я редко их даю...

Комната наполнилась прозрачным светом зари. Клэри села и стала наблюдать за спящим Джейсом. Он лежал на боку, подложив руки под голову, как ребенок; в синеватом воздухе его волосы казались бронзовыми. На его плече были отчетливо видны шрамы. Клэри считала эти шрамы красивыми. И она знала, что за каждым из них стоит целая история.

Джейс что-то пробормотал во сне и перевернулся на спину. Его рука, на которую была

нанесена руна Всевидящего ока, теперь лежала на животе, и над ней была единственная руна, которая совсем не нравилась Клэри, – руна Лилит, связывающая его с Себастьяном. Она пульсировала, как второе сердце.

Тихо, как кошка, Клэри встала на колени, потянулась за кинжалом Эрондейлов и вытащила его из стены. Фотография, на которой они были вдвоем с Джейсом, кружась, упала на пол.

Она снова посмотрела на Джейса и занесла над ним кинжал.

Клэри проснулась, сердце ее бешено колотилось. Комната кружилась, как карусель. Джейс тепло дышал ей в шею. Она закрыла глаза и сглотнула.

Это был сон. Просто сон.

Но снова заснуть у нее не получилось. Она осторожно убрала руку Джейса и встала.

Пол был холодным, и она поморщилась. Нащупав в полумраке ручку на двери спальни, она повернула ее, толкнула дверь... и замерла.

Коридор был ярко освещен. На полу блестели темные лужицы. На одной из стен проступал кровавый отпечаток руки. Кровавая дорожка вела к лестнице.

Клэри покосилась на комнату Себастьяна. Было тихо. Она снова взглянула на кровавый отпечаток. Разве это не знак? Остановись!

И тут дверь комнаты ее брата распахнулась, и он вышел в коридор. На нем были черные джинсы и футболка с длинным рукавом, светлые волосы взъерошены. Увидев Клэри, он посмотрел на нее с искренним удивлением:

– Почему ты не спишь?

Клэри почувствовала, что ей не хватает воздуха.

– Почему я не сплю? А ты почему?

– Хотел спуститься за полотенцами, убрать беспорядок, – сказал он равнодушно. – Ох уж эти вампирские игры.

– Что-то не похоже на игры, – сказала Клэри. – Девочка, которая была с тобой... ну та, блондинка... Что с ней стало?

– Она немного испугалась клыков. Так бывает. – Увидев выражение ее лица, он рассмеялся. – Да она сама пришла. И знаешь, даже хотела продолжения. Сейчас она спит в моей постели, можешь убедиться.

– Нет, в этом нет необходимости. – Клэри опустила глаза. Она чувствовала себя раздетой в этой дурацкой ночнушке. – А... ты?

– Ты хочешь спросить, хорошо ли я себя чувствую?

Себастьян приспустил ворот футболки, и она увидела две аккуратные раны на ключице.

– Иратце мне не помешало бы.

Клэри промолчала.

– Спускайся, – сказал он и жестом велел ей следовать за ним.

Клэри не посмела отказать. На ходу он включал лампы, и, когда они добрались до кухни, там уже была озарена теплым светом.

– Вина? – спросил Себастьян, открывая дверцу холодильника.

Клэри села на один из стульев и расправила ткань рубашки:

– Нет, просто воду.

Он налил два стакана минеральной воды – один ей, другой себе. Плавными движениями он напоминал ей Джослин. И кстати, так же двигался Джейс – как искусный танцор.

Себастьян толкнул в ее сторону стакан и жадно выпил воду.

– Ты, наверное, уже знаешь, что после того, как порезвишься с вампирами, хочется пить.

– Откуда мне это знать?

Он пожал плечами:

– Ну, может, вы играли в «куси-куси» со Светочем.

– Мы с Саймоном никогда не играем в такие игры. Нужно быть идиоткой, чтобы подставлять шею под укус вампира. Но ты... Я думала, ты ненавидишь нежить.

– Я? Нет. Не путай меня с Валентином.

– Да уж, вас трудно перепутать, – усмехнулась Клэри.

– Я же не виноват, что как две капли воды похож на него... Ты, кстати, копия мать.

Клэри не понравился его тон, и она нахмурилась.

– Ну вот! Ты вечно так на меня смотришь, – сказал Себастьян, как ей показалось, с обидой.

– Как?

– Как будто я, смеха ради, поджигаю приюты для животных.

Он налил себе еще один стакан воды; пока он пил, Клэри заметила, что раны на его шее начали затягиваться.

– То, что ты сделал, чудовищно. Ты убил ребенка, – сказала она, зная, что ей не стоило нарываться. Но Макс... Перед глазами стоял мальчишка в покосившихся очках, задремавший с книгой на диване в Институте. – Это невозможно простить!

– Значит, вот как... – вздохнул Себастьян. – Быстро же ты выложила карты, сестренка.

– А ты как думал? – обреченно произнесла она.

– Ну, хорошо, а если я скажу, что это была случайность? – Себастьян повертел стакан и поставил его на стол. – Допустим, я не собирался его убивать. Хотел только вырубить, чтобы он не проговорился...

Клэри знала, что не сможет скрыть ненависть в глазах.

– Но я правду говорю. Я просто не рассчитал силу.

– А Себастьян Верлак? *Настоящий*. Ты убил его, да?

Себастьян посмотрел на свои руки. Правое запястье прикрывала металлическая пластина на серебряной цепочке, скрывавшая шрам, который он получил, когда Изабель отсекла ему руку.

– Мне и в голову не пришло, что он начнет отбиваться...

Клэри сморщилась от отвращения. Она собралась уйти, но Себастьян схватил ее за руку и потянул. Пальцы его были горячими, и девушка вспомнила, что в Идрисе его прикосновение показалось ей обжигающим.

– Макса убил Джонатан Моргенштерн. Но что, если я – другой человек? Ты не заметила, кстати, что я называюсь другим именем?

– Отпусти меня!

– Ты думаешь, что Джейс другой? То есть что он не такой, как раньше, что моя кровь изменила его? Так?

Она молча кивнула.

– Тогда почему тебе так трудно поверить, что все может быть и наоборот? И что это его кровь изме нила меня. Может, я уже не тот, кем был раньше.

Она покачала головой:

– Ты ранил Люка. Того, кто мне дорог. Того, кого я люблю...

– Люка? Да он бы продырявил меня из дробовика. Ты его любишь, а мне он никто. Я спасал жизнь себе и Джейсу. Ты правда не понимаешь?

– Кто тебя знает. Может, ты так говоришь, потому что хочешь, чтобы я тебе доверилась.

– Разве тому, кем я был раньше, было не все равно, доверяешь ты мне или нет?

– Тебе просто что-то от меня нужно.

– Может, мне просто нужна сестра?

Услышав это, она растерялась.

– Ты не знаешь, что такое семья, – наконец сказала она. – И ты не знаешь, как вести себя с сестрой. Если бы она у тебя была...

– Она у меня есть, – тихо сказал Себастьян. – Я дал тебе шанс убедиться, что мы с Джейсом поступаем правильно. А ты дашь мне шанс?

Клэри подумала о том Себастьяне, какого знала в Идрисе. Дружелюбный, ироничный, отстраненный, веселый, злой... Но она ни разу не слышала, чтобы он просил о чем-то с мольбой в голосе.

– Джейс доверяет тебе, – сказал он. – А я – нет. Он верит, что ты любишь его настолько сильно, что способна предать все свои убеждения ради того, чтобы быть с ним.

Она сжала зубы.

– А почему ты думаешь, что я на это не способна?

Он рассмеялся:

– Потому что ты – моя сестра.

– Мы с тобой ни капли не похожи, – со злостью ответила Клэри и увидела, как лицо Себастьяна расплывается в улыбке. Она прикусила язык, но было уже слишком поздно.

– Вот-вот, – сказал он. – Но признай это, Клэри. Ты здесь. Ты связала свою судьбу с Джейсом. Та к будь же последовательной и иди до конца. А потом, может быть, ты подумаешь... и обо мне.

Глядя на мраморный пол, она едва заметно кивнула.

Себастьян протянул руку и убрал волосы, закрывавшие ей глаза. Свет ламп упал на пластину, перетягивающую его запястье. Клэри прочла выгравированную на ней надпись: *Acheronta movebo*.

– Что это значит? – спросила она.

– «Такова участь тиранов». Я сделал ее, чтобы помнить о Конклаве. Говорят, так кричали римляне, когда убили Цезаря. Цезарь ведь мог стать диктатором.

– Они – предатели, – сказала Клэри.

Темные глаза Себастьяна сверкнули.

– Или борцы за свободу. Историю пишут победители, сестренка.

– И ты собираешься вписать в историю свою главу?

Он ухмыльнулся:

– Еще бы!

12. Небесный материал

Когда Алек вернулся в квартиру Магнуса, свет был выключен, но гостиную освещало синевато-голубое пламя. Он не сразу понял, что оно исходит от пентаграммы.

Сбросив ботинки у двери, Алек прошлепал в спальню. Там было темно, единственный источник света – электрические рождественские свечи, стоявшие на окне. Магнус спал на спине, положив руку на живот, лишенный пупка.

Алек быстро разделся до трусов и забрался в постель, надеясь не разбудить друга. К сожалению, он забыл о Председателе Мяо, который занял его место под одеялом. Локоть Алека опустился прямо на хвост кота, и Мяо взвизгнул. Магнус проснулся, сел и заморгал:

– Что происходит?

– Ничего, – ответил Алек, молча проклиная кошек. – Я не мог заснуть.

– Ты выходил на улицу? – Магнус дотронулся до обнаженного плеча Алека. – Ты холодный, и от тебя пахнет ночным городом.

– Ну, немного воздухом подышал.

Алек был рад, что в комнате темно и Магнус не может разглядеть его лица. Он чувствовал себя ужасным вруном.

– И где же ты воздухом дышал?

Что там Камилла говорила про тайну, без которой не бывает отношений?

– В разных местах... Ну, знаешь, в таинственных местах.

– В таинственных местах?

Алек кивнул.

Магнус откинулся на подушки:

– А ты принес мне что-нибудь оттуда?

Алек наклонился и поцеловал Магнуса в губы.

– Только это, – сказал он и хотел лечь, но Магнус, на лице которого появилась улыбка, уже держал его за руку.

– Ну, если уж ты меня разбудил, то докажи, что сделал это не зря, – сказал он и притянул Алека к себе.

Учитывая, что они уже провели ночь в одной постели, Саймон не ожидал, что ему будет так некомфортно. На этот раз Изабель была трезва, не спала и, очевидно, чего-то ждала от него. Но он боялся даже подумать о том, чего именно. Он дал ей свою футболку и вежливо отвернулся, когда она, переодевшись, залезла под одеяло и подвинулась к стенке, оставив место для него. Сам Саймон просто снял обувь и носки и юркнул к ней, не снимая джинсов. Некоторое время они лежали рядом на спине, а потом Изабель повернулась на бок и неуклюже положила на него руку. Они столкнулись коленками. Ноготь большого пальца ноги Изабель оцарапал лодыжку Саймона. Он попытался лечь поближе к ней, и они стукнулись лбами.

– Ай! Разве ты не умеешь обращаться с девушкой в постели? – проворчала Изабель.

Саймон был обескуражен:

– С чего ты взяла?

– Ну, ты столько ночей провел в нежных платонических объятиях с Клэри, – сказала она, уткнувшись в его плечо. – Вот я и подумала...

– Да мы просто спали вместе, в прямом смысле, – сказал Саймон. Ему не хотелось говорить о том, что лежать рядом с Клэри для него казалось так же естественно, как дышать, что запах ее волос напоминал ему о детстве, о том, как они невинно льнули друг к другу.

– Понимаю. Но я не сплю просто так, – раздраженно сказала Изабель. – И с кем угодно не сплю. И не остаюсь ночевать. Никогда.

– Ты же хотела...

– Заткнись, – сказала она и поцеловала его.

Саймон ничего не имел против. Он уже целовал Изабель раньше. Ему нравилась нежность ее губ, нравилось перебирать ее длинные темные волосы. Все испортил щелчок, с которым обнажились его клыки.

Он поспешно отпрянул.

– Что такое, Саймон? Ты не хочешь поцеловать меня?

– Хочу, – попытался сказать он, но клыки мешали.

Глаза Изабель расширились.

– Ой, да ты голоден, – сказала она. – Ты когда в последний раз пил кровь?

– Вчера, – с трудом выдавил он.

Она откинулась на подушку. Глаза у нее были бездонными.

– Может, тебе лучше попить? Ты знаешь, что бывает, если этого не сделать.

– У меня с собой нет крови. Мне придется вернуться к себе, – сказал Саймон и сел на постели. Его клыки уже начали втягиваться назад.

Изабель поймала его за руку.

– Тебе не придется пить холодную звериную кровь. Я здесь.

Он вздрогнул:

– Ты шутишь?

– Нет, не шучу.

Она стянула футболку. Ее голубой бюстгальтер был вполне целомудренным, но у Саймона все равно пересохло во рту. Рубин сиял меж ключиц Изабель красным стоп-сигналом. Словно читая его мысли, она отбросила волосы за спину, оголив шею.

– Разве ты не хочешь?..

– Изабель, не надо, – взмолился Саймон. – Я не могу себя контролировать. Я могу причинить тебе боль, даже убить тебя.

– Не убьешь. – Ее глаза засверкали. – Ты ведь умеешь сдерживаться. С Джейсом, я знаю, сдержался.

– Джейс меня не привлекает.

– Ни чуточки? – засмеялась она. – Что ж, жаль. Это было бы сексуально. Слушай, не важно, привлекает он тебя или нет. Ты умирал от голода и укусил его, а потом сдержался.

– Но в случае с Морин я не сдержался. Джордану пришлось меня оттаскивать.

– Ты сдержишься. – Она нежно провела пальцем по его груди. – Я тебе доверяю.

– Может, зря?

– Слушай, в конце концов, я Сумеречный охотник. Если понадобится, смогу и отбиться.

– Джейс от меня не отбился.

– Джейс любит играть со смертью, а я – нет.

Изабель обхватила ногами его бедра – она была невероятно гибкой – и продвинулась вперед, чтобы было удобнее целовать Саймона. Ему тоже хотелось поцеловать ее, хотелось так сильно, что все тело ныло. Саймон несмело открыл рот, они соприкоснулись языками, и его обожгла боль: он рассек язык собственным острым клыком. Почувствовав вкус крови, он резко отпрянул.

– Изабель, я не могу. – Саймон закрыл глаза. А она продолжала дразнить его. Клыки дергало, в венах словно ворочалась колючая проволока. – Иззи, я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

– Саймон. – Изабель осторожно дотронулась до его подбородка и ласково потянула. – Ты –

это ты...

Клыки его втянулись назад, но все еще болели. Он прикрыл лицо руками:

– Иззи, ты... Ты не можешь хотеть меня. Родная мать вышвырнула меня из дому. И я укусил Морин – маленькую девочку. Посмотри на меня, посмотри, каким я стал, что я делаю. Я – ничтожество.

Изабель нежно провела по его волосам, и Саймон посмотрел на нее сквозь пальцы. Вблизи он увидел, что глаза у нее не черные, а темно-карие, с золотыми прожилками. Он не знал, каких слов ждал от нее. Эта девушка использовала парней, меняла их как перчатки. Она была прекрасна и ни в ком не нуждалась. И уж тем более в вампире, из которого и вампир-то вышел никудышный.

Саймон ощущал ее дыхание. От нее пахло сладко – жизнью, кровью и... гардениями.

– Ты вовсе не ничтожество, – сказала она. – Саймон, пожалуйста, не надо прятать лицо.

Он неохотно опустил руки. В свете луны Изабель была особенно хороша: сливочная кожа, волосы, похожие на черный водопад.

– Посмотри, – сказала она, дотрагиваясь до белых шрамов на своих руках, шее, груди. – Безобразные, да?

– В тебе нет ничего безобразного. – Саймон искренне удивился ее словам.

– Вообще-то шрамы не украшают девушек, – спокойно ответила Изабель. – Но тебя они как-то беспокоят?

– Они – часть тебя...

Девушка дотронулась пальцем до его губ:

– А вампиризм – это часть тебя. Я попросила тебя прийти сюда не потому, что больше некого было просить. Я хочу быть с тобой, Саймон. Это меня пугает, но это правда.

Глаза ее блеснули, и, задумавшись на секунду над тем, слезы ли это, Саймон поцеловал ее. На этот раз поцелуй не был неловким. Изабель внезапно навалилась на него и легла сверху. Ее длинные черные волосы накрыли обоих. Она что-то нежно шептала ему, а он гладил ее по спине. Чувствуя под пальцами ее шрамы, он хотел сказать ей, что для него они – прекрасные узоры, доказательство ее смелости. Но ему пришлось бы прекратить целовать ее, а он этого делать не хотел. Изабель постанывала в его объятиях; пальцы Саймона запутались в ее волосах, сейчас она лежала под ним, и он ощущал руками ее тепло, а ртом – ее вкус и запах. Запах сладких духов, соли и... крови.

Он снова напрягся, и Изабель это почувствовала.

– Давай, – прошептала она. Ее сердце колотилось все сильнее. – Я хочу, чтобы ты это сделал.

Саймон закрыл глаза, прижался лбом к ее лбу и попытался взять себя в руки. Клыки снова обнажились, больно впившись в нижнюю губу.

– Нет.

Она обхватила его своими восхитительными лодыжками.

– Саймон, я хочу, чтобы ты сделал это. – Она выгнулась, обнажая горло. Запах крови – ее крови – наполнил собой всю комнату.

– Ты не боишься? – прошептал он.

– Возможно. Но я все равно хочу, чтобы ты это сделал.

– Изабель... Я не могу...

Он укусил ее.

Его клык вонзился в ее горло, как нож вонзается в яблоко. В рот хлынула струя крови. Ничего подобного он раньше не чувствовал. Когда он пил кровь Джейса, то был еле жив, а когда укусил Морин – мучился от чувства вины. Тем, кого он кусал раньше, это нравилось.

Но Изабель напряглась и ахнула. Потом она замурлыкала, как кошка, и принялась гладить его по спине, настойчивыми жестами говоря ему: *не останавливайся... не останавливайся... не останавливайся...* Жар ее тела согревал его; он ощутил, как сильная пульсация крови Иззи передается ему, и в этот момент почувствовал себя живым. Сердце Саймона затрепетало от восторга.

Наконец он отстранился. Сам не понял как, но отстранился и вцепился руками в простыню. Он все еще дрожал, когда его клыки втянулись назад. Комната вокруг него мерцала – так всегда бывало в те редкие минуты, когда он пил человеческую кровь.

– Иззи... – прошептал он.

Он боялся взглянуть на нее, боялся, что теперь она смотрит на него с ужасом или отвращением.

– Что?

– Ты меня не остановила... – сказал он не столько с упреком, сколько с надеждой.

– А я и не хотела.

Изабель лежала на спине, грудь ее вздымалась и опускалась, как будто она пробежала стометровку.

Сбоку на шее виднелись две аккуратные ранки, из которых тонкой струйкой стекала кровь. Повинуясь инстинкту, Саймон наклонился и слизнул кровь, ощутив ее соленый вкус. Изабель задрожала, ее пальцы трепетали в его волосах.

– Саймон...

Она смотрела на него огромными глазами, и щеки ее наливались краской.

– Саймон, я...

На мгновение ему пришла в голову дикая мысль, что она сейчас скажет «Я люблю тебя», но вместо этого Изабель зевнула и продела палец в одну из петель его джинсов.

Саймон слышал, что зевота – признак большой потери крови. Он запаниковал:

– Все хорошо? Я выпил слишком много? Ты устала? Ты...

– Все хорошо, – улыбнулась она. Ты сумел остановиться. А я – Сумеречный охотник. У нас кровь восстанавливается в три раза быстрее, чем у обычных людей.

– Тебе... – Он с трудом заставил себя задать этот вопрос: – Тебе понравилось?

– Да, – кивнула она. – Мне понравилось.

– Правда?

Теперь она расхохоталась:

– А ты не понял?

– Я подумал, может, ты притворяешься.

Изабель приподнялась на локте и посмотрела на него с укоризной:

– Я не притворяюсь, Саймон. И я не обманываю тебя.

– Ты сердцеедка, Изабель Лайтвуд, – сказал Саймон, стараясь, чтобы это прозвучало шутливо. Ее кровь все еще жгла его изнутри. – Джейс как-то сказал Клэри, что ты меня каблуками растопчешь.

– Ну, это было давно. Теперь ты изменился. – Она посмотрела на него. – И ты не боишься меня.

Саймон нежно очертил пальцем овал ее лица:

– А ты не боишься ничего.

– Ну, не знаю, – пожала плечами Изабель. – Может быть, только того, что ты разобьешь мне сердце.

Прежде чем он успел ответить, Изабель снова поцеловала его, и он подумал, не чувствует ли она вкуса собственной крови.

– А теперь цыц. Я спать хочу, – сказала она, свернувшись в клубок и закрыла глаза.

Саймон лег рядом и приобнял ее. Все было совсем не так, как в детстве, с Клэри. Было волнующе, горячо и... необычно. Он рассеянно гладил шелковистые волосы Изабель. Ему казалось, что его подхватило торнадо и унесло в неведомые края, где нет ничего знакомого. В конце концов он повернулся и осторожно поцеловал девушку в лоб. Она пробормотала что-то, но не открыла глаз.

Когда поутру Клэри проснулась, Джейс еще спал; пальцы его руки касались ее плеча.

Она поцеловала его в щеку и встала, собираясь пойти в ванную, но ее охватило любопытство. Она тихо подошла к двери и выглянула из комнаты.

Крови на стене коридора больше не было, и она подумала, не приснилось ли ей все это – кровь, разговор на кухне с Себастьяном... Она шагнула в коридор и провела пальцем по стене...

– Доброе утро.

Вздрогнув, она повернулась. Это был ее брат. Он бесшумно вышел из своей комнаты и теперь стоял в коридоре, глядя на нее с кривой ухмылкой. Себастьян только что вышел из душа, и его волосы еще не успели высохнуть, из-за чего приобрели металлический блеск.

– Ты весь день будешь в этом ходить? – спросил он, окинув взглядом ее ночную рубашку.

– Нет, я просто...

Клэри не хотела говорить, что ей просто хотелось проверить, не исчезла ли кровь в коридоре, а Себастьян продолжал смотреть на нее с интересом.

– Я пойду оденусь, – покраснев, сказала она, шмыгнула в спальню Джейса и закрыла за собой дверь.

Секунду спустя из коридора донеслись голоса: Себастьян и какая-то девушка говорили по-итальянски. Наверное, та, что была здесь прошлой ночью, подумала Клэри. Себастьян сказал, что девушка спит в его комнате. А она, Клэри, заподозрила его во лжи.

Но, как оказалось, он говорил правду. *Я дал тебе шанс*, сказал он ночью. *А ты дашь мне шанс?*

Она не знала, что ответить. Все-таки это Себастьян. Принимая душ и тщательно подбирая одежду в комнате Джослин, она мучительно думала над этим вопросом.

Выбрать одежду было трудно – Клэри такую не носила. Наконец она нашла джинсы от кутюр, судя по ценнику, и шелковую блузку в горошек с бантом, немного старомодную, но ей такие нравились. Сверху она накинула бархатную курточку и вернулась в комнату Джейса, но он уже ушел, и нетрудно было догадаться куда: снизу доносились запахи только что приготовленной еды, звон посуды и смех.

Клэри стала спускаться, перешагивая разом через две ступеньки, но на нижней ступеньке она остановилась и заглянула в кухню. Себастьян стоял у холодильника, скрестив руки на груди, а Джейс колдовал над сковородкой, в которой жарилась яичница. Он был бос, рубашка застегнута как попало, и у Клэри сердце перевернулось в груди. Она никогда не видела его таким – только что проснувшимся, все еще окруженным аурой сна. Как жаль, что это *не ее* Джейс.

Себастьян что-то сказал Джейсу, тот повернулся, посмотрел на Клэри и улыбнулся:

– Тебе глазунью или омлет?

– Омлет. Не знала, что ты умеешь готовить.

Она подошла к стойке. Сквозь окна струился солнечный свет – в доме не было часов, но она поняла, что сейчас, скорее всего, позднее утро. Кухня блестела хромом и стеклом.

– Ну, яичницу любой приготовит, – засмеялся Джейс.

Клэри подняла руку – и Себастьян тут же поднял свою. Она вздрогнула от удивления и поспешно опустила руку. Себастьян ухмыльнулся. Он все время ухмылялся. Ей хотелось вlepить

ему пощечину.

Она отвернулась и стала рассматривать, что стоит на столе, – свежее масло, варенье, хлеб, нарезанный кусочками бекон, фрукты, сок и чай. А они здесь хорошо питаются, подумала она. Хотя, если судить по Саймону, мальчишки всегда хотят есть. Она посмотрела в окно и онемела от изумления. За окном теперь виднелся не канал, а холм с замком на вершине.

– Где мы? – спросила она.

– В Праге, – ответил Себастьян. – У нас с Джейсом здесь одно дельце намечается. Сейчас позавтракаем и пойдем.

– А мне можно пойти с вами?

Себастьян мотнул головой:

– Нет.

– Но почему? Это какое-то мужское дело, в котором я не могу участвовать? Вы собираетесь сделать одинаковые стрижки?

Джейс протянул ей тарелку с омлетом, не отрывая взгляда от Себастьяна.

– Наверное, ей можно пойти с нами, – сказал он. – Это дело... оно ведь неопасное.

Глаза Себастьяна были глубоки и темны, как леса в стихотворении Роберта Фроста^[10]. По ним ничего нельзя было понять.

– Опасность может поджидать где угодно.

– Ну, это твое решение, – пожал плечами Джейс, потянулся за клубникой, проглотил ее и слизнул сок с пальцев. В этом и заключалась разница между *ее* Джейсом и *этим* Джейсом. *Ее* Джейсом двигало всепоглощающее любопытство, и он не стал бы плясать под чужую дудку. Он был похож на океан, а *этот* Джейс – на тихую речку, блестящую на солнце.

Так может, это потому, что он счастлив?

Клэри сжала вилку так, что костяшки пальцев побелели. Она ненавидела этот голосок в собственной голове. Как и Королева фей, он вселял в нее ненужные сомнения.

– Я за вещами. – Схватив еще одну ягоду с подноса, Джейс сунул ее в рот и побежал вверх.

Клэри проследила за ним взглядом. Прозрачные стеклянные ступени были почти невидимы, поэтому казалось, что Джейс не бежит, а взлетает.

– А ты почему не ешь? – раздался голос Себастьяна. Он говорил с едва заметным идрисским акцентом. Скрывал ли он акцент раньше или она просто не замечала?

– Вообще-то я не люблю яйца, – призналась Клэри.

– Но ты не хотела говорить об этом Джейсу, потому что ему нравилось готовить тебе завтрак.

Поскольку это было правдой, она промолчала.

– Забавно, да? – спросил Себастьян. – Вот она – цена вранья. Теперь, наверное, Джейс всю оставшуюся жизнь будет готовить тебе омлет, а ты будешь давиться, потому что не осмелишься сказать, что не любишь яйца.

Клэри подумала о Королеве фей:

– Любовь делает всех нас лжецами?

– Именно. Ты быстро учишься, а?

Он шагнул к ней, и она вздрогнула. Себастьян пользовался тем же одеколоном, что и Джейс, она узнала этот перечно-цитрусовый запах. Но все равно он пах по-другому. Неправильно.

– Это у нас общее, – сказал Себастьян и начал расстегивать рубашку.

– Что ты делаешь? – едва не отпрыгнула она.

– Не волнуйся, сестренка. – Он расстегнул последнюю пуговицу и улыбнулся. – Ты же у нас мастерица по рунам?

Клэри кивнула.

– Мне нужна руна Силы, – сказал он. – Начертить ее тебе не составит труда. Ты ведь не откажешь старшему брату? Ты ведь хочешь, чтобы я дал тебе шанс?

Какой же колючий у него взгляд...

– Насколько я помню, это ты хочешь, чтобы я дала тебе шанс, – сказала она. – Та к что давай заключим сделку. Ты получишь руну Силы, если позволишь мне пойти с вами.

Он снял рубашку и бросил ее на стойку:

– Договорились.

– Но у меня нет стилуса.

Меньше всего ей хотелось смотреть на него... но не отвертись. Тело у Себастьяна было почти такое же, как у Джейса, – упругое, мускулистое, ни следа лишнего жира. Как и Джейс, он был весь в шрамах, и на белой коже они напоминали следы серебристых чернил.

Себастьян вынул из-за пояса стилус и протянул Клэри:

– Возьми мой.

– Хорошо, – кивнула она. – Повернись.

Он повернулся, и у нее перехватило дыхание. Полоски шрамов на спине располагались почти параллельно друг другу, и Клэри поняла, что это от ударов кнутом.

– Кто это так с тобой? – спросила она.

– А ты как думаешь? Наш отец... Он использовал кнут из демонического металла, чтобы никакое Иратце не помогло. Шрамы должны напоминать мне... – Себастьян замолчал.

– О чем? – спросила Клэри.

– Об опасности повиновения.

Она осторожно дотронулась до одного из шрамов. Горячий, шершавый, и кажется, будто появился совсем недавно.

– Ты хотел сказать «неповиновения»?

– Я хотел сказать то, что сказал.

– Тебе больно?

– Да, все время. – Он нетерпеливо оглянулся назад. – Давай начинай.

Клэри прикоснулась стилусом к его лопатке, пытаясь держать руку ровно. Она думала о том, что могла бы сейчас начертить метку, которая скрутит его внутренности, – но что тогда станет с Джейсом? Руну Силы обычно рисуют на лопатке, там, откуда у ангелов растут крылья...

Когда она закончила, Себастьян забрал у нее стилус и снова накинул на плечи рубашку. Она не ожидала благодарности – и не получила ее.

– Неплохо, – только и бросил он ей.

Мгновение спустя на лестнице послышались шаги. Вернулся Джейс. На нем были замшевая куртка, оружейный ремень и темные перчатки без пальцев.

– Себастьян говорит, мне можно пойти с вами, – улыбнулась ему Клэри.

Джейс удивленно поднял брови и обратился к Себастьяну:

– Так мы идем делать одинаковые стрижки?

– Надеюсь, нет, – ответил Себастьян. – Кудри мне совсем не идут.

Клэри окинула взглядом свой наряд:

– Мне стоит переодеться в облачение Сумеречных охотников?

– Нет, не нужно. Сражаться вряд ли придется. Но подготовиться не помешает. Я подберу тебе что-нибудь из оружия, – сказал Себастьян и исчез, поднявшись по лестнице.

Клэри молча проклинала себя за то, что не нашла оружейную, когда осматривала квартиру. Возможно, там нашлось бы что-то такое, что подсказало бы ей о их планах.

Джейс дотронулся до ее плеча, и она вздрогнула.

– Ты уверена, что хочешь пойти?

– Абсолютно. Надоело сидеть взаперти. Кроме того, ты научил меня сражаться. Должна же я применить знания на практике, если представится случай.

Губы Джейса скривились в ухмылке.

Вскоре вернулся Себастьян. На нем была куртка, в руке он держал ремень с кинжалом и клинком серафимов. Он подошел к Клэри и надел ремень на нее, спустив на бедра (ей до смерти хотелось оттолкнуть братца, но она не посмела). Затем Себастьян двинулся к стене, в которой открылась дверь, которой раньше не было. И они, все втроем, шагнули в нее.

В дверь осторожно постучали, и Мариза подняла глаза. За окнами Библиотеки было темно, и лампы с зелеными абажурами освещали круглое помещение маленькими озерцами света. Мариза не знала, сколько времени просидела за столом. Стол перед ней был уставлен пустыми чашками из-под кофе.

– Войдите, – сказала она и встала.

Дверь открылась с мягким щелчком, но звука шагов не последовало. Мгновение спустя в комнату проскользнула фигура в балахоне пергаментного цвета. Лицо гостя скрывал капюшон.

«Ты звала меня, Мариза Лайтвуд?»

Мариза почувствовала себя старой и усталой.

– Брат Захария? Я ждала... Впрочем, это не важно.

«Брата Еноха? Он выше меня в нашей иерархии, но я подумал, что причина, по которой ты обратилась к Безмолвным братьям, как-то связана с исчезновением твоего приемного сына. А я особенно заинтересован в его благополучии».

Она с любопытством посмотрела на него. Безмолвные братья никогда не распространялись о своих чувствах, если они вообще что-то чувствовали.

– Хорошо. Я хочу тебе кое-что показать.

Она так и не привыкла к тому, что Безмолвные братья двигаются бесшумно, словно бы не касаясь земли. Вот и сейчас Захария, казалось, парил в воздухе, следуя за ней к карте. В центре Европы на карте был изображен Идрис, окруженный золотым барьером. На полке под картой лежали два предмета. Осколок стекла, покрытый запекшейся кровью, и истертый кожаный браслет, украшенный руной Ангельской силы.

– Это...

«Браслет Джейса Эрондейла и кровь Джонатана Моргенштерна. Как я понимаю, попытки проследить за ними и определить их местонахождение оказались безрезультатными?»

– Это нельзя назвать слежкой. – Мариза расправила плечи. – У Валентина в те времена, когда я была членом Круга, имелся механизм, с помощью которого он мог определить, где мы находимся. Он всегда знал, где мы, и укрыться можно было только в нескольких местах. Я подумала, что и за Джейсом он, возможно, тоже следил.

«О каком механизме ты говоришь?»

– Метка... Не та, что из Серой книги, – другая. У многих такая есть. Я о ней почти забыла, ведь избавиться от нее все равно невозможно.

«Но если Джейс помечен, неужели он не предпринял шагов к тому, чтобы помешать вам найти его с ее помощью?»

Мариза отрицательно качнула головой.

– Метка может оказаться едва заметным белым пятнышком под волосами, как у меня. Джейс может и не знать о ней – не думаю, чтобы Валентин сказал ему, – поделилась она своими мыслями.

Брат Захария взглянул на карту.

«Так что ты хочешь сказать?»

– У Джейса точно есть эта метка. Когда он появляется где-нибудь, на карте вспыхивает свет и одновременно начинает светиться вот этот браслет. – Она показала на полку. – Вот почему я знаю, что это он, а не Джонатан Моргенштерн. Джонатан никогда не появляется на карте.

«И где же он? Где Джейс?»

– Я видела, как он на несколько секунд появился в Лондоне, Риме и Шанхае. А совсем недавно возник в Венеции, но потом опять исчез.

«Как ему удастся так быстро перемещаться между странами?»

– С помощью портала? – Она пожала плечами. – Я не знаю. Знаю только, что каждый раз, когда карта мерцает, это означает, что Джейс жив... еще жив. И... я снова могу дышать, пусть и недолго.

Она решительно закрыла рот, чтобы не сболтнуть лишнего – о том, как она скучает по Алеку и Изабель, но не решается вызвать их в Институт, ведь тогда Алеку придется принять участие в охоте на брата; о том, что она каждый день думала о Максе, и у нее от этого невыносимо болит сердце; о том, что если она потеряет Джейса, то не вынесет этого...

«Я понимаю. – Брат Захария сложил перед собой гладкие руки с тонкими, как у юноши, пальцами. Мариза часто задумывалась о том, стареют ли Безмолвные братья, сколько они вообще живут, но все это хранилось в строжайшей тайне. – Мало что на свете сравнится с любовью семьи. Но я не понимаю другого – почему ты решила показать карту мне?»

Мариза вдохнула:

– Я знаю, что должна показать ее Конклаву или Совету. Но им теперь известно о связи Джейса с Джонатаном. Они охотятся за ними обоими. Они убьют Джейса, если найдут его. – Она опустила голову. – Я решила, что могу сказать об этом вам, Безмолвным братьям. Передавать мои слова Конклаву или нет – сами решайте. Я... это невыносимо, если бы решать пришлось мне.

Захария долго молчал. Потом в голове Маризы снова прозвучал его тихий голос:

«Я рад, что твой сын жив. Если ты передашь карту Конклаву или Совету, они узнают только то, что он быстро движется и отследить его невозможно. Но это им и так известно. Оставь карту себе. Я никому не расскажу о ней».

Мариза ошеломленно посмотрела на него:

– Но... Ты слуга Конклава...

«Когда-то я был Сумеречным охотником, как и ты. И как и у тебя, у меня были те, кого я любил. Их жизнь была для меня дороже любой клятвы и любого долга».

– У тебя... – Мариза замешкалась. – У тебя были дети?

«Нет. Детей не было».

– Прости.

«Не извиняйся. И не беспокойся о Джейсе. Он – Эрондейл. Эрондейлы сильные...»

Внутри Маризы что-то оборвалось.

– Он не Эрондейл. Он – Лайтвуд. Джейс Лайтвуд. Мой сын.

Повисла долгая тишина.

«Я не хотел утверждать обратного, – сказал брат Захария. – Ты должна понимать одно. Если Джейс задержится где-то больше чем на две секунды, ты должна уведомить Конклав. Будь к этому готова».

– Я не могу, – сказала Мариза. – Они пошлют по его следу Сумеречных охотников. Устроят ловушку. А он всего лишь мальчик.

«Он никогда не был всего лишь мальчиком», – сказал брат Захария, развернулся и поплыл из комнаты.

Мариза не смотрела ему вслед. Взгляд ее снова был прикован к карте.

«Саймон? Ты не спишь?»

В его груди расцвел бутон облегчения. Голос Клэри, неуверенный, но знакомый, снова звучал в его голове. Он бросил взгляд в сторону Изабель – та еще спала. Края занавесок озарились дневным светом.

Он перевернулся на спину и уставился в потолок.

«Конечно, не сплю».

«Ну, я не была уверена. У нас разница во времени шесть-семь часов. Здесь уже смеркается».

«В Италии?»

«Мы сейчас в Праге. Здесь красиво. Большая река и куча зданий со шпилями. Издалека немного похоже на Идрис. Только холодно. Холоднее, чем дома».

«Ладно, прогноз погоды окончен. Ты в безопасности? Где Себастьян и Джейс?»

«Они со мной. Я отошла, сказала, что хочу полюбоваться видом с моста».

«Значит, я – вид с моста?»

Она засмеялась – по крайней мере, в его голове раздалось нечто похожее на смех.

«Надолго я задерживаться не могу. Хотя они, кажется, ничего не подозревают. Ну, Джейс – точно. Себастьян не разберешь. Кажется, он мне не доверяет. Вчера я обыскала его комнату, но там ничего. Никак не понять, что они задумали. Прошлой ночью...»

«Прошлой ночью?»

Тишина. Вот чудеса – Клэри внутри его головы, а все равно что-то скрывает.

«Я нашла в комнате Себастьяна мамину шкатулку с его детскими вещами. Я не могу понять, зачем она ему».

«Не трать время, пытаясь понять Себастьяна. Он того не стоит. Выясни, что они замыслили».

«Я пытаюсь, – раздраженно ответила Клэри. – Ты все еще у Магнуса?»

«Да. Мы приступили ко второй фазе нашего плана».

«Да? А в чем заключалась первая фаза?»

«Первая фаза заключалась в том, что мы сидели за столом, ели пиццу и спорили».

«А вторая? Вы сидели за столом, пили кофе и спорили?»

«Не совсем. – Саймон сделал глубокий вдох. – Мы призвали демона Азазеля».

«Азазеля?! – взвизгнула Клэри; Саймон едва удержался от того, чтобы зажать уши. – Так вот почему ты задал мне глупый вопрос про „Смурфиков“! Скажи, что шутишь».

«Не шучу. Это долгая история. – Он рассказал ей все, что мог, наблюдая за тем, как дышит Изабель и светлеет за окном. – Мы думали, что он поможет нам найти оружие, которое подействует на Себастьяна, не затронув Джейса».

«Да, но... вызов демонов? – В голосе Клэри слышалось недоверие. – К тому же Азазель – не простой демон. Команда зла – здесь со мной. Вы – Команда добра. Не забывайте об этом».

«Ты знаешь, что все не так просто, Клэри».

Он словно бы почувствовал ее вздох, по коже прошел холодок, от которого волосы встали дыбом.

«Знаю».

Клэри отняла пальцы от кольца. Джейс и Себастьян стояли в нескольких метрах от нее, указывая на что-то, чего она не видела. Металлического цвета вода беззвучно огибала древние опоры, небо того же цвета покрылось черными пятнами облаков. Ветер трепал ее волосы.

Все втроем, они снова зашагали куда-то. Джейс и Себастьян тихо беседовали друг с другом; Клэри подумала, что могла бы присоединиться к разговору, если бы захотела, но город, шпили

которого пронзали туман, был так красив, что ей хотелось погрузиться в собственные мысли и смотреть по сторонам. Вскоре они вышли на кривую мощеную улочку с множеством сувенирных и ювелирных магазинчиков, где продавались кроваво-красные гранаты, огромные куски польского янтаря, тяжелое богемское стекло и деревянные игрушки. Зазывалы ночных клубов пытались всучить им скидочные купоны на спиртное и прочие услуги; Себастьян отгонял их, ругаясь по-чешски. За тесной людной улочкой открылась просторная средневековая площадь. Здесь также было много туристов. В киосках продавали сосиски и горячий сидр со специями. Они остановились перекусить за высоким шатким столиком, и в эту минуту начали бить огромные часы. Из дверей выплыли деревянные фигурки и завертелись.

– Двенадцать апостолов, – объяснил Себастьян, обхватив обеими руками кружку горячего сидра. – Говорят, король приказал выколоть глаза часовщику после того, как он закончил эти часы, чтобы тот больше не смог создать ничего подобного.

Клэри вздрогнула и прижалась к Джейсу. Он молчал с тех пор, как они ушли с моста.

Люди – в основном девушки – с любопытством поглядывали на Себастьяна.

– Садизм какой-то, – пробормотала Клэри.

Себастьян глотнул еще сидра.

– Прошлое – это другая страна, – сказал он.

– Чужая страна, – поправил его Джейс.

– Что? – удостоил его взглядом Себастьян.

– Прошлое – это чужая страна: там все делают по-другому. Та к звучит полная цитата.

Себастьян пожал плечами и отодвинул кружку. Вернув кружку продавцу, можно было получить назад евро, но Клэри подозревала, что за такую мизерную сумму Себастьян и мизинцем не пошевелит.

– Пойдем.

Клэри не допила свой сидр и немного жалела об этом. Себастьян увел их с площади в лабиринт кривых улочек. Джейс поправил Себастьяна, подумала она. Конечно, повод для этого был незначительный, но разве кровавое заклятие Лилит не должно было внушить Джейсу безоговорочную веру в правильность всех слов и поступков Себастьяна? Не было ли это быть признаком – малейшим признаком – того, что связь между ними слабеет?

Она знала, что надеяться глупо. Но иногда, кроме надежды, не остается ничего.

Улочки еще более сужались и темнели. Клонившееся к закату солнце полностью скрылось за облаками, и повсюду зажглись старомодные фонари, освещавшие туманный полумрак. Только одежда других пешеходов, появлявшихся из тумана и снова утопавших в нем, помогала Клэри прогнать мысль, что они провалились в дыру во времени.

Наконец они дошли до каменной арки, за которой была маленькая площадь. В большинстве магазинов уже погасили свет, но в одной лавчонке он еще горел. Над ней золотыми буквами было написано «АНТИКВАРИАТ», а на витрине стояли старые бутылки с отслаивающимися этикетками, на которых читались латинские слова. Клэри не особенно удивилась, когда Себастьян направился именно к ней.

Но зачем ему могли понадобиться старые бутылки?

Она прогнала эту мысль, как только они ступили через порог. Магазинчик был тускло освещен, в нем пахло средством от моли, и каждый его уголок был уставлен всевозможным хламом, но не только хламом. С солонками и перечницами в форме фигурок из часов на площади соседствовали прекрасные астрономические атласы. Еще здесь были листы старого табака, толстые сигары, марки под стеклом, старые немецкие и русские фотокамеры, восхитительная резная хрустальная чаша изумрудного цвета и стопка старых календарей в пятнах от воды. Старинный чешский флаг висел на шесте чуть повыше головы.

Себастьян двинулся к прилавку в задней части магазина, и Клэри поняла, что приняла за манекен старика, стоявшего за ним. Лицо его было морщинистым, как смятая простыня. В нижней части прилавка за стеклом красовались старинные украшения, маленькие кошелечки с замочками из драгоценных камней и бесчисленные ряды запонок.

Себастьян сказал что-то по-чешски, и мужчина кивнул, подозрительно взглянув на Клэри и Джейса. Клэри показалось, что у него темно-красные глаза. Она прищурилась и начала незаметно снимать с него чары.

Это было нелегко – чары пристали к старику, как липучка. В конце концов она ослабила их настолько, что смогла разглядеть, что на самом деле скрывалось за личиной хозяина магазинчика. На самом деле это был монстр с рубиново-красными глазами, из пасти которого во все стороны торчали острые зубы. Руки его напоминали змей.

– Демон Ветис, – шепнул ей на ухо Джейс. – Они как сороки. Собирают все, что блестит. Драгоценности... мусор... им все равно.

Себастьян показал рукой на Джейса и Клэри:

– Это мои брат и сестра. Им можно доверять, Мирек.

По коже Клэри пробежала дрожь. Ей не хотелось притворяться сестрой Джейса перед демоном.

– Мне это не нравится, – произнес Ветис. – Ты сказал, что я заключу сделку только с вами, Моргенштернами. И хотя я знаю, что у Валентина есть дочь, – он кивком указал на Клэри, – мне известно и то, что у него был только один сын.

– Он – приемыш, – ответил Себастьян.

– Приемыш?

– В последнее время представления о семье сильно изменились, – вставил Джейс.

Демона это не впечатлило.

– Мне это все равно не нравится, – сказал он.

– Зато тебе понравится вот это, – сказал Себастьян и вынул из кармана перевязанный мешочек. Он перевернул мешочек над столешницей, и из него со звоном посыпались бронзовые монеты. – Пенсы с глаз мертвецов. Ровно сотня. Ты приготовил то, о чем мы договаривались?

Демон взял монетку и слегка прикусил ее. Его красные глаза сверкнули.

– Неплохо, неплохо. Но недостаточно для этого.

Он щелкнул пальцами и над ним появился красивый прозрачный минерал. Клэри внезапно осознала, что именно из этого материала куются клинки серафимов.

– Чистый адамант, – сказал демон. – Ткань небес. Цены ему нет.

Злоба молнией расколола лицо Себастьяна, и на мгновение Клэри узнала в нем мальчишку, который смеялся, когда Ходж умирал.

– Но мы же договорились о цене!

– И еще мы договаривались, что ты придешь один, – отрезал демон.

Его красные глаза снова устремились на Клэри и Джейса; Джейс не двигался, но наблюдал за ним как кошка, готовая к прыжку.

– Я скажу, что еще ты можешь мне отдать. Локон чудесных волос твоей сестры.

– Тебе нужна прядь моих волос... – Клэри сделала шаг к прилавку.

– Нет! – Джейс встал на ее пути. – Он темный маг, Клэри. Ты не представляешь, что он может сделать, если получит твой локон или каплю крови.

Клэри задумалась. Если бы Себастьян согласился обменять ее волосы на адамант, разве его кто-нибудь мог остановить? Джейс был вынужден поступать так, как хотел Себастьян. Но, может, любовь Джейса...

– Ни за что, Мирек, – сказал Себастьян.

Демон медленно, как ящерица, моргнул:

– Ни за что?

– Ты не тронешь ни единого волоска с головы моей сестры. И не отступишься от уговора. Никто не смеет обманывать сына Валентина Моргенштерна. Ты заплатишь назначенную цену, или...

– Или что? Или я пожалею? Ты не Валентин, мальчишка. Вот он был мужем, которому хотелось служить верно...

– Да, – сказал Себастьян, вынимая из-за пояса клинок серафимов, – я не Валентин. И я не собираюсь поступать с демонами, как он. Если я не смогу заставить вас подчиниться мне, я заставлю вас бояться себя. Я сильнее своего отца, и, если ты не согласишься со мной честную сделку, я убью тебя и все равно получу то, за чем пришел.

Клэри стало страшно.

– *Думах*, – прошептал Себастьян, и клинок огненной стрелой полетел в сторону демона.

Демон отпрянул и прошипел несколько слов на непонятном языке. Джейс, державший в руке кинжал, крикнул Клэри «Берегись!», но она не успела отскочить: что-то ударило ее в плечо, и она распласталась на грязном полу. Быстро перевернувшись на спину, Клэри посмотрела вверх и закричала от ужаса. Над ней нависла огромная змея... хотя нет, не змея. Голова с капюшоном, как у кобры, и дюжина ног с острыми когтями на концах. Клэри попыталась нащупать ремень с оружием, но в это время чудовище, роняя с клыков капли желтого яда, бросилось на нее.

Саймон уснул, поговорив с Клэри с помощью кольца. Когда он проснулся, в комнате горел свет, а над ним склонилась Изабель. Она была в джинсах и поношенной футболке с дырявыми рукавами, наверняка позаимствованной у Алека. Изабель чертила стилусом руну на его груди, чуть пониже ключицы.

Он приподнялся на локтях:

– Эй, что ты делаешь?

– Иратце, – коротко ответила она. – Из-за этого. – Она убрала волосы за ухо, и он увидел две аккуратные дырочки, оставленные его клыками на ее шее.

Как только руна была дочерчена, ранки затянулись, оставив после себя едва заметные белые пятнышки.

– С тобой... все в порядке? – прошептал Саймон.

Он прикусил язык, чтобы не задавать других вопросов: «Я сделал тебе больно?», «Ты думаешь, что я чудовище?», «Я тебя совсем перепугал?»

– Да. Спала дольше обычного, но это, наверное, к лучшему.

Увидев выражение его лица, Изабель убрала стилус, с кошачьей грациозностью подползла к Саймону и нависла над ним. Они были так близко, что соприкасались носами.

– И чего ты такой псих? – сказала Изабель, и он ощутил нежный холодок ее дыхания.

Ему хотелось прижать ее к себе и поцеловать – не укусить, просто поцеловать, – но в тот самый момент кто-то постучал в дверь, а точнее, так замолотил по ней, что она затряслась в петлях.

– Саймон, Изабель! – Это был Магнус. – Не знаю, спите вы там или занимаетесь чем-то неприличным. Короче, одевайтесь и идите в гостиную. Живо!

Саймон уставился на Изабель, которая была так же озадачена, как и он.

– Что происходит?

– Выходите скорей, – еще раз крикнул Магнус и, громко шаркая, удалился.

К большому сожалению Саймона, Изабель отодвинулась от него.

– Что случилось, как думаешь? – спросила она.

- Не знаю. Наверное, срочное совещание Команды добра.
- Его забавляло, когда Клэри так говорила. Но Изабель лишь вздохнула:
- Я не уверена, что Команда добра до сих пор существует.

13. «Костяная люстра»

Голова чудовища метнулась к Клэри, но тут на шею твари сверкающим пятном опустился клинок серафимов, едва не ослепив девушку.

Отрубленная голова упала на пол, разбрызгивая кровь и яд; Клэри перекатилась на бок, но капли ядовитой жидкости все же попали на ее грудь. Она прикусила язык, чтобы не закричать от боли, и попыталась встать. Перед глазами внезапно возникла чья-то рука. Джейс, подумала она, но, подняв глаза, обнаружила, что смотрит на своего брата.

– Пойдем, – сказал Себастьян. – А то они тут слетелись, как мухи на навоз.

Себастьян сам был перепачкан зеленовато-черной слизью, которая оставила дыры в его одежде.

Краем глаза Клэри заметила, как за его спиной приготовилась к броску еще одна тварь – демон Элапид (она видела такого в книге). Схватив Себастьяна за плечо, девушка с силой оттолкнула его в сторону; Себастьян попятился, и демон, бросившийся на него, промахнулся. Клэри вытащила кинжал, развернулась и вонзила его в тело твари, уворачиваясь от клыков. Тварь уже не шипела, а хрипела, и Клэри, не раздумывая, распорол чешуйчатое брюхо. Горячая струя крови обожгла ее руку. Она закричала, но не отпустила кинжал даже тогда, когда демон Элапид исчез.

Себастьян сражался с кем-то у дверей магазина, а Джейс отбивался от двух демонов около витрины с древней керамикой. Пол был усеян черепками. Клэри размахнулась и метнула кинжал. Клинок вонзился в бок одного из демонов, наседавших на Джейса. Демон визжа попятился, и Джейс отсек ему голову. Теперь он мог заняться другим, и Клэри не сомневалась, на чьей стороне будет победа.

Ее охватил неопишуемый восторг. Джейс и Изабель говорили ей об эйфории битвы, но раньше она никогда такого не испытывала. Она чувствовала себя всемогущей, кровь пульсировала, по всему телу волнами разливалась сила. Все вокруг нее происходило как в замедленной съемке. Один из демонов развернулся и побежал к ней, обнажая клыки. Она отпрыгнула, сняла старинный флаг и вонзила древко в разинутую пасть твари.

– Клэри! Останови его! – Вдруг услышала она крик Себастьяна.

Развернувшись, она увидела хозяина магазина, демона Ветиса, который пытался открыть дверь в задней стене, и бросилась к нему, доставая на бегу клинок серафимов.

– *Накир!* – вскрикнула она, прыгнув на прилавок, и тут же бросилась вниз.

Приземлившись прямо на демона, Клэри повалила его на землю. Рука чудовища метнулась вверх, и она отсекла ее.

Фонтаном брызнула черная кровь. Демон посмотрел на нее красными испуганными глазами.

– Остановись, – прохрипел он. – Я дам тебе все, что захочешь...

– У меня уже есть всё, – прошептала она и вонзила клинок серафимов в грудь демона; Ветис с глухим криком исчез.

К ней уже спешили Джейс и Себастьян. Себастьян был белее снега.

– Именем ангела, Клэри, – выдохнул он. – Адамант...

– А... этот камешек? Да вот он.

Клэри вытащила закатившийся под прилавок минерал и теперь держала его в руках.

Себастьян с облегчением выхватил адамант у нее из рук, а Джейс одним движением перемахнул через прилавок и прижал Клэри к себе. Глаза его потемнели от волнения.

– Все в порядке, – сказала она. Сердце ее колотилось, в венах по-прежнему гудела кровь.

Джейс открыл рот, собираясь что-то сказать, но она обхватила руками его лицо и прошептала: – Я жива и здорова.

Ей ужасно хотелось его поцеловать. Она хотела...

– Ну, ладно, вы, двое, – напомнил о себе Себастьян.

Клэри отстранилась от Джейса и посмотрела на брата. Он, ухмыляясь, вертел адамант в руке.

– Завтра мы воспользуемся этим, – сказал он. – Но сегодня, после того как мы приведем себя в порядок, устроим небольшой праздник.

Саймон босиком прошлепал в гостиную вместе с Изабель и увидел там удивительное зрелище. Пентаграмма светилась ярким серебристо-ртутным светом. Из ее центра черно-красным столбом валил дым. В комнате пахло горелым. Магнус и Алек стояли у круга. Здесь же были Джордан и Майя, которые, судя по курткам и теплым шапкам, только что пришли.

– Что здесь происходит? – спросила Изабель, зевая и потягиваясь.

– Подожди секунду, – мрачно ответил Алек. – Увидишь.

Изабель пожала плечами и уставилась на пентаграмму.

Дым за клубился быстрее, еще быстрее... и промчался по центру пентаграммы, оставив после себя выжженные слова:

ВЫ ПРИНЯЛИ РЕШЕНИЕ?

– Хм... – сказал Саймон. – Он что, все утро так делал?

Магнус – на нем были кожаные штаны и рубашка с металлическими клепками – кивнул:

– Да и всю ночь тоже.

– И задает один и тот же вопрос?

– Нет, всякое говорит. Иногда ругается. Похоже, этот парень веселится.

– Он нас слышит? – спросил Джордан и тут же произнес: – Эй, привет, демон!

Огненные буквы снова выстроились:

ПРИВЕТ, ОБОРОТЕНЬ.

Джордан отшатнулся и посмотрел на Магнуса:

– Это... нормально?

Магнус был явно недоволен:

– Нет, это решительно не нормально. Конечно, я никогда не призывал такого могущественного демона, как Азазель, но даже учитывая это... Я просмотрел книги и не нашел ни одного свидетельства о том, чтобы что-то подобное случилось в прошлом. Похоже, он выходит из-под контроля.

– Азазеля нужно отправить назад, – сказал Алек. – Насовсем. Наверное, Джослин была права. Вызывая демонов, ничего хорошего не добьешься.

– Я почти уверен, что, вызывая демонов, кто-то в свое время добился, чтобы появился я, – заметил Магнус. – Алек, я это уже сотню раз проделывал. Но... боюсь, друзья, что-то пошло не так.

– Азазель ведь не сможет выбраться из пентаграммы? – спросила Изабель.

– Нет, – ответил Магнус, – но он ведет себя слишком активно.

Джордан наклонился вперед, положив руки на колени.

– Слушай, как там все-таки в аду, чувак? – спросил он. – Горячо или холодрыга? Всякое говорят.

Ответа не последовало.

– Молодец, Джордан, – рассмеялась Майя. – По-моему, ты его разозлил.

Джордан потыкал носком ботинка в край пентаграммы:

– А он может предсказывать будущее? Слышь, пентаграмма, наша группа станет известной?

– Это демон ада, а не шар гадалки, Джордан, – покачал головой Магнус. – И держись подальше от границ пентаграммы. Демон, заключенный в пентаграмму, не сможет причинить тебе вреда. Но если ты сам войдешь в нее, то окажешься уязвим для него.

В этот момент столп дыма снова начал сгущаться.

Алек едва удержался от вскрика, когда дым принял форму Азазеля.

Сперва материализовался костюм – серый пиджак в серебряную полоску, – затем появилось все остальное. Демон с явным удовольствием посмотрел по сторонам.

– Вижу, все в сборе, – сказал он. – Ну что, пришли к решению?

– Да, – кивнул Магнус. – Думаю, твои услуги нам не потребуются. Но все равно спасибо.

Воцарилась тишина.

– Можешь идти, свободен. – Магнус поднял руку и пошевелил пальцами. – Пока-пока.

– А я придерживаюсь другой точки зрения, – сказал Азазель, рассматривая свои ногти. – Мне здесь нравится. И я, пожалуй, останусь.

Магнус вздохнул и что-то сказал Алеку. Тот подошел к столу и вернулся с книгой. Колдун открыл ее и начал читать:

– Изыди, проклятый дух. Возвращайся к дыму и пламени, пеплу и...

– *Не срабывает*, – скушаяще произнес демон. – *Попробуй, если хочешь, но я все равно останусь здесь.*

Глаза Магнуса запылали яростью.

– Ты не можешь заставить нас пойти на сделку с тобой!

– Ну, я могу хотя бы попытаться. Все равно заняться мне не...

Азазель осекся – в гостиную, пытаясь поймать мышь, влетел Председатель Мяо. Раз – и он пересек границы пентаграммы. Саймон инстинктивно прыгнул за ним и взял кота на руки.

– Саймон! – вскрикнула Изабель.

Он повернулся и увидел, что она зажала рот рукой от ужаса.

Демон, заключенный в пентаграмму, не сможет причинить тебе вреда. Но если ты сам войдешь в нее, то окажешься уязвим для него.

Саймон почувствовал, как его похлопали по плечу. Присев, он отпустил Председателя Мяо, и кот, прижав уши, вылетел из пентаграммы. Саймон поднял глаза. Над ним нависало огромное лицо Азазеля. Вблизи кожа демона напоминала растрескавшийся мрамор, в глубоко посаженных глазах плясало пламя. Азазель улыбнулся, и Саймон увидел, что у демона не просто железные зубы – каждый его зуб был заострен на конце и окован железом.

Азазель выдохнул, и Саймона окружило облако горячей серы. Как сквозь вату он слышал голос Магнуса. Кажется, колдун читал заклятие; когда демон схватил Саймона за руки, что-то отчаянно прокричала Изабель. Демон поднял его так, что ноги стали болтаться в воздухе, и бросил. Или попытался бросить. Выскользнув из его рук, Саймон благополучно приземлился на пол, а Азазель, отлетев назад, ударился о невидимый барьер. Раздался звук, как будто крошится камень. Демон упал на колени, а потом встал и, корчась от боли, двинулся к Саймону, который уже плохо понимал, что происходит, но все-таки сообразил, что Метка сработала.

Упираясь в колени, Азазель наклонился над Саймоном. Ногти его были такими же острыми, как и зубы, и тоже окованы железом.

– Странник, – прошелестел он. – Это ты?

Магнус по-прежнему монотонно читал заклятие, другие молчали. Саймон боялся поймать на себе взгляд кого-то из друзей. Клэри и Джейс, подумал он, уже видели, как работает Метка, но остальные – нет. Та к вот почему они затихли.

– Кажется, мир сошел с ума. Кто посмел отметить вампира Меткой Небес? – произнес

Азазель, прищурив огненные глаза.

– А ты дотронься до меня снова, можешь, узнаешь, – ответил Саймон.

Азазель издал рокочущий смешок:

– Еще чего. Если вы решили подчинить себе волю Небес, то даже ради собственной свободы я не стану рисковать, приняв вашу сторону. – Он бросил взгляд в гостиную. – Вы все безумцы. Что ж, желаю удачи, может быть, она вам пригодится.

Вспыхнуло пламя, и он исчез, оставив после себя клубы черного дыма и едкий запах серы.

– Не шевелись, – сказал Джейс, взял кинжал Эрондейлов и осторожно разрезал блузку Клэри.

Она сидела на краю ванны в одних джинсах и тоненькой камисоли. На джинсы тоже попал яд, но блузка была безнадежно испорчена.

Джейс стал выводить на плече девушки руну Исцеления. Клэри почувствовала жжение, а потом боль отступила. Руна действовала как новокаин, только тело не немело.

– Тебе лучше? – спросил Джейс.

– Намного, – кивнула она.

На самом деле вышло не идеально – руна плохо залечивала ожоги от яда демонов, но со временем они исчезали бесследно.

– Теперь твоя очередь, – сказал Джейс и протянул ей стилус. Они стояли в самом темном углу антикварной лавчонки, на всякий случай погасив свет, чтобы не привлекать внимание случайных прохожих.

Себастьян ушел почти сразу, так как ему хотелось переодеться, прежде чем отправиться в ночной клуб.

Клэри до сих пор была взбудоражена. В этом сражении с демонами в ней наконец проснулись инстинкты Сумеречных охотников. Ей хотелось двигаться – например, сделать сто сальто или одним прыжком одолеть бездну между небоскребами. Или... Но вместо этого она взяла из рук Джейса стилус и сказала:

– Тогда раздевайся.

Он стянул футболку, и она постаралась сделать вид, будто это ее не взволновало. На его ключице и правом плече были свежие ожоги, а на боку – длинная лилово-красная ссадина. Но Клэри видела другое. Кожа, тронутая загаром, широкие плечи, узкая талия и тонкая дорожка золотых волос от пупка до ремня джинсов... Она потрясла головой, словно отгоняя видение, и, прикоснувшись стилусом к его плечу, стала проворно чертить целебную руну – должно быть, миллионную по счету.

– Хорошо? – спросила она, когда закончила.

– Угу.

Он наклонился к ней, и она снова ощутила его запах – теперь это был запах крови, пота и дешевого мыла, которое они нашли у раковины.

– Тебе понравилось? – спросил он. – Ну, как мы сражались вместе?

– Это был... яростный бой.

Джейс подошел ближе и продел пальцы под ремень ее джинсов. Когда ее руки порхнули к его плечам, на пальце блеснуло кольцо. Это ее слегка отрезвило.

Не теряй голову. Это не Джейс, не Джейс, не Джейс!

Они соприкоснулись губами.

– Я подумал, что это было потрясающе. И ты была восхитительна.

– Джейс, – прошептала она и вздрогнула, услышав стук в дверь.

Джейс отпустил ее. Она хотела отступить в тень, но налетела на раковину. Кран открылся и

окатил их обоих водой. Джейс рассмеялся и пошел открывать.

На пороге стоял Себастьян. Быстро же он вернулся! Вместо запачканной куртки и штанов на нем была старая военная форма, а если точнее, немецкий френч образца сороковых. В руках он держал два пакета.

Джейс поднял с пола грязную футболку и натянул ее.

– Я принес вам кое-какую одежду, – сказал Себастьян и протянул один пакет Джейсу, а другой – Клэри. Джейс вытащил из пакета рубашку, а Клэри – блестящую черную вещицу. – Винтажное, – пояснил Себастьян, – и вроде бы должно быть по размеру.

Клэри ошарашенно разглядывало платье, очень похожее на комбинацию. Черное, с изящным узором из бусин на бретельках и кружевной оборкой. Бретельки регулировались, и она решила, что Себастьян прав: платье придется ей впору. Ей не хотелось надевать его, но не могла же она пойти в клуб в полупрозрачной камисоли и мокрых джинсах.

– Спасибо, – выдавила она. – А теперь выйдите отсюда, мне нужно переодеться.

Они вышли в подсобку, закрыв за собой дверь. Клэри слышала их громкие голоса. Кажется, обмениваются шутками... Как приятели. Странно, подумала она, сбрасывая джинсы и надевая платье. Джейс, обычно замкнутый Джейс, стоит и смеется с Себастьяном...

В углу было зеркало. Клэри подошла, зажгла колдовской огонь и посмотрела на свое отражение. Черный цвет шел ей. Глаза казались большими и темными, руки и ноги – длинными, а волосы – насыщенно-рыжими. Сапоги, которые она еще утром надела под джинсы, придавали ее наряду особый шик. Она не могла сказать, можно ли назвать ее красивой, но подумала, что с *такой* девушкой шутки плохи. И еще она подумала о том, что Изабель одобрила бы ее наряд.

Клэри толкнула дверь и вошла в подсобку. Здесь горел обычный электрический свет. Себастьян и Джейс копались на полках с товаром. Джейс заметил Клэри первым. Она увидела, как загорелись его глаза, и вспомнила вечеринку у Магнуса. Тогда она была в платье Изабель, и, кстати, тоже черном.

Джейс улыбнулся, и ей очень не понравилась его улыбка.

– По мне, это не платье, а нижнее белье. Но считай, что я ничего не говорил.

– Тебе напомнить о том, что это моя сестра? – вскинулся Себастьян.

– И что? Другие братья обрадовались бы, если бы такой видный парень, как я, решил бы прошвырнуться по городу с их сестрами. – Джейс схватил с вешалки армейскую куртку и накинул ее на плечи.

– «Видный парень» – это ты о себе? – недовольно произнесла Клэри. – Звучит противно. Ты еще скажи, что ты плут и повеса.

– А на заре – дуэль! – добавил Себастьян, шагая за дверь. – Сейчас вернусь. Надо отмыть волосы от крови.

– Чистюля! – с ухмылкой бросил ему в спину Джейс, а потом прижал Клэри к себе. – Помнишь, как мы ходили на вечеринку к Магнусу? Ты вошла в гостиную с Изабель, и Саймона чуть удар не хватил.

– Забавно, я тоже об этом подумала. – Клэри не могла сдержать улыбку. – Но ты тогда ничего не сказал о том, как я выгляжу.

Его пальцы скользнули под бретельки ее платья, щекоча кожу.

– Мне казалось, что я не особенно тебе понравился. Но на самом деле мне хотелось во всеуслышание объявить, чем мне хочется с тобой заняться.

– Тебе казалось, что ты мне не нравишься? – удивилась она. – Джейс, разве есть на свете хоть одна девушка, которой бы ты не понравился?

Он пожал плечами:

– Не сомневаюсь, что психушки всего мира полны бедняжек, которые не смогли разглядеть

моего очарования.

На языке ее вертелся вопрос, который она всегда хотела ему задать. В конце концов, какая разница, как протекала его *личная* жизнь, до того как они встретились? Золотые глаза Джейса смягчились, словно он понял, о чем она думает.

– Раньше мне было все равно, что обо мне думают девушки, – сказал он. – Ну, до тебя.

До тебя.

– Джейс. – Голос Клэри дрогнул.

– Ваша любовная болтовня мне до смерти наскучила, – сказал Себастьян, появившись, как всегда, внезапно. Его мокрые волосы были взъерошены. – Ну что, пойдем?

Клэри отшатнулась от Джейса, залившись краской, но Джейс не смутился:

– Вообще-то это мы тебя ждем.

– Тогда вперед. Поверь, тебе там понравится. – Последняя фраза была адресована Клэри.

– Страховку мне уже точно не выплатят, – хмуро сказал Магнус.

Он сидел на столе, среди коробок от пиццы и пустых кружек, наблюдая за тем, как остальные члены Команды добра пытались привести в порядок гостиную, разгромленную Азазелем. На стенах остались дымящиеся дыры, с потолка капала сернистая слизь, а пол был запорошен пеплом и чем-то еще черным. Председатель Мяо вытянулся на коленях колдуна и довольно мурлыкал. Магнуса отстранили от уборки, потому что гостиная была разгромлена с его негласного позволения, – он знал, на что шел. С Саймоном после происшествия с пентаграммой никто не хотел иметь дел. Он попытался пого ворить с Изабель, но она лишь пригрозила ему шваброй.

– У меня есть идея, – сказал Саймон. – Он сидел рядом с Магнусом, положив локти на колени. – Но тебе она не понравится.

– Чувствую, ты прав, Шервин.

– Саймон. Меня зовут Саймон.

– Неважно. – Магнус махнул рукой. – Что за идея?

– На мне Метка Каина, – сказал Саймон. – Это значит, что меня нельзя убить, так?

– Ты можешь убить себя сам, – пожал плечами Магнус. – И, насколько мне известно, тебя могут случайно лишить жизни неодушевленные предметы. Та к что если ты вдруг соберешься танцевать ламбаду над ямой с ножами, я тебе не советую.

– Ну вот, суббота коту под хвост, я как раз собирался на танцы.

– Зато больше тебя ничем не возьмешь. – Магнус отвел взгляд от Саймона и теперь наблюдал за Алеком, довольно ловко орудующим шваброй. – А что?

– Я тут подумал... Ты говорил, что вызывать ангелов опаснее, чем демонов, потому что они могут пронзить мечом или поразить Небесным огнем тех, кто их вызвал. Но если это сделаю я... мне ведь ничего не грозит, правда?

Магнус с интересом повернулся к нему:

– Ты хочешь призвать ангела?

– Если ты покажешь мне, как это делается. Понятно, что я не колдун, но у Валентина же получилось. Значит, и у меня получится.

– Но я не могу обещать, что ты выживешь, – покачал головой Магнус. – Метка – защита, дарованная Небесами, но защитит ли она от Небесного воинства? Я не знаю ответа на этот вопрос.

– Но ты согласен, что у меня больше шансов, чем у остальных?

Магнус перевел взгляд на Майю, которая, смеясь, брызгала грязной водой в Джордана. Джордан со смехом старался увернуться. Майя выглядела как девчонка с полосой сажи на лбу.

– Да, наверное, это так, – неохотно согласился Магнус.

– Кто твой отец? – без всякого перехода спросил Саймон.

– Я не люблю говорить на эту тему, Смедли.

– Саймон, меня зовут Саймон. Если уж я готов рискнуть жизнью, то хотелось бы, чтобы мое имя запомнили.

Магнус снова посмотрел на Алека.

– Если бы не Алек, – сказал он. – Я был бы...

– Где?

– Я видел сон, – произнес Магнус, закрыв глаза. – Я видел город с костяными башнями, где кровь текла по улицам, как вода. Может быть, ты сможешь спасти Джейса, Светоч, но не мир. Грядет тьма. Страна мрака, «где нет устройства, где темно, как самая тьма»^[11]. Если бы не Алек, я бы давно ушел.

– Куда?

– Не знаю. Спрятался. Переждал бы, пока все не закончится. Я не герой.

Магнус столкнул Председателя Мяо на пол.

– Если ты здесь, значит, сильно любишь Алека, – сказал Саймон. – Это, по-моему, героизм.

– Ты любил Клэри так, что всю жизнь себе поломал, – сказал Магнус с неожиданной горечью. – Ну и к чему это привело? Ладно, – он повысил голос, – все сюда. У Шелдона есть идея.

– Кто такой Шелдон? – спросила Изабель.

* * *

Поверх платья Клэри надела куртку, испачканную кровью демонов, но ледяной воздух заставлял ее дрожать. Ей хотелось выпить горячего глинтвейна, чтобы согреться. Улочки, по которым они шли, становились все у же, освещала их только луна, изредка проглядывающая сквозь густые облака. Наконец они спустились по каменной лестнице на маленькую площадь, в углу которой мерцала неоновая вывеска. «Костяная люстра», – прочитала Клэри.

Под вывеской, словно дыра на месте вырванного зуба, зияла открытая дверь.

– Что такое «Костяная люстра»? – спросила Клэри.

– Это ночной клуб, – ответил Себастьян. Его белые волосы отражали неоновые всполохи: горячий красный, холодный синий, металлический золотой. – Ну, заходим?

Вероятно, когда-то здесь была церковь. Высоко под потолком до сих пор сохранились витражи. Лучи прожекторов – едко-розовые, ядовито-зеленые, жгуче-фиолетовые – выхватывали из толпы блаженные лица танцоров. Из колонок грохотал транс. Музыка, проникая в кровь, заставляла кости вибрировать. В зале было жарко и тесно, пахло потом, дымом и пивом.

Клэри почувствовала на спине чью-то руку. «Джейс», – подумала она и повернулась, собираясь предложить ему потанцевать. Но это был Себастьян. Она напряглась, но не отстранилась.

– Пойдем, – прокричал Себастьян ей в ухо. – Здесь одно стадо собралось.

Рука его давила на ее позвоночник, и она послушно пошла вперед. Толпа расступилась, пропуская их. Стало так жарко, что Клэри едва могла дышать.

Они дошли до противоположного конца зала. Перед ними была арка, и Клэри готова была поклясться, что только что ее не было. Истертая каменная лестница вела вниз, уходя во мрак.

Себастьян отпустил руку. Клэри обернулась и увидела, что Джейс достал колдовской фонарь. В резком свете фонаря его лицо казалось составленным из углов.

– Легка дорога, – сказал он.

Клэри вздрогнула. Она знала продолжение: в ад.

– Ну, вперед.

Себастьян спускался уверенно, не боясь поскользнуться на истертых временем ступенях. Стало прохладнее, музыка, гремевшая наверху, сюда почти не долетала. Но тут Клэри услышала, что и внизу пульсирует транс. Когда они прошли в просторный зал, у нее перехватило дыхание.

Все здесь было каменным, и стены, и пол. В углу высилась статуя чернокрылого ангела, голова которого терялась во мраке. С крыльев спускались цепочки гранатов, похожих на капли крови. Зал озаряли цветные фейерверки, совсем не похожие на свет прожекторов выше. В мраморных фонтанах плавали лепестки черных роз. А наверху, под потолком, на длинном золотом шнуре висела исполинских размеров костяная люстра. Выглядела она устрашающе. Два позвоночных столба, сплавленных вместе; вместо плафонов – человеческие черепа со свечами внутри; в качестве украшений – бедренные и берцовые кости. На танцующих падали капли черного воска, похожего на кровь демонов, но это никого не смущало. Людей на танцполе не было.

– Оборотни и вампиры, – усмехаясь, пояснил Себастьян. – В Праге они союзники. А в этом клубе они... расслабляются.

Зал продувал горячий ветер. Белые волосы Себастьяна лезли ему на глаза, скрывая выражение.

Клэри сбросила куртку и прижала ее к груди, как щит.

– Но... они не против того, что мы здесь? Ведь мы нефилимы?..

– Они меня знают, – ответил Себастьян. – И знают, что вы со мной. – Он вырвал куртку у нее из рук: – Отнесу на вешалку.

– Себастьян...

Но он уже исчез в толпе.

Клэри посмотрела на Джейса, который стоял рядом с ней. Джейс подмигнул ей:

– Заметь, он не предложил захватить и мою куртку. Да, прошли времена рыцарей. – Увидев ее озадаченный взгляд, он рассмеялся: – Ну, ладно. Ему наверняка нужно с кем-то переговорить.

– Значит, мы не развлекаемся сюда пришли?

– Себастьян никогда просто так не развлекается. – Джейс взял ее за руки и потащил на танцпол. – В отличие от меня.

Саймона ничуть не удивило то, что никто не стал рукоплескать его плану. Сначала – молчание, потом – неодобрительные возгласы и, наконец, попытки отговорить его. Та к или иначе, вопросов было немало. Магнус пустился в пространные объяснения, а Саймон пересел в угол и решил подождать, чем все это закончится.

Кто-то осторожно коснулся его руки. Он поднял глаза и увидел Изабель. Она приложила палец к губам и жестом велела следовать за ней.

Поскольку Изабель протестовала громче всех, Саймон приготовился к тому, что сейчас она начнет отчитывать его. Но Изабель стояла и молчала.

– Понятно, – сказал он, не в силах терпеть эту пытку. – Видимо, ты мной недовольна.

– Видимо? Пнула бы тебе под зад, вампирчик, да новые сапоги жалко.

– Изабель...

– Я не твоя девушка.

– Да. – Саймон не сумел скрыть разочарование. – Я знаю.

– Я никогда не упрекала тебя за то, что ты много времени проводишь с Клэри. Я сама была «за». Я знаю, как она тебе дорога. И как ты дорог ей. Но это... Ты собираешься пойти на

огромный риск. Ты хорошо все обдумал?

Саймон бросил взгляд на друзей, продолжавших спорить о его судьбе.

– Дело не в Клэри...

– Ну не в твоей же маме, – отрезала Изабель. – Или, может быть, ты переживаешь, что она назвала тебя чудовищем? Тебе ничего не нужно доказывать, Саймон. Если у кого-то есть проблемы, то эти проблемы не твои.

– Иззи, Джейс спас мне жизнь. Я перед ним в долгу.

Изабель удивленно взглянула на него:

– Та к ты решился на это из-за того, что в долгу перед Джейсом? По-моему, сейчас никто уже никому ничего не должен.

– Нет, не совсем так... Слушай, мы все понимаем, в какой ситуации оказались. Нельзя позволять Себастьяну разгуливать на свободе. Это небезопасно. Если он умрет, умрет и Джейс. А если умрет Джейс, то Клэри...

– Она выживет, – решительно сказала Изабель. – Она сильная.

– Ей будет больно. Может быть, до конца дней. Я не хочу причинять ей такую боль. И тебе – тоже.

Изабель скрестила руки на груди:

– Это понятно. Но, думаешь, ей не будет больно, если что-то случится с тобой?

Саймон прикусил губу. Ему и вправду не приходила в голову такая мысль.

– А тебе?

– Что – мне?

– Тебе будет больно, если со мной что-нибудь случится?

Она замерла, глаза ее засияли.

– Да!

– И ты хочешь, чтобы я помог Джейсу?

– Да. И этого я тоже хочу.

– Тогда ты должна позволить мне сделать это. Не ради Джейса, не ради тебя или Клэри, хотя вы все для меня очень важны. Просто потому, что я верю словам Магнуса. Он сказал: грядет тьма. Рафаэль не зря боится войны. И Себастьян не случайно взял с собой Джейса. Да и связаны они не случайно. Себастьян знает, что Джейс нужен нам, чтобы выиграть войну. И ему прекрасно известно, кто такой Джейс.

Изабель не нашла что возразить.

– Ты такой же храбрый, как Джейс, – сказала она.

– Может быть. Но я не нефилим. Я не способен на то, на что способен Джейс.

– Саймон... ты мне очень дорог, – прошептала Изабель.

Он осторожно приложил ладонь к ее щеке:

– Ты воительница, Из. Это твое призвание. Но Себастьяна нельзя убить, не причинив вреда Джейсу, а это означает, что ты не сможешь участвовать в этой войне. Если придется убить Джейса, чтобы одержать победу, вместе с ним умрет и часть твоей души. Я не хочу этого и постараюсь предотвратить всеми силами.

Она заморгала, словно борясь со слезами.

– Так не честно... Не честно, что это должен быть ты.

– Это мой выбор, Иззи. У Джейса выбора нет. Если ему суждено умереть, он умрет ради того, до чего ему на самом деле нет никакого дела.

– Ладно, – сказала она, сжав кулаки. – Пойдем.

Они вернулись к остальным.

– Ну, хватит, – положила конец спорам Изабель. – Решение должен принять сам Саймон, и

он его уже принял. Он собирается призвать Разиэля. А мы поможем ему.

Клэри попыталась забыться в танце, как у нее уже однажды получилось в «Адском логове». Конечно, Саймон танцевал скверно, зато Джейс – великолепно. Его тело было способно на все. Она видела, как смотрят на него другие – с восхищением... и хищным блеском в глазах. Она почувствовала укол ревности, и это подстегнуло ее. Никакой скованности – она танцевала так, будто они с Джейсом остались одни. Устав извиваться, она прижалась к нему и закрыла глаза, продолжая двигаться. Внезапно что-то вспыхнуло, и сверху посыпался металлический дождь. Джейс дотронулся до серебристой капли на ее ключице и ухмыльнулся:

– Помнишь, что я тебе сказал в «Таки», когда мы были там в первый раз? Ну, насчет кухни фей?

– А... это о том, как ты пробежал по Медисон-авеню с оленьими рогами на голове? – засмеялась Клэри.

– Я и сам не верю, что это был я. Эта штука, – он стряхнул каплю с ладони, – действует примерно так же. Получаешь...

– Кайф?

Он качнул головой:

– Знаешь, это бывает весело.

Раздался хлопок, и их окатило чем-то серебристо-голубым, вроде воды. Джейс слизнул каплю с руки и улыбнулся.

Кайф... Клэри никогда не принимала наркотиков, даже не пила, если не считать Венеции и той бутылки, которую они с Саймоном украли из винного шкафчика его мамы, когда им было по тринадцать. Обоих после этого мутило; Саймона вывернуло в кусты. Еще она помнила, как кружилась голова и что была счастлива без причины.

Джейс наблюдал за ней из-под длинных ресниц.

Он тоже счастлив без причины?

До того как Лилит околдовала его, они оба были счастливы. Она не чувствовала гнетущего сомнения, когда смотрела на него, и ничто не мешало ей наслаждаться близостью с ним.

Клэри наклонилась и поцеловала Джейса в губы, медленно, страстно. Она ощутила во рту кисло-сладкий вкус. Вино и конфеты? На них снова пролился серебристый дождь, и она отстранилась, облизывая губы. Джейс тяжело дышал; он потянулся к ней, но она, смеясь, увернулась и продолжила танцевать.

Во всем теле вдруг появилась необычайная легкость. Она знала, что у нее есть какое-то очень важное дело, но не помнила какое именно. Лица вокруг больше не казались ей пугающими. Мрачная красота зала завораживала. Она посмотрела на статую ангела с черными крыльями. Да он же излучает добро в тысячу раз сильнее, чем Разиэль, ведь от того исходит холодный белый свет, и только! Музыка была мелодичной, совершенной. Клэри кружилась все быстрее и быстрее, оставляя позади скорбь и утраты, и могла бы кружиться без конца, если бы ее не подхватили чьи-то руки, крепко обнявшие ее. Опустив глаза, она увидела тонкие красивые пальцы, руки, покрытые шрамами, и руну Всевидящего ока. *Джейс*. Она прильнула к нему, закрыв глаза и опустив голову на его плечо. Она слышала, как бьется его сердце. Ни одно сердце в мире не билось так, как оно.

Она распахнула глаза и...

– Себастьян, – прошептала она.

Тот ухмыльнулся:

– Хочь тебе кое-что показать, Кларисса.

Нет. Слово тут же растворилось, как сахар в воде. Она не могла вспомнить, почему ему

нужно отказать. Он – ее брат, и она должна любить его. Он привел ее в это чудесное место. Может быть, он и совершил что-то плохое, но это было так давно, что подробности уже не имели никакого значения.

– Я слышу, как поют ангелы, – сказала она.

Себастьян засмеялся:

– Вижу, ты поняла, как действует эта серебристая штука. – Он провел пальцем по ее скулам; палец его окрасился в серебряный цвет, будто он размазал нарисованную слезу. – Пойдем, ангелочек.

– Но как же Джейс? – сказала она. – Я потеряла его в толпе.

– Не волнуйся, он найдет нас.

Себастьян сжал ее руку в ладони, которая оказалась на удивление теплой. Клэри позволила ему подвести себя к одному из фонтанов и усадить на широкий мраморный бордюр.

– Посмотри на воду, – сказал он, усаживаясь рядом. – Скажи, что ты там видишь?

Она наклонилась и всмотрелась в темную гладь воды. И увидела собственное отражение. Дикий взгляд, волосы спутались, тушь размазалась... Рядом – отражение Себастьяна. Серебряные волосы, отражавшиеся в воде, напоминали луну над рекой. Она всколыхнула воду, исказив картинку.

– В чем дело? – тревожно спросил Себастьян.

Клэри захихикала: ее брат вел себя ужасно глупо.

– Я видела нас с тобой, – сказала она. – Что же еще?

Он взял ее за подбородок и развернул к себе. Глаза Себастьяна были черными, как ночь, и только серебряное кольцо отделяло зрачок от радужной оболочки.

– Разве ты не видишь? Мы с тобой одинаковые.

– Одинаковые? – Она моргнула. – Нет...

– Ты моя сестра. Мы одной крови.

– В тебе течет кровь демонов. Кровь Лилит... – Она снова захихикала. – Ты – темный-темный-темный. А мы с Джейсом – светлые.

– У тебя темное сердце, дочь Валентина, – сказал Себастьян. – Ты просто не хочешь признаться себе в этом. Но решишь наконец, если хочешь быть с Джейсом. Потому что он теперь – часть меня.

– А ты? Ты чья часть?

Себастьян разомкнул губы, но промолчал. Клэри впервые подумала, что ему просто нечего сказать. Она удивилась, так как задала вопрос из праздного любопытства. Прежде чем она успела задать следующий вопрос, голос сверху произнес:

– Эй, что происходит?

Это был Джейс. Его лицо, перепачканное серебристой дурью, казалось злым.

– Клэри?

Она отпрянула от Себастьяна и вскочила:

– Прости... В этой толпе так легко потеряться.

– Чудеса, я с тобой танцую, и вдруг ты исчезаешь, а какой-то очень настойчивый оборотень уже пытается расстегнуть мне джинсы.

– Оборотень-мальчик или оборотень-девочка? – с ехидцей поинтересовался Себастьян.

– Не понял. В любом случае, побриться ему бы не мешало. – Он взял Клэри за руку, слегка скрутив пальцами ее запястье: – Пойдем домой? Или хочешь еще потанцевать?

– Еще потанцевать. Можно? – обернулась она к Себастьяну.

– Да мне-то что. – Себастьян стоял покачиваясь, засунув руки в карман. Улыбка его была, как лезвие бритвы. – Танцуйте, а я посмотрю.

Клэри внезапно вспомнила о кровавом отпечатке и нахмурилась. Однако ночь была слишком хороша, чтобы думать о неприятном. Она оглянулась на брата, а потом позволила Джейсу провести себя на танцпол. Над головой взорвался еще один шар, и она поймала языком солоновато-сладкую каплю, потом обняла Джейса и почувствовала, как серебристая жидкость стекает по лицу. Запустив руки под рубашку, она оставила на его спине неглубокие царапины. Джейс наклонился, чтобы что-то сказать ей. Они больше не танцевали: гипнотическая музыка продолжала звучать, но Клэри ее не слышала. Парочка оборотней, танцевавшая рядом, усмехнулась, парень что-то презрительно пробормотал по-чешски. Клэри не поняла, но подозревала, что он хотел сказать: *давайте не здесь*.

Джейс нетерпеливо хмыкнул и увлек ее за собой к полукруглой нише. Таких ниш здесь было несколько, в каждой стояла каменная скамья и в каждой была занавеска из черного бархата. Джейс задернул занавеску, и они с необузданной страстью стали целоваться. Руки Клэри царапали спину Джейса. Он прокусил ее нижнюю губу, и она ощутила вкус крови. На какую-то долю секунды ей стало страшно, но она не могла, но главное, не хотела остановиться.

Руки Джейса скользнули вниз по ее телу. Он подхватил край ее платья и потянул вверх.

– Что ты делаешь? – прошептала она.

Он хитро улыбнулся:

– Ты можешь сказать мне «Стоп!», но ты этого не скажешь.

Себастьян отвел в сторону бархатную занавеску и улыбнулся. В нише за каменным столом сидел мужчина. Длинные черные волосы были собраны в хвост, щеку рассекал шрам в виде листа, глаза были зелеными, как трава. На нем был белый костюм, из кармана торчал платок с вышитым на нем зеленым листом.

Мелиорн.

– Джонатан Моргенштерн, – поприветствовал Мелиорн Себастьяна, и тот не поправил его, зная, что имена чрезвычайно важны для фей и их окружения.

– Честно говоря, я не ожидал увидеть тебя здесь, Мелиорн.

– Позволь напомнить тебе, что мы никогда не лжем, – ответил рыцарь.

Он протянул руку и закрыл занавеску. Громкая музыка, доносившаяся снаружи, утихла.

– Проходи, садись. Вина?

Себастьян устроился на скамье.

– Нет, ничего не нужно. – Вино могло затуманить ему голову, пусть и ненадолго. – Должен признаться, что был удивлен, когда получил известие о том, что ты хочешь встретиться со мной.

– Прежде всего тебе стоит знать, что у Королевы к тебе особый интерес. Она знает о всех твоих перемещениях. – Мелиорн сделал глоток вина. – Сегодня в Праге зафиксировано демоническое вторжение. Королева волновалась.

Себастьян вытянул руки вперед и потряс ими.

– Как видишь, я без оружия.

– Вторжение такого масштаба, что оно наверняка привлечет внимание нефилимов. Если я не ошибаюсь, некоторые из них уже здесь.

– Ты имеешь в виду, что в этом клубе есть Сумеречные охотники? Ну, может, не в самом клубе, а поблизости от него? Не беспокойся, мне об этом известно. И знаешь, Королева плохо обо мне думает, если и вправду считает, что я не разберусь с парочкой нефилимов.

– Я доложу ей, что ты сказал, – пробормотал Мелиорн. – Должен признаться, я не понимаю, чем ты ее так привлек. Я счел бы тебя негодным, но у Королевы более тонкий вкус.

– Ты счел меня негодным? – Ухмыляясь, Себастьян наклонился вперед: – Я тебе все объясню, рыцарь. Я молод, я красив. И готов спалить весь мир, чтобы получить то, чего хочу.

Королева ведет игру, но и я веду ее. Я хочу знать одно: когда для нефилимов наступят тяжелые времена, будут ли феи на моей стороне?

– Госпожа говорит, что она на вашей стороне. – Лицо Мелиорна ничего не выражало.

– Это отличные новости, – без улыбки произнес Себастьян.

– Я всегда знал, что человечество погибнет, – хмыкнул Мелиорн. – Тысячу лет назад я предвидел, что оно само погубит себя. Но я не ожидал, что это произойдет так скоро.

– Никто этого не ожидает.

– Джейс, – прошептала Клэри. – Джейс, кто угодно может войти и увидеть нас.

– Никто не войдет.

Оставив на ее шее дорожку поцелуев, он спутал ее мысли. Ей уже трудно было отличить реальность от бреда. Пальцы так сильно вцепились в рубашку Джейса, что она боялась, что порвет ее. Ее одновременно бросало и в жар и в холод. Джейс целовал ее плечо, спустив бретельку. Мир раскололся на яркие осколки. Она готова была растаять в его объятиях.

– Джейс...

Она обняла его за шею и тут же отпрянула. Руки стали липкими. Что это?..

Кровь?

Клэри подняла глаза. С потолка, привязанное за лодыжки, свисало человеческое тело, из перерезанного горла сочилась кровь.

Она закричала, но крик оказался беззвучным. Потом оттолкнула Джейса – он весь был заляпан кровью. На подгибающихся ногах подошла к занавеске и отдернула ее.

Статуя ангела изменилась. Крылья стали похожи на крылья летучей мыши, прекрасное лицо скривилось в ухмылке. С потолка на скрученных веревках свисали распоротые трупы. Фонтаны пульсировали кровью, в воде плавали отрубленные руки. Нежить на танцполе тоже была перепачкана кровью. Худой, бледный мужчина приобнимал висевшую на нем женщину с прокушенным горлом, очевидно мертвую.

Клэри почувствовала прикосновение Джейса. Он потянул ее назад, но она вырвалась. В аквариумах у стены плавали мертвые тела. Она вспомнила, как Себастьян парил в своем стеклянном гробу. К горлу подступил крик, и ее поглотила тьма.

14. Как пепел

Клэри пришла в сознание. Голова все еще кружилась. Это ощущение было ей знакомо по первому утру в Институте, когда она проснулась, не зная, где находится. Все тело ныло, голова гудела так, будто кто-то ударил ее железной гирей. Она лежала на боку, и кто-то лежал рядом с ней, перекинув через нее руку. Она присмотрелась и увидела белые шрамы. Тяжесть отпустила – это был Джейс.

Они находились в его спальне – Клэри узнала ее по идеальному порядку. Джейс спал одетым, даже кроссовки не снял. И он был все еще перепачкан серебристым веществом из клуба.

Клэри выбралась из-под руки Джейса и села. Он зашевелился, но не проснулся. Лицо его казалось усталым, и было в нем что-то такое, что напоминало ее Джейса. Детская беззащитность?

Она вспомнила ночной клуб, руки, трогаящие ее в темноте ниши, кровь и мертвые тела. Нет, это не Джейс.

Ее затошнило, и она едва успела добежать до ванной. Покоя не давало тревожное чувство – будто чего-то не хватало.

Чего-то важного.

– Клэри, – услышала она и вернулась в спальню.

Джейс смотрел на нее сквозь ресницы.

– Почему ты не спишь? – спросил он.

Она села на край кровати и затеребила одеяло.

– Прошлой ночью, – сказала она дрожащим голосом. – Тела... Кровь...

– *Что?*

– *Я все это видела.*

– А я нет. – Он потряс головой и добавил: – Это все наркотики фей.

– Но все было таким реальным...

– Прости. – Он закрыл глаза. – Я хотел повеселиться. Эта штука обычно вызывает радостные грезы. Я думал, мы повеселимся вместе.

– Я видела кровь, – сказала она. – И мертвецов...

– Клэри, это все было ненастоящим.

– Даже то, что произошло между нами?.. – Клэри осеклась, увидев, что Джейс уже погрузился в сон.

Она снова прошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Ужас какой... Вся перепачкана серебристым порошком, одна из бретелек лопнула. Под глазами чернела тушь...

Чувствуя себя больной, она сняла платье и нижнее белье, бросила их в корзину и встала под горячую струю воды. Серебристая дурь въелась намертво, не желая отмываться. Никакое мыло не способно было избавить и от сладковатого запаха, похожего на запах, исходящий от ваз с полусгнившими цветами.

Убедившись, что чище она не станет, Клэри вылезла из душа, вытерлась и пошла одеваться.

Она с облегчением натянула джинсы, уютный хлопчатобумажный свитер и сапоги. Когда она надевала второй сапог, к ней вернулось гнетущее чувство, что что-то не так. Она замерла.

Кольцо... Золотое кольцо, с помощью которого она говорила с Саймоном.

Оно пропало.

Клэри принялась суматошно искать его – перерыла корзину с грязным бельем, на четвереньках проползала ковер, заглянула во все ящички прикроватной тумбочки. Сердце колотилось в груди, ее мутило.

Кольцо пропало... Где-то потерялось... Она попыталась вспомнить, когда видела его в последний раз. Оно точно было на пальце, когда она отбивалась от демонов. Но, может быть, оно спало потом? В антикварной лавке? В ночном клубе?

Она сжала кулаки, и ногти больно впились в ладонь. Сконцентрируйся, сказала она себе, сконцентрируйся...

Может быть, кольцо где-то в доме? Допустим, Джейс нес ее наверх и оно слетело с пальца. Как ни мал шанс, нужно проверить.

Клэри вышла в коридор, стараясь шагать бесшумно. Сначала она хотела направиться в сторону комнаты Себастьяна, но потом передумала. Вряд ли кольцо там, а Себастьяна лучше не будить.

Она стала спускаться по лестнице. Мысли беспорядочно метались. Что ей делать без связи с Саймоном? Она хотела рассказать ему о битве в антикварном магазине, об адаманте... Ей хотелось врезать в стену кулаком, но она заставила себя успокоиться. Себастьян и Джейс, кажется, доверяют ей, и она могла ненадолго ускользнуть от них на какой-нибудь шумной улочке, чтобы воспользоваться телефоном. Могла прошмыгнуть в интернет-кафе и послать письмо Саймону. Кольцо пропало, но это еще не конец. Нельзя сдаваться.

Клэри настолько погрузилась в свои мысли, что не сразу заметила Себастьяна. Он стоял в кухне спиной к ней. Клэри застыла, а потом на цыпочках прошла за холодильник. Нет причин для паники. Если Себастьян заметит ее, можно сказать, что она спустилась за стаканом воды.

Искушение понаблюдать за ним было слишком велико, и она осторожно выглянула из-за холодильника.

Себастьян все еще был на том же месте. После ночи в клубе он переоделся – теперь на нем были джинсы и рубашка. Он повернулся, рубашка задралась, и Клэри увидела ремень с оружием. В правой руке Себастьян держал стилус – на мгновение он сжал его, и ее сердце дрогнуло. Она узнала в Себастьяне черты матери и... себя самой.

Перед Себастьяном открылась дверь, он потянулся за шарфом, висевшим на стуле, и шагнул во тьму.

У Клэри была всего секунда, чтобы принять решение. Остаться и обыскать комнаты или проследить за Себастьяном? Ноги сами сделали выбор. Отскочив от стены, она метнулась в проем за мгновение до того, как он закрылся.

Комната, в которой лежал Люк, освещалась только светом фонарей, проникавшим сквозь жалюзи. Джослин могла бы включить свет, но так ей нравилось больше. Тьма скрывала его бледное лицо, мешки под глазами... В полумраке Люк снова был похож на мальчика, с которым она познакомилась в Идрисе еще до того, как сформировался Круг. Она вспомнила, каким он был: худощавый и голубоглазый, руки вечно двигались. Он был лучшим другом Валентина, и из-за этого с ним никто не хотел иметь дела. Сама она не обращала на него внимания, иначе бы заметила, что он был к ней неравнодушен.

Потом она вспомнила тот день, когда выходила замуж за Валентина. Сквозь хрустальную крышу Зала соглашений светило яркое солнце. Ей было девятнадцать, а Валентину – двадцать, и она помнила, как недовольны были ее родители: ну кто выходит замуж в таком юном возрасте? Сама она была уверена, что Валентин – ее единственный.

Люк был шафером. Как же он смотрел на нее, когда она шла к алтарю... Ей тогда показалось, что ему нездоровится, хотя ему было больно совсем по другой причине. А еще раньше, на площади Ангела, когда она ждала Валентина, кто-то пошутил, что, если жених не явится, невесте придется выйти за шафера. На Люке был фрак с золотыми рунами Удачи, и выглядел он очень привлекательно. Люк побледнел, а она засмеялась и сказала, что ему не

придется на ней жениться.

А потом подошла Аматис, притаив с собой смеющегося Стивена, и она совсем забыла о Люке, о том, как он смотрел на нее... и как странно Валентин смотрел на него.

Джослин вздрогнула. Глаза Люка впервые за много дней были открыты.

– Люк, – *выдохнула она.*

У него был озадаченный вид.

– Как долго... я проспал?

Ей хотелось обнять его, но бинты на груди Люка останавливали ее. Вместо этого она взяла его руку и поднесла к щеке. К глазам подступили слезы.

– Трое суток.

– Джослин, – встревоженно произнес Люк, – почему мы здесь? Где Клэри? Я ничего не помню.

Стараясь говорить как можно спокойнее, она рассказала ему о том, что случилось: о Себастьяне и Джейсе, о демоническом металле, засевшем в нем, и о помощи «Претор Люпуса».

– Клэри, – сказал он, как только она замолчала. – Мы должны пойти за ней.

Он попытался сесть, но не смог. Даже при слабом свете Джослин заметила гримасу боли.

– Это невозможно, Люк. Ложись, пожалуйста. Тебе не кажется, что, если бы я могла отправиться за ней, я бы так и сделала?

– Но... это же опасно, и я...

– Опасно? Она моя дочь. – Джослин погладила его по щеке. – Саймон каждую ночь со мной связывается. У нее все хорошо. Правда.

– Джослин, я не могу просто так здесь лежать.

– Еще как можешь, – сказала она, поднимаясь. – И ты будешь лежать, даже если мне придется сесть на тебя. Пойми, Люциан, я боюсь за Клэри, но и за тебя тоже. Если с тобой что-то случится...

По белым бинтам на его груди расплылось красное пятно – рана раскрылась.

– Я...

– Что?

– Я все еще не привык к тому, что ты меня любишь, – сказал он с неожиданной робостью.

Джослин недолго смотрела на него, а потом сказала:

– Люк... Пожалуйста, выздоравливай.

Люк тяжело дышал. Джослин дрожащими руками налила ему воды. Он взял стакан и, не отрывая от нее голубых глаз, сделал несколько глотков.

– Знаешь, о чем я думала? Ну, до того, как ты проснулся? – спросила она.

– ?

– Я вспоминала тот день, когда выходила замуж за Валентина.

Люк опустил стакан:

– Это был худший день в моей жизни.

– Хуже того, когда тебя укусили? – спросила она.

– Х у ж е.

– А я не знала... Не знала о твоих чувствах. И теперь жалею об этом. Все могло сложиться иначе.

Он удивленно посмотрел на нее:

– В каком смысле?

– Я бы не вышла замуж за Валентина, если бы знала.

– Вышла бы...

– Нет! Я была слишком глупа, чтобы понять, что ты чувствуешь. И что чувствую я. Я всегда

любила тебя. Даже когда сама этого не сознавала. — Она наклонилась к нему и нежно поцеловала, стараясь не задевать рану, а потом прижалась к нему щекой. — Обещай мне, Люк, что больше не будешь рисковать собой. Обещай.

Он дотронулся рукой до ее волос:

— Обещаю.

— Я бы хотела вернуться назад во времени. Все исправить. Выйти замуж за тебя.

— Тогда у нас не было бы Клэри, — напомнил он.

Ей понравилось, как уверенно Люк сказал «нас». Так, словно ни на секунду не сомневался, что Клэри — его дочь.

— Ах, если бы ты был рядом, когда она росла, — вздохнула Джослин. — Мне кажется, я все делала неправильно. Я так старалась защитить ее... И теперь она бросается сломя голову навстречу опасностям, ни о чем не думая. Мы в молодости видели, как наши друзья умирают на поле боя. И я бы не хотела, чтобы она пережила нечто подобное. Но... иногда мне кажется, что она возомнила себя бессмертной.

— Джослин, — мягко произнес Люк. — Ты воспитала ее хорошей девушкой. Клэри понимает разницу между добром и злом и стремится быть хорошей. Ты и сама была такой. Нельзя воспитать ребенка, внушив ему веру в то, во что не веришь сам. Не думаю, что она возомнила себя бессмертной. Скорее всего, она, как и ты, считает, что есть вещи, за которые стоит умереть.

Клэри кралась за Себастьяном по лабиринту узких улочек, держась в тени зданий.

Это уже не Прага — она поняла это сразу. Дороги были темными, небо — бледно-голубым. Вывески всех магазинов, мимо которых они проходили, были на французском. И таблички с названиями улиц — тоже: *Rue de la Seine*, *Rue Jacob*, *Rue de L'abbaye*.

Пешеходов было мало, как и машин. Разило речной водой и мусором. Вскоре из тумана выплыл указатель. Стрелки показывали дорогу к Бастилии, Латинскому кварталу и Нотр-Даму.

Париж, подумала Клэри, и едва успела спрятаться за припаркованной машиной, когда Себастьян стал переходить улицу. Как нелепо! Она всегда хотела побывать в Париже с тем, кто хорошо знает город. Погулять по его улицам и бульварам, увидеть Сену, нарисовать здания. Но такого она даже представить не могла — что будет красться за Себастьяном по бульвару Сен-Жермен, а потом идти по грязным улицам, где еще надо было исхитриться, чтобы случайно не наступить на банку из-под пива.

Себастьян остановился перед железными воротами, и Клэри застыла, слившись со стеной. Пока он набирал код, она следила за движениями его пальцев. Раздался щелчок, дверь открылась, и Себастьян проскользнул внутрь. Она подождала немного, потом ввела тот же код — X235 — и спустя секунду уже стояла в квадратном дворе, окруженном с трех сторон невзрачными зданиями. В какое из них вошел Себастьян?

Небо светлело с каждой минутой, и Клэри понимала, что ее могут заметить. По затылку побежали мурашки, и она нырнула в ближний подъезд.

Здесь были две лестницы: одна вела вверх, другая вниз. На площадке первого этажа висело дешевое зеркало, и Клэри испугалась собственного бледного лица. Разило гниющим мусором, и ее осенило: это смердят демоны. А раз демоны... значит, надо идти вниз.

Она сжала кулаки. Ей безумно не хватало оружия. Чем ниже она спускалась, тем больше сгущалась темнота; запах усилился, и ей нестерпимо хотелось взять в руки стилус и начертить руны Ночного видения. Но стилуса не было. Вляпавшись во что-то липкое, Клэри схватилась за перила, стараясь дышать ртом. Теперь она шла вслепую. Улицы Парижа, обычный мир — все это осталось далеко позади.

Вдруг в нескольких метрах от нее вспыхнул огонек — маленькая точка размером со

спичечную головку. Клэри пригнулась. Огонек рос. Теперь она смогла разглядеть ступени. Осталось преодолеть последние три. Спустившись с последней, она огляделась.

Здесь больше ничего не напоминало обычный дом. Деревянные ступени незаметно сменились каменными, и теперь Клэри стояла в маленькой комнате, освещенной зеленоватым светом факелов. На гладком каменном полу было высечено множество странных символов. На всякий случай огибая их, она прошла к арке на противоположной стороне, на вершине которой, меж скрещенными топорами, покоился человеческий череп.

Слышались чьи-то голоса, но она не могла разобрать слов. Ей казалось, что пустые глазницы черепа смотрят на нее с насмешкой. Клэри задумалась, где находится – по-прежнему ли над ее головой Париж или она шагнула в другой, темный мир? Она подумала о Джейсе, которого оставила спать, и напомнила себе, что все это делает ради него. Чтобы вернуть настоящего Джейса.

Шагнув через арку в коридор, она инстинктивно прижалась к стене; голоса звучали все громче. В коридоре было темно, но он все же освещался: на расстоянии метра друг от друга горели зеленоватые факелы, распространяя едкий запах гари.

В стене слева от нее была дверь.

– ...не таков, как его отец, – услышала она голос, шершавый, как наждачная бумага. – Валентин поработил бы нас. А его сын обещает подарить нам весь мир.

Клэри с опаской выглянула из-за косяка.

В комнате находились демоны. На сей раз они были похожи на ящериц с жесткой зеленовато-коричневой кожей, у каждого – по шесть осьминожьих щупалец; головы шарообразные, с фасеточными черными глазами.

Клэри вспомнила о Рейвенере, одном из первых демонов, что ей довелось увидеть. От отвращения у нее скрутило живот.

– ...если ты, конечно, ему доверяешь.

Трудно было понять, кто из них говорит. Щупальца сжимались и разжимались, шарообразные тела вибрировали.

– Великая Мать доверяла ему. Он – ее дитя.

Себастьян. Они говорят о Себастьяне...

– Но кроме того, он нефилим, а нефилимы – наши враги.

– Он одной крови с Лилит.

– Но в его спутнике течет кровь врагов. Он – ангельское отродье.

Эти слова обожгли Клэри пощечиной.

– Дитя Лилит уверяет, что держит спутника под контролем. Он и в самом деле кажется послушным.

Раздался сухой смешок, похожий на стрекот насекомого.

– Вы слишком волнуетесь, господа. Нефилимы долго мешали нам завоевать мир. Богатства этого мира велики. Мы высосем из него все соки, оставив лишь пепел. А этот ангелочек умрет последним. Мы сожжем его на костре, и от него останутся лишь золотые косточки.

Клэри охватила ярость. Она охнула, и демон, стоявший ближе других к двери, насторожился. Девушка на мгновение застыла, а потом развернулась и побежала назад к выходу. Она слышала, как демоны закричали, а потом устремились за ней. Она оглянулась через плечо и поняла, что дела ее плохи. Добежав до арки, Клэри подпрыгнула и обеими руками уцепилась за каменный выступ. Раскачавшись, она ударила ногами вырвавшегося вперед демона и отбросила его. Демон завопил. Клэри ухватила за ручку одного из топоров под черепом и с силой дернула.

Топор не сдвинулся с места.

Она закрыла глаза и рванула изо всех сил.

Топор со скрежетом отошел от стены, осыпав ее дождем из каменной крошки.

Потеряв равновесие, Клэри упала, но тут же вскочила, вытянув перед собой топор. То, что произошло в антикварной лавке, повторялось. Все ее ощущения обострились, и она приготовилась к бою. Демон, находившийся ближе других к ней, принял боевую стойку, как тарантул, рассекая лапами воздух. Под щупальцами на его отвратительной морде проступила пара длинных клыков, с которых капала зловонная жижа.

Топор в ее руке рассек воздух и вонзился в грудь чудовища. Она тут же вспомнила, что Джейс советовал ей не бить демонов в грудь, а отрубать головы, так как не у всех тварей имелись сердца. Но на этот раз ей повезло. Она ударила демона в сердце или какой-то другой важный орган. Над раной вздулись кровавые пузыри. Чудовище билось в агонии и визжало, а потом исчезло. Клэри отшатнулась – черная кровь смердела мазутом.

К ней кинулся еще один демон, она пригнулась, взмахнула топором и отрубила ему несколько ног. Взвыв, демон повалился набок, как сломанный стул. Она замахнулась снова, и лезвие топора погрузилось в морду третьей твари. Взметнулись брызги крови, и Клэри прижалась к стене. Если кому-то из демонов удастся подобраться со спины, ей не выжить.

Обезумевший демон с рассеченной мордой предпринял новую атаку; она взмахнула топором и перерубила одно из щупалец, но другое крепко обхватило ее запястье.

Руку пронзила жгучая боль. Клэри попыталась вырваться, но демон вцепился мертвой хваткой. Ей казалось, будто в нее вонзились тысячи раскаленных игл. Она закричала, сжала левую руку в кулак и ударила тварь в кровоточащую рану. Демон зашипел и ослабил хватку, но потом снова навис над ней.

И тут из ниоткуда возник сверкающий клинок; пролетев как молния, он вонзился в череп твари. Демон исчез, и Клэри увидела брата. Его белая рубашка была заляпана черной кровью.

Себастьян... Она не могла поверить. Неужели он и в самом деле только что спас ей жизнь?

– Не трогай меня, Себастьян, – оцетинилась она.

Но он как будто не слышал ее:

– Твоя рука...

Клэри посмотрела на свое правое запястье. На коже проступило кольцо круглых синеватых отметин – чудовище успело присосаться щупальцами. Она перевела глаза на брата. Во мраке его белые волосы казались нимбом. Хотя, возможно, у нее просто помутнело в глазах. Он что-то говорил, но его слова были неразборчивыми, доносились как сквозь толщу воды.

– ...смертоносный яд... каким местом ты думала, Кларисса?..

Его голос то утихал, то становился громче. Она пыталась сконцентрироваться.

– ...отбиться от шестерых демонов игрушечным топором...

– Яд, – прошептала она, и лицо Себастьяна обрело четкость, она увидела его глаза, пугающе большие. – Значит, ты все-таки не успел спасти...

Руку свело судорогой, топор выпал и с лязгом упал на пол. Клэри осела, желая только одного – поскорее прилечь на пол. Но Себастьян подхватил ее и понес к лестнице. Ей хотелось вырваться, но сил уже не осталось. Она ощутила колющую боль на изгибе руки – прикосновение стилуса.

Тело оцепенело. Последнее, что она увидела, прежде чем закрыть глаза, – череп на арке. Она готова была поклясться, что он расплылся в ухмылке.

15. Магдалина

Вихри боли и тошноты то скручивали ее, то отступали вновь. Клэри не видела ничего, кроме цветных пятен, но знала, что брат несет ее на руках. Звук каждого его шага ледорубом вонзался в голову. Она жалась к нему, находя утешение в сильных руках, хотя сознавала, что это неправильно. Хватая ртом воздух, она слышала, как брат зовет ее по имени.

Потом голос замолк. На мгновение она подумала, что все закончилось: она погибла, пала в битве с демонами, как и большинство Сумеречных охотников. Потом что-то кольнуло ее в руку, и по жилам разошелся лед. Она зажмурилась от боли, но то, что проделал Себастьян, подействовало на нее, как стакан холодной воды, выплеснутый в лицо. Мир перестал кружиться. Вихри тошноты и боли рассеялись рябью в потоке ее крови. Она снова могла дышать.

Клэри открыла глаза.

Голубое небо.

Она лежала на спине, глядя на бездонное голубое небо с ватными клочками облаков. Она осмотрела руки. Правое запястье все еще окружал браслет из ран, но теперь уже не синих, а розоватых. На левой руке бледнело Иратце, на изгибе руки – руна Менделин, унимавшая боль.

Она втянула в себя воздух. Пахнет палой листвой... Она видела верхушки деревьев, слышала, как шуршат колеса машин, и...

Себастьян. Она слышала тихий смешок и поняла, что лежит на коленях у своего брата. Он придерживал ее голову рукой.

Клэри попыталась встать. Себастьян снова засмеялся. Он сидел на парковой скамейке с витыми коваными подлокотниками. На коленях у него лежал шарф, который он подстелил ей под голову. Свободная рука вытянута вдоль спинки скамейки. Белая рубашка Себастьяна была расстегнута, под ней он носил простую серую футболку. На запястье блестел серебряный браслет. Черные глаза с интересом наблюдали за тем, как Клэри встала и пересела на другой конец скамейки.

– Хорошо, что ты такая маленькая, – сказал Себастьян. – Будь ты повыше, нести тебя было бы неудобно.

Она собрала волю в кулак, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Где мы?

– Jardin du Luxembourg, – ответил он. – Люксембургский сад. Очень милый парк. Мне хотелось отнести тебя туда, где можно прилечь. Ложиться посреди улицы – это странно.

– Я тебе скажу, каким словом это называется. Покушение на убийство!

– Вообще-то это три слова. Я же не собирался садиться в машину и давить тебя! – Он потер руки, словно хотел согреться. – Какое покушение, ведь я пытался спасти тебя.

Клэри посмотрела на свою руку. Раны почти исчезли. Если бы она не знала, где они были раньше, то наверняка и не заметила бы.

– Но почему ты...

– Что?

– Спас мне жизнь?

– Ты же моя сестра.

В свете утреннего солнца лицо его порозовело.

– Раньше тебе было плевать на то, что я твоя сестра.

– Разве?

Он окинул ее насмешливым взглядом. Она вспомнила, как Джейс вошел в ее дом, когда она чуть не умерла от яда после битвы с демоном. Он вылечил ее так же, как Себастьян теперь, и так

же носил ее на руках. Возможно, они с Себастьяном были гораздо больше похожи друг на друга, чем ей казалось. Даже до того, как их связало заклятие.

– Наш отец мертв, – сказал Себастьян, – мы с тобой последние. Последние из Моргенштернов. Ты и я.

– Ты знал, что я преследую тебя? – спросила она.

– Конечно.

– И ты позволил...

– Я хотел посмотреть, что ты будешь делать. И признаюсь, не думал, что ты пойдешь за мной до конца. Ты смелее, чем кажешься. – Он обмотал шарф вокруг шеи. Парк уже наводнили туристы, родители с детишками и старики с трубками в зубах. – Ты никогда не выиграла бы этот бой.

– Может, и выиграла бы.

Он ухмыльнулся:

– Ну, не знаю.

Клэри обтерла обувь о мокрую от росы траву. Она не собиралась благодарить Себастьяна. Ни за что!

– Так ты в сговоре с демонами? – спросила она. – Я слышала, как они говорили о тебе. Я знаю, что ты делаешь...

– Нет, не знаешь. – Ухмылка с его лица исчезла. – Во-первых, договаривался я не с демонами, а с их стражами. Вот почему демоны находились в отдельной комнате, а меня там не было. Демоны Дахаки не особенно умны, зато они злобные, сильные и обидчивые. Та к что они даже не знали, что на самом деле происходит. Просто повторяли то, что слышали от своих хозяев, Старших демонов. С ними-то я и встречался.

– И это должно меня утешить?

Он наклонился к ней:

– Я не пытаюсь тебя утешить. Я хочу рассказать правду.

– Неудивительно, что ты выглядишь так, будто у тебя приступ аллергии, – сказала Клэри, хотя это и не соответствовало действительности. Себастьян был раздражающе спокойным, хотя напряженные скулы и выдавали, что он вовсе не был так безмятежен, каким хотел казаться. – Дахаки сказали, что ты собираешься отдать весь мир демонам...

– Я похож на того, кто пошел бы на это?

Она молча посмотрела на него.

– Кажется, мы с тобой говорили о шансе? – напомнил он. – Я не тот, кем был, когда мы встретились в Аликанте. – Взгляд его был ясен. – И кроме того, я один верил в Валентина. Он – мой отец. *Наш* отец. Трудно сомневаться в том, во что верил в детстве.

Клэри скрестила руки на груди; воздух был свежим, но почти по-зимнему морозным.

– Это правда.

– Валентин ошибался, – продолжил Себастьян. – Он был так одержим желанием доказать Конклаву и Совету собственную правоту и отомстить им, что больше ни о чем не мог думать. Он хотел, чтобы ангел восстал и сказал им, что он – их глава и что правда на его стороне.

– Все было не совсем так.

– Я знаю, как все было, Лилит рассказывала мне об этом. *Не думай*, что ангел обладал состраданием, Клэри. Ангелы холодны, как сосульки. Разиэль разозлился, потому что Валентин забыл о призвании Сумеречных охотников.

– Каком же?

– Убивать демонов. Это и есть наше призвание. Ты наверняка слышала, что в последние годы все больше демонов проникает в этот мир? И мы не знаем, как их остановить?

Она вспомнила, что ей сказал Джейс, когда они впервые побывали в Безмолвном городе, казалось, целую вечность назад. Возможно, есть способ помешать им, но никто еще не понял, как это сделать. Раньше демоны вторгались маленькими группками, и их легко было подавить. Но потом число демонов, прорвавшихся сквозь барьеры, возросло. Конклаву приходится отправлять к барьерам Сумеречных охотников, и часто они не возвращаются.

– Грядет великая война с демонами, и Конклав к ней, увы, не готов. В этом мой отец был прав. Они слишком закоснели и не слышат предупреждений. Я вовсе не желаю гибели нежити, как Валентин, но боюсь, что из-за слепоты Конклава мир, который защищают Сумеречные охотники, будет обречен, – сказал Себастьян.

– Ты хочешь, чтобы я поверила, что тебе не все равно, уцелеет ли мир?

– Ну, я все-таки живу в нем, – ответил Себастьян мягче, чем она ожидала. – Иногда в экстремальных ситуациях нужно действовать экстремально. Для того чтобы уничтожить врага, часто нужно его понять, даже вступить в переговоры. Если я смогу завоевать доверие Старших демонов, то я смогу заманить их туда, где можно будет уничтожить и их самих, и их сторонников. Это должно отпугнуть нечисть. Они поймут, что этот мир – не такая легкая добыча, как им кажется.

– И ты собираешься это сделать вдвоем с Джейсом? Ничего себе! Пойми меня правильно, но даже вы двое...

Себастьян встал:

– Тебе не кажется, что я все хорошо обдумал? – Он посмотрел на Клэри. Осенний ветер трепал белые волосы. – Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

Она замешкалась:

– Джейс...

– Еще спит. Поверь мне, я знаю... – Он протянул руку: – Пойдем, Клэри. Я не могу заставить тебя поверить, что у меня есть план, но хотя бы попробую это доказать.

Картинки посыпались на нее, как конфетти: лавка в Праге, ее золотое кольцо, падающее во тьму, Джейс, целующий ее в клубе, трупы в аквариумах, Себастьян с клинком серафимов...

Девушка протянула ему руку и встала.

После долгих споров Команда добра решила призвать Разиэля, но для этого надо было найти уединенное место.

– Мы не можем призвать высоченного ангела – все-таки двадцать метров – в Центральном парке, – сказал Магнус. – Его могут заметить люди.

– Двадцать метров? – присвистнула Изабель.

Она сидела в кресле, подвинув его к столу. Под глазами у нее были круги; как и все остальные, она устала. Команда не спала уже который час, листая книги Магнуса, такие старые, что страницы напоминали луковую шелуху. Изабель и Алек знали латынь и знали демонические языки. Алек понимал их лучше, чем Изабель, но до Магнуса ему было далеко. Майя и Джордан, догадываясь, что пользы от них здесь не будет, отправились проводить Люка. Саймон пытался помочь друзьям каким-нибудь другим способом – приносил кофе и еду, бумагу и карандаши, срисовывал символы, если просил Магнус, и даже покормил Председателя Мяо, который отблагодарил его, выблевав комок шерсти на пол кухни.

– Вообще-то, девятнадцать с половиной, но Разиэль любит преувеличивать, – ответил Магнус. От усталости он стал раздражительным. Волосы его торчали в разные стороны.

– Он ангел, Изабель. Ты что, никогда о нем не читала? – удивился Алек.

Изабель раздраженно щелкнула языком:

– Валентин призывал ангела в подвале. Не понимаю, зачем тебе столько места...

– Просто Валентин В СТО РАЗ КРУЧЕ меня, – огрызнулся Магнус, бросая перо. – Послушай...

– Не кричи на мою сестру, – тихо, но решительно произнес Алек.

Магнус с удивлением посмотрел на него.

Алек продолжил:

– Изабель, размер ангелов зависит от их могущества. Ангел, которого призывал Валентин, был ниже рангом, чем Разиэль. А если бы мы призвали архангела, например Гавриила или Михаила...

– Мне не под силу прочесть заклятие, способное удержать их хоть на секунду, – признался Магнус. – Мы вызываем Разиэля отчасти и потому, что надеемся, что, как создатель Сумеречных охотников, он проявит к вам особое сочувствие. Кроме того, он подходит по рангу. Менее могущественный ангел не смог бы помочь, а более могущественный... ну, если что-то пошло бы не так...

– Умер бы не я один, – завершил Саймон.

Магнус простонал, а Алек посмотрел на бумаги, разбросанные по столу.

– Не могу поверить, что мы и вправду рассуждаем о вызове ангела. Сколько себя помню, мы клялись именем ангела. И нам еще в детстве внушили, что ангелы дают силу. Но я даже и представить не могу, что увижу одного из них, – сказала Изабель.

Над столом повисла тишина. Глаза Магнуса помрачнели, и Саймон подумал, видел ли колдун когда-нибудь ангела. Ему захотелось спросить об этом, но его отвлек сигнал телефона.

– Секунду, – пробормотал он и вскочил на ноги.

Пришла эсэмэска от Майи:

«Хорошие новости! Люк очнулся и разговаривает. Кажется, он скоро поправится!»

Саймона накрыла волна облегчения. Наконец-то хорошие новости! Он потянулся к кольцу на руке.

«Клэри?»

Ничего.

Наверняка спит, успокоил он себя.

– От кого сообщение? – спросила Изабель.

– От Майи. Говорит, Люк очнулся и разговаривает. И он скоро поправится. – Все радостно загудели, но Саймон все еще смотрел на кольцо. – А что, это идея, – вдруг произнес он.

Изабель встала и подошла к нему. Ее лицо выражало тревогу. Саймон подумал, что ее можно понять – все его идеи в последнее время были в прямом смысле убийственными.

– Что за идея? – спросила девушка.

– Что нам нужно, чтобы призвать Разиэля? Как много места? – спросил Саймон.

Магнус замер над книгой.

– В миллю шириной, по меньшей мере. Не помешает близость воды. Озеро Лин, например...

– Ферма Люка! – кивнул Саймон. – В часе или двух езды отсюда. Там сейчас никого нет, и я знаю, как туда добраться. И там есть озеро. Не такое большое, как Лин, но...

Магнус закрыл книгу, лежавшую перед ним:

– Неплохая идея, Шеймус.

– В часе или двух езды отсюда? – Изабель посмотрела на часы. – Мы будем там в...

– Нет-нет, – затряс головой Магнус и оттолкнул от себя книгу. – Твой безграничный энтузиазм, девочка, впечатляет, но сейчас я слишком устал, чтобы как следует произнести заклятие, а я не хочу рисковать. Думаю, все со мной согласятся.

– Так значит, когда? – спросил Алек.

– Нам надо хоть пару часов поспать, – ответил Магнус. – Предлагаю отправиться ранним

вечером. Шерлок... то есть Саймон, позвони Джордану, спроси, не одолжит ли он нам свой грузовик. А сейчас... А сейчас я иду спать. Саймон, Изабель, устрои вайтесь в свободной комнате, если хотите.

– Лучше в разных комнатах, – пробормотал Алек.

Изабель вопрошающе взглянула на Саймона, но он уже полез в карман за телефоном.

– Иззи, – нежно сказал он. – Я вернусь в полдень, а сейчас у меня есть важное дело.

При свете дня Париж оказался городом с узкими кривыми улочками, выходившими на широкие авеню, застроенные золотистыми домами с крышами цвета сланца. Сверкающая река рассекала город надвое, словно шрам, полученный на дуэли. Себастьян, несмотря на обещание доказать Клэри, что у него есть план, шагал молча. Они вышли на улицу, где было полно художественных галерей и магазинов, торгующих старыми пыльными книгами, и чуть позже свернули на набережную Святого Августина.

С Сены дул пронизывающий ветер, и Клэри дрожала. Себастьян стянул с шеи шарф и протянул ей. Ворсистый твид все еще хранил его тепло.

– Не глупи, надень, – сказал он. – Ты замерзла.

Клэри обернула шарф вокруг шеи.

– Спасибо, – машинально поблагодарила она и поморщилась.

Ну вот... сказала «спасибо» Себастьяну. Она ждала, что сейчас ее поразит молния с небес. Но ничего не произошло.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Эй, с тобой все в порядке? У тебя такой вид, будто сейчас чихнешь.

– Все нормально.

От шарфа пахло цитрусовым одеколоном. Не то? Но она сама не знала, какого запаха ждала.

Себастьян замедлил шаг и теперь шел рядом с Клэри. Он объяснил, что районы Парижа пронумерованы, и сейчас они переходили из Шестого округа в Пятый, и что мост через реку вдали – это мост Сен-Мишель. На набережной было довольно много молодых людей, девушек возраста Клэри и чуть постарше, в обтягивающих джинсиках и на высоких каблуках. Некоторые из них с интересом посматривали на Себастьяна, но он этого, казалось, не замечал. Ее брат, она не могла отрицать родство, выглядел замечательно – льдисто-белые волосы, черные глаза. Когда она впервые увидела его, он показался ей симпатичным, притом что волосы Себастьяна были выкрашены в черный. Черный ему не шел, и сейчас он выглядел лучше. На фоне почти бесцветных волос кожа его казалась розовой, и это приковывало взгляд к высоким скулам и изящному овалу лица. Ресницы у Себастьяна были невероятно длинными, чуть темнее волос, и загибались вверх, как у Джослин. Эй, так нечестно! Почему у нее не было загибающихся ресниц? А у него – ни единой веснушки?

– Так, – вдруг сказала она, оборвав его на полуслове, – кто мы?

– Ты о чем?

– Ты говорил, что мы последние из рода Моргенштернов. Моргенштерн – немецкая фамилия. Выходит, мы немцы? И почему, кроме нас, никого не осталось?

– Ты ничего не знаешь о роде отца? – с недоверием в голосе спросил Себастьян. Он остановился у парапета, тянувшегося вдоль Сены. – Разве мама тебе ничего не рассказывала?

– Нет. Она не любит говорить о Валентине.

– У Сумеречных охотников обычно составные фамилии, – сказал Себастьян и сел на парапет. Клэри, хотя и с неохотой, села рядом. По зеленовато-серой реке сновали туристические катера, из которых доносились голоса гидов. – Фэйрчайлд, Лайтвуд, Уайтло... «Моргенштерн» – это «утренняя звезда». Фамилия немецкая, но наша семья была из Швейцарии.

– Была?

– Вот именно. Валентин был единственным ребенком, – сказал Себастьян. – Его отца, нашего деда, убила нежить, а наш двоюродный дядя погиб в сражении. У него не было детей. Это... – он дотронулся до волос Клэри, – от Фэйрчайлдов. Английская кровь. А я больше похож на швейцарцев. На Валентина.

– А ты что-нибудь знаешь о наших бабушках и дедушках? – спросила Клэри, не в силах побороть любопытство.

Себастьян прыгнул с парапета, подал ей руку, и она тоже прыгнула, случайно коснувшись его груди.

Проходившая мимо девушка бросила на нее ревнивый взгляд. Клэри хотелось крикнуть девушке вслед, что Себастьян – ее брат... и что она его ненавидит. Но она промолчала.

– По материнской линии – нет. Откуда мне знать? – Он криво ухмыльнулся. – Пойдем, я покажу тебе свое любимое местечко.

Клэри нахмурилась:

– Ты что-то там про план говорил.

– Всему свое время. – Себастьян зашагал вперед, и она поспешила за ним.

Самое главное – узнать, что он задумал. Поэтому не стоит нарываться.

– Валентин был очень похож на своего отца, нашего деда, – продолжил Себастьян. – Он верил в силу. В то, что мы – избранные воины Света. Что боль делает тебя сильным. Утрата – могущественным. Когда он умер...

– Валентин изменился, – сказала Клэри. – Люк мне рассказывал.

– Он любил своего отца и одновременно ненавидел его. Ты можешь это понять, потому что знаешь Джейса. Валентин воспитал нас так, как его отец воспитывал его самого. Мы всегда возвращаемся к тому, что уже пережили.

– Но Джейс... Валентин научил его не только воинскому искусству. Он обучил его языкам и игре на фортепиано...

– Это скорее заслуга Джослин. – Себастьян произнес имя матери неохотно, как будто ему было неприятно его звучание. – Она считала, что Валентин должен уметь поддержать беседу о литературе, музыке, искусстве. Не только об убийствах. И наш отец передал это Джейсу.

По левую руку от них выросли кованые ворота. Себастьян пригнулся и юркнул в них, жестом велел Клэри следовать за ним.

– А чему научился ты? – спросила она.

Себастьян поднял руки. Совсем как у матери, подумала Клэри: гибкие, с длинными пальцами, предназначенные для того, чтобы держать кисть или перо...

– Я научился владеть инструментами войны... и рисовать кровью. Я не такой, как Джейс.

Теперь они шли по узкой улочке, вымощенной булыжником; в свете солнца крыши домов поблескивали медно-зеленым. На улочке не было ни машин, ни мотоциклов. По левую руку от Клэри стояло кафе, деревянная вывеска которого, болтавшаяся на металлическом стержне, была единственным признаком того, что здесь хоть чем-то торгуют.

– Мне здесь нравится, – сказал Себастьян, проследив за ее взглядом. – Такое чувство, что попал в позапрошлый век. Ни машин, ни огней рекламы. Просто... покой.

Клэри во все глаза уставилась на него. Он врет, подумала она. Ее брат, пытавшийся спалить Аликанте дотла, не может стремиться к покою.

Затем она подумала о том месте, где вырос Себастьян. Сама она там не была, но Джейс описывал его. Маленький домик – коттедж – в долине близ Аликанте. Ночи там тихие, а небо – звездное. Скучает ли он по такой жизни? Что чувствует тот, в ком не осталось... души?

«Неужели ты можешь спокойно находиться там, где родился и жил *настоящий* Себастьян

Верлак до того, как ты убил его? Ходить по этим улицам, называясь его именем и зная, что тетя Верлака скорбит о нем? Это тебя не беспокоит?» – хотелось сказать ей.

Себастьян задумчиво смотрел на нее черными глазами. Она знала, что у него есть чувство юмора, и иногда он был почти так же язвительно остроумен, как Джейс. Но его лицо было серьезным.

– Пойдем, – сказал он, возвращая ее на грешную землю. – Здесь подают лучший горячий шоколад в Париже.

Клэри пришлось признать, что шоколад был превосходным. Его приготовили у них на глазах – в голубом керамическом горшочке, из сливок, какао и сахара. Они заказали круассаны и ели их, окуная в чашки.

– Если хочешь еще круассан, я тебе принесу, – сказал Себастьян. Клэри в это время рассматривала посетителей – все они были старше их. – А то этот ты за секунду умяла.

– Я проголодалась, – пожалала плечами девушка. – Послушай, давай о плане. Убеди меня.

Себастьян положил локти на стол и наклонился вперед. Она вспомнила, как вчера ночью заметила серебряное кольцо вокруг его зрачка.

– Я размышлял о том, что ты вчера сказала в клубе.

– В клубе у меня были галлюцинации. Я не помню, что тебе говорила.

– Ты спросила меня, чья я часть, – напомнил Себастьян.

Клэри застыла:

– Да?

– Да. И у меня нет ответа на этот вопрос.

Она повертела чашку. Ей вдруг стало очень неловко.

– Не бери в голову. Это просто фигура речи.

– Что ж, позволь тогда задать тебе вопрос. Ты могла бы простить меня? Я, по-твоему, заслуживаю прощения?

– Не знаю... То есть... религия придает прощению особый смысл, но я ничего не понимаю в этом... Просто я знаю людей, которые легко прощают, вот, пожалуй, и всё.

Она глубоко вздохнула. Себастьян смотрел на нее так пристально, как будто ждал от нее ответа немедленно.

– Еще я знаю, что прощение нужно заслужить, – продолжила Клэри, – измениться, раскаяться, искупить свою вину...

– Искупить свою вину, – эхом повторил Себастьян.

Клэри уткнулась в чашку. Искупить то, что совершил Себастьян, было невозможно.

– *Ave atque vale*, – сказал он.

Клэри узнала слова, которые Сумеречные охотники по традиции произносили над умершими.

– Почему ты это сказал? Я не умерла.

– Ты, наверное, не знаешь, что это из стихотворения, – грустно улыбнулся Себастьян. – Это Катулл^{[\[12\]](#)}. *Frater, ave atque vale*. «Брат мой, здравствуй и прощай!» Он говорит о прахе, о похоронных ритуалах, о скорби по своему брату. Я учил это стихотворение в детстве, но не понимал его – не понимал ни скорби, ни горечи потери, ни каково это – умереть, не имея друзей, которые могли бы плакать о тебе... – Он резко поднял на нее глаза: – Как ты думаешь... если бы Валентин воспитывал тебя вместе со мной? Ты бы меня любила?

Клэри обрадовалась, что чашка стоит на столе, иначе бы она ее сейчас уронила. Себастьян смотрел на нее без всякого стеснения, как на инопланетную форму жизни.

– Ну... – замялась она. – Ты мой брат. Я бы любила тебя. У меня... не было бы выбора.

Ей хотелось спросить: а он... а он любил бы ее?.. Как сестру? Но ей показалось, что

спрашивать не стоит.

– Так или иначе, Валентин не воспитывал меня. И к тому же это я убила его.

Клэри и сама не знала, зачем так сказала. Может быть, хотела проверить, как Себастьян отреагирует. Джейс однажды сказал, что Валентин – единственный, кто был дорог Себастьяну.

Но ее брат даже не изменился в лице.

– На самом деле его убил ангел. Из-за тебя, конечно, – он водил пальцем по столу, рисуя узоры. – Знаешь, когда я впервые встретил тебя в Идрисе, я надеялся... я думал, что ты такая же, как я. Но ты оказалась совсем не такой, и я возненавидел тебя. Потом, когда я вернулся и Джейс рассказал мне, что ты сделала, я понял, что ошибался. Ты похожа на меня.

– Ты так говорил вчера вечером, – ответила Клэри. – Но я не...

– Ты убила нашего отца. – Его голос теперь звучал совсем тихо. – И тебе все равно. Ты ни секунды об этом не пожалела, разве не так? Валентин избивал Джейса до крови, пока ему не исполнилось десять, но Джейс все равно тоскует по нему. Он скорбел по нему, хотя они и не кровные родственники. А тебе он отец, но ты убила его... и спала после этого спокойно.

Клэри уставилась на него с открытым ртом. Это нечестно! Валентин никогда не был ей отцом, не любил ее. Он – чудовище, которое должно было умереть. Она убила его потому, что у нее не было выбора.

Перед глазами невольно возник Валентин, вонзающий клинок в Джейса. Потом он оплакивал его.

– Я прав, да? – сказал Себастьян. – Скажи мне, что я ошибаюсь. Что ты не такая, как я.

В голове Клэри крутился водоворот, засасывающий в себя слова и мысли.

– Тебе казалось, что вы с Джейсом похожи, – наконец выдавила она. – И поэтому ты хотел, чтобы он был рядом.

– Мне нужен Джейс, – кивнул Себастьян. – Но в душе он не такой, как я. А ты – да. – Он встал и положил под чашку деньги. – Пойдем со мной.

Клэри механически завязала шарф. Выпитый шоколад кислотой жег желудок. Она вышла из кафе и прошла за Себастьяном в переулок, где он остановился, глядя на синее небо над головой.

– Я не такая, как Валентин, – сказала Клэри, остановившись рядом с ним. – Наша мама...

– Твоя мать ненавидела меня, – отрезал Себастьян. – И ненавидит до сих пор. Она пыталась убить меня. Ты сама это видела. Ты хочешь убедить меня, что пошла в мать. Допустим. Но Джослин Фэйрчайлд беспощадна. Всегда была такой. Она много лет притворялась, что любит отца ... и все для того, чтобы выведать о нем достаточно, а потом предать его. Она устроила Восстание и наблюдала за тем, как на ее глазах перебили всех друзей ее мужа. Она украла твои воспоминания. Ты уже простила ее? И ты правда веришь в то, что, сбегая из Идриса, она собиралась взять меня с собой? Она думала, что я умер, и наверняка испытала облегчение!

– Неправда! – воскликнула Клэри. – У нее была шкатулка с твоими детскими вещами. Каждый год в твой день рождения она рыдала над ней. Эту шкатулку я нашла у тебя в комнате.

Изящные губы Себастьяна скривились. Он отвернулся от нее и быстро зашагал по улице.

– Себастьян! – крикнула Клэри. – Себастьян, подожди.

Она не знала, почему ей хотелось, чтобы он остановился и подождал ее. По правде говоря, она не имела ни малейшего понятия, как ей вернуться, но дело было не только в этом.

Ей хотелось доказать, что она была совсем не такой, какой он ее представляет.

– Джонатан Кристофер Моргенштерн!

Он остановился и оглянулся на нее через плечо.

Клэри подошла к нему и заглянула в прищуренные черные глаза.

– Ты, наверное, и моего второго имени не знаешь, – сказала она.

– Адель, – ответил он, и ей стало неловко. – Кларисса Адель. Валентин не хотел, чтобы тебя

так звали. Он хотел назвать тебя Серафиной, в честь матери. Нашей бабушки.

Он снова зашагал, но на этот раз она шла рядом с ним.

– После того как убили нашего деда, бабушка умерла от сердечного приступа. От горя, как всегда говорил отец.

Клэри вспомнила Ааматис, которая так и не забыла свою первую любовь, Стивена; отца Стивена, который умер от горя; Инквизитора, посвятившего всю свою жизнь мести, и мать Джейса, перерезавшую себе вены, когда умер ее муж.

– До того как я узнал о нефилимах, я думал, что от горя умереть невозможно, – усмехнулся Себастьян. – Мы, нефилимы, ни к кому не привязываемся, как это свойственно Примитивным. Ну, иногда, конечно, бывает и такое, не все же одинаковые. Но связи между нами всегда прочные, нерушимые. Поэтому мы так плохо уживаемся с чужаками. С нежитью, людьми...

– Моя мама выходит замуж за оборотня, – заметила Клэри.

Они остановились у квадратного каменного здания с голубыми ставнями в дальнем конце переулка.

– Люк когда-то тоже был нефилимом, – сказал Себастьян. – И вспомни нашего отца. Твоя мать предала его, а он всю жизнь надеялся, что она к нему вернется. Этот шкаф с одеждой... – Он осекся.

– Но Валентин говорил Джейсу, что любовь – это слабость, что она разрушительна, – возразила Клэри.

– Разве ты не думала бы так же, если бы провела полжизни в погоне за женщиной, которую не можешь забыть, но знаешь, что она тебя ненавидит? Если бы ты знала, что тот, кого ты любишь больше всего на свете, готов вонзить тебе нож в спину? – Он приблизился к ней так, что ее волосы заколыхались от его дыхания. – Может быть, ты больше похожа на мать, чем на отца. Но что это меняет? Беспощадность у тебя в крови, а в сердце – лед, Кларисса. И не говори, что я не прав.

Себастьян отвернулся, прежде чем она успела ответить, и поднялся на крыльцо. На стене у двери был длинный ряд электрических звонков, под каждым из которых висела табличка с именем. Он нажал кнопку «Магдалина» и подождал. Наконец раздался скрипучий голос:

– *Qui est la?*

– *C'est le fi ls et la fi lle de Valentine*, – сказал он. – *Nous avons rendez-vous?*

Повисла тишина, потом раздался щелчок. Себастьян рывком открыл дверь и придержал ее, вежливо позволив Клэри пройти вперед. Лестница была гладкой и истертой, как борт корабля. Они молча поднялись на верхний этаж, а затем вошли в приоткрытую дверь – сначала Себастьян, за ним Клэри.

За дверью было просторное помещение с белыми стенами и занавесками. Из одного окна виднелась улица с ресторанчиками и бутиками. Мимо проносились машины, но их шум не проникал в квартиру. Пол был из полированного дерева, мебель выкрашена в белый, не считая обитых материей диванов с разноцветными подушками. В соседней комнате, куда они прошли, находилось что-то вроде мастерской. Свет из потолочного окна падал на длинный деревянный стол. У стен стояли мольберты, закрытые тряпками. С крюка на стене свисал заляпанный краской халат.

У стола стояла женщина, Клэри она показалась ровесницей Джослин, но точно определить ее возраст было трудно. На женщине был бесформенный черный балахон, скрывавший ее тело; видны были только белые руки, лицо и горло. На каждой из ее щек толстыми черными линиями была начертана руна, спускавшаяся от уголка глаза к уголку рта.

Клэри никогда раньше не видела таких рун, но понимала, что они значат: Сила, Сноровка, Мастерство. Густые темно-рыжие волосы женщины волнами спадали на талию, а глаза, когда

она подняла их, показались Клэри странными: тускло-оранжевые, цвета гаснущего пламени.

Женщина нараспев произнесла:

– *Tu dois etre Jonathan Morgenstern. Et elle, c'est ta soeur? Je pensais que...*

– Да, я Джонатан Моргенштерн, – кивнул Себастьян. – И это моя сестра, Кларисса.

Пожалуйста, разговаривай в ее присутствии по-английски. По-французски она не говорит.

– Английский я подзабыла, – не сразу сказала женщина. – Много лет не доводилось говорить.

– По-моему, твой английский неплох. Кларисса, это сестра Магдалины. Из Железных сестер.

– Но я думала, что Железные сестры никогда не покидают своей крепости... – удивилась

Клэри.

– Да, это так, – кивнул Себастьян. – Но если раскрыть участие кого-то из сестер в Восстании... Как ты думаешь, кто вооружал Круг? – Он перевел взгляд на Магдалину. – Железные сестры творцы, а не воины. Но Магдалины покинула крепость прежде, чем ее участие в Восстании было раскрыто.

– До того как твой брат связался со мной, я пятнадцать лет не видела нефилимов, – сказала Магдалины. Было трудно понять, на кого она смотрит, но она явно не была слепой. – Это правда? Материал у вас?

Себастьян сунул руку в мешочек, висевший на поясе, вынул из него минерал и положил на длинный стол. Солнечный луч, падавший через потолочное окно, подсветил его. У Клэри перехватило дух. Это был адамант из антикварной лавки.

Магдалины шумно вдохнула.

– Чистый адамант, – торжественно объявил Себастьян. – Нетронутый рунами.

Железная сестра обошла стол кругом и положила на минерал дрожащие, покрытые рунами руки.

– *Adamas pur*, – прошептала она. – Я уже много лет не прикасалась к священному материалу.

– Он твой, можешь работать с ним. Когда закончишь, получишь еще. Если ты, конечно, уверена, что сможешь создать то, чего я прошу.

Магдалины выпрямилась:

– Разве я не Железная сестра? Разве я не давала клятв? Разве руки мои не способны придать форму небесному материалу? Я смогу исполнить обещание, сын Валентина. Не сомневайся.

– Рад слышать, – вежливо произнес Себастьян. – Тогда я сегодня еще вернусь. Если я тебе понадобится, ты знаешь, как меня вызвать.

Магдалины кивнула. Все ее внимание было обращено к адаманту.

– Да. Можете идти.

Клэри замешкалась. Ей хотелось узнать у женщины, что именно попросил у нее Себастьян, узнать, почему она нарушила закон и стала работать на Валентина.

Словно чувствуя ее замешательство, Магдалины подняла глаза и улыбнулась.

– Вы... – сказала она, и Клэри подумала, что сейчас она спросит, почему они вместе, ведь дочь Джослин – Сумеречный охотник, а сын Валентина – преступник. Но сестра Магдалины лишь покачала головой.

– *Mon Dieu*, – сказала она. – Вы так похожи на своих родителей.

16. Братья и сестры

Когда Клэри и Себастьян вернулись в дом, гостиная была пуста, но в раковине на кухне стояла грязная посуда.

– А ты говорил, что Джейс спит, – укоризненно взглянула на Себастьяна Клэри.

– Тогда – спал, – пожал он плечами.

В голосе Себастьяна не было злобы – так, легкая усмешка. От Магдалины они шли молча. Но это молчание не было напряженным. Клэри погрузилась в себя, и только мысль о том, что рядом Себастьян, изредка возвращала ее к реальности.

– Я почти уверен, где он.

– В своей комнате?

Клэри метнулась к лестнице:

– Нет. Пойдем, я тебе покажу.

Они поднялись наверх. Клэри ошарашенно наблюдала за тем, как ее брат постучал по боковой поверхности шкафа в комнате Джонатан. Шкаф отошел в сторону, за ним оказалась лестница.

– Это не шутка? – удивилась Клэри. – *Потайная лестница?*

– *Не говори, что это самое странное, что ты увидела, начиная с утра.*

Себастьян легко побежал по ступеням, и Клэри едва поспевала за ним. Лестница привела их в просторный зал с полом из полированного дерева. На стенах висело всевозможное оружие, как в тренировочном зале Института, – кинжалы и чакрамы, мечи, булавы и кинжалы, арбалеты, кастеты, катаны и прочее.

На полу были начертаны круги. В самом центре, спиной к двери, стоял Джейс. Он был бос, в черном трико и с ножом в каждой руке. На голой спине Джейса виднелись шрамы, какие бывают у каждого Сумеречного охотника, да еще царапины от ногтей Клэри. Девушка сразу вспомнила спину брата, исполосованную кнутом. Она залилась краской и подумала: почему Валентин порол одного, но щадил другого?

– Джейс, – позвала она.

Он повернулся. От серебряного налета дури не осталось и следа, намокшие золотые волосы прилипли ко лбу и казались темными, как бронза.

– Где вы были? – Он настороженно взглянул на них.

Себастьян подошел к стене и начал перебирать оружие.

– Мне пришла в голову мысль, что Клэри хочет побывать в Париже.

– Мог бы оставить записку. Мы далеко не в безопасности, и я предпочел бы не беспокоиться о Клэри...

– Я преследовала его, – призналась девушка.

Джейс вскинул голову, и в его глазах она увидела тень того парня, что кричал на нее в Идрисе, когда она сорвала планы, связанные с ее защитой. Но *этот* Джейс был другим. Его руки не дрожали, когда он смотрел на нее.

– Чего-чего?

– Я преследовала Себастьяна, – повторила она. – Увидела, что он уходит, и решила пойти за ним.

Клэри засунула руки в карманы джинсов и посмотрела на Джейса с вызовом. Он смерил ее взглядом, и она почувствовала, как к лицу прихлынула кровь. На мышцах его живота блеснул пот. Вчера ночью он обнимал ее и... Ее захлестнул стыд. Хуже всего было то, что Джейс, похоже, не испытывал ничего подобного. Он казался раздраженным, и только...

– Кстати, – сказал он, – тебя это тоже касается. В следующий раз, когда решишь выйти из этого дома, оставь записку.

Она вскинула брови:

– Это сарказм?

Он подбросил в воздух один из ножей и ловко поймал его:

– Возможно.

– Мы с Клэри ходили к Магдалине, – подал голос Себастьян. Он снял со стены заточенную звездочку и разглядывал ее. – Мы принесли ей адамант.

Джейс снова подбросил в воздух нож, но на этот раз он вонзился острием в пол.

– Да-а?

– Да, – кивнул Себастьян. – И я рассказал Клэри о нашем плане. Клэри, – обернулся он к девушке, – если ты не поняла, мы собираемся заманить сюда Старших демонов, чтобы уничтожить их.

– Но ты не сказал, как именно вы собираетесь это сделать, – заметила Клэри.

– Я подумал, что об этом лучше рассказать в присутствии Джейса.

Он метнул звездочку в своего визави, и тот отбил ее молниеносным движением ножа.

– Ловко! – похвалил Себастьян.

– Ты мог его поранить! – возмутилась Клэри.

– Ты забыла? Все его раны – мои раны, – засмеялся Себастьян. – Просто я хотел продемонстрировать тебе, как доверяю ему. А ты должна доверять нам.

На всякий случай Клэри кивнула.

– Адамант, – продолжил Себастьян, – ну, тот минерал, который я принес Железной сестре. Ты знаешь, что из него делают?

– Конечно. Клинки серафимов. Стилусы... Еще из него построены башни Аликанте. ...

– И из него сделана Чаша смерти.

– Кубок смерти – из золота, – возразила Клэри. – Я его видела.

– Нет, из позолоченного адаманта. Эфес Меча смерти тоже из него. Говорят, даже райские чертоги из этого материала. Но работать с ним умеют только Железные сестры, и только они знают, где его достать в нужных количествах.

– И с какой целью ты передал адамант Магдалине?

– Чтобы она сделала вторую Чашу, – сказал Джейс.

– Вторую Чашу смерти? – Глаза Клэри расширились. – Но это невозможно! Был бы дубликат, Конклав не переполошился бы так сильно, когда пропала настоящая Чаша... и Валентин не стремился бы ее заполучить.

– Можно сделать просто чашу. Но когда ангел по собственной воле наполнит ее своей кровью, она становится Чашей смерти.

– И вы считаете, что Разиэль согласится наполнить Чашу своей кровью? Ну, желаю удачи! – скептически произнесла Клэри.

– Это всего лишь трюк, сестрица, – сказал Себастьян. – В мире лишь две силы – ангелы и демоны. Та к вот, мы полагаемся на помощь *демонического* Разиэля – могущественного демона, который согласится смешать свою кровь с нашей и создать новых Сумеречных охотников, таких, над которыми не будет распространяться власть Конклава и, соответственно, закона.

– Ты хочешь создать... отрицательных Сумеречных охотников?

– Что-то в этом роде, – кивнул Себастьян. – Джейс, помоги объяснить.

– Валентин был фанатиком, – начал Джейс. – Но он во многом ошибался. Он ошибался, когда думал, что Сумеречных охотников нужно истреблять. Ошибался насчет нежити. Но не насчет Конклава и Совета. Все власть имущие порочны. Законы, завещанные нам, –

бессмысленны и деспотичны, наказания – абсурдны. Закон суров, но это закон. Сколько раз ты это слышала, Клэри? Сколько раз нам приходилось скрывать что-то от Конклава? Вспомни, кто посадил меня в тюрьму? Инквизитор. А кто посадил в тюрьму Саймона? Тоже Конклав.

Сердце Клэри колотилось. Джейс был и прав и не прав одновременно. Как и Валентин. Когда-то ей не хотелось верить Валентину, а Джейсу хотелось верить, но что-то ее останавливало. Может быть, то, что это говорил *ненастоящий* Джейс.

– Ладно, – кивнула она. – Я понимаю, что Конклав погряз в пороке. Но не понимаю, какое это имеет отношение к сделкам с демонами.

– Призвание Сумеречных охотников – уничтожать демонов, – сказал Себастьян. – Но Конклав тратит силы на другие цели. Барьеры ослабли, и все больше демонов проникает на землю, но Конклав не реагирует на это. Мы заманим демонов на остров Врангеля, пообещав им Чашу. Но когда Чаша наполнится кровью, демоны погибнут. И когда мы с Джейсом убьем Старших демонов, Конклав поймет, что мы – сила, с которой стоит считаться.

Клэри уставилась на него:

– Убить Старших демонов не так-то легко.

– Сегодня я уже убил одного, – сказал Себастьян. – И именно поэтому демоны-телохранители нам не отомстят. Их хозяин мертв, кого им защищать?

– Ну и дела... – растерянно произнесла Клэри. – Вообще-то мне не нравится, что вы собрались рисковать собой. Но я рада, что вы мне об этом рассказали. Спасибо за доверие.

– Я тебе говорил! – сказал Джейс. – Говорил, что она поймет!

– А я и не спорил.

Себастьян пристально смотрел на Клэри. Она судорожно сглотнула.

– Я плохо спала прошлой ночью. Мне нужно отдохнуть...

– Жаль, – сказал Себастьян. – А я собирался спросить, не хочешь ли ты взобраться на Эйфелеву башню.

Глаза его были непроницаемыми, и Клэри не могла понять, шутит он или нет. В ее ладонь скользнула рука Джейса.

– Пойдем, – сказал он, – я и сам плохо спал. – Он кивнул Себастьяну: – Увидимся за ужином.

Себастьян пожал плечами.

Когда они подошли к лестнице, он позвал:

– Клэри!

Она повернулась:

– Что?

– Мой шарф.

– Ах да.

Клэри затеребила узел на шее. Себастьян хмыкнул, пересек комнату и подошел к ней. Она напряглась, когда он развязал шарф. Ей показалось, что его пальцы поглаживают ее шею...

Она вспомнила, как он поцеловал ее на холме у сгоревшего дома Фэйрчайлдов. Это заставило ее попятиться, и шарф упал.

– Спасибо, что одолжил его мне, – сдавленно сказала она и бросилась за Джейсом по лестнице.

Если бы она оглянулась, то увидела бы, что Себастьян провожает ее взглядом, держа шарф в руках.

Саймон стоял в Центральном парке среди опавших листьев и смотрел на дорожку; по человеческой привычке ему хотелось вздохнуть полной грудью.

Деревья окончательно сбросили свой наряд. Почти все ветви были голыми.

Он снова дотронулся до кольца на пальце.

«Клэри?»

Тишина.

Мышцы его напряглись. Слишком давно она не выходит на связь. Он снова и снова уверял себя, что Клэри, наверное, спит... но не может же она спать вечно. Кольцо казалось ему куском бесполезного металла.

Засунув руки в карманы, он пошел по дорожке мимо скамеек с надписями, взятыми из пьес Шекспира. Дорожка свернула вправо, и вдруг он увидел сестру. Она сидела на скамейке, отвернувшись от него, темные волосы заплетены в длинную косу.

Каждый шаг давался Саймону с трудом, будто к ногам прицепили свинцовые гири. Девушка слышала шаги, развернулась и побледнела. Он сел рядом.

– Саймон! А я уж думала, ты не придешь.

– Привет, Ребекка.

Он взял ее за руку, радуясь тому, что предусмотрительно надел перчатки: Бекки наверняка не могла почувствовать исходящий от его рук холод. Он не так уж и давно видел ее в последний раз – всего четыре месяца назад, – но за это время... все стало другим, теперь их разделяла пропасть, которую не перепрыгнуть. Бекки не изменилась – темные волосы, карие глаза той же формы, что и его собственные, россыпь веснушек на носу. Она была одета в джинсы, ярко-желтую курточку и зеленый шарф с желтыми цветочками. Клэри называла стиль Бекки «хиппи-шик», половину одежды его сестра покупала в секонд-хендах, а что-то шила сама.

Саймон сжал ее руку, и темные глаза Бекки наполнились слезами.

– Да, – сказала она и обняла его. Потом отстранилась, вытерла слезы и нахмурилась: – У тебя все лицо замерзло, холодное. Ты бы хоть шарф носил. И, Саймон, где ты вообще пропадал?

– Я же говорил, – сказал он. – Жил у друга.

– Это отмазка, Саймон, – усмехнулась она. – Что происходит?

– Бекки...

– Я звонила домой на День благодарения. Ну, уточнить, на какой поезд мне садиться, и все такое прочее. И знаешь, что сказала мама? Она сказала, чтобы я домой не возвращалась, что Дня благодарения не будет. Та к что я позвонила тебе. Но ты не ответил. Я звоню маме узнать, где ты, – она бросает трубку. Просто... бросает трубку. Короче, я вернулась домой, а там на двери висит вся эта жуть религиозная. Я сорвалась на маму, и она сказала, что ты умер. Вернее, так: мой родной брат умер, а его подменил монстр.

– И что ты?

– Смылась оттуда, конечно, – сказала Ребекка. Ей хотелось казаться сильной, но голос звучал испуганно. – Мама совсем с катушек съехала.

– Ох, – вздохнул Саймон.

Ребекка давно конфликтовала с матерью и всегда называла ее сбрендившей, но сегодня Саймону впервые показалось, что сестра говорит всерьез.

– Вот именно что ох, – воскликнула Ребекка. – Я сама распахивалась. Каждые пять минут тебе писала. Потом ты написал какую-то фигню про то, что ты у друга. Теперь назначил встречу здесь. Какого черта, Саймон? Как давно это началось?

– Что?

– А ты как думаешь? Мама! Она совсем с ума сошла. – Ребекка пощипывала шарф тонкими пальцами. – Нужно же что-то делать. Поговорить с кем-нибудь. С докторами. Заставить ее принимать лекарства. Но одна я не смогу. Только с тобой. Ты же мой брат.

– Нет, – опустил голову Саймон. – Я не могу ничем тебе помочь.

Ее голос смягчился:

– Понимаю, все это ужасно... и ты еще школьник, но мы должны вместе, Саймон.

– Бекки я не могу помочь тебе заставить ее принимать лекарства. И не могу отвести к врачу.

Потому что она права, я – чудовище.

Ребекка захлопала глазами:

– Она что, промыла тебе мозги?

– Нет...

Ее голос задрожал еще больше:

– Мама так говорила, что я подумала, она тебя растерзать готова. Но если бы она тебя хоть пальцем тронула, Саймон, я бы...

Саймон не мог больше выносить этого. Он снял перчатку и протянул сестре руку. Сестре, державшей его в детстве за ладошку, помогая окунуться в океан. Сестре, вытиравшей кровь с разбитых коленок после футбольных тренировок. Сестре, подбадривавшей его после смерти отца (мама тогда лежала в спальне и целыми днями смотрела в потолок). Сестре, которая однажды решила помочь маме и выстирала всю его одежду, после чего шерстяные свитера съежились до размеров кукольных... Последняя связующая с семьей ниточка, которую он должен перерезать.

– Потрогай мои руки, – сказал он.

Она потрогала и поморщилась:

– Холодные какие... Ты болел?

– Можно сказать и так.

Ему хотелось, чтобы она почувствовала – с ним что-то не так, но Бекки ответила ему доверчивым взглядом карих глаз. Она не виновата. Просто ничего не знает.

– Измерь мне пульс, – сказал он.

– Я не умею измерять пульс, Саймон. Я учусь на искусствоведа.

Он положил ее пальцы на свое запястье:

– Надави. Ты что-нибудь чувствуешь?

Она замерла на мгновение, на глаза упала челка.

– Нет. А должна?

– Бекки... – Саймон раздраженно отдернул руку. Выбора не было. – Посмотри на меня, – сказал он и выпустил клыки.

Бекки закричала.

Закричала и упала со скамейки.

Парочка вдалеке обернулась, но не остановилась. Это же Нью-Йорк.

Саймон ждал чего-то такого. Но теперь, когда Бекки сидела на земле, прикрыв рот рукой, и ее обычно веселые веснушки проступали на бледном лице чернильными пятнами, он чувствовал себя паршиво.

С мамой было так же. Однажды он сказал Клэри: нет ничего хуже, когда не доверяешь тому, кого любишь. Оказывается, он ошибался. Хуже, когда люди, которых ты любишь, боятся тебя.

– Ребекка... – Его голос дрогнул. – Бекки...

Ребекка сидела в грязи и мотала головой. В других обстоятельствах это выглядело бы забавно.

Саймон присел рядом с ней. Клыки уже втянулись на место, но это ничего не меняло. Он робко дотронулся до ее плеча:

– Бекки... Я бы никогда не причинил тебе вреда. И маме тоже. Я просто хотел увидеться с вами и сказать, что ухожу... что вы меня больше не увидите. Теперь вы будете праздновать День благодарения вдвоем. Я не буду пытаться поддерживать связь. Не буду...

– Саймон... – Она схватила его за руку и потянула к себе, а потом обняла так, как обнимала в день похорон отца, когда он плакал без остановки. – Саймон, я не хочу, чтобы ты исчезал навсегда.

Саймон растерянно сел в грязь, вот такого он точно не ожидал. Ребекка снова обняла его и погладила по голове, как маленького.

– Почему ты должен исчезнуть? – спросила она.

– Я вампир... – Он услышал свои собственные слова как будто со стороны.

– Значит, вампиры существуют?

– И оборотни. И... Ладно, не буду тебя пугать. Просто... так вышло. Это не мой выбор, но это не важно. На меня напали. Теперь я такой.

– Ты... – Ребекка замешкалась, и Саймон почувствовал, что она собирается задать ему самый важный вопрос. – Ты кусаешь людей?

Он подумал об Изабель, но поспешно отогнал эту мысль. Потом вспомнил о Морин.... Некоторых вещей его сестре знать не стоило.

– Я пью кровь из бутылки. Звериную. Людей я не трогаю.

– Ладно. – Она сделала глубокий вдох. – Это не страшно.

– Правда? Это правда не страшно?

– Да. Я люблю тебя, – сказала Бекки.

Он ощутил на руке что-то мокрое. Бекки плакала. Он задрожал. Не от холода, конечно.

Бекки сняла с себя шарф с цветочками и обмотала вокруг его шеи.

– С этим мы справимся, – сказала она. – Ты же мой младший братик, дурачок. Я всегда буду тебя любить.

Они сидели рядом, плечом к плечу. В спальне Джейса было светло, в окна струилось полуденное солнце. Когда они вошли, Джейс запер дверь и бросил ножи на прикроватный столик. Клэри хотела спросить, как он себя чувствует, но Джейс схватил ее за талию и притянул к себе.

Клэри была на каблуках, но ему все равно пришлось нагнуться, чтобы поцеловать ее. Она попыталась забыть обо всем, вдыхая его запах.

Он снял с нее свитер. Оставшись в маечке с короткими рукавами, она почувствовала, как горит его тело.

Его рука скользнула к верхней пуговице ее джинсов.

Клэри потребовалось собрать всю свою волю в кулак, чтобы остановить его.

– Не надо, Джейс, – сказала она.

Он отстранился. Взгляд его был тяжелым.

– Почему, Клэри?

Она зажмурилась:

– Прошлой ночью, если бы мы... если бы я не упала в обморок, то не представляю, что могло случиться. Мы были в зале, где полно людей. Ты правда хочешь, чтобы мы сделали это в первый раз в окружении толпы?

– Клэри, эта серебряная штука – наркотик фей, я же тебе говорил. Мы были под кайфом. Но теперь я в здравом уме, и ты тоже...

– Себастьян наверху, и я устала, и...

На самом деле это ужасная идея, о которой мы оба потом пожалеем.

– ...и я не хочу, – соврала она.

– Не хочешь? – недоверчиво переспросил он.

– Извини, наверное, тебе раньше так никто не говорил, но нет, Джейс, я не хочу. – Она

взглянула на его руку, которая все еще лежала на пуговице. – Не хочу сильнее, чем раньше.

Брови его удивленно приподнялись, но вместо того, чтобы что-то сказать, он просто отпустил ее.

– Джейс...

– Пойду приму холодный душ, – сказал он. Лицо его ничего не выражало.

Когда дверь ванной захлопнулась, Клэри села на аккуратно заправленную кровать и закрыла лицо руками. Не то чтобы они с Джейсом никогда не ссорились, но от холодного взгляда Джейса ей было не по себе. Осталось ли в нем что-то от настоящего Джейса? Хоть что-то, что еще можно спасти?

* * *

Вот вам Джунглей Закон – и Он незыблем, как небосвод.

Волк живет, покуда Его блюдет; Волк, нарушив Закон, умрет.

Как лиана сплетен, вьется Закон, в обе стороны вырастая:

Сила Стаи в том, что живет Волком, сила Волка – родная Стая^[13].

Джордан тупо уставился на стихотворение, висевшее на стене спальни. Это был старый плакат, купленный в букинистическом магазине.

Стихотворение Киплинга так точно описывало правила, по которым жили оборотни, что Джордан задумался, не был ли поэт жителем Нижнего мира.

Джордан никогда особенно не любил поэзию, но этот плакат он повесил на стену своей спальни.

Он уже битый час ходил кругами по квартире, то и дело вынимая из кармана телефон, чтобы проверить, не написала ли Майя. Ему жутко хотелось есть, но он не мог выйти за продуктами – вдруг в его отсутствие придет Майя? Он принял душ, убрался на кухне, включил телевизор и начал разбирать DVD-диски.

Джордан не находил себе места. Такое иногда случалось перед полнолунием. Но луна шла на убыль, и тревожило его вовсе не перевоплощение, а Майя. Почти два дня они провели вместе, а теперь он снова оказался один.

Майя пошла в полицейский участок без него, заявив, что чужаку лучше не тревожить стаю, даже когда Люк почти выздоровел. И к тому же она всего лишь хотела спросить Люка, можно ли Саймону и Магнусу завтра приехать на ферму. Джордан понимал, что она права, ему незачем идти с ней. Но как только она ушла, его охватило беспокойство. Может, она ушла потому, что он ей надоел? Передумала и решила, что была права, когда бросила его? Что у них вообще за отношения? Роман? Может, стоило спросить об этом, прежде чем спать с ней, умник? – сказал он себе, и понял, что снова стоит перед холодильником, в котором, кроме бутылки с кровью и помятого яблока, ничего не было.

В дверном замке повернулся ключ, и Джордан отпрыгнул от холодильника. Он был бос, в джинсах и старой футболке. Почему он не побрился, не воспользовался одеколоном, пока ее не было?

Майя вошла в гостиную и бросила ключи на кофейный столик. Она была в розовом свитере и джинсах. Щеки алели от мороза, губы были красными, глаза – яркими. Ему нестерпимо хотелось поцеловать ее.

Но вместо этого он лишь сглотнул.

– Как все прошло?

– Неплохо. Магнус может воспользоваться фермой. Я ему уже написала. Еще я рассказала Люку, что Рафаэль говорил о Морин. Надеюсь, это не страшно.

Джордан озадаченно посмотрел на нее:

– А с чего ты решила, что ему нужно это знать?

Она словно бы сдулась:

– Джордан, не говори мне, что это была тайна.

– Нет, мне просто интересно.

– Ну, если в Нижнем Манхэттене и правда орудует вампирша-отступница, стая должна об этом знать. Это их территория. Кроме того, я хотела посоветоваться – говорить об этом Саймону или нет?

– А мой совет тебе не нужен? – Он изобразил притворную обиду, но в глубине души был обижен всерьез. Они уже обсуждали, надо ли Джордану сказать своему подопечному, что Морин убивала людей, или не стоит. Джордан склонялся к тому, чтобы ничего не говорить – все равно Саймон ничего с этим поделать не сможет, – но Майя колебалась.

Майя села на стол и сказала:

– Мне нужен был совет взрослого человека.

Он подошел и провел руками по швам ее джинсов:

– Мне восемнадцать.... Для тебя я недостаточно взрослый?

Она в шутку пощупала его мускулы:

– Ну, ты определенно порос.

Джордан поставил ее на пол и поцеловал. Когда она поцеловала его в ответ, кровь в нем забурилась. Он запустил руки в ее волосы, сбросив вязаную шапочку, а она стащила с него футболку, мурлыкая, как кошка. Он почувствовал облегчение. Значит, между ними еще не все кончено.

– Джорди, – прошептала Майя. – Подожди.

Она почти никогда его так не называла, только по самым серьезным поводам. Сердце его заколотилось еще сильнее.

– Что случилось?

– Просто... Если каждый раз, когда мы будем видеться, все будет заканчиваться постелью... Я знаю, что сама начала, и совсем тебя не виню, но... может быть, нам стоит поговорить?

– Ладно, – сказал он, собрав волю в кулак. – О чем ты хочешь поговорить?

Майя посмотрела на него, а потом замотала головой:

– Ни о чем. Не обращай внимания.

Джейс вышел из ванной, вытирая полотенцем мокрые волосы. Клэри все еще сидела на кровати. Он натянул синюю хлопчатобумажную футболку и сел рядом с ней. От него сильно пахло мылом.

– Извини меня, – сказал он.

Она удивленно посмотрела на него. Его взгляд казался искренним.

– Холодный душ, наверное, был жесть, – сказала она.

Губы его скривились в ухмылке, но потом лицо стало серьезным. Он взял ее за подбородок:

– Зря я. Просто... всего десять недель назад даже подумать о том, чтобы просто обнять друг друга, нельзя было.

– Да, это так.

Все в нем казалось знакомым: бледно-золотые радужки глаз, шрам на щеке, пухлая нижняя губа, чуть сколотый зуб – из-за этого скола Джейс не казался раздражающе совершенным, – но

это был не ее Джейс.

– Я хочу быть с тобой, – сказал Джейс. – Всегда. Мне ничего не нужно, кроме тебя. И, кроме тебя, у меня никого нет.

Клэри сглотнула. В животе что-то заворочалось. Нет, не бабочки, о которых все говорят, а... тревога.

– Это не так, Джейс. Ты всегда дорожил своей семьей. И... я всегда думала, что ты гордишься тем, что ты нефилим. Один из ангелов.

– Горжусь? Чем гордиться? Наполовину ангел, наполовину человек, ни на секунду не забывающий о своей неполноценности. И ты не ангел. Разиэлю нет никакого дела до нас, нефилимов. Мы даже молиться ему не можем. Мы никому не молимся. Помнишь, я говорил тебе, что думал, будто во мне течет кровь демона? Я никогда не был ангелом, Клэри. Ну, – добавил он, – разве что падшим.

– Падшие ангелы – это демоны, – строго сказала она.

– Я не хочу быть нефилимом. Я хочу быть кем-то другим. Нет, не обыкновенным человеком. Я хочу быть... неподвластным ангельским законам. Ангелам на нас плевать. И я хочу быть свободным. – Он провел рукой по ее волосам. – Теперь я счастлив, Клэри. Разве это не главное?

– Я думала, мы были счастливы вместе...

– Я всегда был счастлив с тобой. И мне казалось, что я этого не заслуживаю.

– А теперь тебе так не кажется?

– Теперь – нет. Все, что я знаю, это то, что я люблю тебя. И впервые в жизни мне этого достаточно.

Клэри закрыла глаза. Он нежно прикоснулся к ее губам. Она ответила. Он задышал быстрее, и ее сердце затрепетало. Под кожей у нас течет одна кровь, подумала она. Та к говорила Королева фей. И даже безжалостный взор Разиэля не мог бы остановить ее. Но... но только с *настоящим* Джейсом.

Джейс отстранился.

– Клэри, я хочу того, чего хочешь ты, – сказал он. – Когда захочешь.

По ее спине прошла дрожь. Простые слова звучали соблазнительно: *то, чего хочешь ты, когда захочешь...*

Он пригладил рукой ее волосы. Она сглотнула. Сдерживаться было трудно.

– Почитай мне, – внезапно попросила она.

– Что? – В его глазах светилось непонимание.

Она посмотрела на книги на прикроватной тумбочке.

– Мне нужно многое обдумать, – сказала она. – То, что сказал Себастьян, то, что случилось прошлой ночью... Мне нужно поспать, но я слишком взвинчена. В детстве, когда я не могла уснуть, мама читала мне вслух, чтобы я успокоилась.

– Я напоминаю тебе маму? Нужно срочно поискать другой одеколон – побрутальнее.

– Нет, просто... просто я подумала, это было бы здорово.

Он потянулся к стопке книг:

– Есть какие-нибудь конкретные пожелания? – Сверху лежала «Повесть о двух городах». Старая, в кожаном переплете, с золотым тиснением на обложке. – Диккенс – это всегда интересно.

– Я уже читала. В школе, – улыбнулась Клэри. – Но уже ничего не помню, так что могу послушать еще раз.

– Отлично. Мне говорили, что я выразительно читаю.

Он открыл книгу. На титуле была какая-то надпись. Чернила уже выцвели, и прочесть ее было трудно, но Клэри смогла разобрать: *С надеждой, Уильям Эрондейл.*

– Кто-то из твоих предков, – сказала она и провела пальцем по бумаге.

– Да. Странно, что эта книга оказалась у Валентина. Наверное, перешла от моего отца.

Джейс наугад открыл книгу и начал читать:

«Он посидел так еще минуту, потом отнял руку от лица и заговорил спокойно:

„Не бойтесь выслушать меня. Не пугайтесь, что бы я ни сказал. Я все равно что умер, давно когда-то, в юности. Вся моя жизнь – это только то, что могло бы быть“.

„Нет, нет, мистер Картон! Я уверена, что лучшая часть жизни у вас еще впереди, я уверена, что вы можете стать гораздо, гораздо достойнее себя самого!“»^[14].

– А... я помню эту историю, – сказала Клэри. – У них любовный треугольник. Она выберет скучного парня.

Джейс тихо усмехнулся:

– Ну, это для тебя он скучный. Кто знает, от кого писались кипятком викторианские леди.

– Знаешь, а это правда.

– Что викторианские леди писались кипятком?

– Нет. Что ты здорово читаешь.

Клэри прижалась щекой к его плечу. Именно в такие моменты ей было еще больнее, чем когда он ее целовал. Если бы он был ее Джейсом!

– Выразительный голос и стальной пресс, – сказал Джейс и перевернул страницу. – Чего еще можно желать?

17. Прощание

*Вечерочком на закате по причалу я гулял,
Там девица молодая тосковала без огня,
Говорила-причитала: «Нету парня у меня.
Не найдется молодца ли, кто девицу б забавлял?»
Менестрель ее услышал и на помощь прибежал...*

– Нам обязательно слушать эти вопли? – возмутилась Изабель, топая каблучком по полу кабины.

– Эти «вопли» мне нравятся, девушка. Раз я за рулем, мне и музыку выбирать, – ответил Магнус.

Он и вправду сидел за рулем. Саймона удивило, что колдун умел водить машину, хотя ничего такого особенного в этом не было. Магнус жил на свете много веков, и ему явно не составило труда выделить недельку-другую на курсы вождения. Но интересно, какая дата рождения в его правах?

В кабине было тесно, все четверо жались на одном сиденье. Саймон не ожидал, что Изабель поедет. Он вообще думал, что они отправятся вдвоем с Магнусом, но Алек настоял на своем присутствии (к большому недовольству Магнуса, считавшего эту затею «слишком опасной»), а потом, когда Магнус уже завел двигатель, прибежала Изабель.

– Я поеду с вами, – заявила она, и никто не решился протестовать.

Изабель была одета в джинсы и фиолетовую замшевую куртку, которую наверняка утащила из шкафа Магнуса. Ее стройные бедра опоясывал ремень с оружием. Она прижалась к Саймону, выбившаяся прядь ее волос щекотала ему лицо.

– А это вообще кто? Феи какие-то? – спросил Алек, бросив хмурый взгляд на CD-плеер, который играл без всякого диска. Магнус просто прикоснулся к нему, и зазвучала эта хрень.

Магнус не ответил, и всем показалось, что он прибавил звук.

*Дева к зеркалу ступила, прибрала свои власы
И поправила одежды изумительной красы.
Долго шла по переулку и искала, где же он —
Добрый молодец прекрасный, и в нее чтоб был влюблен.
Все-то ноженьки стоптала, все-то слезы пролила:
Добры молодцы все – геи. Вот такие, брат, дела.*

Изабель хмыкнула:

– Добры молодцы все – геи. Ну, в этом грузовике уж точно. Кроме тебя, Саймон.

– Да, ты заметила? – засмеялся Саймон.

– Я считаю себя бисексуалом, – уточнил Магнус.

– Пожалуйста, никогда не говори этого при моих родителях, – попросил Алек. – Особенно при отце.

– Я думал, твои родители не против того, что ты... ну, гей, – удивился Саймон.

– Мама смирилась с этим, – ответил Алек. – А папа... папа – нет. Однажды он спросил меня, как я стал геем.

Изабель напряглась.

– А как ты стал геем? – спросила она. – Алек, ты мне этого не рассказывал.

– Надеюсь, ты сказал ему, что тебя укусил паукгей, – неловко пошутил Саймон.

Магнус хмыкнул, а Изабель смутилась.

– Я перечитал все комиксы у Магнуса, так что понимаю, о чем ты, – засмеялся Алек.

– Голубые пауки – большая редкость, – сказал Магнус и вскрикнул: Алек ущипнул его за ляжку. – Ладно, проехали.

– Ну, не хочешь говорить – и не надо. – Изабель явно была раздражена тем, что не поняла шутки. – Папа все равно из Идриса возвращаться не собирается.

Алек вздохнул:

– Прости, что разрушаю твой образ счастливой семьи, Из. Знаю, ты хочешь верить в то, что папа не против, что я гей, но это не так. И знаешь, я чувствую себя изгоем. Это проявляется в тысяче незаметных мелочей. Когда мы с Магнусом путешествовали и я звонил родителям, папа никогда не спрашивал, как у Магнуса дела. Когда я выступаю на заседаниях Совета, меня никто не слушает. Надеюсь, потому что я молод, но, боюсь, тут другая причина. Когда мама разговаривает с подругами о внуках, они замолкают, когда я вхожу. Ирина Картрайт прямо сказала мне: жаль, что твои голубые глаза никому не перейдут по наследству. Это, конечно, не ножевая рана. Скорее миллион маленьких порезов о бумагу каждый день.

– Алек, – начала Изабель, но тут впереди показался знак: деревянная табличка в форме стрелы со словами «Ферма „Три стрелы“».

Саймон вспомнил, как Люк стоял на коленях, старательно выводя буквы черной краской, а Клэри дорисовала цветочки внизу, теперь уже почти невидимые.

– Поверни налево, – сказал он, взмахнув рукой и чуть не ударив Алека. – Магнус, мы на месте.

Джейс успел прочитать несколько глав Диккенса, прежде чем Клэри уснула на его плече. Сквозь сон она чувствовала, как он отнес ее на руках в спальню на первом этаже. Потом она слышала, как он звал Себастьяна.

Ей снова приснились замерзшее озеро, город, похожий на Аликанте, но с башнями из человеческих костей и каналами, по которым текла кровь, и Саймон, звавший ее. Проснувшись она среди смятых простыней со спутанными волосами. За окном было темно. Сначала она подумала, что голоса за дверью ей тоже приснились, но они зазвучали громче, и она подняла голову, чтобы прислушаться.

– Эй, братишка, – это был голос Себастьяна, – все готово?

Повисла долгая тишина и наконец раздался голос Джейса:

– Да, все готово.

– А старуха... она сделала, что мы ее просили? Ну, чашу?

– Да.

– Покажи.

Шуршание. Тишина.

– Если хочешь, бери, – сказал Джейс.

– Нет, – задумчиво произнес Себастьян. – Подержи ее у себя немного. Это ведь ты ее добыл, так?

– Но это был твой план. – Что-то в голосе Джейса заставило Клэри встать и прижать ухо к стене. – Я все исполнил, как ты хотел. А теперь, если ты не против...

– Я против.

Снова раздалось шуршание.

– Что-то не так. Я это вижу. Ты же знаешь, я тебя понимаю, – сказал Себастьян.

– Я устал, и было много крови. Слушай, я хочу вымыться, выспаться и... – Джейс замолчал.

– ...и увидеть мою сестру, – договорил за него Себастьян.

– Да, и увидеть ее.

– Она спит.

– Я что, должен спросить у тебя разрешения?

Голос Джейса прозвучал резко; когда-то он так говорил с Валентином. Но с Себастьяном – ни разу, по крайней мере, здесь.

– С чего ты взял? Если хочешь вломиться и с тоской смотреть, как она спит, валяй. Мне этого не понять.

– Ты и не поймешь, – сказал Джейс. – Никогда.

Снова повисла тишина. Клэри не сразу поняла, что Джейс направился в ее комнату, и ей едва хватило времени, чтобы лечь в постель и закрыть глаза.

На секунду ее ослепил желтовато-белый свет. Потом дверь закрылась, и комната снова погрузилась во мрак. Джейс подошел к ее кровати и встал у изголовья.

– Клэри, – прошептал он. Она не пошевелилась, но напряглась. – Это я, Клэри, я.

Она открыла глаза:

– Джейс....

Он был в длинном шерстяном пальто, застегнутом на все пуговицы. Шарфа на нем не было, и Клэри увидела черные метки: Бесшумности, Ловкости и Точности.

Глаза у него были печальными, совсем такими, как у *ее* Джейса, Джейса, который не раз спасал ее, Джейса, который рассказывал ей о соколе, которого убил его отец, Джейса, которого она любила.

Ей показалось, что ее сердце остановилось. Она не могла даже вздохнуть.

– Пожалуйста, – прошептал он, – пожалуйста, верь мне.

Она верила ему. Они одной крови, и любили одинаково; это *ее* Джейс, такая же часть ее самой, как ее сердце. Но...

– Как? – вырвалось у нее.

– Тсс, Клэри...

Она попыталась сесть, но он легонько толкнул ее обратно на подушки:

– Сейчас не время для разговоров. Мне нужно идти.

Клэри схватила его за рукав:

– Не покидай меня.

Но Джейс взглядом заставил ее замолчать.

– Подожди немного после того, как я уйду, – прошептал он. – Потом постарайся незаметно пробраться в мою комнату. Себастьян не должен знать, что мы вместе... – Он умоляюще посмотрел на нее: – Не дай ему себя услышать, Клэри!

– Стилус. Оставь мне стилус, – прошептала она.

Во взгляде Джейса промелькнуло сомнение. Чуть погодя он сунул руку в карман, достал стилус и протянул ей. Она вздрогнула, а Джейс уже попятился к двери. До самого последнего момента он не отрывал взгляда от ее лица.

Клэри потрясенно сидела во мраке. *Джейс. Мой Джейс.* Это и вправду он?

Она крепко сжала стилус и окинула себя взглядом. На ней были шортики и топик, руки покрылись гусиной кожей, но вовсе не от холода. Она прикоснулась кончиком стилуса к предплечью и медленно провела по коже, рисуя спираль руны Бесшумности. Затем встала и приоткрыла дверь. Себастьян, скорее всего, ушел спать. Из телевизора тихо лилась фортепьянная музыка – что-то классическое, – Джейс любил такую.

Ноги сами несли ее по коридору, ведущему в кухню. Она пересекла ее, бесшумно поднялась

по стеклянной лестнице и бросилась по коридору в комнату Джейса. Толкнула дверь и вошла.

Колдовской огонь мерцал на прикроватной тумбочке. Света было достаточно, чтобы Клэри увидела Джейса, стоящего между окнами. Длинное черное пальто валялось на полу. Теперь Клэри поняла, почему он не снял его, когда вошел в дом: джинсы и рубашка были пропитаны кровью.

– Джейс, – тихо позвала Клэри, потом побежала к нему, но он жестом остановил ее.

– Не надо. – Его голос дрогнул.

Пальцы Джейса расстегивали пуговицы рубашки. Он снял ее и бросил в угол.

Клэри не верила своим глазам. Руна Лилит все еще была на месте, но теперь она не мерцала красно-серебристым светом, а выглядела так, будто кто-то выжег ее раскаленной кочергой.

– Ох! – выдохнула Клэри.

– Это ненадолго, – сказал Джейс. – В смысле, я – ненадолго я. Только до тех пор, пока рана не затянется.

– Я... я хотела, – запинаясь, произнесла Клэри. – Я хотела искромсать эту руну, пока ты спишь. Но побоялась, что Себастьян это почувствует.

– Он и почувствовал бы. Но это – след от *пугио*, кинжала, который окунули в кровь ангелов. Такие кинжалы редки, я раньше ни одного не видел. Коснувшись меня, клинок обратился в горячий пепел.

– Ты сражался. Это был демон? Почему Себастьян не пошел с...

– Клэри... – Джейс едва шептал. – Эта рана будет зарастать долго, но... не вечно. И тогда я снова стану *им*.

– Сколько у нас времени? До того как ты перестанешь быть собой?

– Я не знаю. Правда, не знаю. Но я хотел... Хотел побыть с тобой. – Он робко протянул руку, словно не был уверен, что она примет ее. – Ты могла бы...

Она обняла его и уткнулась ему в шею. Она вдыхала его запах, как воздух. От него пахло потом, кровью, пеплом и метками.

– Это ты, – прошептала она. – Это правда ты.

Джейс отстранился и посмотрел на нее. Потом нежно провел по ее щеке. Ей так не хватало его нежности...

– Я скучала по тебе, – сказала она.

Джейс закрыл глаза, как будто ее слова причинили ему боль. Он взял ее руку и поцеловал открытую ладонь, и она поняла, что лицо его было мокрым от слез.

– Ты не виноват, – прошептала она и, прижавшись к нему, почувствовала, как колотится его сердце. От безумия ночного клуба не осталось и следа.

Клэри потянулась к его губам, и он робко поцеловал ее. Потом поцелуи стали настойчивее. Джейс поднял ее на руки, донес до кровати и уложил среди разбросанных подушек. Ее руки гладили его плечи, спину, и она позволила снять с себя топик. Лаская Джейса, Клэри коснулась Метки Лилит на его груди. Она понимала, что назад дороги нет, но сама хотела этого. Если она когда-нибудь снова потеряет Джейса, то хотя бы запомнит прекрасные мгновения близости.

Она обхватила лодыжками его поясницу, и он застонал. Его пальцы больно вонзились в ее бедра.

– Клэри... Я не могу... Если мы не остановимся сейчас, будет поздно!

– Ты не хочешь? – удивилась она.

– Хочу. Просто я никогда...

– Ты никогда этим не занимался?

Джейс сделал глубокий вдох.

– Занимался... – Он виновато взглянул на нее, словно ждал осуждения, но Клэри никак не

выразила своих чувств. – Но это неважно. Я даже не знаю, как...

Клэри тихо рассмеялась:

– Сам только что признался, что знаешь.

– Я не это имел в виду. Я хочу тебя больше всего на свете. Но я... – Он сглотнул. – Клянусь ангелом, я себя за это возненавижу.

– Не говори, что пытаешься защитить меня, – нахмурилась она. – Потому что я...

– Не в этом дело. Это не самопожертвование. Я просто... ревную.

– Ревнуешь? К кому?

– К себе. – Он скривился. – Я не могу вынести мысли о том, что *он* с тобой. *Он*. Тот, другой я, которого контролирует Себастьян. – Она почувствовала, что его лицо горит. – В клубе... прошлой ночью.

Джейс обескураженно опустил голову. Клэри тоже залилась краской.

– Я помню все, что было прошлой ночью, – сказал он. – И это сводит меня с ума, потому что с тобой был и я и не я. Когда мы вместе, я хочу, чтобы ты была сама собой. И я – тоже.

– Разве сейчас не так?

– Да. – Он поднял голову и поцеловал ее в губы. – Но я могу в любую минуту стать им. Я не могу так поступить с тобой. С нами... Я вообще не знаю, как ты можешь находиться рядом с такой... мразью.

– Даже если ты через пять минут станешь им, – сказала она, – все равно здорово, что я хоть немного побыла с тобой. Знаешь, даже в другом Джейсе есть часть тебя. Я как будто смотрю на тебя сквозь мутное стекло, а где-то там есть настоящий ты. И потом... – Она вздохнула.

– Что – потом?

– Джейс, в первый месяц, когда мы были вместе, ты был так счастлив. И все, что мы делали вместе, казалось необыкновенным. А потом.... Ты больше не хотел быть со мной, не хотел смотреть на меня.

– Клэри, я просто боялся, что причиню тебе вред. Думал, что схожу с ума.

– Ты не улыбался, не шутил, и я тебя не виню. Лилит уже овладевала твоим разумом, контролировала тебя. Меняла тебя. Но ты должен помнить – хоть это и звучит глупо, – что раньше у меня не было парня. А что касается тебя, я думала, может, ты просто устал от меня.

– Клэри, я не мог...

– Я говорю, как есть. Когда ты под контролем Себастьяна, ты кажешься счастливым. Я пришла сюда, потому что хотела спасти тебя. Но потом я задумалась: а от чего я тебя спасаю? Надо ли возвращать тебя к той жизни, в которой ты был несчастлив?

– Несчастлив? С чего ты взяла? Мне повезло. Очень повезло. Потому что я люблю тебя. Я не думал, что можно быть настолько счастливым. И теперь я хочу вернуть свою жизнь. Тебя. Свою семью. Хочу вернуть всё.

Его глаза потемнели. Он прижался к ней губами и сразу отстранился, тяжело дыша:

– Мы не можем, Клэри...

– Тогда перестань меня целовать! А вообще... – Она выскользнула из его рук и схватила свой топик. – Я сейчас вернусь.

Клэри бросилась в ванную, закрыла за собой дверь, включила свет и посмотрелась в зеркало. Взгляд у нее был дикий, волосы спутались, губы распухли от поцелуев. Она быстро надела топик, сполоснула лицо холодной водой и завязала волосы в узел. Взяла полотенца – одно из них намочила, а другое намылила – и вернулась в спальню. Джейс сидел на краю кровати в джинсах и чистой расстегнутой рубашке, взъерошенные волосы освещала луна. Он был похож на статую ангела. Только ангелы обычно не залиты кровью.

– Эй, – громко скомандовала она. – Снимай ру башку.

Джейс удивленно поднял брови.

– Я на тебя не брошусь, не бойся, – засмеялась Клэри, – и не упаду в обморок при виде голого торса.

– Ты уверена? – спросил он, послушно стягивая рубашку. – Завидев мою голую грудь, женщины устраивают давку, и многие получили серьезные увечья.

– Ну, кроме меня, тут никого нет, а я просто хочу отмыть тебя от крови.

Она обнаружила, что раны на его теле неглубокие, Иратце уже почти залечило их. Джейс наблюдал за тем, как мокрое полотенце скользит по его груди и рукам.

– Клэри.

– Да?

– Я этого не вспомню... Когда я вернусь под его контроль, я не вспомню, что был собой. Я и не вспомню, о чем мы с тобой говорили. Скажи мне – у них все хорошо? У моих близких? Они знают...

– О том, что с тобой случилось? Не всё, и я не могу сказать, что у них все хорошо.

Он закрыл глаза.

– Я могла бы тебе соврать, но ты должен знать. Они тебя любят и хотят, чтобы ты вернулся.

– Но не таким, – сказал он.

Она дотронулась до его плеча:

– Так ты расскажешь мне, что случилось? Откуда у тебя эти шрамы?

Он вздохнул:

– Я кое-кого убил.

Ее словно обухом по голове ударили. Она выронила окровавленное полотенце и нагнулась, чтобы поднять его. Выпрямившись, она увидела, что Джейс смотрит на нее.

– Кого? – спросила она.

– Ты с ней знакома, – каждое слово казалось ей тяжелым, как гиря. – Ту женщину, к которой ты ходила с Себастьяном. Железную сестру. Магдалину.

Он отвернулся от нее и полез за кровать.

Спустя секунду Клэри увидела в его руках чашу – точную копию Чаши смерти, только не из золота, а из серебристо-белого адаманта.

– Себастьян послал меня – его – забрать это, – сказал Джейс. – И еще он отдал приказ убить ее. Она этого не ожидала – думала, что я просто расплачусь с ней. Что мы союзники. Я принял из ее рук чашу, а потом достал кинжал и...

Он вздрогнул, словно воспоминание причинило ему боль.

– Я ударил ее. Целился в сердце, но промахнулся. Магдалина отшатнулась, нащупала толченый адамант на столе и бросила его в меня. Кажется, она хотела меня ослепить. Я увернулся, а когда снова выпрямился, у нее в руке был кинжал, *пугио*. Свет обжег мне глаза. Она поднесла кинжал к моей груди, и меня полоснула боль – там, где Метка, – а потом клинок рассыпался. – Он опустил глаза и безрадостно усмехнулся: – Смешно, но если бы я был одет как Сумеречный охотник, ничего бы не произошло. Однако я решил, что нет повода для беспокойства. Я не думал, что она сможет причинить мне вред. Кинжал выжег Метку Лилит – и я вдруг очнулся, стоя над мертвой женщиной...

– Не понимаю... Почему Себастьян приказал убить ее? Она собиралась отдать чашу тебе. То есть Себастьяну. Она сказала...

Джейс вздохнул:

– Помнишь, что Себастьян говорил о часах в Праге?

– Да, он говорил, что король приказал выколоть глаза часовщику, чтобы тот больше не смог создать ничего подобного. Но я не понимаю, как это...

– Вот и Себастьян хотел убить Магдалину, чтобы она больше не могла создать ничего подобного. И чтобы она никому не рассказала.

– Не рассказала что? Джейс, что на самом деле задумал Себастьян? Он собирается призвать демонов, чтобы уничтожить их...

– Себастьян не врал насчет того, что хочет призвать демонов, – мрачно произнес Джейс. – Вернее, одну конкретную демонессу. Лилит.

– Но Лилит мертва. Саймон уничтожил ее...

– Старшие демоны не умирают на самом деле. Они обитают в пространстве между мирами, в пустоте, в Великой бездне. Саймон просто вернул Лилит в ничто, откуда она пришла. Но она восстановит прежнюю форму. Возродится. На это потребуется несколько веков, но Себастьян может помочь этой даме.

У Клэри похолодело внутри.

– Как именно?

– Снова призвав ее в этот мир. Он собирается использовать чашу, чтобы смешать свою кровь с ее и создать войско Темных нефилимов. Он хочет стать реинкарнацией Великого Джонатана, но на стороне демонов, а не ангелов.

– Армию Темных нефилимов? Вы двое, конечно, круты, но армией вас не назовешь.

– Есть примерно сорок или пятьдесят нефилимов, когда-то служивших Валентину или просто недовольных решениями Конклава. Он вел с ними переговоры, и они готовы к контакту с Себастьяном. Когда он призовет Лилит, они придут. – Джейс глубоко вздохнул. – Он хочет войны. Он уверен, что выиграет ее, и не исключено, что он прав. С каждым новым обращенным сила его будет расти. Учитывая, что он уже заключил союз со многими демонами, я не уверен, что Конклав готов ему противостоять.

Клэри прижала руки к груди:

– Себастьян не изменился. Твоя кровь не изменила его. Он остался таким же, каким был всегда. Но ты... Ты тоже врал мне.

– Это он врал тебе.

Мысли путались в ее голове.

– Я знаю. Знаю, что Джейс – это не ты.

– Он думает, что это ради твоего же блага. Но он соврал тебе. Я бы никогда этого не сделал.

– Этот кинжал... – задумчиво произнесла Клэри. – Если он ранил тебя, но Себастьян этого не почувствовал, выходит, Себастьяна можно убить, не причинив вреда тебе?

Джейс покачал головой:

– Нет, я так не думаю. Наши жизни сплетены вместе. Рана – это одно. Но если он умрет... – Неожиданно его голос зазвучал громче. – Клэри, ты знаешь самый легкий способ покончить с Себастьяном. Просто надо вонзить кинжал мне в сердце. И я удивлен, что ты еще не сделала этого.

– А ты бы смог? На моем месте? Есть другой выход. Давай откроем портал.

– Здесь портал не откроешь, – покачал головой Джейс. – Не сработает. Единственный способ войти в дом или выйти из него – через стену на кухне.

– А мы можем переместиться в Безмолвный город? Братья придумают, как отделить тебя от Себастьяна. Мы расскажем Конклаву о его планах, и они подготовятся...

– Да, это возможно. Но между нами не должно быть недомолвок, Клэри. Ты должна понимать, что меня убьют. Я расскажу им все, что знаю, и они убьют меня.

– Убьют тебя? Нет, они не...

– Клэри, – нежно сказал он. – Как Сумеречный охотник, я обязан пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы остановить Себастьяна. И как Сумеречный охотник, я готов это

сделать.

– Но ты ни в чем не виноват. – Она с трудом заставила себя говорить потише. – Ты – жертва. Это был не ты, Джейс, а кто-то другой с твоим лицом. Ты не заслуживаешь наказания.

– Дело не в наказании. Это разумный поступок. Если убить меня, умрет Себастьян. Я мог бы погибнуть в бою. Здесь то же самое. Конечно, все, что произошло, случилось не по моей воле. Но это случилось. И я, настоящий я, скоро снова исчезну. И, Клэри, я знаю, что это звучит странно, но я все помню. Я помню, как гулял с тобой по Венеции, и ночь в клубе, и то, как спал с тобой в этой постели. Разве ты не понимаешь? Я хотел этого. Только этого – такой жизни с тобой. Получается, что самое худшее событие в моей жизни – исполнение всех моих желаний? Может быть, Джейс Лайтвуд понял бы, почему все это неправильно и порочно, но Джейс Уэйланд, сын Валентина, любит такую жизнь. – Он смотрел на нее широко раскрытыми глазами и напоминал ей Разиэля, во взгляде которого отражались вся мудрость и печаль мира. – И поэтому, Клэри, мне нужно идти. Пока это не прошло. Пока я снова не стал *им*.

– Идти? Куда?

– В Безмолвный город, как ты и сказала. Отдам Чашу и сдамся.

Часть третья

Всё изменилось

Всё изменилось, изменилось безвозвратно: Родилась ужасная красота.

Уильям Батлер Йейтс, «Пасха, 1916»

«Клэри?»

Саймон сидел на заднем крыльце фермы и смотрел на дорожку, ведущую из яблоневого сада к озеру. На дорожке стояли Изабель и Магнус. Магнус что-то записывал в маленьком блокноте ручкой, кончик которой сверкал сине-зеленым огнем.

Алек отошел как можно дальше от Магнуса, не теряя его, однако, из виду. Саймону казалось – хотя он обычно не замечал такие вещи, – что между этими ребятами в последнее время образовалась ощутимая дистанция. Но почему?

«Клэри, ответь».

Он пытался выйти с ней на связь каждый час с тех пор, как получил весть о Люке от Майи. Ничего. Молчание.

«Клэри, я на ферме. Я вспоминаю о том, как мы были здесь вместе».

День выдался на удивление теплым. Саймон долго размышлял над тем, в чем положено идти на randevу с ангелом. После празднования помолвки Джослин и Люка у него остался костюм. Но костюм – это уж чересчур. В итоге он надел джинсы и футболку.

С этим местом и с этим домом у него было связано много солнечных воспоминаний. Они с Клэри и Джослин приезжали сюда почти каждое лето, сколько он себя помнил. Плавали в озере, Саймон покрывался коричневым загаром, а светлая кожа Клэри только сгорала и покрывалась новыми веснушками. Играли в «яблочный бейсбол» в саду – веселая игра, но одежду потом приходилось стирать с особой тщательностью! – а еще в «Скрэббл» и покер. Люк всегда выигрывал.

«Клэри, я собираюсь совершить один опасный, глупый и, может быть, даже самоубийственный поступок. Можно мне поговорить с тобой в последний раз? Я иду на это ради твоей безопасности, но даже не знаю, жива ли ты. Если бы ты умерла, я бы знал, да? Я бы почувствовал».

– Ладно, пошли, – услышал он голос Магнуса.

Колдун посмотрел на кольцо, но промолчал.

Саймон встал и провел их по извилистой дорожке через сад. Впереди холодной синей монетой блестело озеро. Когда они вышли на берег, Саймон увидел огромный камень, торчащий из воды. Они с Клэри ныряли с него. Ему показалось, что он слышит, как лениво жужжат летние пчелы. Он обернулся и посмотрел на ферму – самый обычный белый домик с зелеными жалюзи; на крыльце стояла ветхая плетеная мебель.

– Тебе здесь нравилось, да? – спросила Изабель. С озера дул легкий ветерок, и ее черные волосы развевались, как знамя.

– Откуда ты знаешь?

– Поняла по выражению лица. Ты как будто вспомнил что-то хорошее.

– Да, здесь было хорошо, – кивнул Саймон.

Он потянулся к носу, чтобы поправить очки, но вспомнил, что больше не носит их, и опустил руку. В волосах Изабель запутались маленькие золотые сережки в форме колец, и ему хотелось высвободить их.

Магнус что-то рисовал на мокром песке длинной гибкой палочкой. Потом открыл книгу заклинаний и стал читать вслух заклятие. Алек смотрел на него как на незнакомца.

– Ты боишься? – спросила Изабель и подошла поближе к Саймону. Теперь он чувствовал исходящее от нее тепло.

– Я не знаю. Страх – это ведь физическое ощущение, да? Сердце стучит, потеешь и все такое

прочее. Это не мой случай.

– Жаль, – пробормотала Изабель, глядя на воду. – Когда мужчины потеют – это так сексуально!

Он грустно улыбнулся. Все оказалось гораздо сложнее, чем он думал. Может, он и вправду боялся.

– Попридержите язык, мисс.

Изабель захихикала:

– Знаешь, я всегда мечтала о парне, который мог бы меня рассмешить.

Саймон потянулся к ее руке, забыв, что их видит ее брат:

– Иззи...

– Эй, – крикнул Магнус, – я закончил. Саймон, иди сюда.

Колдун стоял внутри едва заметно светящегося круга. На самом деле кругов было два, меньший внутри большего, а меж ними было начертано несколько дюжин символов. Они тоже светились холодным бело-голубым светом.

Саймон услышал вздох Изабель, но даже не взглянул на нее. Стало бы только хуже. Переступив границу круга, он прошел к его центру и встал рядом с Магнусом. Все вокруг колыхалось и расплывалось.

– Вот. – Магнус всучил ему в руки книгу.

Тонкая бумага была испещрена рунами, над строками заклęcia Магнус наклеил указания, как его нужно произносить.

– Должно сработать, – пробормотал он.

Прижав книгу к груди, Саймон снял с пальца кольцо и протянул Магнусу:

– Если не сработает, кто-то должен забрать вот это. Это единственная связь с Клэри. – Его удивило собственное спокойствие.

Магнус кивнул и надел кольцо на палец:

– Готов, Саймон?

– Вау! Ты вспомнил, как меня зовут!

Магнус бросил на него быстрый взгляд, шагнул за пределы круга и тут же утратил четкость. Алек стоял по одну сторону от него, Изабель – по другую. Изабель сложила руки на груди. Даже сквозь кольшущуюся толщу Саймон видел, что она недовольна.

– Думаю, вам лучше уйти, ребята, – крикнул он.

Но никто не шелохнулся. Кажется, они ждали от него чего-то еще.

– Спасибо за то, что пришли сюда со мной, – неуверенно произнес он. – Э-э-э... Алек. Ты всегда нравился мне больше, чем Джейс. – Потом обернулся к Магнусу: – Магнус, мне никогда не хватало смелости носить такие штаны, как у тебя.

Иззи... Он видел, что она смотрит на него темными, как обсидиан, глазами.

– Изабель... – Он так и не смог найти слова, которые мог бы сказать ей в присутствии Алека и Магнуса.

Шагнув назад, к центру круга, он махнул рукой:

– Ну чего, пока?

Ему показалось, что друзья ответили ему, но не смог разобрать слов. Они повернулись и пошли к дому.

Саймон не мог представить, что не поговорит с Клэри перед смертью, но, стоя с закрытыми глазами в центре круга, он слышал, как сад оглашается ее смехом, и видел свою прежнюю жизнь. Он вырос, и все изменилось. Может быть, ему стоит умереть? Лучшие его воспоминания были связаны с этим местом. Если ангел поразит его Небесным огнем, прах его развеется над яблоневым садом. Мысль об этом показалась ему примиряющей.

Он снова подумал об Изабель. Потом о семье – об отце, маме и Бекки.

Клэри, где бы ты ни была, ты всегда будешь моей лучшей подругой.

Он поднял книгу и принялся читать заклятие.

– Нет! – вскочила Клэри. – Ты не можешь этого сделать, Джейс! Они и вправду убьют тебя.

Он потянулся за рубашкой, надел ее и застегнул на все пуговицы.

– Сначала они попытаются отделить меня от Себастьяна, – сказал он так, будто сам не верил в это. – И если у них не получится, то да, они меня убьют.

Клэри потянулась к нему, но он отвернулся от нее и просунул ноги в ботинки.

– У меня нет выбора, Клэри, – сказал он, поднимая голову. – Это правильное решение.

– Это безумие! Здесь ты в безопасности. Ты не можешь жертвовать своей жизнью...

– Беречь себя – это предательство. Я стану оружием в руках врага.

– Плевать на предательство. Плевать на закон. Мне важен ты. Мы сами со всем разберемся.

– Мы не сможем с этим разобраться. – Джейс положил в карман стилус, а потом взял Чашу смерти. – Я скоро снова перестану быть собой. Я люблю тебя, Клэри. – Он встал и поцеловал ее. – Согласись с моим выбором, – прошептал он.

– Я отказываюсь, – решительно произнесла она. – Отказываюсь помогать тебе совершить самоубийство.

Но он уже шагнул к двери, потянув ее за собой. Перешептываясь, они пошли по коридору.

– Это безумие, – шипела Клэри. – Так рисковать собственной жизнью!

– Как будто ты ни разу так не поступала.

– Поступала, и ты от этого свирепеешь. Помнишь, что ты мне сказал в Аликанте...

В кухне Джейс поставил чашу на стойку и потянулся за стилусом.

– Клэри, в этом наша суть, – сказал он. – Мы – Сумеречные охотники. Это наше призвание. Мы рискуем собой не только на поле боя.

Клэри схватила его за руки:

– Я тебе не позволю!

– Кларисса...

Она втянула в себя воздух, сама не веря тому, что сейчас сделает. Но перед глазами стоял морг с телами Сумеречных охотников на мраморных плитах. Она не вынесет, если Джейс окажется среди них.

Она подумала об Алеке и Изабель, о Маризе, которая любила Джейса как сына, и отчаянно закричала:

– Джонатан! Джонатан Кристофер Моргенштерн!

Глаза Джейса расширились.

– Клэри... – начал он, но было уже слишком поздно.

Она попятилась назад. Себастьян наверняка уже шел к ним, и это было единственное средство, которое она могла использовать, чтобы заставить Джейса остаться.

Себастьян не стал спускаться по лестнице – он просто перепрыгнул через перила и приземлился между ними. Волосы его были взъерошены; одет он был в темную футболку и черные штаны, и Клэри подумала, что он спит в одежде.

– Милые бранятся? – спросил Себастьян. Что-то блеснуло в его руке. Нож?

Голос Клэри дрожал:

– Его руна... она повреждена. Он хочет сдаться Конклаву!

Рванув рубашку Джейса, Себастьян полоснул его по шее острием стилуса. Джейс смотрел на него полными ненависти глазами. На его коже проступило Иратце.

– Если тебе так хочется умереть, с радостью тебе помогу, – прохрипел он. – Могу

пришибить кирпичом...

Себастьян сжал кулаки:

– Ты меня потом еще поблаговаришь, дурак.

Клэри ждала, что Джейс сорвется на нее. Но он этого не сделал. Он не сводил глаз с Себастьяна.

– Я потом и не вспомню этого эпизода, – сказал он. – Но ты не забудешь. Вот настоящий я, Себастьян. И я тебя ненавижу. Всегда буду ненавидеть. И ни одно заклятие этого не изменит, ни в этом мире, ни в любом другом.

Ухмылка на лице Себастьяна исчезла. Джейс оторвал взгляд от Себастьяна и повернулся к Клэри:

– Я хочу, чтобы ты знала правду. Всей правды я тебе не сказал.

– Правда опасна, – прохрипел Себастьян, держа стилус перед собой, как нож. – Будь осторожен с тем, что говоришь.

Джейс поморщился – Метка Лилит на груди явно причиняла ему боль.

– Возродить Лилит, сделать новую Чашу, собрать Темное войско – все это придумал не Себастьян, а я.

– Что? – застыла Клэри.

– Себастьян наметил цель. А я понял, как этого добиться. Сделать новую Чашу смерти – это я подал ему такую идею.

Джейс содрогнулся от боли, и Клэри представила, что сейчас происходит под его рубашкой: рана затягивается, Метка снова начинает сиять.

– Но правильнее сказать – *он*, – продолжил Джейс. – Этот слизняк, который выглядит, как я. Он сожжет весь мир, если его попросит об этом Себастьян. Вот кого ты спасаешь, Клэри. *Его*. Разве ты не понимаешь? Я лучше умру...

Плечи его напряглись – по телу прошла новая волна боли.

Клэри закрыла глаза, она знала, что во всем виновата сама.

– Что происходит? – вдруг спросил Джейс.

Себастьян ухмыльнулся:

– Добро пожаловать домой.

Джейс потерял виски – он делал так всегда, когда Клэри говорила о том, о чем он, *другой Джейс*, не хотел вспоминать: об убийстве Макса, о войне в Аликанте, о боли, которую он причинил своей семье.

– Нам пора? – наконец спросил он.

Себастьян театрально взглянул на часы:

– Почти. Ступай первым, а мы пойдем следом. Подготовься.

Джейс оглянулся:

– Чаша... где она?

Себастьян осторожно взял чашу со стойки и протянул ему:

– Здесь, не волнуйся. Ты сегодня немного рассеян.

Джейс улыбнулся. Спокойно. В нем нельзя было узнать парня, который минуту назад говорил Себастьяну, что ненавидит его.

– Встретимся там. – Он обернулся к ошоломленной Клэри и поцеловал ее в щеку: – С тобой тоже, дорогая.

Он смотрел на нее с любовью, но это не имело никакого значения. Это был не *ее* Джейс.

Сверкнул стилус, и в стене открылась дверь. Клэри увидела клочок неба и каменистую равнину, Джейс шагнул за порог и пропал.

Она сжала кулаки.

Этот слизняк, который выглядит, как я. Он сожжет весь мир, если его попросит об этом Себастьян. Вот кого ты спасаешь, Клэри. Его. Разве ты не понимаешь? Я лучше умру...

Подступили слезы, но она смогла сдержать их.

Черные глаза Себастьяна ярко сияли.

– Ты позвала меня... – сказал он.

– Он хотел сдаться Конклаву, – прошептала Клэри. Защищая своего Джейса, она воспользовалась единственным оружием, которое было ей доступно. Но она не стала меньше ненавидеть брата. – Они бы убили его.

– Ты звала меня, – снова проговорил он и убрал ей за ухо прядь волос, упавшую на лицо. – Он тебе рассказал? О плане? Рассказал все?

В душе она содрогнулась от отвращения.

– Нет, не все. Я не знаю, что произойдет сегодня. И что имел в виду Джейс, когда сказал «Пора»?

Себастьян наклонился и поцеловал ее в лоб. Его губы обожгли ее, как раскаленное клеймо.

– Скоро узнаешь, – сказал он. – Ты заслужила право быть с нами, Кларисса. Сегодня ты сможешь наблюдать за церемонией в Седьмом святилище. Дети Валентина наконец вместе!

Саймон не отрывал глаз от книги, проговаривая все так, как написал для него Магнус. В заклинии были ритм, особая легкая, изящная музыкальность. Он вспомнил, как читал гафтару^[15] во время бармицвы^[16], только тогда он понимал написанное, а сейчас – нет.

Продолжая читать, он почувствовал, что воздух стал гуще и тяжелее и теперь давил ему на грудь и плечи. Кроме того, он накалился. Будь Саймон человеком, он бы, конечно, не вынес такой жары.

Дочитав заклятие и проговорив последнее слово: «Разиэль», – он поднял глаза и почувствовал, как по его лицу течет кровь. Туман вокруг него рассеялся, и он увидел перед собой гладь озера, голубую и ровную, как стекло.

А потом озеро взорвалось.

Его центр стал золотым и сразу потемнел. Вода расступилась и взметнулась в воздух, перед глазами Саймона возник водопад, струи которого били вверх и одновременно вниз. Это было завораживающее зрелище. Вода попадала и на него, остужая обожженную кожу.

Саймон запрокинул голову и увидел, как небо почернело – всю его синеву поглотили черные тучи. Вода снова хлынула в озеро, и из гущи серебра в его центре поднялась золотая фигура. Саймон замер. Он бесчисленное множество раз видел изображения ангелов, верил в них и слышал предостережения Магнуса. И все же, когда ангел распахнул крылья, он почувствовал, будто его пронзили копьем. Огромные, серебристо-бело-золотистые, они закрыли собой все небо. Крылья расправились, разогнав тучи, и снова сложились, и Саймон увидел исполинских размеров фигуру. Пылающие золотом глаза смотрели на него с презрением.

Ангел поднялся в полный рост, источая волны силы, из которой была создана Вселенная. Саймону вдруг взбрело в голову, что он похож на Джейса, только размером с рекламный щит. Но на самом деле сходство с Джейсом если и было, то только в его воображении. Если не считать крыльев, ангел был весь золотой, включая глаза, у которых совсем не было белков – одна светящаяся радужка. Золотые волосы казались коваными металлическими спиралями. Он был... ужасным. Излишек чего угодно губителен, подумал Саймон. Излишек тьмы убивает, а излишек света ослепляет.

«Кто осмелился призвать меня?»

Голос звучал в голове Саймона оглушительным звоном колоколов.

Сложный вопрос, подумал Саймон. Будь он Джейсом, то сказал бы «один из нефилимов»;

был бы Магнусом, представился бы как дитя Лилит или как Верховный маг Бруклина. Клэри уже встречалась с ангелом, так что они с ним могли договориться по-свойски.

Но он просто Саймон, без всяких там титулов и заслуг.

– Саймон Льюис, – наконец ответил он, опустив книгу. – Дитя Ночи... и твой слуга.

«Мой слуга? – В голосе Разиэля слышался лед неодобрения. – Ты, как пса, подзываешь меня и при этом называешь себя слугой? Да я испепелю тебя в назидание другим. Даже нефилимам запрещено вызывать меня. Так почему я должен делать исключение для тебя, Светоч?»

Светоч? Ангел знает его? Саймон подумал, что в этом нет ничего удивительного, но все же был поражен:

– Я...

«Ты возомнил, что только потому, что в твоих жилах течет кровь моего потомка, я должен проявить к тебе милосердие? Если так, то ты просчитался, Светоч. Милость Небес получают только те, кто этого заслуживает. Но не те, кто нарушает законы Завета».

Ангел поднял длань и указал перстом на Саймона.

Саймон взял себя в руки. На этот раз он ничего не сказал вслух, а только подумал.

«Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть»^[17].

«Что это за Метка? – обескураженно произнес Разиэль. – На твоём лбу, дитя?»

– Это... – запинаясь, произнес Саймон, – Метка Каина.

Огромная рука Разиэля опустилась.

«Я бы убил тебя, но Метка мешает. Ее должен был оставить на тебе перст Господа, но я знаю, что это сделал не Он. Разве такое возможно?»

Увидев, что ангел в замешательстве, Саймон осмелел:

– Твое чадо – она из нефилимов, особенно одаренная, – поставило ее, чтобы защитить меня, – сказал он и шагнул ближе к краю круга. – Разиэль, я пришел, чтобы попросить тебя об услуге от имени нефилимов. Им угрожает смертельная опасность. Один из них... перешел на сторону Тьмы. Он угрожает остальным. Вот почему нам нужна твоя помощь.

«Я ни во что не вмешиваюсь».

– Однажды ты уже вмешался, – возразил Саймон. – Когда Джейс умер, ты его воскресил. Мы, конечно, рады, но если бы этого не было, не случилось бы и остального. Выходит, ты кашу заварил, тебе и расхлебывать.

«Я не могу тебя убить, – задумчиво произнес Разиэль. – Но разве я обязан выполнять твои желания?»

– Но я, вообще-то, еще не сказал, что мне нужно.

«Ты хочешь получить оружие, чтобы с его помощью отделить Джонатана Моргенштерна от Джонатана Эрондейла. Ты хочешь убить одного из них и оставить в живых другого. Легче всего, конечно, убить обоих. Твой Джонатан уже однажды умирал... возможно, смерть по-прежнему поджидает его и он готов к встрече с ней. Ты об этом не задумывался?»

– Нет, – признался Саймон. – Я знаю, что по сравнению с тобой мы ничтожны, но мы не убиваем своих друзей. Мы пытаемся их спасти. Если бы так не было угодно Богу, нам не была бы дарована способность любить. – Он откинул волосы назад, чтобы видна была Метка. – Разумеется, ты не обязан мне помогать. Но если ты мне не поможешь, то ты не сможешь помешать мне призывать тебя снова и снова. Я ведь теперь знаю, что ты меня не убьешь. Представь, я жму на кнопку небесного дверного звонка... вечно.

Разиэль, к удивлению Саймона, усмехнулся:

«А ты упрям... Настоящий воин своего народа, как и Саймон Маккавей, чье имя ты носишь. И как он отдал все ради брата своего Джонатана, так и ты все отдашь за своего Джонатана. Или я ошибаюсь?»

– Это не только ради него, – ошарашенно произнес Саймон. – Но да, я выполню любое твоё желание.

«Если я дам тебе то, чего ты хочешь, ты поклянешься больше меня не тревожить?»

– Нет проблем, – кивнул Саймон.

«Хорошо, я скажу тебе, что я потребую взамен. Мне нужна богохульственная отметина на твоём лбу. Ты носишь её не по праву, и я заберу её».

– Но... если ты лишишь меня Метки, то сможешь убить меня, – подумав, сказал Саймон. – Ведь она защищает меня от гнева Небес.

«Клянусь, что не причиню тебе вреда, Светоч. С меткой или без».

Саймон пришел в замешательство. Ангел смотрел на него испепеляющим взглядом.

«Клятва ангела священна, вампир. Как ты смеешь не доверять мне!»

– Я... – Саймон выдержал мучительную паузу.

Внезапно он увидел Клэри. Она стояла на цыпочках, касаясь стилусом его лба; тогда он впервые почувствовал, как действует Метка, – его будто пронзила молния, смертоносная сила, проводником которой он служил. Метка была его проклятием, но она же защищала его. И теперь он должен был лишиться её.

– Ладно. Да. Я согласен.

Ангел улыбнулся, и улыбка его была как свет солнца, палящего в глаза.

«Тогда я клянусь, что не причиню тебе вреда, Саймон Маккавей».

– Льюис. Моя фамилия Льюис.

«Но кровь и вера твои – кровь и вера Маккавеев. Маккавеи отмечены Божьей дланью. В любом случае, ты – воин Небес, Светоч, нравится тебе это или нет».

Разиэль стянул небо, как лоскут ткани, и по нему пошли вихри – черные, серебряные и белые. Воздух содрогнулся. Вдруг что-то сверкнуло над головой и с металлическим лязгом упало на песок у ног Саймона.

Это был меч – ничего особенного, обычный старый железный меч с почерневшей рукоятью. Края его были зазубренными, словно их разъела кислота, но острое не затупилось. Он походил на археологическую находку, еще не очищенную от грязи.

«Иисус, находясь близ Иерихона, взглянул, и видит, и вот стоит пред ним человек, и в руке его обнаженный меч, – заговорил ангел. – Иисус подошел к нему и сказал ему: наш ли ты, или из неприятелей наших? Он сказал: нет; я вождь воинства Господня, теперь пришел сюда»^[18].

– Это и есть тот самый меч? – не скрыв удивления Саймон.

«Это Меч архангела Михаила, полководца Небесных воинств. Он наделен силой Небесного огня. Порази им своего врага, и меч выжжет из него зло. Если во враге твоём больше зла, чем блага, больше ада, чем рая, меч лишит его жизни. Связь между твоим врагом и другом он точно разрушит, поразив лишь одного из них».

Саймон нагнулся и взял меч. Дрожь прошла по его руке и докатилась до неподвижного сердца. Он инстинктивно поднял меч, и облака над головой на мгновение расступились. Луч света ударил в тусклый металл, и раздался тихий звон.

Ангел посмотрел на Саймона холодными глазами:

«Язык смертных не способен произнести имени этого меча. Ты можешь называть его Блистательный».

– Я... – начал Саймон. – Спасибо тебе.

«Не благодари меня. Я убил бы тебя, Светоч, но мне мешает Метка, а теперь и клятва, что я дал тебе. Меткой Каина тебя должен был отметить перст Божий, но ты получил её не так. Я уберу её с твоего лба, и ты лишишься защиты. Если же вновь призовешь меня, я тебе не помогу».

Хлынувший с небес столп света ослепил Саймона. Он вскрикнул и рухнул на песок как подкошенный. Голову пронзила боль. Казалось, что между глаз ему вонзили раскаленную иглу. Саймон прикрыл лицо руками, позволив боли бесчинствовать. Такой агонии он не испытывал с тех пор, как умер в ту злополучную ночь.

Затем боль отступила. Саймон перекатился на спину и посмотрел на небо. Между отступающими тучами ширилась полоса синевы. Ангел исчез, озеро искрилось в лучах света, словно вода в нем кипела.

Саймон сел и прищурил глаза. Он видел, как кто-то бежит по тропинке. Черноволосая девушка в незастегнутой куртке. Одолев последние метры, она бросилась к нему на шею.

Он слышал, как громко стучит ее сердце.

– Саймон, я думала, ты умер... Увидела, как ты упал, и...

Саймон понял, что кренится набок, и вместо того, чтобы обнять Иззи, вцепился пальцами в песок:

– Ну... я и так мертв.

– Я имела в виду – мертвее обычного, – пролепетала обычно бойкая девушка.

Он все-таки упал, потащив ее за собой. Темные глаза над ним, казалось, заслонили собой все небо.

Изабель с удивлением дотронулась до его лба:

– Метка пропала...

– Разиэль забрал ее. В обмен на меч... – Саймон повернул голову и увидел у фермы две темные точки. Алек и Магнус. – Это Меч архангела Михаила. Блистательный. Ну, его так называют.

– Саймон... – Изабель поцеловала его в щеку. – У тебя все получилось. Ты вызвал ангела! И он дал тебе меч!

Магнус и Алек уже шагали к озеру.

Саймон устало закрыл глаза. Волосы Изабель упали ему на щеки.

– Не пытайся ничего говорить... – От девушки пахло слезами. – Ты больше не проклят. Не проклят...

Саймон сцепил свои пальцы с пальцами Изабель. Он словно плыл по темной реке, и над ним сгущался мрак. Рука девушки служила ему якорем, не дававшим отплыть от мира.

– Я знаю, – сказал он.

19. Любовь и кровь

Клэри методично осматривала комнату Джейса. Она все еще была в топике, хотя успела натянуть джинсы; волосы ее были собраны в неряшливый пучок, ногти перепачканы пылью. Желая обнаружить второй стилус, она шарила под кроватью, во всех ящичках и шкафчиках, заползала под письменный стол, обшарила все карманы одежды Джейса, но так ничего и не нашла.

Себастьяну она сказала, что устала и хочет прилечь наверху, и он лишь отмахнулся от нее. Каждый раз, закрывая глаза, она видела Джейса – он смотрел на нее так, словно она его предала...

Но сейчас думать об этом не было смысла. Она могла бы сесть на край кровати и рыдать, закрыв лицо руками, но от этого не было бы никакого проку. Ради Джейса и ради себя самой она должна была идти дальше. Искать. Если бы она могла найти стилус...

Клэри подняла матрас, когда в дверь постучали. Убедившись, что под матрасом ничего нет, она положила его на место, сделала глубокий вдох, подошла к двери и распахнула ее.

На пороге стоял Себастьян в необычном наряде: черные брюки и кожаный мундир алого цвета, украшенный сложным узором из золотых и серебряных рун, с двумя рядами металлических застёжек впереди. На запястьях были кованые серебряные браслеты, на пальце – кольцо Моргенштернов.

Она во все глаза уставилась на него.

– Форма для церемоний, – пояснил он. – Цвета для нас, нефилимов, имеют особое значение. Ты же знаешь старую детскую считалочку нефилимов?

*В алой мантии колдун,
В золотой фате невеста,
В белом труп лежит в гробу,
Где тебе найдется место.*

– Сумеречные охотники играют свадьбу в золотом? – спросила Клэри. На самом деле ее это не слишком интересовало, просто она пыталась закрыть собой дверной проем, чтобы Себастьян не увидел, какой беспорядок она навела в обычно опрятной комнате Джейса.

– Прости, что разрушил твою мечту о свадьбе в белом, – ухмыльнулся он. – Кстати, я принес тебе одежду.

Только сейчас она заметила в его руках какую-то ткань. Он развернула ее, и она ахнула. Длинное алое платье с огненно-золотым отливом и золотыми бретельками.

– Наша мама носила это на церемониях Круга, до того как предала отца. Надень. Я хочу, чтобы сегодня ты была в нем, – сказал Себастьян.

– Сегодня?

– Ну, не пойдешь же ты на церемонию в этом... – Он окинул ее критическим взглядом. – Сегодня ты должна быть нарядной. Очень важно, чтобы ты произвела впечатление на вновь обращенных. Надень.

Голова Клэри шла кругом. Церемония... Вновь обращенные...

– Сколько у меня времени... чтобы подготовиться? – спросила она.

– Примерно час. Мы должны быть в святилище в полночь. Опаздывать нельзя.

Час... Сердце по-прежнему колотилось. Клэри бросила платье на кровать, где оно засверкало, как кольчуга. Когда она обернулась, Себастьян все еще стоял в дверях с тенью улыбки

на лице, словно собирался подождать, пока она переоденется.

Она шагнула к двери, намереваясь закрыть ее. Себастьян схватил ее за запястье.

– Сегодня, – сказал он, – зови меня Джонатаном. Джонатаном Моргенштерном. Своим братом.

По телу Клэри пробежала дрожь, и она опустила глаза, надеясь не выдать ненависть:

– Хорошо, как скажешь.

Себастьян ушел, и она надела кожаную куртку Джейса, наслаждаясь знакомым запахом. Затем прокралась в коридор. Был бы стилус, она бы начертила руну Бесшумности. Она слышала, как внизу шумит вода и как фальшиво насвистывает Себастьян, занимаясь чем-то. Собственные шаги казались ей грохотом канонады. Прижавшись к стене, она дошла до двери Себастьяна и юркнула внутрь.

В комнате было темно, освещали ее лишь уличные фонари. Здесь был такой же беспорядок, как и в прошлый раз. Она уставилась на шкаф, переполненный дорогой одеждой – шелковыми рубашками, кожаными куртками, пиджаками от *Armani*, обувью *Bruno Magli*. На нижней полке лежала смятая белая рубашка, перепачканная бурой засохшей кровью. Клэри долго смотрела на нее, потом закрыла дверцу и принялась осматривать письменный стол, открывая ящички и роясь в бумагах. Она надеялась обнаружить что-то вроде странички из тетради с надписью «Мой злобный план», но ничего подобного не было. В столе лежали листки со сложными математическими и алхимическими формулами и даже открытка со словами «Моей прекрасной», написанными мелким почерком Себастьяна. Кого же ее брат мог называть «своей прекрасной»? Ей и в голову не приходило, что он может испытывать к кому-то нежные чувства, но читать было некогда – надо было осмотреть прикроватную тумбочку.

Она открыла шкафчик. Внутри лежала стопка бумаг. На ней что-то блестело. Что-то круглое...

Ее кольцо.

Всю дорогу в Бруклин Изабель приобнимала Саймона. От усталости он все время заваливался вбок, голова его неприятно пульсировала, тело ныло. Магнус отдал ему кольцо, но он так и не смог связаться с Клэри. И что хуже всего, он проголодался. Ему нравилось, что Изабель так заботится о нем, но от ее запаха – крови и духов – в животе у него урчало.

Поздней осенью солнце клонится к закату рано, и в кабине стоял полумрак. Алек и Магнус шептались. Саймон закрыл глаза и снова увидел ангела в ослепительной вспышке белого света.

«Саймон! – Голос Клэри прогреготал в голове, мгновенно разбудив его. – Ты там?»

Он охнул:

«Клэри? Я так волновался...»

«Себастьян забрал у меня кольцо. Саймон, у меня нет времени. Я должна тебе все рассказать. У них есть Чаша смерти. Другая... Они собираются призвать Лилит и создать свою армию Сумеречных охотников – таких же могущественных, как нефилимы, но стоящих на стороне демонов».

– Ты что, шутишь? – произнес Саймон вслух.

Изабель зашевелилась, а Магнус бросил на него любопытный взгляд:

– У тебя там все хорошо, вампир?

– Это Клэри, – объяснил Саймон. Все трое повернулись к нему. – Она пытается рассказать...

Он зажал уши руками и попытался сконцентрироваться.

«Когда они собираются это сделать?»

«Сегодня. Скоро. Я точно не знаю, где мы. Здесь около десяти вечера».

«Здесь на пять часов меньше. Ты в Европе?»

«Понятия не имею. Себастьян говорил о каком-то Седьмом святилище. Не знаю, что это, но я нашла его записи. Похоже, это какая-то древняя гробница. Там что-то вроде двери, из-за которой можно вызывать демонов».

«Клэри, я никогда не слышал ни о чем подобном...»

«Но Магнус или остальные могут знать. Пожалуйста, Саймон, оповести их как можно скорее. Себастьян собирается воскресить Лилит. Он хочет войны с Сумеречными охотниками, войны, которая охватит весь мир. На его стороне около сорока или пятидесяти нефилимов. Они будут с ним. Саймон, мы должны остановить его любой ценой. Если все настолько опасно, может быть, тебе стоит отстраниться от всего этого», – устало произнесла она.

«Я бы рад. Но, возможно, уже слишком поздно».

Саймон видел, что его друзья взволнованно смотрят на него, но ему было все равно. Голос Клэри в его голове казался веревкой, перекинутой через пропасть. Если бы он смог ухватиться за свой конец, то сделал бы все, чтобы вытащить ее, или по крайней мере не дал бы упасть.

«Клэри, послушай. Я не могу тебе рассказать, как так получилось, но у нас есть оружие, которое может поразить Джейса или Себастьяна, не ранив другого, и, если верить... тому, кто нам его дал, разделить их».

«Разделить? Как?»

«Он сказал, что меч способен выжечь порок из того, кого мы пронзим. Так что, если мы пронзим Себастьяна, меч сожжет то, что связывает с ним Джейса, потому что их связь порочна. Я так понял. – Саймон надеялся, что его голос звучит уверенно. – Это очень могущественный меч. У него и имя есть – Блистательный».

«И им нужно поразить Себастьяна? Он разрушит связь между ними, не убив их?»

«Ну да, примерно так. Есть шанс, что меч убьет Себастьяна. Все зависит от того, осталось ли в нем хоть что-то хорошее, „что-то от рая, а не от ада“, кажется, ангел так сказал».

«Ангел? – Он кожей ощутил тревогу в ее голосе. – Саймон, что ты...»

Она осеклась, и Саймона внезапно переполнили эмоции – удивление, ужас, боль.

«Клэри?» – позвал он.

Но в голове звенела тишина.

«Клэри!» – снова позвал он, а потом сказал вслух:

– Черт, она опять пропала!

– Что случилось? – взволнованно спросила Иза бель. – С ней все в порядке? Что происходит?

– Похоже, у нас намного меньше времени, чем мы думали, – сказал Саймон, стараясь не выдать волнения. – Магнус, останови грузовик. Нам нужно поговорить.

– Ну, – сказал Себастьян, глядя на Клэри, – и что же ты делаешь в моей комнате, сестренка?

Клэри нервно сглотнула. В коридоре, за спиной Себастьяна, ярко горел свет, и она не могла разглядеть выражения его лица.

– Тебя ищу, – ответила она.

– Ты сидишь на моей постели, – сказал он. – А-а-а... ты, наверное, думала, что я спрятался под ней?

– Я...

Он вошел в комнату:

– Ну и зачем ты меня искала? И почему не переоделась для церемонии?

– Платье... – сказала Клэри. – Оно мне не по размеру.

– Не выдумывай. – Саймон сел рядом с ней на кровать. – Все наряды Джослин тебе по

размеру. Значит, и это платье должно подойти.

– Шелк и шифон... Оно не тянется.

– Не тянется? Ты же худышка. – Он схватил ее за запястье, и она сжала пальцы, пытаясь скрыть кольцо. – Смотри, мне ничего не стоит обхватить твое запястье двумя пальцами.

Руки Себастьяна были горячими. Клэри вспомнила, как в Идрисе от его прикосновения ее обожгло, словно кислотой.

– Седьмое святилище, – сказала она, не глядя на него. – Джейс отправился туда?

– Да. Я послал его вперед. Он готовится к нашему прибытию. Мы встретимся с ним там.

Сердце в груди ёкнуло.

– Он не вернется?

– До начала церемонии – нет. – Саймон ухмыльнулся. – И знаешь, это к лучшему, потому что, узнав об этом, Джейс расстроился бы. – Он разогнул ее пальцы; кольцо загорелось сигнальным огнем. – Неужели ты думала, я не узнаю работу фей? И ты, наверное, решила, что Королева настолько глупа, что отправила тебя за кольцами, не подозревая, что ты можешь взять их себе? Та к вот, как мне кажется, она хотела, чтобы ты принесла кольцо сюда, ко мне. – Он сорвал кольцо с ее пальца.

– Ты... связывался с Королевой? – спросила Клэри. – Как?

– С помощью этого кольца, – пропел Себастьян, и Клэри вспомнила, как Королева сказала: *«Феи – древний народ, мы не принимаем поспешных решений, не разобравшись что к чему. Джонатан Моргенштерн мог бы стать сильным союзником»*.

– Ты правда думаешь, что Королева позволила бы тебе общаться с друзьями, не имея возможности подслушивать? После того как я забрал у тебя кольцо, мы с ней переговаривались. Сестренка, ты совершила большую глупость, поверив ей. Королева фей предпочитает быть на стороне победителей, а значит, на нашей стороне. Но ты ведь с нами? – вкрадчиво проговорил он. – Забудь своих друзей, Клэри. Твое место со мной. Мы похожи, и твоя кровь, как и моя, требует власти. – Он схватил ее за запястья и рванул к себе. – Наша мать встала на сторону Конклава и пошла против семьи. У тебя есть шанс исправить ее ошибку.

Она попыталась высвободиться:

– Отпусти меня, Себастьян!

Руки его скользнули вверх, к предплечьям.

– О, малышка, да ты просто ураган. В постели, наверное, хороша.

Со всей силы толкнув его, она вскочила:

– Что ты сказал?!

Себастьян ухмыльнулся.

– Все, что оставляет след на Джейсе, передается и мне, – сказал он. – В том числе и твои коготочки. Восемь царапин на спине, сестренка. Не ты ли их оставила?

В душе ее зажглась ярость. Она вспомнила о Саймоне, о разговоре, который только что состоялся. Если Королева действительно подслушивала, то она уже знает о Блистательном. Но Себастьян о мече знать не мог.

Она подскочила к нему, сорвала с его пальца кольцо и бросила на пол. Себастьян вскрикнул, но она уже топтала кольцо ногой, чувствуя, как оно разламывается на куски.

– Ты...

Себастьян поднялся с кровати, и Клэри со всего размаху ударила его кулаком в живот. Он согнулся пополам и закашлялся. Воспользовавшись этим, Клэри выхватила стилус из его ремня, а потом побежала.

Магнус вывернул руль в сторону, и их вынесло на обочину. Не успел Саймон моргнуть, как

двери распахнулись и все высыпали наружу. Горящие фары грузовика освещали дорогу зловещим светом.

– Что происходит, черт возьми? – выругался Магнус.

Саймон принялся объяснять, стараясь в точности воспроизвести все сказанное Клэри.

– Она что-нибудь сказала о том, как вызволить ее с Джейсом? – спросила Изабель, когда он закончил; в свете фар ее лицо казалось бледным.

– Нет. И... Иззи... я не думаю, что Джейс хочет, чтобы его вызволяли. Похоже, он хочет остаться там.

Изабель опустила голову и стала разглядывать сапоги.

– А что это за Седьмое святилище? – спросил Алек. – Семь чудес света знаю, а про такое даже не слышал.

– Святилища больше интересуют колдунов, чем нефилимов, – задумчиво произнес Магнус. – В каждом из них сходятся линии лей, создавая нечто вроде сети, в которой магические заклиния усиливаются. Седьмое святилище – это каменная гробница в Ирландии. Ее еще называют «Пещерой скорби», и находится она в мрачной необитаемой местности Беррен. Беррен вполне подходит для вызова демона, тем более громадного. – Он подергал мочку уха. – Все это очень, очень плохо.

– Думаешь, они способны на это? Ну, создать... Темную армию? – спросил Саймон.

– Все в мире на чьей-то стороне, Саймон. Нефилимы – на стороне ангелов, но, будь они на стороне демонов, их сила не уменьшилась бы. Просто они бы стремились не к спасению, а к уничтожению человечества.

– Нам нужно добраться туда, – сказала Изабель. – Нужно остановить их.

– Ты хотела сказать «его», – поправил ее Алек. – Остановить его. Себастьяна.

– Теперь Джейс – его союзник. Ты должен это признать, Алек, – сказал Магнус и взглянул на часы. – Разница с Ирландией у нас пять часов. Церемония начнется в полночь. Сейчас пять. У нас полтора, в лучшем случае два часа на то, чтобы остановить их.

– Тогда нельзя терять времени. – В голосе Изабель звучали панические нотки.

– Из, нас только четверо, – сказал Алек. – Мы даже не знаем, как многочисленны наши враги ...

Саймон взглянул на Магнуса:

– Магнус, а почему ты не открыл для нас портал на ферму? Ты же пол-Идриса портанул в Броселинд.

– Просто я хотел дать вам время передумать, – вздохнул Магнус.

– Но мы же можем открыть портал и переместиться в Ирландию. Ты ведь можешь это сделать?

– Да, – кивнул Магнус. – Но, как уже сказал Алек, мы ничего не знаем о численности наших противников. Я, конечно, не последний из колдунов, но Джонатан Моргенштерн – не простой Сумеречный охотник, да и Джейс – тоже. И если у них получится воскресить Лилит, она вернется ослабевшей, но все же это будет Лилит.

– Но она мертва, – удивилась Изабель. – Саймон убил ее.

– Старшие демоны не умирают, – сказал Магнус. – Саймон... рассеял ее меж миров. Ей потребуется много времени, чтобы обрести форму, но если Себастьян призовет ее... – Он замолчал.

– У нас есть меч, – тряхнула головой Изабель. – Мы сможем победить Себастьяна. На нашей стороне Магнус и Саймон...

– Мы даже не знаем, сработает ли меч, – сказал Алек. – И от него не будет никакого толку, если мы не доберемся до Себастьяна. Даже Саймон больше не Мистер Бессмертие. Его можно

убить так же, как и всех нас.

Все посмотрели на Саймона.

– Нужно попробовать, – сказал он. – Слушайте... мы не знаем, сколько их там будет. У нас есть время. Не очень много, но есть. Его хватит, чтобы открыть портал и привести подкрепление.

– Откуда мы его возьмем? – взволнованно спросила Изабель.

– Я свяжусь с Джорданом. – Саймон быстро перебирал в уме возможные варианты действий. – Возможно, ему удастся заручиться поддержкой «Претор Люпуса». Магнус, сходи в полицейский участок, попробуй договориться со стаей. Изабель и Алек...

– Ты хочешь, чтобы мы разделились? – засомневалась Изабель. – Но ведь мы можем воспользоваться огненными сообщениями.

– Нам никто не поверит, – сказал Магнус. – И кроме того, это способ связи исключительно для Сумеречных охотников.

– Ладно. – Изабель подошла к машине и вытащила из кабины меч. На лезвии в свете фар блеснули слова *Quis ut Deus?* – «Кто подобен Богу?»

Моросил дождь, и черные волосы Изабель липли к шее. Вид у нее был решительный.

– Ну вот что. Оставим машину здесь и разделимся, но через час встретимся в Институте. А потом пойдем с теми, кто поддержит нас. – Она с вызовом посмотрела в глаза каждого и протянула Саймону меч эфесом вперед: – Саймон, возьми.

– Я? – опешил Саймон. – Но я не умею обращаться с мечом!

– Ангел дал его тебе, Саймон, тебе его и нести.

Клэри бросилась вниз, к тому месту в стене, где, как сказал Джейс, находился вход и выход из заколдованного дома. Она особо не рассчитывала, что сможет ускользнуть. Но на то, чтобы совершить задуманное, ей требовались секунды. Услышав шаги Себастьяна за спиной, она побежала быстрее и едва не налетела на стену. Затем принялась суматошно выводить новый для нее рисунок.

Поздно... Рука Себастьяна схватила ее за волосы и дернула назад. Стилус упал на пол. Клэри вскрикнула.

Губы Себастьян скривились в усмешке.

– Руна Открытия, сестренка? И ты ее не дочертила. Да это и неважно. Думаешь, на земле есть место, где я тебя не найду?

Клэри ответила ему словом, за которое ее бы исключили из школы.

Когда он засмеялся, она вмазала ему по лицу так, что рука заныла. От удивления он ослабил хватку, и она, отпрянув от него, перемахнула через стол и кинулась к спальне на нижнем этаже, где на двери был замок.

Но Себастьян быстро оправился. В два прыжка он догнал ее и прижал к стене, расставив руки по обе стороны, как будто заключил в клетку. От стильного юноши, который гулял с ней по берегу Сены и поил горячим шоколадом, не осталось и следа. Глаза его горели мрачным огнем.

– Сестренка, что случилось, а? У тебя расстроенный вид.

– Л-лак... треснул... когда по роже тебе... врезала. Видишь?

Она показала ему вытянутый средний палец.

– Как мило, – фыркнул он. – Знаешь, почему я понял, что ты обязательно предашь нас? Потому что ты – такая же, как я.

Он сильнее прижал ее к стене. Глаза Клэри уперлись в его ключицы.

– Между нами нет ничего общего. Отпусти меня ...

– Ошибаешься, – прошептал он, касаясь ее уха губами. – Ты втерлась к нам в доверие.

Притворялась нашей подругой, притворялась, что мы тебе дороги.

– Я никогда не притворялась, что Джейс мне дорог. Он и в самом деле дорог мне.

Глаза Себастьяна сверкнули мрачной ревностью.

– Ты подставила нас! – взревел он и снова перешел на шепот: – И ты ведь переспала с Джейсом, да? Сегодня?

Она вздрогнула:

– Это не твое дело!

Себастьян впился пальцами в ее подбородок:

– Никого нельзя сделать хорошим, затащив в постель. Но поступок одобряю. – Его красивый рот снова скривился в ухмылке. – Тебе хотя бы было хорошо? Со мной – точно было бы.

Она почувствовала, как почва уходит из-под ног:

– Ты мой брат...

– Пустые слова. Мы не люди, и лицемерные запреты кровосмешательства на нас не действуют. Правители Древнего Египта вступали в брак с собственными братьями и сестрами. Клеопатра вышла замуж за брата. Это укрепляет родословную.

– Я знала, что ты псих, – с отвращением произнесла она. – Но не думала, что ты окончательно рехнулся.

– Не вижу ничего безумного. Мы с тобой, Клэри, просто созданы друг для друга.

– Если я для кого и создана, то для Джейса.

Себастьян пренебрежительно хмыкнул:

– Джейс, опять этот Джейс... Да заведи ты его.

– Я думала, он нужен тебе.

– Нужен. Но с другой целью. – Внезапно он обхватил ее за талию. – Мы можем его поделить. Мне все равно, чем вы будете заниматься, ведь ты все равно принадлежишь мне.

Она попыталась оттолкнуть его:

– Я принадлежу самой себе.

– Ты и сама понимаешь, что это не так, Клэри, – сказал он и закрыл ее рот поцелуем.

На мгновение она вернулась в Идрис, к руинам поместья Фэйрчайлдов. Себастьян целовал ее, и она чувствовала, как падает во тьму, в бесконечный тоннель. Тогда она думала, что с ней что-то не так. Что внутри нее что-то сломалось. Но теперь она была умнее... и сильнее. Приподнявшись на цыпочки, она укусила его губу.

Себастьян вскрикнул и отстранился:

– Ты...

Собрав все силы, она пнула его коленом в пах, надеясь, что он еще не оправился от предыдущего удара, а потом метнулась к лестнице. Но убежать ей не удалось. Себастьян схватил ее за шиворот и толкнул в стену. Больно ударившись, Клэри рухнула на колени.

Время словно замедлило свой ход. Она вспомнила бой в антикварной лавке, когда каждое ее движение было точно выверенным. Собравшись, она вскочила и лягнула Себастьяна, сбив его с ног. На этот раз она даже не пыталась бежать. Просто схватила со стола фарфоровую вазу и запустила ее в голову брата. По его серебряным волосам потекла кровь. Он зарычал и прыгнул на нее. Падая, Клэри разбила стеклянный столик. Во все стороны полетели осколки. Себастьян навалился на нее и распластал на полу. Она закричала и получила удар по лицу. В ответ ей хотелось ударить Себастьяна коленом в живот, но у нее не получилось.

– Клэри, Клэри, Клэри, – бормотал он, прижимая ее к полу. Из раны на его виске сочилась кровь. – Неплохо, Клэри, в Идрисе ты сражалась неважно.

– Отстань от меня...

Он слизнул кровь с ее щеки и ухмыльнулся:

– Помнишь наш разговор о том, чья я часть? Та к вот, Клэри, я все больше убеждаюсь в том, что я часть тебя. А ты – часть меня. Мы созданы друг для друга. Твоя кровь – моя кровь, твои кости – мои кости. Когда ты впервые увидела меня, ты ведь подумала, что где-то уже видела меня. И знаешь, я тоже так думал.

– Ты сошел с ума, Себастьян!

– Об этом и в Библии написано, – сказал он. – В «Песни песней» Соломона. «Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей»^[19].

Его пальцы коснулись ее шеи, поддев цепочку, на которой раньше висело кольцо Моргенштернов. Клэри подумала, не собирается ли он задушить ее.

– «Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот голос моего возлюбленного, который стучится: „отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя!“»^[20].

Капли его крови падали ей на лицо. Она не двигалась. Тело гудело от напряжения.

Рука Себастьяна спустилась к ее талии. Пальцы скользнули под ремень джинсов. Она чувствовала, как он хотел ее.

– Остановись, ты не любишь меня, – сказала она, вспомнив слова матери о том, что все чувства и эмоции Себастьяна – притворство.

Но Себастьян, казалось, не слышал ее.

– Разве имеет значение, что я твой брат? – продолжал он. – Вспомни Джейса – когда ты думала, что он твой брат, ты ведь все равно испытывала к нему влечение.

– Джейс лучше тебя.

– Нет никого лучше меня, – хрипло рассмеялся он. – Как там говорится в «Песни песней»? Ты – запечатанный источник? Или уже нет? Джейс опередил меня, да?

Он нащупывал пуговицу на ее джинсах, и Клэри, воспользовавшись тем, что он отвлекся, подтянула к себе большой треугольный осколок стекла. Чтобы вонзить его в плечо Себастьяна, ей хватило мгновения.

Себастьян вскрикнул и отпрянул, но скорее от удивления, чем от боли: его защищали руны. Клэри снова вонзила в него стекло, на этот раз в бедро, а потом ударила локтем по горлу. Себастьян закашлялся, и она нацелила осколок в пульсирующую артерию. И... замерла.

Себастьян смеялся. Все тело его сотрясало от смеха.

– Ну, убей меня, сестренка. Убьешь меня – убьешь и Джейса.

Она размахнулась и...

20. Дверь во тьму

...разочарованно вскрикнула, когда осколок вонзился в деревянный пол.

Себастьян продолжал смеяться:

– Ты не можешь этого сделать, Клэри. Не можешь убить меня.

– Мне плевать на тебя, – сказала она. – Я не могу убить Джейса.

– Знаешь, и я тоже.

Он размахнулся и ударил ее по лицу с такой силой, что она, проскользив по усеянному осколками полу, влетела в стену. Секундой позже Себастьян подскочил и поднял ее на ноги.

Она не сопротивлялась. Что толку? Он все равно добьется своего, зная, что она никогда не убьет его.

– Могло быть и хуже, – сказал он, окидывая ее взглядом. – Похоже, куртка защитила тебя от серьезных увечий.

Защитила? Ей казалось, что все ее тело исполосовано ножами.

Себастьян поднял ее на руки и понес наверх, осколки стекла под его ботинками противно шуршали.

Я убью его, подумала Клэри. Найду способ и убью.

Он внес ее в комнату Джейса и поставил на пол. Она сразу шагнула назад. Но он успел схватить ее за край куртки. Под курткой был только топик, перепачканный кровью.

– Да ты вся в крови, сестренка, – присвистнул Себастьян. – Ступай-ка в ванную, отмойся.

– Нет, – помотала она головой. – Что ты там говорил про церемонию? Та к вот, пусть они увидят меня такой. Может, поймут, что ты заставил меня пойти с тобой.

Себастьян схватил ее за подбородок и притянул к себе. Ей хотелось закрыть глаза, но она решила не доставлять ему такого удовольствия и смело взглянула в его лицо.

– Ты часть меня, и ты принадлежишь мне, – со злостью прошипел ее брат. – И будешь со мной, даже если мне придется тебя заставить.

– А ты убей меня, – сказала она. – Что тебе стоит? Знаю, ты не можешь убить Джейса, но меня – запросто. Та к почему ты этого не сделаешь?

На мгновение его взгляд стал отстраненным, как будто он увидел что-то недоступное ей.

– Этот мир скоро поглотит адский огонь, Клэри. Но я проведу тебя и Джейса сквозь огонь, если вы сделаете то, что я прошу. Никому больше я не окажу такой милости. Неужели ты не понимаешь, как глупо отказываться...

– А разве ты не понимаешь, Джонатан, что я не могу сражаться на твоей стороне, если ты хочешь сжечь весь мир?

– Но почему? – спросил он почти жалобно. – Почему ты так дорожишь этим миром? Ты же знаешь, что есть и другие миры... Скажи мне, что любишь меня. Любишь и будешь сражаться на моей стороне.

– Нет, я никогда тебя не люблю. Ты ошибался, когда сказал, что мы – одной крови. Твоя кровь – яд. Яд, Джонатан.

Он улыбнулся, и Клэри почувствовала, как что-то коснулось ее руки.

Скосив глаза, она увидела, что Себастьян чертит Иратце. Боль отступила, но она все равно ненавидела его.

– Я знала, что ты соврал, – вдруг сказала она.

– Я так часто вру... Какую именно ложь имеешь в виду ты?

– Про твой браслет. *Acheronta movebo* не означает «Такова участь тиранов». Про участь на латыни будет *Sic semper tyrannis*. А это из Вергилия. *Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*.

«Если небесных богов не склоню, Ахерон всколыхну я».

– А ты лучше понимаешь латынь, чем я думал.

– Я быстро схватываю.

– Недостаточно быстро. Вот что, ступай в ванную и отмойся. – Он схватил с кровати церемониальное облачение матери и всучил ей в руки. – Время на исходе. И мое терпение – тоже. Не выйдешь через десять минут – я приду за тобой. И поверь мне, тебе это не понравится.

– Я умираю с голоду, – сказала Майя. – Такое чувство, что много дней не ела. – Она открыла холодильник и заглянула внутрь. – Фу.

Джордан потянул ее назад, обнял и уткнулся в шею:

– Мы можем заказать еду. Мексиканскую, тайскую, пиццу, что хочешь. Только не дороже двадцати пяти долларов.

Майя засмеялась. Она носила одну из его футболок, и та доставала ей до колен. Волосы были стянуты в хвост.

– Транжира, – сказала она.

– Все ради тебя. – Он приподнял ее за талию и посадил на стол. – Можешь съесть яблоко.

Потом он поцеловал ее. Его губы сохранили вкус мятной зубной пасты. По телу Майи побежали мурашки.

Но все испортила трель звонка. Джордан нахмурился и отстранился:

– Черт, телефон. – Он посмотрел на определитель: – Это «Претор».

Из «Претора» ему не звонили никогда. Или, по крайней мере, очень редко. Только по вопросам чрезвычайной важности.

Майя вздохнула:

– Возьми.

Он кивнул и поднес трубку к уху.

Чтобы не мешать Джордану, Майя спрыгнула со стола и пошла к холодильнику, на котором висели листовки разных забегаловок. Она нашла листовку тайского ресторанчика и стала изучать ассортимент.

– Майя...

Джордан стоял бледный, и он, кажется, забыл, что держит в руке телефон.

Она поспешила к нему и положила трубку на рычаг:

– Что случилось, Джордан?

– Мой сосед по комнате... Ник, помнишь? Ты с ним не знакома, но... – В его ореховых глазах застыл ужас.

– Я видела его на фотографиях. С ним что-то случилось?

– Он погиб.

– Ка-ак?..

– Глотка разорвана, он обескровлен. Кажется, Ник нашел свою подопечную, и это она убила его.

– Морин? – ошарашенно произнесла Майя. – Но она же всего лишь девочка.

– Теперь она вампир, Майя...

Внезапно ее охватила паника. Поцелуи, объятия и даже секс – это одно. Но утешать того, кто потерял близкого, – совсем другое. Справится ли она?

– Джордан! – Майя приподнялась на цыпочки и обняла его. – Мне жаль...

Сердце Джордана колотилось.

– Нику было всего семнадцать.

– Он был претором, как и ты, – тихо произнесла она. – Он знал, что это опасно. А тебе всего

восемнадцать.

Он молча сжал ее.

– Джордан, я люблю тебя. Я люблю тебя, и мне очень жаль.

Майя почувствовала, как он замер. Сам он говорил ей эти слова за несколько недель до того, как она была укушена.

– Майя... ты...

Снова зазвонил ее телефон.

– Не обращай внимания, – попросила она.

На его лице отразилось замешательство.

– Нет, – сказал он. – Может быть, это важный звонок. Возьми ты.

Она вздохнула и подошла телефону. Он уже не звонил, но на экране мерцало текстовое сообщение. Мышцы ее живота напряглись.

– Что случилось? – встревоженно спросил Джордан.

– Девятьсот одиннадцать. Экстренный вызов. – Майя повернулась к нему. – От Люка и Магнуса. Призыв на бой. Они передали его всем членам стаи. Нам немедленно нужно идти.

Клэри села на пол, вытянув ноги перед собой. Она уже умылась и переоделась в церемониальное платье мамы. Кафельный пол охлаждал ее через тонкую ткань.

Она посмотрела на свои руки и подумала, что они должны выглядеть как-то по-другому. Но это были ее руки: тонкие пальцы, коротко обрезанные ногти – длинные ногти ей мешали. И лицо было таким же. Но за последние дни она здорово изменилась.

Клэри встала и подошла к зеркалу. Рыжие волосы, алое платье – и синяки, которые никуда не делись.

– Любуешься собой?

Она не слышала, как вошел Себастьян. Он стоял, прислонившись к косяку, и, как обычно, ухмылялся. Он был одет в алый френч, который она уже видела, а в руках держал *арбалет*, опустив его вниз.

– Роскошно выглядишь, сестренка. Мы с тобой красивая пара.

Когда она попыталась пройти мимо него, Себастьян провел рукой по ее обнаженному плечу.

– Здесь у тебя меток нет, – сказал он. – Это хорошо. Ненавижу, когда женщины уродуют себя татуировками. Метки должны быть на руках и ногах, там, где они не бросаются в глаза.

– Лучше не трогай меня!

Он фыркнул и поднял арбалет:

– Иди. Я пойду за тобой.

Собрав всю волю в кулак, Клэри прошла в коридор, чувствуя жжение между лопаток, там, куда было нацелено оружие.

Они спустились по стеклянной лестнице в кухню. Увидев недочерченную руну на стене, Себастьян хмыкнул, вытащил стилус, нанес несколько штрихов рядом, и Клэри увидела дверь, за которой зияла темнота.

Брат больно ткнул ее в спину:

– Шевелись.

Она вздохнула и шагнула во мрак.

Алек нажал кнопку лифта:

– Сколько у нас времени?

Изабель взглянула на экран мобильного:

– Минут сорок.

Лифт дернулся. Алек устал, она видела это, – под глазами пролегли темные круги.

Несмотря на свое атлетическое сложение, Алек, голубоглазый, с черными волосами почти до плеч, казался хрупким.

– Все в порядке, – ответил он на немой вопрос сестры. – Это тебя накажут за то, что ты шляешься неизвестно где. А мне больше восемнадцати. Могу делать что хочу.

– Я каждый вечер писала маме эсэмэски. Она знает, что я с тобой и Магнусом. Кстати, насчет Магнуса...

Алек открыл дверь лифта:

– Что?

– У вас все нормально? В смысле, вы хорошо ладите?

Шагнув в проход, Алек бросил на нее удивленный взгляд:

– Все катится коту под хвост, а тебя интересуют мои отношения с Магнусом?

– Меня всегда забавляло это выражение, – задумчиво произнесла Изабель и поспешила за братом по коридору. Догнать длинноногого Алека, когда ему этого не хотелось, было нелегко. – Почему катится? И какому коту?

Алек, который давно уже научился не реагировать на ее реплики, сказал:

– Ну, у нас с Магнусом все нормально, наверное.

– Ну-ну. Нормально, наверное? Что случилось, Алек? Вы поссорились?

Алек на ходу постукивал по стене – верный признак того, что что-то не так.

– Прекрати лезть в мою личную жизнь, Из. Кстати, а ты? Ты почему не встречаешься с Саймоном? Ведь он тебе нравится, это очевидно.

– Так уж сразу и очевидно!

– Еще как. У тебя же туман в глазах, когда ты на него смотришь. Я уж не говорю о том, как ты на озере перепугалась, когда ангел явился.

– Просто я подумала, что Саймон умер!

– Что, мертвее обычного? – Увидев выражение лица сестры, он пожал плечами. – Слушай, если он тебе нравится, это нормально. Я вообще не понимаю, почему вы не вместе.

– Потому что я ему не нравлюсь.

– Не выдумывай. Ты ведь всем парням нравишься.

– Прости, но, по-моему, у тебя предвзятое мнение.

– Изабель, – сказал Алек привычным тоном, в котором сочетались нежность и раздражение. – Ты сама знаешь, что сногсшибательна. Парни перед тобой... ну, просто в штабеля укладываются. Разве Саймон – исключение?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Он другой. Наверное, решать ему. Он знает о моих чувствах. Но, кажется, не спешит на них отвечать.

– Справедливости ради, сейчас он немного занят.

– Знаю, но... он всегда был таким. Клэри...

– Думаешь, он все еще любит Клэри?

Изабель закусил губу.

– Я... Ну, не знаю... Мне кажется, Клэри – единственное, что у него осталось от прошлой, человеческой жизни, и он не может с ней расстаться. Но... когда он думает о ней, для меня в его жизни места нет.

Они почти дошли до Библиотеки. Алек искоса взглянул на Изабель:

– Если они только друзья...

– Алек! – Она жестом велела ему замолчать.

Из Библиотеки доносились голоса.

– Что значит пропала? – узнали они голос матери.

– Никто не видел ее уже два дня, – произнес другой голос – мягкий, оправдывающийся. – Она живет одна, так что мы не были уверены... но мы подумали, раз ты знаешь ее брата...

Алек отворил дверь, Изабель прошмыгнула мимо него и увидела, что их мать сидит за большим столом в центре. Рядом с ней Алина Пенхоллоу и Хелен Блэкторн с взъерошенными кудрявыми волосами. Все три женщины развернулись и удивленно посмотрели на вошедших. Веснушчатая Хелен, как и Алина, была в облачении Сумеречных охотников и оттого казалась бледнее, чем обычно. На пальце Хелен блестело серебряное кольцо Пенхоллоу с выгравированными на нем горами, а на пальце Алины – кольцо Блэкторнов с клубком колючего плюща. Изабель почувствовала, как у нее непроизвольно взметнулись брови: обмен семейными кольцами – это серьезно.

– Изабель, Александр, – вскочила Мариза. – Что случилось?

– Если мы помешаем, мы можем уйти... – начала Алина.

– Нет, останься, – произнесла Изабель, выходя вперед, – ты можешь нам понадобиться.

Мариза снова села в кресло.

– Глазам не верю, – сказала она. – Мои дети почтили меня своим присутствием. И где же вы пропадали?

– Ты знаешь, – ответила Изабель. – Мы были у Магнуса.

– И что же вас там задержало? Александр, к тебе этот вопрос не относится.

– Конклав прекратил поиски Джейса, – начала Изабель.

– А мы – нет, – продолжил за нее Алек. – Магнус согласился помочь нам. Он ночами не спал, просматривал книги заклинаний, пытаясь выяснить, где Джейс. Он даже вызвал...

– Нет! – Мариза жестом велела ему замолчать. – Не говори. И знать ничего не хочу!

Черный телефон на столе зазвонил. Все уставились на него. Черный телефон – значит, звонок из Идриса. Но никто не снял трубку.

– Зачем вы пришли? – сердито спросила Мариза.

– Мы искали Джейса... – снова начала Изабель.

– Это работа Конклава, но не ваша.

У матери усталый вид, заметила Изабель, кожа под глазами истончилась. И она сильно похудела.

Неожиданно для всех Алек стукнул кулаком по столу:

– Может, ты нас выслушаешь, мама? Конклав не нашел Джейса, но мы его нашли. И Себастьяна. Теперь мы знаем, что они задумали, но у нас... – он бросил взгляд на часы, – почти нет времени, чтобы остановить их. Ты нам поможешь или нет?

Черный телефон снова зазвонил. Мариза смотрела на Алека, и лицо ее стало белым от ужаса.

– Что вы сделали?

– Мы знаем, где Джейс, мама, – сказала Изабель. – Или, по крайней мере, знаем, где он будет. И знаем, что он собирается сделать. Вернее, что собирается сделать Себастьян. Его нужно остановить. И еще. Как убить Себастьяна, не тронув Джейса, мы тоже знаем...

– Стой! – Мариза потрянула головой. – Александр, объясни. Кратко и без истерик. Заранее благодарю.

Алек, как показалось Изабель, пропустил все самое интересное, но даже после сжатого рассказа девушки все за столом разинули рты. Мариза выслушала с каменным лицом. Когда Алек закончил, она прошептала:

– Зачем вы пошли на это?

– Ради Джейса, – ответила Изабель. – Чтобы вернуть его.

– Вы хоть понимаете, что теперь у меня нет другого выбора, кроме как уведомить Конклав? – спросила Мариза окрепшим голосом и положила руку на черный телефон. – Лучше бы вы сюда не приходили.

У Изабель пересохло во рту.

– Ты злишься из-за того, что мы рассказали тебе о том, что происходит?

– Если Конклав узнает, они отправят всех, кого смогут, на поимку Джейса. Джия прикажет убить его. Вы знаете, сколько Сумеречных охотников на стороне сына Валентина?

Алек задумался.

– Сорок, наверное.

– Допустим, мы приведем вдвое больше. Тогда мы почти наверняка победим, но каков шанс, что Джейс уцелеет? Нулевой. Его убьют... просто на всякий случай.

– Тогда не стоит докладывать, – сказала Изабель. – Мы пойдем сами. Обойдемся и без помощи Конклава.

Глядя на дочь, Мариза покачала головой:

– По закону мы обязаны обо всем доложить.

– Да плевать на закон, – вспылила Изабель. Заметив, что Алина смотрит на нее круглыми от ужаса глазами, она замолчала.

– Не беспокойтесь, – сказала Алина. – Я ничего не скажу маме. Я вам многим обязана. Особенно тебе, Иззи. – Изабель вспомнила, как полоснула кнутом демона, вцепившегося когтями в девушку. – И кроме того, Себастьян убил моего двоюродного брата. Настоящего Себастьяна Верлака. У меня есть свои причины ненавидеть его.

– Все это не имеет значения, – покачала головой Мариза. – Если мы им не скажем, то нарушим закон. Наказание может быть суровым.

– Суровым? – вскинулся Алек. – Что ты имеешь в виду? Изгнание?

– Не знаю, Александр. Выбирать наказание будет Джия Пенхоллоу и тот, кто займет пост Инквизитора.

– Я слышала, что пост Инквизитора может занять папа, – пробормотала Изабель. – Есть надежда, что он пожалеет нас.

– Если мы не расскажем им обо всем, у твоего отца не будет никаких шансов стать Инквизитором, – отрезала Мариза.

Сделав глубокий вдох, Изабель спросила:

– Нас могут лишить Меток охотников? Нас могут изгнать из Института?

– Изабель, – сказала Мариза, – мы можем потерять все.

Глаза Клэри привыкли к темноте. Она стояла на каменистой равнине, и ее хлестал ветер. Вдали, на фоне ночного неба вздымались громады карстовых холмов. Там же горели колдовские огни – она узнала мерцающий белый свет.

Раздался глухой хлопок. Клэри обернулась и увидела, что дверь исчезла.

– Что?.. – Глаза Себастьяна расширились.

Ее братец испугался. Она громко расхохоталась.

Себастьян поднял арбалет. Если бы он выстрелил с такого расстояния, она погибла бы мгновенно.

– Что ты сделала?

Клэри и не думала скрывать победного взгляда.

– Та руна. Ну, которую ты принял за недочерченную. Ты раньше не мог видеть ничего подобного. Это новая руна, которую создала я, – заявила она.

– Новая руна?

– Да. – Клэри придумала ее в ту ночь, когда Джейс пришел в дом Люка. – Знаешь, как она действует? Через несколько секунд после того, как кто-то откроет дверь, все исчезает. Твоего дома больше нет, Себастьян. Ты не сможешь им воспользоваться. Никто не сможет.

– Сучка! Ты, маленькая... – Губы Себастьяна задержались.

– Хочешь, убей меня, – спокойно сказала Клэри. – Давай же. А потом попробуй объяснить все Джейсу.

Себастьян опустил арбалет и посмотрел на нее с яростью:

– Есть вещи похуже смерти, сестренка. И не сомневайся, все это я сделаю с тобой, как только ты отхлебнешь из чаши.

Клэри плюнула в него и получила удар в живот.

– Иди, – приказал Себастьян и повел ее вниз по каменистому склону.

Голова кружилась. На Клэри были туфли с тонкой подошвой, и она ощущала каждый камешек.

Колдовские огни засияли ярче, и Клэри увидела древнюю гробницу. На двух узких, стоящих вертикально камнях покоился плоский камень, отчего все сооружение было похоже на дверной проем. Впереди лежал еще один камень, напоминающий сцену. У камня полукругом выстроились около сорока нефилимов в алом облачении, с факелами в руках. В центре на земле горела синевато-белая пентаграмма.

Клэри увидела Джейса. Он был в таком же френче, как у Себастьяна, и Клэри отметила, что они похожи друг на друга, как никогда.

Потом она расслышала слова Джейса:

– ...благодарность за вашу преданность, за вашу веру в нашего отца...

Толпа загудела. Себастьян толкнул Клэри в спину, и они взобрались на камень-сцену позади Джейса. Джейс кивнул им и снова повернулся к толпе.

– Вы – те, кто спасется, – продолжил он свою речь. – Тысячу лет назад ангел, пожертвовав свою кровь, сделал нас особенными, сделал нас воинами. Мы защищаем безразличных нам Примитивных от сил, о которых они даже не подозревают, но древний закон не позволяет нам открыть свое лицо, сказать, что мы – спасители. Мы до сих пор таимся во мраке. Мы умираем, не получив благодарности, и скорбят по нам только наши сородичи, а ангелу, создавшему нас, все равно. – Светлые волосы Джейса взметнул ветер. – Да, – сказал он, – я не побоюсь этих слов. Ангел, создавший нас, нам уже не поможет, и мы одиноки. Даже более одиноки, чем Примитивные. Ведь как сказал один из их великих ученых, они подобны детям, играющим с ракушками на берегу океана, в то время как целый океан истин лежит перед ними неоткрытым^[21]. Но мы знаем истину. Мы спасители Земли, и мы должны править ею.

Джейс – хороший оратор, подумала Клэри с болью в сердце. Такой же, как Валентин. Сумеречные охотники не отрывали от него глаз.

– Да, мы должны править ею, – повторил Джейс и улыбнулся. – Разиэль безразличен к нашим страданиям. Настало время отвернуться от него и обратиться к Лилит, Великой Матери, которая дарует нам силу без наказания, власть без закона. Мы заслужили силу по праву рождения, и мы ее получим.

Себастьян выступил вперед.

– А теперь я передам слово Джонатану, ведь это его мечта, – произнес Джейс и, шагнув к Клэри, взял ее руку в свою.

– Хорошая речь, убедительная, – шепнула она.

Себастьян что-то говорил, но она не отрывала глаз от Джейса.

– Правда? Я хотел начать ее словами «Друзья, римляне, злодеи!», но подумал, что они не поймут юмора.

– Думаешь, они злодеи?

Он пожал плечами:

– Для Конклава – да. – Бросив на нее на удивление равнодушный взгляд, он добавил: – Ты прекрасно выглядишь. Но что случилось?

– Ты о чем? – не поняла Клэри.

Отвернувшись от толпы, Джейс распахнул куртку. На белой рубашке виднелись красные пятна.

– Я чувствую то же, что и он, – сказал он. – Ты забыла? Мне даже пришлось нанести на себя Иратце. Было такое чувство, что кто-то режет меня бритвой.

Клэри посмотрела ему в глаза. Есть ли смысл врать?

– Мы с Себастьяном подрались...

Он помолчал.

– Что ж, надеюсь, вы уже помирились.

– Джейс... – начала Клэри, но его внимание теперь было приковано к Себастьяну.

– Вы со мной? – прокричал Себастьян и потряс над головой арбалетом.

Толпа зашумела. Один из нефилимов, пожилой мужчина, нахмурился:

– Твой отец давал нам много обещаний и не выполнил ни одного. Почему мы должны тебе доверять?

– Потому что сегодня я выполню все свои обещания. – В руках Себастьяна оказалась Чаша смерти, тускло сиявшая в свете луны.

Толпа зашумела еще громче. Воспользовавшись тем, что его не слышно, Джейс произнес:

– Надеюсь, все пройдет гладко. Я что-то не выспался.

В свете колдовского огня Клэри видела шрам на его щеке, ямочки у висков, красивый рот. *Я этого не вспомню*, сказал он несколько часов назад, *когда вернусь под его контроль*. Да, это так. Он все забыл. Ей стало больно, хотя она была готова к этому.

Себастьян спустился с камня и шагнул к пентаграмме. Встав у ее края, он начал читать заклятие:

– *Abyssum invoco. Lilith invoco. Mater mea, invoco.* – Затем вынул тонкий кинжал и полоснул лезвием по ладони. Хлынувшая в чашу кровь в свете луны казалась черной. – *Mater mea, invoco...*

Сейчас или никогда.

– Джейс, – прошептала Клэри. – Я знаю, что это не ты. Я знаю, что ты не потерпел бы того, что происходит. Попытайся вспомнить, кто ты, Джейс Лайтвуд.

Он с удивлением посмотрел на нее:

– О чем ты?

– Попытайся вспомнить, Джейс. Я люблю тебя. Ты любишь меня...

– Я люблю тебя, Клэри. Но ты говорила, что все понимаешь. Час настал. Это кульминация того, ради чего мы старались.

Себастьян выплеснул содержимое чаши в центр пентаграммы:

– *Hic est enim calix sanguinis mei.*

– Не мы, – прошептала Клэри. – Я здесь ни при чем... И ты – тоже.

Джейс вздрогнул. Клэри показалось, что ей удалось пробить панцирь, но, проследив за его взглядом, она увидела кружащийся шар огня размером с бейсбольный мяч, появившийся в центре пентаграммы. На ее глазах шар вырос и принял форму женщины.

– Лилит! – звонко произнес Себастьян. – Как ты призвала меня, так и я призываю тебя. Как ты даровала мне жизнь, так и я дарую тебе жизнь.

Пламя спало, и Клэри увидела Лилит. Тело ее было серым, как пепел, и покрыто трещинами. Черные волосы спускались до пят.

– Дитя мое, – выдохнула она, обращаясь к Себастьяну.

– Я призвал тебя, как ты хотела, Лилит. Сегодня ты станешь матерью новой расы. – Он указал на застывших Сумеречных охотников. – Вот чаша. – И Себастьян протянул ей наполненный кровью сосуд.

Лилит усмехнулась, взяла чашу и впилась зубами в свое запястье. Потекла густая черная кровь, и чаша потеряла прозрачность.

– Испей же моей крови из Чаши ада, – произнесла Лилит скрипучим голосом, наклонилась и протянула чашу Себастьяну.

Себастьян взял чашу из ее рук. Теперь она была черной, как гематит.

– Твоя армия будет расти, а вместе с ней возрастет и моя сила, – прошелестела Лилит. – Скоро я смогу вернуться, сын мой.

Себастьян склонил голову:

– Мы объявили о твоей смерти, Великая Мать, и предсказываем твое воскрешение.

Лилит демонически расхохоталась и воздела руки к небу. Пламя охватило ее, и она взорвалась пылающими частицами.

Когда частицы исчезли, Себастьян пнул пентаграмму, нарушив ее контур, и поднял голову. Лицо его исказила гримаса.

– Картрайт, выводи первую, – приказал он.

Толпа расступилась, и плечистый мужчина вывел спотыкающуюся женщину, прикованную к нему цепью. Длинные спутанные волосы скрывали ее лицо. Клэри напряглась:

– Джейс, что происходит?

– Ничего, – спокойно ответил он. – Никто не пострадает. Они просто изменятся. Смотри.

Картрайт, имя которого Клэри смутно помнила со времен Идриса, положил руку на голову пленницы и заставил ее упасть на колени. Потом нагнулся, схватил ее за волосы и заставил поднять голову. Луна осветила ее лицо.

– Аматис... – охнула Клэри.

21. Адова бойня

Сестра Люка подняла глаза, такие же голубые, как у брата, и посмотрела на Клэри. Взгляд ее блуждал, словно ее опоили. Она попыталась подняться с колен, но Картрайт помешал ей встать.

Себастьян подошел к ним с чашей в руке.

Клэри попыталась вмешаться, но Джейс поймал ее за руку и потянул назад. Она лягалась, но он скрутил ее и зажал рот рукой. Себастьян что-то говорил Ааматис гипнотическим шепотом. Она мотнула головой, но Картрайт снова схватил ее за длинные волосы и заставил держать голову прямо. Ветер разнес тонкий крик.

Клэри вспомнила ту ночь, когда она, глядя на вздымающуюся грудь Джейса, думала, что может положить всему этому конец одним ударом ножа. Но у «всего этого» не было ни голоса, ни лица. А теперь она видела лицо Ааматис и знала о плане Себастьяна, но было слишком поздно.

Себастьян прижал чашу к губам женщины и заставил ее отхлебнуть. Она поперхнулась и закашлялась. Черная жидкость потекла по ее подбородку.

То, что произошло дальше, казалось Клэри ужасным. Издав глухой вой, Ааматис выпрямилась. Ее голубые глаза потемнели. Руна Всевидающего ока на ее руке побледнела и исчезла.

Потом лицо Ааматис снова приняло обычное выражение, и глаза снова стали голубыми. Она не отводила их от Себастьяна.

– Отпусти ее, – приказал Себастьян Картрайту. – Пусть подойдет ко мне.

Картрайт разомкнул цепь и шагнул назад со странным выражением интереса и страха на лице.

Некоторое время Ааматис не двигалась, руки ее безвольно болтались. Наконец она поднялась, подошла к Себастьяну и опустилась перед ним на колени, подметая волосами грязь.

– Господин, – пролепетала она, – чем я могу служить вам?

– Встань, – приказал Себастьян, и Ааматис послушно поднялась с колен.

По спине Клэри пробежал холодок. То, что она приняла за длинное белое платье, на самом деле оказалось ночной рубашкой. Вероятно, Ааматис притащили сюда прямо из постели. Какой ужас – просыпаться в этом жутком месте, среди фигур в капюшонах.

Себастьян поманил Ааматис пальцем:

– Хочешь сразиться с Картрайтом?

Рука Картрайта скользнула под распахнутый плащ к поясу с оружием.

– Но я...

Клэри показалось, что он хочет возразить.

– Ну же, Картрайт, эта женщина старше тебя! Ты что, боишься? – усмехнулся Себастьян.

– Джонатан...

Глаза Себастьяна сверкнули.

– Вперед, Ааматис.

Губы женщины изогнулись в улыбке.

– Слушаюсь, господин, – сказала она и с поразительной ловкостью выбила кинжал из рук Картрайта.

Затем ее колено погрузилось в его живот. Охотник согнулся, и Ааматис повалила его на землю.

– Это тебе за то, что вытащил меня из постели посреди ночи, – сказала она.

По толпе пробежал сдавленный смешок.

– Вот видите, – улыбнулся Себастьян. – Мощь. Настоящая мощь. Сумеречные охотники, заключившие союз с ангелом, слабы по сравнению с детьми Лилит. Ну, кто готов к посвящению?

На мгновение воцарилась тишина. Картрайт с трудом поднялся и, бросив злой взгляд на Ааматис, произнес:

– Я готов.

Себастьян поднял чашу и сказал:

– Теперь это Чаша ада, испей из нее.

Вслед за Карттрайтом потянулись другие. Ааматис стояла в стороне, сложив руки на груди.

Клэри не могла поверить в происходящее. Ааматис, сестра Люка... Она вспомнила ее маленький домик в Идрисе, ее бесконечную доброту. Пожалуйста, молила Клэри, пожалуйста, посмотри на меня, дай мне знать, что ты – это ты. Словно услышав ее, Ааматис подняла голову и улыбнулась. Клэри вздрогнула. Это была *другая* Ааматис. Она улыбалась холодно и зловеще, как улыбаются палачи.

Клэри хотела закричать, но поняла, что это бессмысленно. Здесь ей никто не поможет, и тот, рядом с кем она стоит сейчас, – это тоже не Джейс. Она почти забыла, кого именно спасала, наполнив пустую оболочку своей любовью, но *ее* Джейс, настоящий, сказал: «Меня тошнит от мысли, что он с тобой. Он. Другой я». Джейс знал, что без души – это уже не он. Клэри вздрогнула. Джейс пытался сдать Конклаву, но она ему не позволила. Она сделала выбор за него – в панике, но все же сделала, – а настоящий Джейс предпочел бы умереть, чем жить так. Выходит, она не спасала его, а обрекала на ту жизнь, которая была ему ненавистна.

Увидев, что Клэри больше не сопротивляется, Джейс ослабил хватку. Перед Себастьяном стоял последний из готовых принять обращение, другие уже глотнули из чаши.

– Клэри... – начал Джейс, но она так и не узнала, что он хотел сказать.

Раздался крик, и нефилим, еще не успевший сделать глоток, упал; из его спины торчала стрела. Клэри, как во сне, обернулась и увидела Алека; он стоял на вершине холма и держал в руках лук. Потом появились остальные. Припадая к земле, бежала стая волков, их пятнистая шерсть блестела в свете луны. Майя и Джордан наверняка среди них, подумала Клэри и увидела Изабель и Маризу Лайтвуд, Хелен Блэкторн, Алину Пенхоллоу и... конечно, маму – рыжая шевелюра Джослин была заметна издалека. Из-за плеча Саймона – он тоже был здесь – виднелась рукоять меча, а Магнус, как всегда, освещал путь всполохами голубого огня.

Сердце в груди девушки дрогнуло.

– Я здесь, – закричала она, – я здесь!

– Ты ее видишь? – взволнованно спросила Джослин, обращаясь к Саймону. – Она там?

Саймон всмотрелся в толпу, снующую во мраке. Его пьянил запах крови, витавший над полем.

– Да, – ответил он. – Ее держит Джейс. Волочет ее перед шеренгой Охотников.

– Если они так же верны Джонатану, как Круг был верен Валентину, то нам придется побороться, чтобы добраться до нее. – В зеленых глазах Джослин бушевала ярость.

– Добраться нам нужно до Себастьяна, – решительно поправила ее Изабель. – Саймон, мы проложим тебе дорогу. Доберись до Себастьяна и пронзи его Блистательным. Как только он падет...

– ...остальные наверняка разбегутся, – закончил за нее Магнус. – По крайней мере, мы можем на это надеяться. – Он гордо вскинул голову. – Кстати, ты видела, как Алек выстрелил из лука? Это мой парень!

Он просиял, и Саймон едва сдержал улыбку: только Магнус мог выбрать доспехи с

блестками.

Изабель развернула кнут, обмотанный вокруг запястья, и хлестнула им:

– Ну, Саймон, ты готов?

Саймон напрягся. До Темной армии было еще далеко, но острое зрение вампира позволяло ему видеть лучше других. Враг был в замешательстве. Он не смог сдержать ухмылки.

– Саймон, ну чего ты улыбаешься? – ткнула его в бок Изабель.

– Кажется, клинки серафимов потеряли силу, и они пытаются выяснить, почему. Себастьян велел им использовать другое оружие.

Раздался крик – еще одна стрела, пущенная Алеком, попала в цель. Саймон рванулся вперед. Ему казалось, что он нырнул в океан, полный акул. Для него эта битва была не первой, но во времена Смертельной войны на его лбу темнела Метка Каина. Он только что получил ее, и она еще не начала действовать, но на него не рискнул напасть ни один демон. Жаль, что он лишился такой защиты, но, в конце концов, другие как-то обходятся. Изабель шла по одну руку от него, Магнус – по другую. Кнут Изабель со свистом рассекал воздух, Магнус испепелял врага зеленым и синим огнем. Стая Люка рычала, вгрызаясь в глотки.

Саймон почувствовал укол боли – чей-то кинжал раскроил ему бок, – но он продолжал идти дальше, зная, что рана скоро затянется.

И вдруг он увидел знакомое лицо. Аматис? Сестра Люка? Что она делает здесь? Пришла сражаться на их стороне? Но...

Воспользовавшись замешательством Саймона, Аматис бросилась к нему с кинжалом в руке. Она была проворна, и все могло бы закончиться плачевно, если бы не Магнус. Колдун прыгнул и оттолкнул Саймона. Аматис замахнулась кинжалом и рассекла покрытые блестками доспехи. Глаза Магнуса расширились от ужаса, и он рухнул на колени. Саймон услышал, как закричала Изабель, но толпа уносила его прочь. Последнее, что он увидел, – занесенный над Магнусом кинжал: сестра Люка целилась колдуну в сердце.

– Немедленно отпусти меня! – кричала Клэри, пытаясь вырваться из рук Джейса. За спинами сражающихся она почти ничего не видела.

Себастьян не принимал участия в битве. Он стоял рядом с Джейсом и наблюдал за происходящим с выражением мрачной ярости на лице. Его губы шевелились, но Клэри не могла понять, ругается он, молится или читает заклинание.

– Отпусти меня, ты...

– Заткни ей рот, Джейс, – зло бросил Себастьян.

– Мы что, так и будем стоять здесь? – спросил Джейс, все еще державший Клэри.

– Мы не можем рисковать собой, – пожал плечами Себастьян.

– Но мне это не нравится. Силы неравны, и раскладка не в нашу пользу. Ты сможешь снова призвать Лилит на помощь?

– Что, прямо здесь? – презрительно фыркнул Себастьян. – Нет. Кроме того, она сейчас слишком слаба, чтобы помочь нам. Когда-то она могла сокрушить целое войско, но этот мерзкий вампиришка с Меткой Каина рассеял ее между мирами. Хорошо хоть, у нее хватило сил одарить нас своей кровью.

– Трус! – плюнула в него Клэри. – Ты превратил этих людей в своих рабов, а теперь даже не хочешь защитить их ...

Себастьян поднял руку, собираясь дать ей пощечину, но потом передумал. Клэри пожалела об этом – ей хотелось, чтобы Джейс увидел, как ее бьют.

– А если бы Джейс отпустил тебя, ты бы стала сражаться?

– Конечно!

– На чьей стороне?

Не дожидаясь ответа, Себастьян шагнул к ней, подняв Чашу ада. Хотя из нее испило все темное воинство, крови в ней не уменьшилось.

– Подними ей голову, Джейс.

– Нет! – Теперь Клэри старалась вырваться с удвоенной силой.

Рука Джейса скользнула под ее подбородок, но ей показалось, что ему не хватает уверенности.

– Себастьян... не... – услышала она.

– Нам больше нет нужды оставаться здесь. Набрать новое пушечное мясо не так уж и сложно. Мы доказали главное – что Чаша ада действует, – сказал Себастьян и ухватил Клэри за платье. – Но уйти будет гораздо проще, если она не будет кричать, брыкаться и пинаться.

– Мы можем заставить ее выпить потом...

– Нет, – огрызнулся Себастьян. – Держи ее крепче.

Он прижал чашу к губам Клэри, стараясь открыть ей рот. Она сопротивлялась, стиснув зубы.

– Пей! – тихо прошипел Себастьян. – Помнишь, я говорил тебе: когда ночь подойдет к концу, ты будешь делать то, что я хочу. Пей!

Он рассек чашей ее нижнюю губу. Ощувив вкус собственной крови, Клэри ухватилась за плечи Джейса, оттолкнулась и лягнула Себастьяна. Ее нога угодила ему прямо в грудь. Он отшатнулся, и Клэри, мотнув головой, с хрустом впечатала затылок в лицо Джейса. Тот вскрикнул и ослабил захват. Вырвавшись из его рук, Клэри побежала на поле боя.

Стая рассеялась. Волки бросались на темных воинов, раздирая их клыками. Майя держалась неподалеку от Джордана. Не потому, что ей нужна была защита, а потому, что вместе сражаться лучше. Ей доводилось участвовать лишь в одной битве, на равнине Броселинд, но там все было по-другому. Сумеречные охотники, испившие из чаши, были опасными противниками. Они орудовали кинжалами с пугающей ловкостью. На глазах Майи худой мужчина отрубил голову волку, застывшему в прыжке; на землю упал обезглавленный человеческий труп.

Внезапно над ними навис темный воин с обоюдоострым мечом в руках. Джордан ощерился, но Майя решительно бросилась вперед. Охотник увернулся, но успел задеть ее мечом. Ощувив острую боль в плече, Майя упала на четвереньки, но краем глаза заметила, что меч все-таки выпал из рук противника. Она довольно взревела, собираясь снова ринуться в бой, но тут...

Но тут она увидела, как нефилим – бывший нефилим – схватил Джордана за шиворот и теперь держал в воздухе, как непослушного щенка.

– Нежить поганая, – шипел он. – Шубу бы из тебя сделать! Я бы носил.

Майя завизжала и впилась зубами в ногу врага. В ее рот хлынула кровь. Охотник, державший Джордана, вскрикнул от боли и попятился, отпустив Джордана. Джордан тут же вцепился ему в горло, не оставив шансов на спасение.

Аматис занесла нож, целясь в сердце Магнуса. Но в последнюю секунду, просвистев в воздухе, ей в плечо вонзился стрела. Аматис вскрикнула и упала. Ее крик потонул в лязге оружия.

Над Магнусом склонилась Изабель, и ей стало страшно. Магнус, всегда пышущий энергией Магнус, лежал неподвижно. Она подняла глаза и увидела, что Саймон остановился и смотрит на них.

– Иди! – закричала она. – Найди Себастьяна!

Саймон кивнул и снова пошел вперед. Он увидел Джослин, которая яростно дралась с рычащим мужчиной; оба были залиты кровью. Неожиданно Саймон понял одну странную вещь:

у темных воинов не было меток. Кожа их была чиста.

Справа от него сражалась Алина.

– Осторожнее! – крикнул он, увидев, как к ней подобрался один из новообращенных и замахнулся булавой.

Но тут откуда-то сбоку вынырнула Хелен и раскроила ему брюхо. И все же темные воины были проворнее многих участвующих в битве. Саймон подумал, что они двигаются с быстротой вампиров. На его глазах погиб один из волков – на земле остался лежать труп коренастого мужчины со светлыми кудрявыми волосами.

Отовсюду разило кровью, и Саймону отчаянно захотелось вернуть Метку Каина. Над ним завис палаш, и он мгновенно отпрыгнул. Темный воин снова замахнулся и тут же осел, сраженный стрелой Алека. Брат Изабель стрелял как машина. Выпуская одну стрелу, он уже механически тянулся за другой.

И тут Саймон замер. Клэри... Она бежала по полю, лягаясь и толкаясь. На ней было разорванное красное платье, волосы растрепаны. Увидев Саймона, она на секунду остановилась, и по губам он понял, что она прошептала его имя.

За Клэри гнался Джейс. Лицо его было в крови. Темные воины расступались, пропуская их. В образовавшейся брешии Саймон заметил еще одну фигуру. Себастьян... Он подобрался и вытащил меч из ножен. Мгновение спустя толпа вытолкнула к нему Клэри. В глазах ее горел адреналин, щеки пылали, и она явно была рада его видеть. Саймона захлестнула волна облегчения – он боялся, что она могла измениться, как Амалис.

– Дай мне меч! – прокричала она, и ее голос заглушил скрежет металла.

Саймон увидел другую Клэри, не подругу его детства, а мстительницу, которая и должна была держать этот меч.

Он без слов протянул его девушке.

Эта битва похожа на водоворот, подумала Джослин. Враг подступает со всех сторон, и надо приложить все усилия, чтобы остаться в живых.

Она надеялась увидеть дочь или хотя бы Джейса, потому что Клэри пошла бы за ним, где бы он ни был.

Джослин взобралась на один из камней, пытаясь рассмотреть поле битвы, не мелькнут ли где рыжие кудри, но видела лишь сверкающие клинки и темные шкуры волков.

Она повернулась, собираясь слезть с камня... и обнаружила, что ее уже ждут. Мужчина был в алом облачении, щеку его пересекал багровый шрам, но она все равно узнала его.

– Джереми? Джереми Понтмерси...

Некогда он был самым молодым членом Круга.

– Ты пришла, чтобы присоединиться к нам, Джослин Моргенштерн? – спросил он, глядя на нее налитыми кровью глазами.

– Присоединиться к вам? Нет, Джереми.

– Ты же состояла в Круге... – В правой руке он сжимал длинный кинжал. – Ты была одной из нас. Теперь Круг возглавляет твой сын.

– Я отреклась от вас и от своего мужа. Почему вы решили, что я присоединюсь к вам теперь, когда во главе заговора стоит мой сын?

– Либо ты с нами, либо против нас, Джослин. – Лицо Джереми посуровело. – Ты не можешь пойти против собственного сына.

– Джонатан, – тихо произнесла она, – это величайшее зло, которое Валентин принес в мир. Я никогда не была на его стороне. Никогда не стояла на стороне Валентина. Та к почему же ты решил, что переубедишь меня?

– Ты не поняла меня, Джослин. Я говорю о том, что ты не выступишь против своего сына. Против нас. И Конклав не выстоит. Они не готовы. Не готовы к тому, что мы способны совершить. И совершим, не сомневайся. Кровь зальет улицы всех городов. Мир поглотит пламя. Все, что тебе известно, будет уничтожено. Это твой единственный шанс. Второго шанса твой сын тебе уже не даст.

– Джереми, – мягко сказала она. – Ты был совсем юн, когда перешел на сторону Валентина. Ты еще можешь вернуться. Конклав будет снисходителен...

– Я никогда не вернусь, – твердо произнес он. – Разве ты не понимаешь? Те из нас, кто перешел на сторону твоего сына, больше не нефилимы.

Больше не нефилимы... Джослин открыла рот, чтобы ответить, но Джереми дернулся и осел на землю.

Позади него, тяжело дыша, стояла Мариза с палахом.

Женщины некоторое время смотрели друг на друга, потом Мариза повернулась и снова ринулась в бой.

Когда пальцы Клэри сжали рукоять, меч вспыхнул золотым светом. Она увидела письмена – *Quis ut Deus?* – и провела рукой по лезвию. Меч был остро заточен.

Все, что произошло потом, происходило как в замедленной съемке. Меч горел в ее руках. Ее глаза отчаянно искали Себастьяна. Она не видела его, но знала, что он где-то позади сражающихся. Крепче сжав меч, она решительно пошла вперед, но кто-то преградил ей путь. Это был Джейс.

– Клэри, – сказал он.

Ей казалось невероятным, что она его слышит – вокруг шумела битва, – но в то же время ей казалось, что они остались одни.

– Уйди с дороги, Джейс.

Золотые глаза Джейса ничего не выражали. Лицо его было окровавлено.

За ее спиной что-то прокричал Саймон.

– Отдай меч, Клэри, – сказал Джейс.

– Нет. – Она отступила на шаг.

Блистательный осветил траву, покрытую кровью.

– Джейс. Я могу отделить тебя от Себастьяна. Убить его, не тронув тебя.

Его лицо скривилось.

Она видела и Джейса и не Джейса одновременно. Свои воспоминания о нем и того, кто убил в Париже Железную сестру, так похожую на ее мать.

– Убить его? – возмутился *не ее* Джейс. – Да ты с ума сошла!

Она вспомнила ночь у озера Лин, когда Валентин вонзил в него меч. Она тогда едва не лишилась всех сил.

На ее глазах Джейс умирал в Идрисе. А потом, когда она воскресила его, он взглянул на нее пылающими, как сейчас меч, глазами.

Я был во тьме, сказал он. *Там не было ничего, кроме теней, и я сам стал тенью, а потом услышал твой голос.*

Потом она услышала совсем недавние его слова:

Я лучше умру, чем буду жить так.

Джейс нетерпеливо просил ее отдать меч, и она поняла, что это не только *не ее* Джейс, но и та Клэри, которую он любил, – не она. Джейс, другой Джейс, любил воспоминание о ней, смутное, искаженное: образ кроткой, послушной девушки, не понимавшей, что неискренняя любовь – это и не любовь вовсе.

– Дай мне меч, – теперь он говорил властно. – Дай мне его, Клэри.

– Тебе нужен Блистательный?

Она подняла меч так, как когда-то ее учил Джейс, и почувствовала его тяжесть. Пламя становилось все ярче, а потом потянулось вверх, достигая небес. Джейс смотрел на нее удивленными золотыми глазами. Он не мог поверить, что она действительно способна убить его.

Она глубоко вздохнула:

– Возьми!

Она увидела, что глаза Джейса загорелись, как в тот день у озера, когда его поразила мечом Валентин. Однажды Джейс уже умирал так, но она вырвала его из костлявых лап смерти, а теперь смерть пришла за ним снова.

Смерть не обманешь. Она возьмет свое.

Блистательный с хрустом вонзился между ребер Джейса. Клэри застыла, увидев, как из его груди хлынула кровь.

Раздался крик – крик боли и ярости, крик раздираемого надвое существа. Себастьян, подумала Клэри, их связь с Джейсом оборвалась.

Но Джейс... Его глаза были открыты. Он посмотрел на Клэри и словно наполнился светом.

И его охватил огонь.

Алек не помнил, как шел, перешагивая через тела. Глаза его искали лишь одного – Магнуса. Он споткнулся и едва не упал, а потом увидел Изабель, склонившуюся над его другом.

Алеку показалось, что в его легких не осталось воздуха. Он никогда не видел Магнуса таким бледным и... таким неподвижным. Он... мертв? Нет, этого не может быть! Магнус прожил так долго – он вечен... Теперь Алеку была страшна сама мысль о том, что Магнус умрет раньше него.

– Алек... – Голос Изабель поднимался как сквозь толщу воды. – Алек, он дышит!

– Кинжал! – мгновенно скомандовал юноша.

Она молча протянула ему оружие, припоминая, что там говорили на уроках полевой медицины.

Алек рассек доспехи Магнуса и рубашку под ними. На правом боку колдуна зияла глубокая рана. Но, судя по дыханию, легкие не пострадали. Сорвав с плеч куртку, Алек скомкал ее и прижал к кровоточащей ране.

Глаза Магнуса распахнулись.

– Ай! – сказал он слабым голосом. – Не наваливайся на меня.

– Разиэль, – благодарно выдохнул Алек и возвел глаза к небу. Потом положил свободную руку под голову Магнуса. – Я думал....

Он метнул взгляд на Изабель, и та деликатно отошла в сторону.

– Я видел, как ты упал, – сказал Алек, нагнулся и нежно поцеловал Магнуса в губы. – Я думал... ты умер.

Магнус криво улыбнулся.

– От этой-то царапины? – Он посмотрел на быстро алеющую куртку. – Ладно, от большой царапины. Меня поцарапал огромный кот.

– Ты что, бредишь?

– Нет. Амагис целилась мне в сердце, но не задела жизненно важных органов. Проблема в том, что я теряю кровь. Силы иссякают, мне трудно исцелять себя... – Он глубоко вздохнул и зашелся кашлем. – Дай мне руку. – Магнус крепко сжал ладонь Алека. – Помнишь ночь битвы на корабле Валентина, когда мне понадобилась твоя сила?

– Тебе она снова нужна? – сказал Алек. – Она в твоём распоряжении.

– Мне всегда нужна твоя сила, Алек... – Колдун закрыл глаза, и их сцепленные пальцы засияли, словно они держали звезду.

Огонь охватил рукоять меча и молнией взметнулся по руке Клэри, повалив ее на землю. Ей показалось, что сейчас она распадется на куски, и крепко обхватила себя руками.

И все-таки она нашла в себе силы посмотреть на Джейса. Золотое пламя пронзило его насквозь, кожа стала прозрачной, сквозь нее сверкающими прутами просвечивали кости, волосы напоминали расплавленную бронзу. Меч таял, превращаясь в капли золота.

Клэри попыталась приблизиться к Джейсу, но не смогла – слишком силен был жар. Он схватился за грудь, и сквозь его пальцы заструилась река золотой крови. Камень, на котором он лежал, почернел и рассыпался пеплом. Еще мгновение – и огонь исчез вместе с мечом.

Клэри попыталась встать, но ноги ее подкосились. Тогда она поползла вперед, слыша, как рвется ткань ее платья.

Джейс неподвижно лежал на боку, закинув руку за голову.

Блистательный пронзил его насквозь, и пепел от сгоревшего камня теперь смешивался с кровью.

Клэри положила руку на грудь Джейса и осторожно погладила.

Если в нем больше рая, чем ада... – вспомнила она.

– Джейс, ты слышишь меня, Джейс?

Он не двигался. В свете луны лицо его казалось безмятежным.

– Пожалуйста, Джейс, пожалуйста... Посмотри на меня, Джейс...

Клэри закрыла глаза и почувствовала, как кто-то дотронулся до ее плеча. Мама... Джослин стояла на коленях рядом с ней, и по ее лицу текли слезы. Почему мама плачет?..

– Клэри, – прошептала Джослин, – отпусти его. Он мертв.

Клэри подняла голову и различила вдали Алека, склонившегося над Магнусом.

– Нет, – сказала она. – Меч... выжигает зло. Может быть, Джейс еще жив.

Мать провела рукой по ее спине:

– Клэри, нет...

– Джейс, – отчаянно прошептала Клэри, обхватив его руки. – Ты сильнее этого. Если это ты, правда ты, то откроешь глаза и согласишься со мной.

Внезапно рядом с ней возник Саймон. Лицо его было перепачкано кровью и сажей. А потом подошла Изабель. Не в силах смотреть на них, Клэри отвернулась.

– Себастьян, – сказала Клэри немного погодя. – Кто-то должен пойти за ним. И оставьте меня в покое.

– За ним присмотрят, – ответила Джослин. – Клэри, отпусти его, доченька...

– Оставь ее, – резко одернула Джослин Изабель.

Клэри как будто смотрела спектакль с последнего ряда. Сейчас для нее был важен только Джейс. Слезы обожгли ей глаза.

– Джейс, черт тебя побери, – сказала она дрожащим голосом. – Ты не умер.

– Клэри, – услышала она голос Саймона. – Это был наш шанс...

Отойди от него – вот что он хотел сказать. Но она не могла. Не могла.

– Джейс, Джейс, – шептала она, повторяя его имя как мантру. – Джейс Лайтвуд... Пожалуйста, открой глаза, Джейс.

Она замерла. Вот. Едва заметное движение. Дрогнули ресницы. Клэри наклонилась и, едва не потеряв равновесие, прижала руку к его груди, словно бы могла исцелить рану. И вдруг почувствовала, как под пальцами бьется сердце – это было так чудесно, что она не могла в это поверить.

Сначала Джейс ничего не чувствовал. Потом он погрузился во тьму, и его обожгла боль. Ему казалось, что он проглотил огонь и теперь давится пламенем. Отчаянно хватая ртом воздух, Джейс открыл глаза...

...и увидел тускло освещенную комнату, знакомую и незнакомую одновременно. Свет из окна освещал несколько рядов кроватей, на одной из которых лежал он. Грудь, перевязанная бинтами, болела так, словно ее придавил тяжелый груз.

– Джейс.

Этот голос был ему знаком, как свой собственный. Чья-то рука обхватила его ладонь и крепко сжала.

– Алек, – прошептал он.

Внезапно ему стало жарко. Неужели он снова стал собой?

Взглянув в голубые глаза Алека, Джейс сразу понял, где находится. В лазарете Института. Дома.

– Алек, мне жаль...

Чья-то маленькая ручка погладила его по щеке.

– Не извиняйся. Тебе не за что извиняться.

– Иззи...

– Это правда ты, да? – вскрикнула девушка.

– Изабель...

Алек собирался предупредить сестру, чтобы та не расстраивала Джейса, но Джейс жестом остановил его. Он видел, как сияют в свете восходящего солнца глаза Изабель, и его губы сами растянулись в улыбке.

– Это я, Из. Я пойму, если ты мне неверишь, но клянусь именем ангела.

Алек еще сильнее сжал руку Джейса.

– Не клянись, – сказал он и свободной рукой дотронулся до руны Парабатай на ключице. – Я знаю. Я чувствую. Пустоты внутри больше нет.

– Я тоже чувствовал... – Джейс тяжело вздохнул, – что мне чего-то не хватает рядом с Себастьяном, но не знал чего именно. А теперь знаю – тебя. Моего парабата. – Он посмотрел на Иззи: – И тебя. Моей сестры и... – Рана на груди запульсировала, и он увидел лицо Клэри, освещенное сиянием меча.

– Клэри... Пожалуйста, скажите, что...

– С ней все хорошо, – поспешно выпалила Изабель.

– Поклянись, что это правда.

– Она пронзила тебя кинжалом...

Джейс сдавленно усмехнулся (ему было больно):

– Она спасла меня.

– Да, – согласился Алек.

– Когда можно ее увидеть? – спросил Джейс, стараясь не показывать волнения.

– Это и в самом деле ты, – довольно изрекла Изабель.

– Тебя навещали Безмолвные братья, – сообщил Алек. – Проверяли, не очнулся ли ты, и еще вот это... – Он дотронулся до бинтов на груди Джейса. – Когда они узнают, что ты пришел в себя, то наверняка захотят поговорить с тобой, прежде чем позволят увидеть Клэри.

– Как долго я был без сознания?

– Дня два. С тех пор как мы перенесли тебя сюда из Беррена и убедились, что ты не умрешь.

Оказывается, рану, нанесенную Мечом архангела, не так-то легко исцелить.

– Ты имеешь в виду, что у меня останется шрам?

– Здоровенный и уродливый, – кивнула Изабель. – Прямо на груди.

– Вот черт! А я-то хотел устроиться рекламировать нижнее белье!

Джейс шутил, но то, что шрам не исчезнет, ему даже нравилось – он считал, что случившееся должно оставить след не только в памяти, но и на теле. Он едва не потерял душу, и шрам будет служить напоминанием о хрупкости воли и о том, как сложно быть добрым. И конечно, о более мрачных вещах. Например, о том, что ждало его впереди. Силы возвращались к нему, он это чувствовал и готов был направить их против Себастьяна.

Он посмотрел в глаза Алеку:

– Вот уж не думал, что буду сражаться на стороне твоего врага.

– Этого больше не повторится, – решительно произнес Алек.

– Джейс, – сказала Изабель. – Не волнуйся, ладно? Просто...

– Что? Что-то еще не так?

– Ну, ты слегка светишься, – сказала Изабель. – Чуточку.

– Свечусь?

Джейс поднял руку и увидел, что она едва заметно мерцает, словно вены слегка подсвечивались изнутри.

– Мы думаем, это побочный эффект от раны, нанесенной Мечом архангела, – сказала она. – Наверняка скоро пройдет, но для Безмолвных братьев случай, конечно, любопытный.

Джейс уронил голову на подушку. Он так устал, что ему было совершенно не интересно, что с ним происходит.

– Братья просили нас позвать их, когда ты проснешься, – сказал Алек. – Но если ты не хочешь, мы не станем их звать.

– Я очень устал, – признался Джейс. – Поспать бы еще пару часов...

– Спи, спи, конечно.

Пальцы Изабель убрали волосы, упавшие ему на глаза. Она говорила и нежно, и решительно, как свирепая медведица, защищающая своего медвежонка.

– А вы меня не бросите? – в полусне спросил Джейс.

– Нет, – ответил Алек, – я тебя никогда не брошу. Ты это знаешь.

– Никогда. – Изабель взяла Джейса за другую руку и крепко сжала ее. – Лайтвуды всегда вместе.

Она вдруг почувствовала, что плачет – плачет, потому что по-прежнему любила его.

Он так и уснул, с Изабель по одну сторону и Алеком – по другую, и совсем скоро взошло солнце.

– Как это мне нельзя его увидеть? – возмутилась Клэри.

Она сидела на краю дивана в гостиной и так туго обмотала вокруг пальцев телефонный провод, что кончики их побелели.

– Прошло всего три дня, и два из них он был без сознания, – сказала Изабель. – Безмолвные братья все еще наблюдают за ним. Они настаивают на том, чтобы к нему никто не заходил.

В трубке фоном раздались чьи-то голоса, и Клэри напрягла слух, чтобы разобрать, кому они принадлежат. Мариза? Но с кем она разговаривает? С Алеком? С... Джейсом?

– *К черту Безмолвных братьев!*

– Нет уж, спасибо. Молчаливые, уверенные в себе мужчины – это здорово... правда, в случае братьев – это уже перебор!

– Изабель! – Клэри откинулась на мягкие подуш.ки. – Я просто хочу убедиться, что с ним

все хорошо. Что он поправится и не раздуется, как арбуз.

– А с чего ты взяла, что он раздуется?

– Ну, откуда мне знать, какие могут быть осложнения. Мне никто ничего не говорил.

– С ним все в порядке, – ответила Изабель, но Клэри по голосу поняла, что та о чем-то умалчивает. – Алек спит в кровати по соседству, а мы с мамой весь день сидим по очереди. Ты не думай, Безмолвные братья не пытаются его. Им просто нужно знать, что известно Джейсу. О Себастьяне, о доме, обо всем.

– Не могу поверить, чтобы Джейс не позвонил мне, будь у него такая возможность. Он что, не хочет меня видеть?

– Может, и правда не хочет, – сказала Изабель. – Из-за ерунды. Ну, ты вонзила в него меч и все такое.

– Изабель...

– Да шучу я, шучу! Ты можешь немного потерпеть, Кларисса? – Изабель вздохнула. – Послушай, Джейс сказал... в общем, он должен поговорить с тобой лично. Просто подожди...

– Я только этим и занимаюсь – жду.

И в самом деле... Две ночи она пролежала в кровати, ожидая вестей о Джейсе и в мельчайших деталях прокручивая в памяти последнюю неделю. Дикая охота... антикварная лавка в Праге... мертвецы в аквариумах... черные тоннели глаз Себастьяна... Джейс, Джейс, Джейс... горькое зловоние крови демонов... Себастьян, прижимающий к ее губам Чашу ада... И наконец, сердце, бьющееся под ее пальцами. Джейс лежал с закрытыми глазами, но она крикнула, что он жив, и это дарило надежду.

– Изабель, я скоро с ума сойду.

– Аналогично. Знаешь что, Клэри? – Изабель помолчала, а потом решительно произнесла: – Тебе не надо спрашивать, можно ли увидеться с Джейсом. Ты – Клэри Фрэй. Ты бросаешься вперед, не зная, чем все это обернется, и благодаря своей отваге... и, прости, безумию справляешься с любым испытанием.

– Но когда дело касается личной жизни...

Изабель хмыкнула и отключилась.

Клэри со вздохом повесила трубку на рычаг и пошла в спальню.

Саймон лежал на животе, положив ноги на подушку и подперев руками подбородок. У кровати стоял раскрытый ноутбук, на мониторе застыл кадр из «Матрицы».

– Есть успехи? – спросил он, когда она вошла.

– Даже не знаю...

Клэри подошла к платяному шкафу, вытащила джинсы, светло-голубой свитер (он нравился Джейсу), переоделась и села на кровать рядом с Саймоном, чтобы натянуть сапоги.

– Изабель ничего толком не говорит. Безмолвные братья не пускают к Джейсу, но мне все равно. Я пойду к нему.

Саймон захлопнул ноутбук и перевернулся на спину:

– Ты прям сталкерша!

– Хочешь со мной? Увидишь Изабель.

– Хочу, но у меня встреча с Бекки, – сказал парень. – Она придет к нам. Ну, в квартиру Джордана.

– Здорово. Передавай от меня привет.

Клэри застегнула сапоги и убрала волосы со лба Саймона:

– Сначала мне нужно было привыкать к тому, что ты с Меткой. Теперь придется привыкать к тому, что ее нет.

– Что с Меткой, что без, я – это всего лишь я.

– Саймон, а ты помнишь, что было написано на клинке меча?

– *Quis ut Deus*.

– Это латынь. И это означает «Кто подобен Богу». Можно и так понять, что это вопрос с подвохом. Ответ – никто. Никто не подобен Богу. И кстати, ты сам только что произнес Его имя – *Deus*, Бог.

Саймон открыл и снова закрыл рот.

– Я...

– Кажется, Камилла говорила тебе, что может спокойно произносить имя Бога, потому что не верит в Него, но, по-моему, все дело в том, что ты думаешь о себе. Если ты думаешь, что проклят, ты будешь проклят. А если нет...

Она коснулась его руки; он ненадолго сжал ее пальцы и отпустил:

– Мне нужно немного подумать.

– Конечно. Захочешь поговорить – я готова.

– И я готов, если поговорить захочется тебе. Что бы ни случилось с тобой и Джейсом в Институте, знай, что ты всегда можешь прийти ко мне в гости поболтать.

– Как дела у Джордана?

– Неплохо. Они с Майей теперь вместе. Но сейчас в их отношениях такой период, что, мне кажется, лучше не вмешиваться. – Саймон покачал головой. – Джордан нервничает из-за того, что она ходила на свидание с парнями, а он последние три года прожил по-спартански, обучаясь в «Претор Люпусе».

– Ну, Майя справится.

– Ты же знаешь мужчин, – махнул Саймон рукой. – У нас хрупкое эго.

– Я бы не сказала, что у Джейса хрупкое эго.

– Нет, у Джейса эго подвида ПВО, – засмеялся Саймон. На его пальце блестело кольцо, выкованное феями. Теперь, когда другое кольцо было уничтожено, от него не было никакого проку, но Саймон его все равно не снял.

Клэри нагнулась и поцеловала его в лоб.

– Знаешь, ты лучший друг на свете, – сказала она.

– Я это и так знал, но все равно приятно слышать.

Клэри встала:

– Мы можем дойти до метро вместе. Если ты, конечно, не предпочтешь сидеть здесь, с моими предками, а не в своей уютной холостяцкой берлоге.

– Ну да. С сестрой и страдающим от любви соседом. – Саймон соскользнул с кровати и прошел вслед за ней в гостиную. – Ты не хочешь открыть портал?

Она пожала плечами:

– Не знаю. А зачем? Давай-ка лучше зайдем к Люку.

Саймон кивнул.

Люк сидел в кровати. Под его фланелевой рубашкой виднелись бинты. Перед ним лежала толстая стопка журналов. Саймон взял один из них и прочел вслух:

– «Зимняя невеста, ледяная принцесса». Ох, не знаю... По-моему, корона из снежинок Джослин не пойдет.

Люк вздохнул:

– Она решила, что нам стоит по-настоящему готовиться к свадьбе. Вернуться к нормальной жизни... – Под голубыми глазами Люка пролегли тени. Джослин рассказала ему об Аматис, еще когда он лежал в полицейском участке. Дома он ни разу не упомянул о сестре, и Клэри тоже молчала. – Будь моя воля, я бы сбежал в Вегас и отгрохал свадьбу за пятьдесят долларов, с тамадой Элвисом и гостями в костюмах пиратов.

– В таком случае, я бы была подружкой боцмана, – засмеялась Клэри и повернулась к Саймону: – А ты...

– О, нет! Я слишком крут для костюмированных свадеб.

– Прости, но ты ботаник, – с любовью поправила его Клэри.

– Быть ботаником круто, – заявил Саймон. – Девочки обожают умных мальчиков.

– Вы пришли, чтобы что-то сказать мне? – вмешался Люк.

– Я иду в Институт увидеть Джейса, – сказала Клэри. – Тебе что-нибудь принести оттуда?

Он помотал головой:

– Нет, спасибо. Твоя мама пошла в магазин, скоро вернется. – Он приподнялся, чтобы поворошить ей волосы, и поморщился: раны затягивались медленно. – Счастливого пути, моя девочка.

Клэри подумала о сердитой Маризе, усталой Изабель, мрачном Алеке и о Джейсе, который не хотел ее видеть, и вздохнула:

– Спасибо.

Холод в метро ясно говорил о том, что в город пришла зима. Алек шел вдоль рельсов, у его лица конденсировались белые облачка пара. Свободную руку он убрал в карман синего пальто, чтобы согреться. В другой руке он держал колдовской огонь, освещая тоннель. Кремовые и зеленые плитки, провода, болтающиеся на стенах, как паутина, – по этому тоннелю давно уже не ходили поезда.

Алек встал раньше, чем проснулся Магнус. Тот теперь оставался в постели подолгу, восстанавливая силы после битвы при Беррене. Колдуны бессмертны, но все же уязвимы. «На пару дюймов выше – и мне пришел бы конец. Сердце остановилось бы», – печально заметил Магнус, осматривая рану.

Были мгновения, когда Алек и вправду верил, что его друга больше нет. А ведь он так боялся, что состарится и умрет раньше Магнуса. Какая горькая ирония! Ну и дурак же он был, когда всерьез задумался над предложением Камиллы.

Впереди была хорошо освещенная станция «Сити-Холл». Он уже собрался погасить колдовской огонь, когда за спиной раздался знакомый голос:

– Алек... Александр Гидеон Лайтвуд.

Сердце Алека ушло в пятки. Он обернулся:

– Магнус?

Магнус шагнул в круг света. Выглядел он неважно: глаза были скрыты тенью, колючие волосы взъерошены. На нем был только твидовый пиджак поверх футболки, и Алек подумал, что ему, наверное, холодно.

– Магнус, – снова произнес Алек. – Я думал, ты спишь.

– Как видишь, ты ошибался.

Алек нервно сглотнул.

– Ты преследовал меня? – спросил он.

– Можно сказать и так. Но вообще-то я знал, куда ты идешь. – Магнус достал из кармана сложенный листок бумаги. В полумраке Алек мог разобрать только то, что на нем была надпись, сделанная аккуратным витиеватым почерком. – Знаешь, когда она сказала мне, что ты был здесь, и рассказала о сделке, которую ты с ней заключил... Я не поверил. Не хотел верить. Но вот ты здесь.

– Камилла сказала тебе...

Магнус поднял руку, чтобы прервать его.

– Стой, – устало произнес он. – Конечно сказала. Я ведь предупреждал тебя, что она еще та

интриганка. Как ты думаешь, кого бы она предпочла видеть на своей стороне, тебя или меня? Тебе восемнадцать, Александр. Сильным союзником тебя не назовешь.

– Сделка отменяется, – сказал Алек. – И я бы этого никогда не сделал.

– Ты пришел сюда, на заброшенную станцию, только для того, чтобы сказать ей это? – удивился Магнус. – А не проще ли было остаться дома?

– Это было бы...

– Не понимаю тебя, Алек. Почему ты здесь? Что за тяга ходить по гостям?

Алек опустил голову. Он хотел объяснить Магнусу, что ходил к Камилле еще и потому, что только с ней мог поговорить о своем друге. Камилла знала Магнуса так же близко, как и он, и она видела в нем не колдуна, а... любимого, со всеми его недостатками и странностями.

– Магнус... – Алек шагнул к другу, но Магнус смотрел на него как на незнакомца, несимпатичного ему незна комца. – Мне так жаль, Магнус... – Голос Алека дрожал. – Я не хотел...

– Знаешь, я тоже об этом думал, – сказал Магнус. – Бессмертие может стать тяжелой ношей. Когда ты уже все видел и везде побывал, трудно смириться с тем, что уже не узнаешь ничего нового. Но даже в моей длинной жизни мне не выпало счастье стареть рядом с тем, кого я люблю. Я думал, что мы с тобой... Ты и я... Но это не дает тебе права решать за меня, сколько мне осталось.

Сердце Алека бешено забилося.

– Знаю. Знаю, и я не собирался...

– Меня весь день не будет, Алек. Забери вещи из квартиры. Ключ оставь на обеденном столе. – Магнус посмотрел Алеку в лицо. – Все кончено, мой дорогой. Я больше не хочу видеть ни тебя, ни твоих друзей. Надоело быть ручным колдуном.

Руки Алека затряслись так сильно, что он выронил колдовской огонь. В кромешной темноте юноша упал на колени, прямо в грязь, и закрыл лицо. Вдруг перед ним что-то вспыхнуло, он поднял глаза и увидел Магнуса, стоявшего перед ним с колдовским огнем в руках. Огонь мерцал каким-то странным светом: красно-желтым, как уголек.

– Он не должен так светиться, – машинально произнес Алек.

– Не должен, но если его держит кто-то другой, не Сумеречный охотник, все может быть.

– Это из-за твоего отца?

Вместо ответа Магнус опустил колдовской огонь в ладонь Алека. Их руки соприкоснулись, и Магнус изменился в лице.

– Ты замерз...

– Да, немного.

– Ох, Александр...

Магнус притянул его к себе. Колдовской огонь ярко разгорелся, Алек никогда не видел ничего подобного. Он ткнулся носом в плечо Магнуса и услышал, как бьется его сердце.

– Поцелуй меня, – попросил Алек.

Магнус нежно провел большим пальцем по щеке Алека, а потом поцеловал. От него пахло сандаловым деревом. Алек вцепился в рукав Магнуса; колдовской огонь заискрился розовым, голубым и зеленым.

Магнус отстранился и тихо произнес:

– *Aku cinta kamu.*

– Что это значит?

– Это значит «Я люблю тебя». Не то чтобы это что-то меняло...

– Но если ты меня любишь...

– Конечно люблю. Больше, чем я думал. Но это ничего меняет. Что сделано, то сделано.

Между нами все кончено.

– Но это ведь была всего лишь небольшая ошибка, – едва слышно прошептал Алек. – Единственная ошибка...

– Небольшая ошибка? – усмехнулся колдун. – Ты бы еще назвал гибель «Титаника» небольшим несчастным случаем. Алек, ты пытался укоротить мою жизнь.

– Просто... я подумал и решил, что не могу так с тобой поступить.

– Но ты думал об этом. И ничего не сказал мне. – Магнус покачал головой. – Выходит, ты мне не верил. Не верил в мою любовь к тебе.

– Я тебе верю... – прошептал Алек. – Постараюсь... Дай мне шанс...

– Нет, – сказал Магнус. – И если позволишь, дам тебе совет: держись подальше от Камиллы. Грядет война, Александр, и к ней надо готовиться.

С этими словами он повернулся и зашагал во тьму тоннеля, убрав руки в карманы. Алек наблюдал за ним до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Зима вступила в свои права, но внутри Института было тепло. Неф освещали ряды канделябров, витражи тускло светились. Клэри направилась к лифту и вдруг услышала чей-то смех. Она обернулась и увидела Изабель. Сестра Алека сидела на скамейке, вытянув вперед длинные ноги. На ней были высокие сапоги, обтягивающие джинсы и красный свитер, обнажавший одно плечо, покрытое сложным узором. Клэри вспомнила Себастьяна – он говорил, что не любит, когда девушки уродуют свое тело татуировками, – и вздрогнула.

– Клэри, ты что, не слышала, как я тебя зову? Ты бываешь ужасно рассеянной!

– Я правда не слышала, прости.

Изабель встала, на каблуках она была гораздо выше подруги.

– Ладно, проехали.

– Ты хочешь сказать мне, чтобы я ушла? – Голос Клэри дрогнул. Она хотела увидеть Джейса, но если Лайтвуды или кто там еще придерживается другого мнения, она могла бы еще подождать. В конце концов, важным было только то, что он жив и снова стал собой. Все остальное не имело значения.

– Нет, – улыбнулась Изабель. – Ты спасла ему жизнь, и этим все сказано.

Клэри сглотнула.

– Ты, кажется, говорила, что есть вещи, которых я не понимаю...

– Да, есть. – Изабель нажала кнопку лифта. – Надеюсь, Джейс сможет тебе разъяснить. Я спустилась, потому что подумала, что тебе стоит знать кое-что еще.

Клэри слушала знакомый грохот старого механизма.

– Что именно?

– Наш папа вернулся. – Изабель старалась не смотреть в глаза Клэри.

– Погостить или насовсем?

– Насовсем. – Девушка говорила спокойно, но Клэри еще не забыла, как она расстроилась, узнав, что Роберт баллотируется на пост Инквизитора. – В общем, Алина и Хелен спасли нас от неприятностей после того, что случилось в Ирландии. Когда мы пришли вам на помощь, мы не поставили в известность Конклав. Мама была уверена, что, если они все узнают, Джейса убьют. Она не могла этого допустить. Он же член семьи.

Прежде чем Клэри успела что-то сказать, лифт с лязгом остановился, и они вошли в кабину. Ей хотелось обнять подругу, но она боялась, что Изабель это не понравится.

– Алина сказала Консулу – то есть своей маме, – что времени на то, чтобы уведомить Конклав, у нас не было, что телефон не работал и... В общем, наврала с три короба. Не думаю, что Джия ей поверила, но это не важно. Как я поняла, Джия не очень-то хотела наказывать маму.

Ей просто нужно было какое-то оправдание, чтобы оставить нас в покое. Как ни крути, то, что мы сделали, нельзя назвать провалом. Мы вызволили Джейса, убили большую часть отступников и заставили Себастьяна сбежать. Он не погиб – просто меч отделил его от Джейса.

Лифт резко остановился.

– Так... Себастьян сбежал... – с разочарованием в голосе произнесла Клэри. – Я думала, если я уничтожила его дом, то теперь мы можем его отследить.

– Мы пытались, но пока ничего не получается. Безмолвные братья говорят, что это магия Лилит... Он силен, Клэри. Очень силен. Мы должны помнить о том, что Чаша ада в его руках. – Изабель открыла дверцу лифта и вышла. – Думаешь, он придет за Джейсом или... за тобой?

– Если и придет, то не сразу, – подумав, ответила Клэри. – Для него мы – последние кусочки пазла. Сначала он захочет все обустроить. Собрать войско. Подготовиться. Мы с Джейсом вроде приза, который он намерен получить за победу. И... который избавит его от одиночества.

– Да, ему, наверное, одиноко, – равнодушно кивнула Изабель.

Они дошли до ступеней, ведущих в лазарет. Изабель остановилась:

– Клэри... Расскажи, как это?..

– Что?

– Ну, влюбляться... Как понять, что ты влюблена? И как понять, что кто-то влюблен в тебя? Клэри смутилась.

– Ну, к примеру, Саймон, – продолжила Изабель. – Как ты поняла, что он тебя любит?

– Ну... однажды он так сказал.

– А до этого ты не подозревала?

– Нет, правда, нет. Иззи... если ты что-то испытываешь к Саймону или хочешь узнать, что испытывает он... может, тебе лучше просто спросить его об этом?

Изабель пощипала рукав, избавляясь от несуществующих катышков:

– О чем?

– О твоих чувствах.

Выражение лица Изабель было протестующим.

– Вот еще!

Клэри улыбнулась:

– Как же вы с Алеком похожи...

– Ничего подобного! Мы совсем не похожи! Я хожу на свидания, а он встречался только с Магнусом. Он ревнивый. Я – нет...

– Все ревнуют, – решительно заявила Клэри. – А вы оба такие стоики. Это же любовь, а не битва при Фермопилах. Нельзя относиться ко всему так, будто настал последний бой. И нельзя держать все в себе.

Изабель всплеснула руками:

– С чего это вдруг ты заделалась экспертом?

– Я не эксперт, но я знаю Саймона. Если ему не сказать о чем-то, он решит, что тебе это неинтересно, и поставит на отношениях жирный крест. Ты нужна ему, Из, а тебе нужен он. И ты должна сама сказать ему об этом.

Изабель вздохнула и принялась подниматься по лестнице. Клэри услышала ее бормотание:

– Это все ты виновата. Если бы ты не разбила ему сердце...

– Изабель!

– Но ты правда разбила ему сердце.

– Да, а мне помнится, когда его превратили в крысу, ты предложила оставить его крысой навсегда!

– Неправда!

– Правда...

Клэри осеклась. В коридоре, у двойных дверей лазарета, сложив руки на груди, словно медитируя, стоял Безмолвный брат.

– Ну вот, – прошептала Изабель. – Попробуй пробраться к Джейсу мимо этого парня. Ты как хочешь, а я умываю руки.

Она застучала каблучками по лестнице, спускаясь вниз.

Клэри вздохнула и машинально потянулась к стилусу, хотя сомневалась, что Безмолвного брата можно обмануть при помощи чар.

«Клэри Фрэй», – раздался в голове знакомый голос.

– Брат Захария!

Она подошла к нему, жалея, что Изабель не осталась.

«Полагаю, ты здесь, чтобы увидеть Джонатана...»

Лицо Захарии было скрыто капюшоном, но когда он поднял голову, она увидела угловатый контур его скул, что противоречило Уставу Братства.

– Пожалуйста, зови его Джейсом. Иначе я путаюсь.

«Джонатан – прекрасное старинное имя. Так звали первого Сумеречного охотника, и Эрондейлы решили сохранить традицию».

– Насколько я знаю, имя ему дали не Эрондейлы, – заметила Клэри. – Но у Джейса есть кинжал отца с инициалами С. У. Э. на лезвии.

«Стивен Уильям Эрондейл».

Клэри сделала еще один шаг к двери.

– Ты много знаешь об Эрондейлах, – сказала она. – И из всех Безмолвных братьев ты кажешься самым... человечным. Большинство из вас не проявляют никаких эмоций. Вы как статуи. Но у тебя есть чувства. И ты, я думаю, помнишь свою жизнь.

«Быть Безмолвным братом – это и есть жизнь, Клэри Фрэй. Но если ты спрашиваешь, помню ли я жизнь до вступления в Братство, – то да, помню».

Клэри сделала глубокий вдох:

– Ты когда-нибудь любил? До того как вступил в Братство? Ты мог бы отдать жизнь за кого-то?

Повисла долгая тишина.

«Я любил двоих, – наконец ответил брат Захария. – Есть воспоминания, неподвластные времени, Кларисса. Если не веришь мне, спроси своего друга, Магнуса Бейна. Вечность не позволяет забыть горечь утраты, только лишь смириться с ней».

– Но я не могу ждать вечно, – полушепотом сказала Клэри. – Пожалуйста, позволь мне увидеть Джейса...

Брат Захария не шелохнулся. Она не видела его лица и жалела об этом.

– Пожалуйста...

Алек прокрался к лестнице на платформе «Сити-Холл». Не думать о том, что они только что расстались с Магнусом, ему помогала только одна мысль. Он собирался убить Камиллу Белькур.

Достав клинок серафимов, он стал медленно подниматься.

– Амриэль, – прошептал он, заходя в потайную комнату.

Диван с высокой спинкой стоял на своем месте, но Камиллы на нем не было. Он предупредил ее о своем визите, но она, как всегда, ускользнула. Алек в ярости пнул диван, и одна из ножек отвалилась.

Из угла комнаты послышался звонкий серебристый смех.

Алек развернулся, и клинок серафимов вспыхнул в его руке.

– Камилла? – сказал он с очень опасным спокойствием в голосе. – Камилла Белькур. Выходи сейчас же!

Снова раздался хохот, и из темноты показалась фигура. Но это была не Камилла.

Девочка, не старше тринадцати, худенькая, в рваных джинсах и розовой футболке со сверкающим единорогом на ней. Концы розового шарфа, свисающего с шеи, перепачканы кровью.

– Я тебя знаю, – сказала она, и он увидел, как сверкнули ее клыки. – Ты – Алек Лайтвуд, и ты друг Саймона. Я видела тебя на концертах.

Он уставился на нее, пытаясь припомнить. Кажется, ее лицо действительно мелькнуло в кафе, куда его затащила Изабель послушать группу Саймона.

– Морин, – сказал он. – Ты – Морин.

– Да, я Морин, – довольно сказала девочка и посмотрела на свои окровавленные руки, которые выглядели так, будто она перепачкала их в чернилах. – Ты ищешь Камиллу, – продолжила девочка. – Но ее больше нет.

– Больше нет? В каком смысле? – спросил Алек.

Морин засмеялась:

– Разве ты не знаешь закон вампиров? Тот, кто убьет главу клана, становится его новым главой. Камилла была главой нью-йоркского клана. Ну да, была.

– Была? Значит... Кто-то убил ее?

Морин залилась радостным смехом:

– Не кто-то, а я!

Голубой потолок лазарета был расписан в стиле рококо: херувимы с золотыми ленточками и белые облачка. Слева и справа у стен стояли ряды железных кроватей. Сквозь потолочные окна в помещение проникал неяркий зимний свет.

Джейс сидел на одной из кроватей, откинувшись на подушки. Он был одет в линялые джинсы и серую футболку. На коленях он держал книгу. Когда вошла Клэри, Джейс поднял глаза, но ничего не сказал.

Сердце Клэри заколотилось. Джейс проследил глазами за тем, как она подошла к кровати и остановилась, положив руки на спинку.

Она подумала о том, что много раз пыталась нарисовать его, но у нее ничего не получалось, она никак не могла поймать выражения его лица. Когда Джейс был под властью Себастьяна, это был другой Джейс, но сейчас она видела именно того Джейса, которого любила.

– Джейс...

Он убрал со лба светлые волосы.

– Это... Безмолвные братья разрешили тебе прийти сюда?

– Не совсем.

Уголок его рта дернулся.

– Та к ты что, всех вырубил и вломилась сюда? Конклав такие штучки не одобряет, знаешь ли.

– Ну и ну... Ты правда думаешь, что я способна на все?

Почувствовав, что у нее дрожат колени, Клэри села на краешек кровати.

– А разве это не так? – сказал он и отложил книгу.

– Джейс... я не хотела причинить тебе боль, извини, – прошептала девушка.

Ей хотелось дотронуться до него, но она не посмела.

– Я не хотела причинить тебе боль. Я имею в виду не только Беррен... Помнишь тот момент,

когда ты – настоящий ты – сказал мне, чего ты хочешь. Мне нужно было выслушать тебя, но я думала только о том, как тебя спасти. Ты сказал, что хочешь сдаться Конклаву, я возразила, и из-за этого мы оба чуть не стали такими, как Себастьян. А то, что я сделала потом... Алек и Изабель наверняка уже сказали тебе, что меч предназначался для Себастьяна. Но я не могла пробиться к нему. И я вспомнила, как ты сказал мне, что для тебя лучше умереть, чем жить под властью Себастьяна. – Ее голос дрогнул. – Ну, настоящий ты... Там, в Беррене, я не могла тебя спросить, и пришлось действовать наугад. Знай, мне было нелегко... Ведь ты мог умереть... и не просто умереть, а по моей милости. Я бы сама предпочла умереть, Джейс. Но я рискнула твоей жизнью, потому что подумала, что ты сам попросил бы меня об этом. Я решила, что я в долгу перед тобой, ведь я уже однажды предала тебя. Но если я ошибалась... – Джейс молчал. – Если я ошибалась, – повторила Клэри, – тогда прости. Мне нечем искупить свою вину. Но я хочу, чтобы ты знал, что мне жаль.

В комнате повисла тишина.

– Пожалуйста, скажи что-нибудь, – наконец не выдержала Клэри. – Было бы здорово, если бы ты заговорил.

– Так, давай разберемся, – сказал Джейс. – Ты пришла сюда, чтобы извиниться передо мной?

– Д-да, – кивнула девушка.

– Клэри... ты спасла мне жизнь.

– Но я пронзила тебя огромным мечом. Ты горел...

– Ладно, – сказал Джейс. – Может быть, наши проблемы – не такие, как у других.

Он поднял руку, как будто собирался дотронуться до ее лица, но потом опустил.

– Знаешь, я тебя слышал, – сказал он. – Слышал, как ты говорила мне, что я не умер. Как просила меня открыть глаза.

Они молча смотрели друг на друга. Клэри была так рада снова видеть Джейса, что не хотела думать ни о чем другом.

– Как ты думаешь, почему я тебя полюбил? – заговорил Джейс.

Клэри меньше всего ожидала такого вопроса.

– Я не... Это нечестный вопрос.

– А по-моему, честный, – сказал он. – Думаешь, я тебя не знаю, Клэри? Девушку, которая пошла в отель, полный вампиров, чтобы спасти своего лучшего друга? Девушку, которая перенеслась в Идрис, потому что не хотела сидеть сложа руки?

– Ты кричал на меня за это...

– Я кричал сам на себя, глупая. Мы с тобой похожи. Мы оба безрассудны. Мы оба действуем, не думая. Мы готовы на все ради тех, кого любим. Были моменты, когда я мог защитить тебя, но ты мне не позволяла. И я...

– Мне не нужна защита, – негромко фыркнула Клэри.

– Я так и знал, что ты так скажешь. Но в том-то и дело, что иногда ты нуждаешься в ней. А иногда в ней нуждаюсь я. Мы должны защищать друг друга. Но не от всего. Не от правды. Это и означает – любить, но позволять любимому оставаться самим собой.

Клэри безумно хотелось протянуть руку и дотронуться до него. Потому что то, что происходило между ними, было похоже на свидание в тюрьме, через стекло.

– Я полюбил тебя, – сказал Джейс, – потому что не знал никого, кто был бы смелее тебя. Разве я мог просить тебя забыть о своей отваге только потому, что люблю тебя?

Он взъерошил волосы, и Клэри захотелось пригладить их.

– Ты пошла за мной и спасла меня, когда все остальные... ну, почти все... поставили на мне крест, а те, кто остался верен мне, толком не знали, что им делать. Думаешь, я не понимаю, что

тебе пришлось пережить? – Глаза его потемнели. – Как я могу на тебя злиться?

– Тогда почему ты не хотел меня видеть?

– Потому что... – выдохнул Джейс. – Ладно, вопрос логичный, но кое-чего ты не знаешь.

Меч, которым ты воспользовалась, тот, что Разиэль передал Саймону...

– Блистательный, – сказала Клэри. – Меч архангела Михаила. Он уничтожен.

– Нет, не уничтожен. Когда его поглотил Небесный огонь, меч вернулся туда, откуда пришел, – Джейс едва заметно улыбнулся, – иначе нашему ангелу пришлось бы долго объясняться с начальством. Но я отвлекся. Меч... он так горел... это был не обычный огонь.

– Я так и думала...

Как же это мучительно, что он рядом, а прикоснуться нельзя.

– Зря ты этот свитер надела, – вдруг пробормотал Джейс.

– Что? – Клэри опустила глаза. – Я думала, он тебе нравится.

– В том-то и дело, что нравится, – сказал он и мотнул головой. – Не обращай внимания. Этот огонь... этот огонь Небес... Неопалимая купина, огненный столп, который вел Колена Израилевы, – это и есть тот самый огонь. «Ибо огонь возгорелся во гневе Моем, жжет до ада преисподнего, и по ядает землю и произведения ее, и попоалет основания гор»^[22]. Этот огонь выжигает то, что со мной сделала Лилит.

Он потянулся к краю футболки и задрал ее.

Клэри охнула – над сердцем больше не было Метки Лилит, только белый шрам в том месте, куда вонзился меч.

Она протянула руку, но он быстро опустил футболку. На ее лице отразилась обида.

– Клэри, – сказал он, – этот огонь все еще внутри меня.

Она непонимающе уставилась на него:

– В каком смысле?

Он вытянул руки ладонями вниз. Руна Всевидящего ока на его правой руке, исполосованной шрамами, побледнела. Вдруг кожа его, казалось, превратилась в стекло, под которым переливалось золото. Она видела кости, обвитые языками пламени.

Джейс поднял голову, и они встретились взглядами. Глаза его были золотыми, как и всегда, но Клэри готова была поклясться, что сейчас в них бурлил огонь. Он тяжело дышал, на его лице блестел пот.

– Ты прав, – вздохнула Клэри. – Наши проблемы – не такие, как у других.

Джейс удивленно посмотрел на нее. Он сжал руки в кулаки, и огонь исчез. Давясь смешком, он спросил:

– Это все, что ты можешь сказать?

– Нет. Я много чего могу сказать. Что происходит? Ты теперь нефилим-факел? Что, черт возьми...

– Не знаю, кто такой нефилим-факел, но... Ладно, слушай. Безмолвные братья сказали мне, что теперь я ношу Небесный огонь внутри себя. Когда я очнулся, мне казалось, будто я дышу огнем. Алек и Изабель решили, что это временный эффект, но он не прошел, и, когда призвали Безмолвных братьев, брат Захария сказал, что не знает, как долго это продлится. Я обжег его – в тот момент, когда он дотронулся до моей руки.

– Ожог сильный?

– Нет, не очень. Но все равно...

– Вот почему ты не хочешь прикасаться ко мне, – покачала головой Клэри. – Ты боишься обжечь меня.

Джейс кивнул и сказал:

– Никто еще не сталкивался ни с чем подобным, Клэри. Никогда. Меч не убил меня. Но он

оставил внутри меня это – кусочек чего-то, несущего смерть. Что способно убить обычного человека и даже Сумеречного охотника. – Он глубоко вздохнул. – Безмолвные братья работают над тем, чтобы я смог контролировать это или... избавиться от этого совсем. Но, как ты понимаешь, для них это не самая важная задача.

– Да, потому что для них важнее Себастьян. Я уничтожила его дом. Но у него, видимо, есть другие способы перемещения...

– Да, и у него есть другие укрытия. Но не знаю где. Он мне не говорил. – Джейс наклонился к девушке так близко, что она видела, как мерцают его глаза. – После того как я очнулся, Безмолвные братья не оставляли меня ни на минуту. Они провели надо мной обряд, который проводят над новорожденными Сумеречными охотниками, чтобы защитить их. А потом вторглись в мой разум. Искали, пытались обнаружить любые крохи информации о Себастьяне, все, что я знал и забыл. Но... – Джейс расстроенно покачал головой. – Но ничего не нашлось. Я знал о его планах насчет церемонии в Беррене. Но что он будет делать дальше, я не знаю. Понятия не имею, где он нанесет следующий удар. Братья в курсе, что он в сговоре с демонами, поэтому укрепляют барьеры, особенно вокруг Идриса. Досадно, я мог бы извлечь пользу из того, что произошло, мог бы узнать какой-то секрет, но не сделал даже этого.

– Себастьян знает, что потерял тебя. Вы были связаны. Я слышала, как он крикнул, когда я вонзила в тебя меч. – Клэри вздрогнула. – Это был вопль отчаяния. Мне кажется, ты все же был ему по-своему дорог. И хотя все это было ужасно, мы оба извлекли пользу.

– Какую?

– Теперь мы понимаем Себастьяна. Насколько его вообще можно понять. А понимая его, можно разгадать его планы.

Джейс кивнул и спросил:

– Знаешь, кого я теперь начинаю понимать? Своего отца.

– Вален... нет, – сказала Клэри, увидев выражение его лица. – Ты имеешь в виду Стивена.

– Да. Я читал его письма. Они лежали в коробке, которую дала мне Амагис. Он написал мне письмо, которое я должен был прочитать после его смерти. Он писал, что хочет, чтобы я был лучше, чем он.

– Так и есть, – сказала Клэри. – В те минуты, когда ты был собой, ты был готов пожертвовать своей жизнью ради добра.

– Я знаю, – кивнул Джейс, глядя на покрытые шрамами костяшки пальцев. – Это-то и странно. *Я знаю*. Я всегда сомневался в себе, но теперь знаю разницу. Разницу между собой и Себастьяном. Между собой и Валентином. Даже разницу между ними. Валентин искренне верил, что поступает правильно. Он ненавидел демонов. А Себастьян считает Лилит своей матерью. Он с радостью правил бы расой Темных охотников, которые подчинялись бы демонам, убивая ради их удовольствия обычных людей. Валентин не потерял веры в то, что Сумеречные охотники обязаны защищать людей; Себастьян же считает людей чем-то вроде тараканов и не хочет никого защищать. Для него важны только собственные прихоти. И все, что он способен чувствовать, – это раздражение, когда ему мешают добиться своего.

Клэри видела, как Себастьян смотрел на Джейса... как смотрел на нее, и понимала, что внутри у него зияла черная бездна одиночества. Одиночество двигало им в той же степени, что и жажда могущества. Одиночество и жажда любви без понимания того, что любовь еще нужно заслужить.

– Ну, что ж попробуем ему помешать, – сказала она.

На лице Джейса появилась улыбка.

– Клэри, ты, конечно, догадываешься, что я готов умолять тебя ни во что не вмешиваться, так? Битва будет жестокой. Такой жестокой, что Конклав и представить не может.

– Ни во что не вмешиваться? Ха-ха! – засмеялась Клэри.

– Ты имеешь в виду, что нам нужны твои руны?

– Да. И... ты что, забыл, что сам только что сказал? Про то, что мы должны защищать друг друга?

– Знаешь, я репетировал эту речь перед зеркалом до того, как ты пришла.

– И в чем, по-твоему, ее смысл?

– Пока не понял, но точно знаю, что выглядел я сногшибательно, когда произносил ее.

– Ой, а я уже и забыла, как ты меня бесишь, когда ты – настоящий, – пробормотала Клэри. –

Мне напомнить, что ты сам говорил, что не сможешь защитить меня от всех опасностей и тебе придется с этим смириться? Мы сможем защитить друг друга, только если будем вместе. Будем бороться вместе. Доверять друг другу. – Она посмотрела ему в глаза. – Я зря позвала Себастьяна, когда ты собирался сдать Конклаву, зря помешала тебе. Я должна уважать решения, которые принимаешь ты, а ты – решения, которые принимаю я. Мы будем вместе еще долго, и только так у нас что-то выйдет.

Его рука скользнула к ней по одеялу.

– Связь с Себастьяном, – сказал он, – все это для меня как дурной сон. Этот жуткий дом, шкаф с одеждой для твоей матери...

– Значит, ты помнишь, – прошептала она с нежностью.

Он дотронулся до кончиков ее пальцев, и оба задержали дыхание.

– Я помню все, – сказал он. – Гондолу в Венеции. Клуб в Праге. Ту ночь в Париже, когда мы были вместе.

Она почувствовала, как к лицу прихлынула кровь.

– Мы пережили то, чего никто, кроме нас с тобой, не поймет, – сказал он. – И я понял, что вместе нам всегда лучше. – Он был бледен, но в его глазах все сильнее разгорался огонь. – Я убью Себастьяна... Убью его за то, что он сделал со мной, с тобой, с Максом... За то, что он совершил и еще совершит. Конклав желает его смерти и будет охотиться за ним. Но я хочу, чтобы он умер от моей руки.

Она дотронулась до его щеки. Он вздрогнул и прикрыл глаза. Как ни странно, его кожа оказалась прохладной на ощупь.

– А что, если его убью я?

– Мое сердце – твое сердце, – сказал он. – Мои руки – твои руки.

Они снова встретились взглядом, и у Клэри пересохло во рту.

– Помнишь, – сказал он, – когда мы впервые встретились, я сказал, что на девяносто процентов уверен, что, если начертить на тебе руну, она тебя не убьет? Ты ударила меня и спросила, что это за оставшиеся десять процентов.

Клэри кивнула.

– Я всегда думал, что меня убьет демон, – продолжил Джейс. – Нежить-отступник. В битве. Но в самую первую нашу встречу я понял, что умру, если не поцелую тебя...

– Ну, в конце концов ты это сделал... Ты меня поцеловал.

Он коснулся ее волос:

– Мне этого недостаточно. Даже если всю оставшуюся жизнь я буду целовать тебя, этого будет мало.

Она слышала, как он дышит. Губы их застыли в миллиметре друг от друга, а потом соприкоснулись. Клэри ощутила, как между ними проскочила искра, но не ощутила боли. Джейс тут же отпрянул и залился краской.

– Над этим, возможно, придется еще поработать.

У Клэри все еще кружилась голова.

– Ну, что ж...

– Я хочу тебе кое-что подарить, Клэри. – Он просунул руку за ворот футболки, достал кольцо Моргенштернов, прикрепленное к цепочке, и осторожно опустил его на ее ладонь. – Алек забрал его у Магнуса для меня. Будешь носить?

Клэри сжала кольцо в руке:

– Всегда.

Осмелев, она положила голову Джейсу на плечо и почувствовала, как у него перехватило дух. Сначала он сидел неподвижно, а потом нежно приобнял ее за плечи.

– Клэри, ты понимаешь, что теперь то, что мы... что мы чуть не сделали в Париже...

– А... ты про то, что мы могли бы сходить к Эйфелевой башне?

– Эй, перестань, а? Ладно, за это я тебя и люблю. В общем, кое-что другое, что мы чуть не сделали в Париже, пока откладывается. Если ты, конечно, не хочешь, чтобы выражение «Детка, я вся горю от твоих поцелуев» приобрело буквальный смысл.

– Теперь нельзя целоваться?

– Ну, целоваться, наверное, можно. А вот насчет всего остального...

Она осторожно улыбнулась:

– Не бери в голову.

– Ну как я могу не брать в голову?... Но это не меняет того, кто мы друг для друга. Я всегда чувствовал, что в моей душе не хватает кусочка. Этот кусочек – ты, Клэри. Однажды я сказал тебе, что для меня не важно, существует Бог или нет, – мы все равно одни. Но с тобой я не один.

Клэри закрыла глаза, чтобы он не увидел ее слез – слез счастья. Она почувствовала сильное облегчение, которое перекрыло все остальное – желание узнать, куда пропал Себастьян, страх будущего... Джейс снова стал собой, и они были вместе.

Он повернулся и очень нежно поцеловал ее в макушку.

– Зря ты этот свитер надела, правда, – пробормотал он ей на ухо.

– Привыкай, – ответила Клэри, касаясь губами его кожи. – Завтра – чулки в сеточку.

Джейс засмеялся.

– Брат Енох, – сказала Мариза, вставая из-за стола. – Спасибо, что так быстро присоединился ко мне и брату Захарии.

«Ты хотела спросить меня о Джейсе?»

Маризе показалось, что в голосе Захарии она расслышала нотку волнения.

«Сегодня я заходил к нему несколько раз. Состояние его не изменилось. – Енох переменял позу. – Я просматривал древние архивные документы, касающиеся Небесного огня. Обнаружились сведения, как выпустить его, но наберись терпения. Не беспокой нас. Мы сами вызовем тебя, если узнаем что-то новое».

– Дело не в Джейсе, – сказала Мариза и обошла стол, цокая каблучками по каменному полу Библиотеки. – Я позвала вас по другому поводу.

На полу лежало толстое покрывало, под которым можно было различить неясные контуры. Мариза взялась за угол и отдернула покрывало в сторону.

Чаша, меч и крылья ангела...

Безмолвные братья застыли. Потом брат Енох сделал шаг назад, а брат Захария поднес к лицу руку, словно хотел закрыть глаза.

– Еще утром этого не было, – сказала Мариза. – Но когда я вернулась, это ждало меня здесь.

Она умолчала о подробностях. О том, что ей показалось, будто в Библиотеку залетела какая-то большая птица, может быть, она сломала шею, ударившись об окно. Но когда она подошла ближе, то поняла, что ошиблась. Увидев, что лежит у нее перед глазами, она подошла к окну, и ее

вырвало.

Белые перья – не совсем белые, а скорее переливающиеся разными цветами, от бледно-серебристого до фиолетового; каждое – с золотой каймой. И – отвратительная рана, из которой торчали перепиленные кости и сухожилия. Крылья, отрезанные от живого ангела... Лужицы крови цвета жидкого золота блестели на полу.

На крыльях лежало письмо. Ополоснув лицо, Мариза взяла его в руки и прочитала. Оно было коротким – всего одно предложение. Витиеватый почерк напоминал почерк Валентина. Но внизу стояло не его имя, а имя его сына:

Джонатан Кристофер Моргенштерн.

Она протянула письмо брату Захарии. Тот взял его и прочитал единственное слово на древнегреческом:

Erchomai. – «Я грядущий».

Примечания

Заклятие, с помощью которого Магнус вызывает Азазеля, – цитата из пьесы «Трагическая история доктора Фауста» Кристофера Марло. Фрагменты баллады, которую Магнус слушает в машине, с разрешения автора позаимствованы из стихотворения Элки Клоук (elkacloke.com).

Надпись на футболке «Я часто в жизни ошибался» придумана под впечатлением от комикса моего друга Джефа Жака, который можно прочитать на сайте questionablecontent.net. Купить такие футболки можно на сайте topatoco.com.

Волшебных Джентльменов любви тоже придумал Джеф.

---

notes

Шива – траурный еврейский обряд. В течение недели семья покойного не выходит из дома и сидит на низких стульях. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Звезда Давида – древний еврейский символ, эмблема в форме шестиконечной звезды, в которой два равносторонних треугольника наложены друг на друга.

Филактерии – маленькие черные коробочки, содержащие начертанные на пергаменте отрывки из Торы.

Хамса – защитный амулет в форме ладони, которым пользуются евреи и арабы.

Мезуза – прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме футляр, в котором находится свиток пергамента из кожи ритуально чистого животного, содержащий отрывок из молитвы.

Полковник Мастард – персонаж настольной детективной игры *Cluedo*.

Волк (лат.)

Книга Еноха, 2—38. Книга Еноха – апокрифическая книга Ветхого Завета.

Строка из песни «Anthem» («Гимн»). Леонард Коэн – канадский автор-исполнитель, поэт и прозаик.

Роберт Фрост (1874–1963) – великий американский поэт.

Книга Иова, 10, 22.

Гай Валерий Катулл (ок. 87 – ок. 54 до н. э.) – великий древнеримский поэт.

Строки из стихотворения Редьярда Киплинга «Закон Джунглей». *Перевод В. Топорова.*

Чарлз Диккенс, «Повесть о двух городах». Перевод С. П. Боброва и М. П. Богословской.

Гафтара – отрывки из Торы, читаемые во время праздников.

Бар-мицва — обряд, который проводится по достижению еврейским мальчиком совершеннолетия.

Второзаконие, 6, 4.

Книга Иисуса Навина, 5, 13.

Песнь песней Соломона, 4, 9.

Песнь песней Соломона, 5, 2.

Исаак НЬЮТОН.

Второзаконие, 32, 22.